

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОСНОВНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
БАЛКАНИСТИКИ
В СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Вып. 5

ОСНОВНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
БАЛКАНИСТИКИ
В СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1979

В сборник включены историографические статьи по узловым проблемам советской балканстики (история, литературоведение, языкоизнание, фольклористика). Ряд статей отражает итоги изучения в СССР крупных историко-балканстических проблем. Специальный раздел сборника посвящен истории изучения балканских стран и народов в СССР.

Редакционная коллегия:

Г. Л. АРШ (ответственный редактор),
С. Б. БЕРНШТЕЙН, В. Н. ВИНОГРАДОВ, В. К. ВОЛКОВ,
В. А. ДЬЯКОВ, Д. Ф. ПОПЛЫКО (ответственный секретарь),
М. Ф. ФРИДМАН

Предисловие

В глубокой древности зародился в нашей стране интерес к Балканам. В «Повести временных лет» — выдающемся произведении древнерусской историографии, созданном в начале XII в., рассказывается о событиях на территории Балканского полуострова, упоминаются «болгаре», «волохи», «грыци» (греки), «сереб» (сербы), «Иллюрик» (Иллирия), «Япиронья» (Эпир), «Далматия» (Далмация), «Макидонья» (Македония)¹. Интерес этот, легко объяснимый тесным переплетением исторических судеб России и Балкан, увеличивался и в последующие столетия.

Научное изучение балканских стран, начавшееся в России в XIX в., в значительной мере было связано с развитием славяноведения. Объектом исследования являлись преимущественно славянские балканские страны. Но уже тогда некоторые ученые (В. В. Макушев, П. А. Ровинский, Г. С. Дестунис, С. Н. Палаузов и др.) начали заниматься историей и культурой Греции, Румынии и Албании. Традиция эта получила развитие после Октябрьской революции в трудах Н. С. Державина, А. М. Селищева, Н. К. Дмитриева и других советских ученых.

После второй мировой войны, особенно с 60-х годов, балканские исследования в СССР приняли широкий размах. Интерес советских ученых к балканским странам стимулировали события большого исторического значения: совместная борьба советского и балканских народов против фашизма в годы второй мировой войны, вступление ряда балканских государств в послевоенный период на путь социалистического развития и установление между ними и Советским Союзом отношений дружбы и тесного сотрудничества.

Развитию балканстики в СССР способствовало важное организационное мероприятие: преобразование в 1968 г. по решению Президиума АН СССР Института славяноведения АН СССР в Институт славяноведения и балканстики. В настоящее время он является основным исследовательским и координационным центром по балканстике в СССР. Здесь трудится большой отряд высококвалифицированных специалистов по истории, культуре, языкам и литературе балканских народов. Изучение балканских стран ведется другими институтами Академии наук СССР, акаде-

¹ Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, ч. 1—2.

миями наук Украины, Молдавии, Азербайджана, Грузии, Армении, Московским, Ленинградским, Киевским, Минским, Воронежским, Уральским государственным университетами и рядом других научных и учебных учреждений. Важную роль в координации их деятельности играет Научный совет Академии наук СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканстики.

Свидетельством растущего интереса в нашей стране к истории, культуре, языкам балканских народов стало появление с конца 60-х годов специальных изданий по балканстике различного профиля. Можно упомянуть здесь «Балканский исторический сборник», издававшийся Академией наук Молдавии², сборники по проблемам новейшей истории Балкан и Ближнего Востока, издаваемые Уральским государственным университетом³. Институт славяноведения и балканстики АН СССР выпускает два серийных издания по балканстике: «Славянское и балканское языкознание»⁴ и «Балканские исследования»⁵. В задачу последнего входит комплексное изучение исторических и историко-культурных проблем балканского региона.

Настоящий сборник является пятым выпуском серии «Балканские исследования». В нем подводятся некоторые итоги многообразной деятельности советских ученых в последние десятилетия по изучению балканских стран. Сборник состоит из двух разделов. В первом в историческом плане рассматривается советская балкановедческая литература по проблемам истории, истории культуры, этнографии, литературоведения, языкоznания. Сообщения второго раздела касаются истории изучения балканских стран в дореволюционной русской и в советской науке.

Ограниченностъ объема сборника не позволила в равной мере осветить все проблемы, являющиеся предметом изучения советских балкановедов, назвать все работы по истории и культуре балканских стран, вышедшие за последние десятилетия в СССР. Но и те статьи, монографии, публикации, рецензии, которые впервые собраны воедино и проанализированы в настоящем труде, создают впечатительную картину объема балкановедческих исследований в нашей стране. История балканских народов, национально-освободительная и революционная борьба, их вековые связи с народами нашей страны, специфические черты материальной

² БИС, 1968—1974, вып. 1—4.

³ Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны.—Учен. зап. / Урал. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1968, № 74. Сер. ист., вып. 5; Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973—1975. Вып. 2—4; Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976; Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1943). Свердловск, 1977. СБЯ. М.: Наука, 1975—1977. Вып. 1—4.

⁴ БИ: Международные отношения на Балканах. М.: Наука, 1974. [Вып. 1]; БИ: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976 [Вып. 2]; БИ: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978. Вып. 3; БИ: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М.: Наука, 1978. Вып. 4.

культуры и быта балканского населения, примечательные явления духовной жизни балканских народов на протяжении столетий, живые и реликтовые балканские языки — эти и многие другие стороны исторического и историко-культурного процесса на Балканах глубоко изучались и изучаются советскими балкановедами. Для советской балканистики характерно и пристальное внимание к современному положению балканских стран, к тем коренным социально-экономическим и политическим изменениям, которые произошли в большинстве из них после второй мировой войны.

Содержание сборника свидетельствует и о совершенствовании и развитии в последние годы методики и методологии балкановедческих исследований в СССР. Наряду с работами в рамках одной науки и по отдельным странам, которые и впредь, несомненно, сохранят свое значение, проводятся исследования в региональном и интердисциплинарном плане, применяется комплексный подход при изучении крупных исторических и историко-культурных проблем.

Развитие балканистики в СССР неразрывно связано с балканскими исследованиями в других странах, получившими большое развитие в послевоенный период. Советские балканисты поддерживают тесные научные контакты со своими зарубежными коллегами. Они активно участвуют в деятельности Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы, осуществляющей координацию исследований по балканистике в мировом масштабе. Издание данного выпуска приурочено к IV Международному конгрессу Ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы в Анкаре.

Г. Л. Арш.

БАЛКАНИСТИКА В СССР

Балканское средневековье

Е. П. НАУМОВ

Изучение средневековой истории стран Юго-Восточной Европы занимает важное место в работах советских медиевистов. В данном случае следует особо подчеркнуть значительные достижения советской исторической науки в исследовании прошлого балканских народов, различных проблем истории Византии, Болгарии, Албании, народов Югославии, Молдавского и Валашского княжеств. Между тем, несмотря на наличие многочисленных работ по этой обширной и разносторонней проблематике, вплоть до настоящего времени в советской литературе нет соответствующей обзорной работы по этим вопросам. Историографический материал рассеян по разным работам, посвященным византиноведению, славяноведению и другим отраслям исторической науки в СССР¹. Поэтому далеко не всегда можно получить надлежащее представление о широком развитии медиевистических исследований советских балканистов.

Приступая к анализу литературы, выпущенной в СССР по проблемам средневековой истории Юго-Восточной Европы, мы сразу же должны отметить основные направления ведущейся в

¹ См., например, по южнославянским странам: *Королюк В. Д., Н. И. Толстой, Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлаимова С. А.* Советское славяноведение: Краткий обзор литературы 1945—1963 гг. В Международный съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Калоева И. А.* Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке (1918—1960). М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Калоева И. А.* Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке (1969—1973 гг.). М., 1976. Вып. I—VII; *Королюк В. Д.* Советские историко-славистические исследования (1917—1967).—ССЛ, 1967, № 5; *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М.: Наука, 1969; *Курбатов Г. Л.* История Византии: Историография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975; *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики (1917—1966). Л.: Наука, 1968; *Гросул Я. С., Могов Н. А.* Историческая наука Молдавской ССР. М.: Наука, 1970; Институт славяноведения и балканистики. 1947—1972: Справочно-информационный обзор. М.: Наука, 1971; Институт славяноведения и балканистики 1947—1977: Справочно-информационный обзор. М.: Наука, 1977.

этом плане работы, равно как и неравномерность, заметную при оценке работ общебалканского характера и страноведческого плана. Действительно, если ранее (вплоть до 70-х годов) исследования советских медиевистов главным образом велись в страноведческом русле (т. е. были посвящены истории Византии, Болгарии и т. д.), то теперь уже наметилась тенденция объединения их усилий, позволяющая гораздо полнее и многостороннее представить прошлое всего Балканского полуострова, а не одной или же двух отдельных стран.

Речь идет о подготовке специальных тематических сборников, в которых приняли участие специалисты разных профилей и разных научных учреждений Советского Союза. В этом, как нам представляется, заключено основное отличие данных трудов от сборников, подготовленных историками-славистами, медиевистами, наконец, от известного сборника «Балканские страны», выпущенного в 1946 г. В этом сборнике средневековой истории была посвящена часть краткой вводной статьи «Балканы и балканские народы»². Понятно, что издание таких специальных сборников, освещающих проблемы балканского средневековья и русско-балканских связей, является важным шагом в создании общей картины развития феодальной формации в странах Юго-Восточной Европы, в изучении общих типологических особенностей и конкретных проявлений исторического процесса в данном регионе.

Первым из этих сборников был сборник «Юго-Восточная Европа в средние века»³, подготовленный совместно Институтом истории АН Молдавской ССР и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Тематика его весьма широка: в нем опубликованы статьи и сообщения по истории социально-экономического и политического развития балканских стран, русско-балканских культурных связей, однако доминирует проблематика этнической истории восточных романцев и славян на Балканах⁴.

Второй сборник такого же общебалканского характера был выпущен в связи с проведением 15—17 мая 1973 г. в Кишиневе всесоюзного симпозиума «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма», организованного Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом истории АН Молдавской ССР⁵. В нем были опубликованы обширные рецензии докладов симпозиума, которые подразделены на два больших тематических комплекса. Первый посвящен проблемам типологии феодализма и особенностям социально-экономического развития Юго-Восточной Европы в средние века. Постановка этих вопросов, по нашему мнению, имеет большое научное значение, так как становятся более ясны-

² Балканские страны. М., 1946, с. 5—6.

³ Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972. Вып. 1.

⁴ См. также: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М.: Наука, 1976.

⁵ Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев: Штиинца, 1973.

ми общие черты и локальные особенности феодального развития балканских стран в их сопоставлении с феодальными отношениями в Западной и Центральной Европе и на Руси. Второй комплекс докладов освещал сложные вопросы политической истории Юго-Восточной Европы в XV—XVIII вв., связанные с последствиями и влиянием османской экспансии на судьбы народов Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы.

Продолжением плодотворного сотрудничества специалистов Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института истории АН Молдавской ССР явился сборник «Карпато-Дунайские земли в средние века» (1975). Его проблематика включает различные вопросы истории отдельных стран и государств данного региона и некоторых соседних стран (Византия, Сербия, Далмация, Валахия, Молдавское княжество, Венгрия, Трансильвания и др.) Хронологически он охватывает период от Великого переселения народов до XVIII в. В сборнике преобладают две основные проблемы: генезис и типология феодализма, а также политическое развитие народов региона в рамках общеевропейских исторических процессов. В известной мере к названным трудам примыкает по своей тематике сборник Института славяноведения и балканистики АН СССР «Исследования по истории славянских и балканских народов (Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи)», выпущенный в 1972 г.

Вполне понятно, что значимость таких тематических сборников по вопросам балканского средневековья весьма возрастает ввиду отсутствия в нашей литературе хотя бы краткой обзорной работы, посвященной этим проблемам на материале всех балканских стран.

В то же время не следует забывать, что специфика исторического развития и особенности источниковедческой базы применительно к данной эпохе прошлого Балканского полуострова зачастую представляют в особом свете сочетание общего и конкретного, если речь идет об определенных периодах или исторических явлениях, существовавших на этой территории. Так, например, весьма передко историческая роль какого-то периода или средневекового института наиболее полно раскрывается на материале одной страны либо государства, однако это отнюдь не означает, что соответствующие явления и процессы не характерны для всей или для большей части данного региона. Таким образом, сочетание работ общебалканского и страноведческого характера является в настоящее время весьма актуальной задачей при изучении средневековой истории стран Юго-Восточной Европы.

Характеристику историографии, посвященной отдельным государствам средневековых Балкан, мы хотели бы начать с византиноведческой литературы.

Византия сыграла важную роль в историческом развитии трех континентов — Европы, Азии и Африки. Поэтому было бы неправомерно говорить здесь о всех работах советских византийистов,

которые уже нашли весьма обстоятельное и всестороннее освещение в специальной монографии З. В. Уdal'цовой «Советское византиноведение за 50 лет» и в соответствующих разделах книг О. Л. Вайнштейна и Г. Л. Курбатова. Укажем лишь наиболее важные работы и направления исследований советских византистов.

Прежде всего следует отметить создание трехтомной «Истории Византии» (1967), в которой дан синтез многолетних трудов советских и зарубежных ученых. Оценивая достижения советских византистов, особенно следует подчеркнуть плодотворное изучение социально-экономического развития Византии, процессов становления и развития феодального строя, детальную разработку проблем феодальной собственности, положения господствующей верхушки и зависимого крестьянства, истории византийских городов и культуры. В частности, из монографических работ последних лет можно указать следующие книги: «Право и суд в Византии в IV—VIII вв.» Е. Э. Липшиц (1976); «Византийский гуманизм XIV—XV вв.» И. П. Медведева (1976), «Византийское общество и государство в X—XI вв.» Г. Г. Литаврина (1977).

Примечательно в данном случае, что большая часть названных монографий, выпущенных в последние годы, посвящена тем эпохам средневековой истории, когда Византийская империя обладала неоспоримым политическим господством на Балканах, а развитие феодальной системы на ее территории (т. е. и в пределах югославянских и других балканских земель) обеспечивало е економическое могущество империи. Все это, естественно, придает рассматриваемым явлениям и процессам в целом общебалканский характер, позволяя тем самым полнее представить картину византийско-славянских взаимоотношений, столь важных для прошлого Юго-Восточной Европы. Другие работы, касающиеся славяно-византийских связей и отношений, по мере возможности будут отмечены в последующих разделах нашего обзора.

Затронув, таким образом, проблематику южнославянского средневековья и славяно-византийских отношений, мы должны указать и на наличие литературы, в которой освещается средневековая история всех южнославянских народов.

Одной из первых работ такого типа был научно-популярный очерк Н. С. Державина «Славяне в древности» (1946), представлявший тогда немалый интерес как работа комплексного плана, сочетавшая материалы политической, социально-экономической и культурной истории западных и южных славян. Позднее были выпущены учебные пособия по истории славянских народов⁶, в которых, в частности по южным славянам, были учтены и обобщены конкретные исследования советских и зарубежных ученых.

⁶ История южных и западных славян. М.: Изд-во МГУ, 1957. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1969; Очерки истории южных и западных славян. Л.: Учпедгиз, 1957.

Подготовка пособий, дававших общую характеристику исторического развития южнославянских народов с марксистско-ленинских позиций, явилась важным этапом в развитии советского славяноведения и балканстики и имела принципиальное значение для анализа проблем балканского средневековья. В свою очередь, создание обобщающих трудов по истории Болгарии, Югославии, Албании, Византии, как и изданий, включавших разделы по истории феодальных балканских государств⁷, во многом содействовало в дальнейшем монографической разработке различных конкретных вопросов средневековой истории этого региона.

Вполне понятно, что в данной связи для нас представляют особый интерес те исследования советских ученых, которые специально посвящены истории Балкан в средние века.

Заслуживает особого внимания серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». В этой серии изданы ценные византийские источники⁸, содержащие также важные свидетельства по истории славянского и романского населения Балкан. Другой эпохе — периоду османского завоевания балканских стран — посвящен весьма своеобразный и любопытный памятник, известный под названием «Записок янычара»⁹.

Говоря об изучении отдельных проблем той поры, нужно подчеркнуть, что по своей сути приобретают общебалканский характер те монографические статьи, которые были посвящены советскими учеными одному из решающих периодов в истории Балканского полуострова. Мы имеем в виду эпоху V—VII вв., когда славянские передвижения и заселение славянскими племенами различных областей Юго-Восточной Европы коренным образом изменили сущность византийско-славянских отношений, сыграли огромную роль в сложных процессах, которые положили начало феодальному строю в данном регионе. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, для изучения всего многогранового комплекса вопросов, связанных с византийско-славянскими отношениями той эпохи, в особенности важны работы М. В. Левченко, В. А. Мишулина, В. И. Пичеты, Е. Э. Липшиц и др.¹⁰ Правда,

⁷ См.: История государства и права. М.: Госюризат, 1949. Т. 1; История средних веков. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 1. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1966; Черниловский З. М. История феодального государства и права. М.; 1959.

⁸ См.: Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и comment. Г. Г. Литаврица. М.: Наука, 1972; Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965.

⁹ Записки янычара / Написаны Константином Михайловичем из Островицы. Введ., пер. и comment. А. И. Рогова. М., Наука, 1978.

¹⁰ См.: Левченко М. В. Византия и славяне в VI—VII вв.— ВДИ, 1938, № 4; Мишулин В. А. Древние славяне и судьбы Восточной Римской империи.— ВДИ, 1939, № 1; Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма.— ВВ, 1947, т. 1; Пичета В. И. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских

здесь необходимо признать, что другой решающий этап в историческом развитии балканских стран, связанный с османским завоеванием и борьбой против него, не нашел столь же детального отражения в работах советских историков. Эти вопросы получили освещение лишь в некоторых статьях¹¹.

Говоря о значительных проблемах балканского средневековья, правомерно назвать еще одну принципиально важную тему — многовековых исторических (политических, культурных, экономических и других) связей народов Юго-Восточной Европы с Русью. Касаясь темы русско-балканских средневековых связей и взаимоотношений, мы можем выделить два крупных круга вопросов: политические и культурные связи Древней Руси с Византией и другими балканскими государствами, которым посвящены многие работы советских ученых (М. В. Левченко, М. Н. Тихомирова, Ю. В. Готье и др.)¹², и раскрываемые на материале особого круга источников (юридических, актовых) взаимосвязи и типологически общие черты памятников восточнославянского и южнославянского (в известной мере — и балканского вообще) средневековья. Здесь следует упомянуть весьма важные работы и публикации Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепшина, способствовавшие изучению сложных памятников феодальной эпохи, их юридических норм, терминологии¹³. Не вызывает сомнения, что эти труды содействовали более глубокому анализу проблем общественного развития балканских народов, их взаимосвязей с Россией, освещению длительных процессов рецепции византийского права на Руси, равно как и распространения южнославянских юридических и других памятников¹⁴.

Переходя к рассмотрению тех работ советских ученых, которые посвящены анализу средневековой истории отдельных балканских государств, следует подчеркнуть, что конкретное рас-

историков. ВДИ, 1947, № 3; *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики, с. 187—189; *Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов Н. А., Шептулов И. М., Шерлаимова С. А.* Советское славяноведение, с. 20—21; *Удалыцова З. В.* Советское византиноведение..., с. 55, 71 и след.

¹¹ См.: *Удалыцова З. В.* Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV в.— ВВ, 1951, т. IV; *Достяни И. С.* Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв.— ВВ, 1953, т. VII.

¹² См.: *Готье Ю. В.* Русские на Балканском полуострове в XI—XIV вв.— Учен. зап. / МГПИ им. В. И. Ленина, 1939, т. 4. Сер. ист., вып. 2; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН ССР, 1956; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969.

¹³ См.: *Греков Б. Д.* Большая семья и «верь» Русской Правды и Полицкого статута.— ВИ, 1951, № 8; *Он же.* Русская Правда и ее славянское окружение.— Изв. АН ССР, Сер. ист. и филос., 1952, № 2; *Закон судный людем / Под ред. М. Н. Тихомирова и Л. В. Милова.* М.: Изд-во АН ССР, 1961. Т. 1—2; *Черепшин Л. В.* К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян.— В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972.

¹⁴ См.: *Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов Н. А., Шептулов И. М., Шерлаимова С. А.* Советское славяноведение..., с. 25.

смотрение темы или иными авторами определенных аспектов и проблем зачастую позволяет судить о вопросах общебалканского плана (в частности, это следует сказать об истории болгаро-византийских отношений), и этот конкретный оттенок «страноведческих» исследований для нас очень важен.

Прежде всего коснемся обобщающих трудов по истории Болгарии, выпущенных в 40—50-е годы. В своей «Истории Болгарии» академик Н. С. Державин уделил особое внимание освещению проблем становления и развития феодальной болгарской государственности и образованию болгарского народа¹⁵. Труд этот, отличавшийся определенным стремлением к историко-филологической трактовке (в частности, разделы по истории болгарской литературы средних веков и болгаро-византийским культурным связям), вызвал в свое время оживленную полемику и серьезные возражения. Так, в рецензиях отмечалась неосновательность гипотезы, которую автор (в духе так называемой яфетической теории Марра) предложил для объяснения процессов формирования средневековой болгарской народности; не имела опоры в источниках и концепция, связывавшая результаты османского завоевания Болгарии с некоторыми мнимыми благоприятными последствиями и «улучшением» положения народных масс и т. п.¹⁶ Все это ставило серьезные задачи перед авторским коллективом обобщающего труда «История Болгарии» (т. 1), выпущенного Институтом славяноведения АН СССР в 1954 г.¹⁷

Как известно, «История Болгарии» — первый коллективный труд такого характера, подготовленный советскими учеными, — получила в целом высокую оценку, несмотря на то что при его подготовке заметно сказывалось отсутствие конкретных исследований по отдельным проблемам, недостаточная разработанность многих источниковедческих вопросов¹⁸.

Этим обусловлено появление работ, посвященных анализу отдельных исторических источников, важных проблем феодального Болгарского государства и общества, истории болгаро-византийских отношений. В их числе можно выделить монографические статьи и этюды, связанные с ранней эпохой Болгарского государства¹⁹, с историей поселения протоболгар на Балканах и теми историческими памятниками (византийскими и другими), которые сохранили сведения о протоболгарах²⁰. Понятно, что ввиду

¹⁵ Державин Н. С. История Болгарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945—1946. Т. 1—2.

¹⁶ Ср.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 208—211.

¹⁷ История Болгарии / Под ред. П. Н. Третьякова и др. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1.

¹⁸ См.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 225—226.

¹⁹ Никитин С. А. Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства.— ВМУ, Сер. обществ. наук, 1952, № 1; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 211.

²⁰ Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV—VII вв. в свете современных им исторических событий.— В кн.: Славяно-балканские исследования. М.: Наука, 1972.

малочисленности источников той поры имеют особое значение текстологические исследования, которые позволяют полнее представить роль и происхождение таких ценнейших исторических свидетельств, как «Именник болгарских князей»²¹ и сохранившееся в хронике Феофана предание о протоболгарах²². Важные аспекты истории Первого Болгарского царства и международных отношений того времени освещаются в работах П. О. Карапетова- ского²³. Показателен и тот факт, что изучение отдельных источников или периодов истории раннесредневековой Болгарии уже создало предпосылки для перехода к широким историко-сравнительным сопоставлениям исторических процессов развития Болгарии и Византии на протяжении многих веков (в частности, с VII по XII в.), т. е. к выявлению общих черт их развития²⁴.

Эпоха византийского владычества в Болгарии (XI—XII вв.) получила гораздо полное и всестороннее рассмотрение в монографии и ряде статей Г. Г. Литаврина²⁵. В частности, он проанализировал не только народные выступления против византийской власти, но и конкретные предпосылки освободительной борьбы болгарского народа — налоговую политику Византийской империи, положение крестьянства в юнославянских областях империи и т. д.²⁶ Предметом исследования других историков явились некоторые проблемы богомильского движения²⁷.

Весьма разнообразна тематика работ советских ученых, посвященных эпохе Второго Болгарского царства (1185—1396). Здесь прежде всего необходимо сказать об анализе социально-экономических отношений той эпохи в монографии и отдельных статьях Л. В. Гориной²⁸, которая обстоятельно рассмотрела не только

²¹ Тихомиров М. Н. Именник болгарских князей.— ВДИ, 1946, № 3; Карапетик А. Древнейшая болгарская летопись.— ВИ, 1950, № 5.

²² Чичуров И. С. Экскурс Феофана о протоболгарах.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М.: Наука, 1976.

²³ Карапетовский П. О. Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава.— ВИ, 1951, № 8.

²⁴ Литаврин Г. Г. Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средневековна България в сравнение с Византия: От края на VII до края на XII в.— Исторически преглед, 1970, № 6.

²⁵ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Он же.* Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг.— ВВ, 1956, т. X; *Он же.* Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г.— ВВ, 1956, т. XI; *Он же.* Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарах.— В кн.: Славяне и Россия.

²⁶ О работах Г. Г. Литаврина см.: Удалыцова З. В. Советское византиноведение..., с. 125, 222; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 226, 402.

²⁷ См.: Храпченков В. Ф. О социальном составе участников богомильского движения в Болгарии.— Учен. зап./Псковск. ГПИ, 1958, вып. 6; Удалыцова З. В. Советское византиноведение..., с. 222; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 226, 402.

²⁸ Горина Л. В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М.: Изд-во МГУ, 1972; *Она же.* Города болгарского Причерно-

свидетельства болгарских грамот о монастырском землевладении, но и ценные сведения сохранившихся источников о болгарском городе. Освещение данной проблематики в целом удачно сочетается с разбором доступных нам материалов по истории классовой борьбы той поры, в особенности по истории крестьянского восстания под руководством Ивайла²⁹. В то же время следует признать, что в целом весьма сложная и противоречивая картина политического развития Болгарии той поры осталась почти не затронутой в рассматриваемых работах, если не считать нескольких статей, посвященных судьбам болгарского Причерноморья в эпоху турецкого нашествия (конец XIV в.)³⁰.

Оценивая состояние советской болгаристики применительно к анализу проблем Второго Болгарского царства, необходимо подчеркнуть, что важной особенностью наличного комплекса работ является пристальное внимание к источниковоедческим вопросам. В частности, предметом тщательных текстологических разысканий являются не только проблемы достоверности и подлинности немногочисленных болгарских грамот³¹, но и различные аспекты других немаловажных источников конца XIV в. (например, дневника А. Барбери, «Списка русских городов», болгарских сочинений, вошедших в состав Русского хронографа)³².

Разумеется, наличие названных работ по истории Второго Болгарского царства вовсе не исключает необходимости продолжения работы советских специалистов в данной области, поскольку история Болгарии той эпохи содержит еще немало сложных проблем, немало трудных и неизученных надлежащим образом источников³³.

морья в середине XIV в. по дневнику Антона Барбери.— В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М.: Наука, 1967.

²⁹ Карышковский П. О. Восстание Ивайла.— ВВ, 1958, т. XIII; Горина Л. В. Социально-экономические отношения..., с. 77 и след.

³⁰ Горина Л. В. Походът на граф Амедей VI Савойски против България през 1366—1367 г.— Исторически преಗлед, 1970, № 6; Наумов Е. П. Из истории болгарского Причерноморья в конце XIV века.— Bulgarian Historical Review, Sofia, 1976, N 1.

³¹ Горина Л. В. К вопросу о подлинности Виргинской грамоты.— ССЛ, 1965, № 5; Наумов Е. П. К вопросу о подлинности некоторых болгарских грамот XIII—XIV в.— Известия на института за история, 1964, т. XIV—XV; *Он же*. Мессемврийские грамоты XIV века.— Revue des études sud-est européennes, 1968, N 1.

³² Горина Л. В. Материалы дневника Антона Барбери по истории Болгарии и Византии в XIV в.— Byzantinobulgaria, 1973, т. IV; Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних».— В кн.: Летописи и хроники (1973 г.). М.: Наука, 1974; Горина Л. В. Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского в Русском хронографе редакции 1512 г.: К истории болгаро-русских культурных связей конца XIV — начала XVI в.— БИ: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, [вып. 2].

³³ Ср.: Наумов Е. П. Об авторстве Анонимной болгарской хроники XV в.— ССЛ, 1969, № 3; *Он же*. Анонимная болгарская хроника и проблемы балканской общественно-политической мысли XIV—XV вв.— БИ: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978. Вып. 3.

В то же время нельзя не заметить, что в последние годы внимание советских историков меньше обращено к тематике времен Первого Болгарского государства, в особенности к анализу местных (болгарских, в том числе протоболгарских) памятников. Все это позволяет нам утверждать, что и в будущем историческое прошлое Болгарии, ее связи и взаимоотношения с соседними балканскими странами и с Древней Русью будет привлекать многих советских исследователей, в особенности специалистов по истории литературы, языка и искусства³⁴.

Говоря о работах советских ученых, посвященных средневековой истории народов Югославии³⁵, нам также следует отметить неравномерность освещения данной проблематики применительно к отдельным землям и периодам. Прежде всего можно выделить в качестве особого и весьма важного комплекса те монографические исследования и публикации (оригинальных текстов или переводов), которые были посвящены различным юридическим и актовым источникам средневековой истории Далмации³⁶. Начало этому историко-правовому направлению в изучении прошлого народов Югославии и типологически сходных памятников Древней Руси было положено академиком Б. Д. Грековым, давшим подробный анализ двух ценных статутов Далмации — Винодольского и Полицкого³⁷. Впоследствии советские ученые не только продолжили намеченную Б. Д. Грековым линию историко-сравнительных сопоставлений в области славянского права, но и значительно расширили территориальный и хронологический охват таких исследований за счет привлечения новых источников, в том числе и не публиковавшихся ранее, как, например, Вранского законника 1454 г., недавно изданного в оригинале и переводе М. М. Фрейденберга³⁸.

Разумеется, оценивая работы данного комплекса, как и в целом исследования советских ученых по средневековой истории народов Югославии, нам нельзя не учитывать того значения, которое имело в том или ином случае (в частности, при изучении

³⁴ См. также: *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973; *Дантовские чтения*. М.: Наука, 1976, с. 8—10.

³⁵ См.: *Нарочницкий А. Л., Писарев Ю. А.* Итоги и перспективы изучения истории Югославии в СССР.— ВИ, 1975, № 7.

³⁶ См.: *Греков Б. Д.* Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М.: Изд-во АН СССР, 1948; *Он же. Полица: Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв.* М.: Изд-во АН СССР, 1951; Избранные отрывки из Дубровницкого статута 1272 г. / Пер. В. Г. Журавель.— Сл. сб. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1958, вып. 1; Супетарский картулярий / Пер. и примеч. С. А. Рыковой.— ВИС. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1966, вып. 2; *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула в XIII в. М.: Наука, 1976.

³⁷ См.: *Королюк В. Д.* Академик Б. Д. Греков и советские историко-славистические исследования.— ССЛ, 1972, № 5.

³⁸ *Фрейденберг М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, с. 229—240.

прошлого какой-либо из земель и областей, отдельных памятников) наличие историографической традиции русского славяноведения, состояние источниковедческой базы, равно как и разработанность (или же, напротив, неизученность) соответствующих вопросов в прежней и современной югославской историографии³⁹. Понятно поэтому, что первый коллективный обобщающий труд советских ученых по данной проблематике появился лишь в 1963 г., т. е. гораздо позже аналогичных сводных трудов по истории Болгарии, Польши, Чехословакии⁴⁰.

Если говорить о раннефеодальной эпохе, нам необходимо отметить наличие несомненных достижений советских ученых в изучении процессов социально-экономического развития, появления феодальной земельной собственности и новых классов феодального общества в древней Хорватии и Далмации. В данном случае следует назвать фундаментальную монографию академика Ю. В. Бромлея «Становление феодализма в Хорватии»⁴¹, равно как и статьи В. Т. Дитякина, Е. А. Ефремова, М. М. Фрейденберга⁴². Данные работы во многом перекликаются с названными исследованиями историко-юридических памятников Б. Д. Грекова и В. Т. Пацуюто. Все это делает сложную картину раннефеодальной Хорватии и Далмации, воссоздаваемую в советской историографии, весьма многообразной, представленной очень наглядно и убедительно на основании самых различных свидетельств сохранившихся источников той поры.

Ряд статей советских историков посвящен анализу процессов той же эпохи в славянских общинах Южной Македонии⁴³. Но в данном случае речь идет, естественно, об использовании преимущественно доступных нам византийских материалов, что обуславливает в известной мере неполноту и некоторую односторонность наших представлений о становлении феодальных отношений у славян Византии в отличие от Далмации и Хорватии.

³⁹ См.: Никитин С. А. Задачи советских историков в области изучения истории Югославии.— Сл. сб. Воропеж, 1958, вып. 1, с. 7 и след.

⁴⁰ Ср.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 404.

⁴¹ Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии: К изучению процесса классообразования у славян. М.: Наука, 1964; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 407.

⁴² См.: Дитякин В. Т. Образование государства у хорватов.— Исторический журнал, 1944, № 11—12; Ефремов Е. А. Формирование феодальной собственности на землю в Далматинской Хорватии в X—XI вв.— УЗИС, 1960, т. XX; Фрейденберг М. М. Структура феодального землевладения в Далматинской Хорватии XI—XII вв.— В кн.: Славянский сборник. Великолук. гос. пед. ин-т, 1963. О других работах названных авторов по данной тематике см.: Бромлей Ю. В. Становление..., с. 28—30; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 212, 228, 407—408; Фрейденберг М. М. Деревня..., с. 220—221.

⁴³ Липшиц Е. Э. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М.: Изд-во АН СССР, 1952; Наследова Р. А. Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты.— ВВ, 1956, т. XI.

той поры, для которых историческая наука располагает более обширным фондом исторических памятников.

К сожалению, еще меньше внимания в целом привлекала история раннесредневековой Сербии, а также Дукли (Зеты, позднее — Черногории), которой посвящены лишь немногие статьи или разделы в соответствующих работах советских ученых⁴⁴. Не проанализирован подробно и важнейший источник для изучения раннефеодальной Сербии — так называемая Летопись попа Дуклянина (Барский родослов)⁴⁵. Отсутствуют и специальные работы по истории словенцев и Боснии раннего и развитого феодализма.

Переходя к рассмотрению истории народов Югославии в эпоху развитого феодализма, мы можем отметить, что этот круг вопросов нашел подробное и многостороннее освещение в ряде монографий и специальных статей о Сербии, Зете (Черногории), Далмации. В данной связи необходимо подчеркнуть, что в работах советских историков обстоятельно исследованы не только проблемы социально-экономического развития этих районов современной Югославии, но и различные вопросы политической истории, истории классовой борьбы и народных движений, феодальной идеологии той поры и т. д.

В частности, динамика феодальной политической системы и господствующего класса Сербии стала предметом монографического изучения Е. П. Наумова⁴⁶, роль жупанов и жуп в административном устройстве сербских земель была обстоятельно рассмотрена в книге В. П. Грачева⁴⁷. Различным вопросам политической истории Сербии и Зеты посвящен ряд статей Л. А. Шаферовой, Ю. В. Готье и других авторов⁴⁸, причем значительное внимание уделялось сербо-византийским, сербо-турецким, сербо-итальянским отношениям⁴⁹.

Серьезный анализ социально-экономических отношений на территории Сербии, Зеты и Северной Македонии в XIII—

⁴⁴ Хвостова К. В. К вопросу о терминологии Летописи попа Дуклянина.— СА. М.: Изд-во АН СССР, 1959; Грачев В. П. Сербская государственность в X—XIV вв.: Критика теории «жупной организации». М.: Наука, 1972.

⁴⁵ Ср.: Наумов Е. П. Новое издание «Летописи попа Дуклянина»: Пересмотр прежних представлений и гипотез.— ССЛ, 1969, № 4.

⁴⁶ Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв.: Динамика социальной и политической системы сербского феодализма. М.: Наука, 1975.

⁴⁷ Грачев В. П. Сербская государственность...

⁴⁸ См., например: Готье Ю. В. Образование Сербского государства.— В кн.: Славянский сборник. М., 1947; Шаферова Л. А. Социально-политические отношения в Сербском государстве в первой половине XIII в.— ВВИ, 1973, вып. 3; Наумов Е. П. Народное восстание в г. Которе и Которской области (1380 г.).— УЗИС, 1966, т. XXX.

⁴⁹ Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига: XV — начало XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Наумов Е. П. К истории сербо-византийской границы во второй половине XIV в.— ВВ, 1965, т. XXV; Он же. «Завистник веницейского чекана».— В кн.: Дантовские чтения. М.: Наука, 1973.

XIV вв. (отчасти и в первой половине XV в., если говорить о сербских землях) был дан в работах Л. А. Шаферовой, А. Х. Соколовского, С. П. Бобровой, Е. П. Наумова, К. В. Хвостовой. Эти работы позволили получить наглядное представление о категориях феодальной земельной собственности, о категориях и положении зависимого населения феодальной деревни, о налогах и повинностях крестьян, о положении городов и торгов, внутренней и внешней торговле, процессах внутренней колонизации и определенной специализации отдельных районов⁵⁰.

В данной связи необходимо иметь в виду то немаловажное обстоятельство, что рассмотрение общих или частных вопросов политической и социально-экономической истории Сербии и других славянских земель феодальной сербской державы Неманичей сочетается и дополняется в советской историографии пристальным разбором сложных и до сих пор мало изученных проблем культурной истории той эпохи, источниковедения сербского средневековья и русско-сербских культурных и общественных связей⁵¹.

Весьма показательно, что различные проблемы истории Хорватии XIII—XVI вв. (преимущественно Далмации, в меньшей мере — Славонии и Хорватского приморья) привлекают внимание многих советских медиевистов. Правда, здесь сразу же следует оговориться, что в работах советских ученых Ю. В. Бромлея, А. Е. Москаленко, М. М. Фрейденберга, В. В. Захарова, Н. П. Манчиковой, Э. И. Чудиновских и других исследуются две основные темы: хорватская деревня и крестьянство и история города, прежде всего далматинского (Дубровник, Задар, Трогир, Сплит, а также Загреб)⁵². В данной связи заслуживают специального упоминания монография Ю. В. Бромлея⁵³, где содержится тщательный анализ положения феодального зависимого крестьянства Хорватии и анализ предпосылок восстания хорватских и словенских крестьян в 1573 г., и монографические исследования Е. С. Маковой и М. М. Фрейденberга⁵⁴.

Говоря об успехах советской историографии в области изучения средневековой Хорватии (XIII—XVI вв.), нам необходимо, разумеется, учитывать, что конкретные выводы ученых, рассматривающих эту проблематику, убедительно подкрепляются анализом многих источников той поры — урбариев, городских статутов,

⁵⁰ См.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 226—227, 404—406; Наумов Е. П. Господствующий класс..., с. 17—18, 317 и след.

⁵¹ См.: Наумов Е. П. Господствующий класс..., с. 19, 31, 34.

⁵² См.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 228—229, 406—409; Нарочницкий А. Л., Писарев Ю. А. Итоги..., с. 65.

⁵³ Бромлей Ю. В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии: Из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

⁵⁴ Фрейденберг М. М. Деревня...; Макова Е. С. Загреб в XVI веке: Из истории социально-экономических отношений в феодальном городе. М.: Изд-во МГУ, 1976.

актов, хроник и т. д. Выше уже говорилось о значительном развитии в советской науке этой важной отрасли источниковедения, основанной на материале далматинских общинных и городских статутов.

К сожалению, в данной связи следует признать, что вопросы политической истории Далмации и Истрии, процессов классовой борьбы этого периода получили освещение лишь в некоторых статьях, написанных А. Е. Москаленко и Н. П. Соколовым⁵⁵.

С названными работами по истории хорватских городов (в особенности XVI в.) тематически сближаются те исследования И. В. Чуркиной, которые посвящены словенским городам, горной промышленности и некоторым чертам экономического развития словенских земель в конце XV и в XVI в.⁵⁶ Аграрной проблематике данной эпохи в истории Словении уделил внимание Ю. В. Бромлей, разобравший источники по истории средневекового крестьянства (публикации югославского историка М. Коса)⁵⁷. Правда, политическая история словенских земель в этот период, как и в предшествующую эпоху, не стала еще предметом специального разбора, если не считать соответствующих разделов в т. I «Истории Югославии».

Переходя к освещению средневековой истории Албании вплоть до окончательного ее завоевания турками-османами в XV в., нам необходимо отметить также определенную неравномерность в разработке проблем ее прошлого, обусловленную состоянием источниковедческой базы и известной спецификой историографической традиции. В частности, следует подчеркнуть, что в данном случае преобладающей темой является освободительная борьба албанского народа против турецкой экспансии, которую в XV в. возглавлял Георгий Кастроити — Скандербег; другие вопросы политической истории Албании, например в XIV — начале XV в., и социально-экономических отношений той эпохи рассматривались в советской историографической литературе в меньшей мере⁵⁸. Особое место в исследованиях советских

⁵⁵ Москаленко А. Е. Из истории классовой борьбы в далматинских городах во второй половине XIV — начале XV в.— Труды /Воропеж. ун-т, 1955, т. 42, вып. 3; *Он же*. Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в.— Сл. сб., 1958, вып. 1; Соколов Н. П. Возникновение «адриатического вопроса»: Из истории захвата Венецией Истрии и Далмации.— Учен. зап./Горьк. ун-т, 1957, вып. 43; *Он же*. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником.— Учен. зап./Горьк. пед. ин-т. Ист. фак., 1950, вып. 13.

⁵⁶ См.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 409—410.

⁵⁷ Этот обзор опубликован: СА. М.: Наука, 1959.

⁵⁸ См.: Арш Г. Л. и др. Краткая история Албании. М.: Наука, 1965; Курбатов Г. Л. Скандербег — народный герой Албании. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1961; Наумов Е. П. Проблемы экономического развития балканских стран в эпоху турецкой экспансии: Сельское хозяйство Сербии, Зеты и Северной Албании во второй половине XIV и первой половине XV в.— В кн.: Балканника. Београд, 1971, т. II; *Он же*. Динамика сербского феодализма и проблема типологических сдвигов на Балканах

медиевистов и византинистов занимают те средневековые, прежде всего византийские, памятники, которые содержат важные сведения по истории Албании и героической борьбы албанцев под руководством Скандербега⁵⁹.

Переходя к освещению средневековой истории Молдавского княжества и Валахии, нам необходимо опять-таки иметь в виду отмеченную выше особенность исследовательской работы в этой области балканского феодализма, а именно первенственность изучения данных проблем, специфику источниковедческой базы, прежде всего, как и для Албании, чрезвычайную скучность письменных свидетельств для всей эпохи раннего средневековья⁶⁰. В то же время следует сказать еще об одной немаловажной особенности историографии данного круга вопросов. Речь идет о том, что средневековая история Валахии вплоть до конца XV—XVI в. рассматривается в работах преимущественно обобщающего плана, в соответствующих разделах сводных работ по истории средних веков, равно как и в первом томе советско-румынской публикации документов об исторических связях России с Молдавским княжеством и Валахией⁶¹, в работах о валашском этносе⁶².

История средневекового Молдавского княжества вплоть до XV—XVI вв. является предметом изучения многих советских ученых, ей посвящены монографии, различные статьи по вопросам политической истории княжества и его социально-экономического развития, а также важные публикации средневековых памятников⁶³. Бесспорным результатом такой углубленной разра-

(в эпоху турецкой экспансии).— В кн.: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975.

⁵⁹ Удалцов З. В. Византийский историк Критовул...: Веселаго Е. Б. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах.— ВВ, 1956, т. X; Повесть о Скандербеге/Изд. подгот. Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁶⁰ Гросул Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука Молдавской ССР. М.: Наука, 1970; Они же. Роль Л. В. Черепнина в становлении исторической науки в Советской Молдавии.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 301, 348.

⁶¹ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в.: Документы и материалы. М.: Наука, 1965. Т. I, 1408—1632.

⁶² Полевой Л. Л. Формирование основных гипотез происхождения восточно-романских народностей Карпато-дунайских земель.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972.

⁶³ История Молдавии. Кишинев: Шкоала советиқа, 1954. Т. 1: История Молдавской ССР. Кишинев: Карта молдовенискэ, 1965. Т. 1: История народного хозяйства Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1976; Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев: Штиинца, 1961. Т. 1. Славяно-молдавские грамоты; Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М.: Наука, 1976; Славяно-воловские связи. Кишинев: Штиинца, 1978; Грекул Ф. А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1950; Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев: Карта молдовенискэ, 1964; Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972. Т. 1; Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международного положе-

ботки различных проблем феодальной государственности, феодального землевладения, истории города⁶⁴ и других вопросов является весьма наглядное и многоцелевое освещение сложных и до сих пор мало изученных процессов становления и развития феодальных отношений в Молдавском княжестве.

Завершая обзор работ советских ученых по истории балканских стран в эпоху феодализма (вплоть до окончательного завоевания или подчинения Балкан турками-османами), мы имеем, таким образом, достаточные основания для того, чтобы отметить несомненные достижения советской исторической науки в области исследования балканского средневековья с марксистско-ленинских позиций. Даже настоящий краткий обзор показывает, насколько плодотворным является рассмотрение основных вопросов политической и социально-экономической истории средневековых балканских государств, осуществленное в советской историографии. В данном случае речь идет и об анализе общебалканских проблем, и об освещении многих конкретных деталей сложных и противоречивых процессов становления и развития феодальной формации в Юго-Восточной Европе, о реальных проявлениях многосторонних политических, общественных и культурных связей народов Балканского полуострова и средневековой России.

Проблема национально-освободительного движения балканских народов

К. Л. СТРУКОВА

Национально-освободительные движения были важнейшими событиями новой истории народов Балканского полуострова. Они неразрывно связаны с целым комплексом явлений: процессом формирования наций, зарождением в недрах разлагавшегося османского феодализма основ нового буржуазного строя и происходившими вследствие этого коренными изменениями в экономике, социальной структуре населения, общественной жизни. Главной целью национально-освободительной борьбы балканских народов было освобождение от турецкой зависимости и феодального гнета, создание самостоятельных национальных государств. При общерегиональной типологической общности национально-освобо-

ния Молдавского княжества во второй половине XV в.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972.

⁶⁴ См. работы Л. Л. Полевого, Е. М. Подградской, А. А. Нудельмана, опубликованные в сборниках: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973; Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972; и др.

дительное движение каждого народа имело свою специфику, обусловленную уровнем экономического развития, географического положения данных земель, характером их зависимости от Порты и т. п. На развитие и результаты национально-освободительной борьбы на Балканах отрицательно влияло соперничество крупнейших европейских государств в этом регионе, их стремление сохранить здесь любой ценой статус-кво. При всей реакционности русского царизма, своекорыстии егобалканской политики официальная Россия сыграла важную роль в освобождении балканских народов от многовекового чужеземного владычества. Разносторонние связи с Россией, русским народом были отличительной чертой национальных движений на Балканах.

Следует отметить, что проблема национально-освободительного движения балканских народов до сих пор не нашла полного отражения в историографических работах, хотя по отдельным сторонам ее уже имеется некоторый сводный материал¹.

История национально-освободительного движения, как и история этих стран, во всей совокупности изучается советскими историками — славистами и балканистами как неотъемлемая часть мирового исторического процесса. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские историки отмечают в своих исследованиях возросшую в XIX в. роль народных масс как активной общественной силы, дают глубокий анализ экономических и социальных сдвигов, раскрывают роль классов в национальном движении, анализируют его политические программы, идеологию, выявляют общие закономерности и характерные особенности течения национально-освободительной борьбы на Балканах.

Целостное изложение истории национально-освободительного движения балканских народов впервые в советской историографии было дано в трудах по истории Болгарии², Югославии³, Албании⁴, Румынии⁵. Пока что не написана лишь новая история

¹ Медведев А. И. Изучение проблем национально-освободительного движения народов Балкан, Ближнего Востока — важная задача советской исторической науки.— В кн.: Колониальная политика и национально-освободительное движение: Из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока. Кишинев, 1965; Славянская историография. М.: Изд-во МГУ, 1966; Гросул Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука Молдавской ССР. М.: Наука, 1970; Мыльников А. С., Недорезов А. И. Советское славяноведение и балканстика.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М.: Наука, 1975; Нарочницкий А. Л., Писарев Ю. А. Итоги и перспективы изучения истории Югославии в СССР.— ВИ, 1975, № 7; Галкин И. С. Новая история стран Европы и Америки в советской историографии.— ННИ, 1977, № 4.

² Державин Н. С. История Болгарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 4. Национально-освободительное движение в Болгарии (от конца XVIII до 1877 г.); История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I.

³ История Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I.

⁴ Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М.: Наука, 1965.

⁵ История Румынии нового и новейшего времени / В. Н. Виноградов,

Греции. В названных работах были обобщены достижения советской исторической науки и зарубежной историографии в изучении отдельных балканских стран и всего региона в целом.

Первым изданием, давшим общее представление о сущности и итогах национально-освободительной борьбы балканских славянских народов, был вузовский учебник, подготовленный Московским государственным университетом⁶.

В вышедших несколько позднее пятом — седьмом томах «Всемирной истории»⁷ были охарактеризованы освободительные движения балканских народов, история образования и развития национальных государств на Балканах. Здесь впервые появились разделы, посвященные Греции и Албании.

Углубленную разработку различные стороны и вопросы национально-освободительного движения на Балканах получили в монографических исследованиях, число которых, начиная с конца 50-х годов, стало неуклонно возрастать.

Как обобщающие труды, так и монографические работы являются важным научным вкладом в исследование прошлого народов Балканского полуострова. Хорошее знание специальной дореволюционной, советской и зарубежной литературы, широкое привлечение разнообразных опубликованных источников, а также неизвестных ранее архивных материалов позволило авторам не только опровергнуть предвзятые, тенденциозные построения буржуазных историков, но и по-новому осветить ряд вопросов, углубить имеющиеся представления по узловым проблемам истории Балкан.

Обзор литературы нам представляется целесообразным дать в соответствии с хронологией национально-освободительного движения, с тем чтобы избежать повторений и одновременно с большей наглядностью выявить пробелы в изучении отдельных стран и исторических периодов.

В связи с этим встает вопрос о научной периодизации национально-освободительного движения на Балканском полуострове. Определенные исходные данные в этом аспекте мы находим в работах Г. Л. Арша, И. С. Достяна, А. М. Станиславской, В. Г. Карасева и др. Здесь мы попытаемся дать общую схему развития национально-освободительного движения балканских народов, выделив три периода.

Первый период можно датировать концом XVIII — 30-ми годами XIX в. В начале этого периода признаки качественного пере-

Е. Д. Карпешенко, Н. И. Лебедев, А. А. Языкова. М.: Изд-во АН СССР, 1964; История Румынии, 1848—1917. М.: Наука, 1971.

⁶ История южных и западных славян. М.: Изд-во МГУ, 1957; 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1967. «Очерки по истории южных и западных славян» (Л.: Учпедгиз, 1957) являются пособием для учителей и построены в соответствии с программой средней школы по истории средних веков и новой истории.

⁷ Всемирная история. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1958—1960. Т. V—VII.

лома, обусловленного наступлением новой эпохи в истории Европы, новой фазы в общественно-экономическом развитии большинства балканских народов, только намечаются. Но с начала XIX в. освободительные движения балканских народов принимают четко выраженные новые формы, имеют новый характер и цели. Во главе борьбы народных масс становится новая социальная сила — национальная торговая буржуазия. Восстания против турецкой власти перерастают в национальные революции, превращаются в серьезный международный фактор.

В конце XVIII в. все балканские народы, за исключением черногорцев, добившихся в 1796 г. (после битвы при Крусах) фактической независимости⁸, и сербов Воеводины, оказавшихся в рамках монархии Габсбургов, находились под властью Османской империи. Набиравшие силы национально-освободительные движения развивались в балканских владениях Турции неодновременно и с различной интенсивностью в силу целого ряда конкретных обстоятельств. В авангарде этой борьбы оказались сербы и греки, первыми среди балканских народов поднявшие знамя национальной революции.

Существо национально-освободительной борьбы в сербских землях султанской Турции в конце XVIII — первой трети XIX в., ее специфика наиболее полно рассмотрены в работах И. С. Достяя и В. В. Зеленина.

И. С. Достян⁹ впервые в советской историографии детально исследовала социально-экономические предпосылки Первого сербского восстания (1804—1813), показав разложение патриархального общества и начавшееся обуржуазивание деревни, определившее в конечном счете характер сербской революции, ее буржуазно-демократическое содержание и последствия. И. С. Достян вскрыла также всю совокупность причин, обусловивших широкий размах освободительной борьбы в Белградском пашалыке в тот период, когда в других, экономически более развитых частях Европейской Турции национально-освободительное движение еще не набрало большой силы. Очень важен и интересен вывод автора об особенностях положения сербской торговой буржуазии того времени: в силу расширения экономических связей, главным образом за счет торговли с пограничными австрийскими владениями, а также благодаря большой роли северной части сербских земель в транзитной торговле между Балканами и

⁸ Черногория заложила основы своей фактической независимости на стадии, предшествовавшей становлению капитализма, при своеобразном пеприятии остатков рода-племенного строя с феодальными отношениями, подтачиваемыми проникновением товарно-денежных отношений.

⁹ Достян И. С. Социально-экономические отношения в сербской деревне на рубеже 1804 г.—УЗИС, 1952, т. 6; *Она же. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV—начало XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Она же. Югославянские народы под властью Турции (XVI—XVIII вв.).—В кн.: История Югославии, т. I, гл. 15; Она же. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972.*

Центральной Европой турецкий рынок не имел для нее решающего значения. Это помогло передовым представителям сербов быстрее осознать свои национально-исторические задачи, важнейшей из которых было ниспровержение владычества Османской империи, препятствовавшего дальнейшему общественно-экономическому прогрессу сербской нации. И. С. Достян обратила внимание и на значение активных внешних связей сербских земель, особенно идеологического воздействия Воеводины в быстром оформлении политической программы сербского национально-освободительного движения в начале XIX в., проанализировала роль России в борьбе за возрождение сербской государственности.

Неразрывную общность социально-революционной и национально-освободительной сторон Первого сербского восстания, начало формирования основ буржуазного общества и национального государства показал В. В. Зеленин¹⁰. Оба автора подчеркивают, что успехи национально-освободительного движения сербского народа имели большое значение для других порабощенных народов Балканского полуострова. В Сербии они видели силу, на которую можно было опереться в борьбе против Порты.

Необходимо также добавить, что в книге И. С. Достян «Россия и балканский вопрос» впервые дана сравнительно-историческая характеристика освободительного движения всех балканских народов в конце XVIII — первой четверти XIX в.

Вслед за сербами крупных успехов в борьбе с Османской империей добился мужественный народ Греции. Этому интереснейшему периоду в истории греческого национально-освободительного движения уделено значительное внимание в глубоких, интересных работах Г. Л. Арша и А. М. Станиславской, которые первыми в советской историографии сделали фундаментальный вклад в разработку данного периода новой истории Греции.

В книге А. М. Станиславской¹¹ наряду с другими проблемами дана общая характеристика греческого национально-освободительного движения конца XVIII — начала XIX в., показано значение Ионической республики (1798—1807) как первого греческого государства нового времени.

Г. Л. Арш дал детальный анализ многих узловых вопросов борьбы греков за национальную независимость. Результат его многолетних изысканий наиболее полно суммирован в книге «Этеристское движение в России»¹².

¹⁰ Зеленин В. В. Из истории аграрных отппошений в Сербии во время Первого восстания.— ННИ, 1958, № 5; *Он же. Развитие ремесла и промышленности в Сербии в период Первого сербского восстания (1804—1813).*— КСИС, 1958, вып. 23; *Он же. Первое сербское восстание (1804—1813). Второе сербское восстание и образование вассального Сербского княжества (1815—1833).*— В кн.: История Югославии, т. I, гл. 22.

¹¹ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.: Политика России в Ионической республике. 1798—1807. М.: Наука, 1976.

¹² Арш Г. Л. Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970;

Г. Л. Арш раскрывает социально-экономические и другие предпосылки, обусловившие динамическое развитие греческого национально-освободительного движения в рассматриваемый период. Благодаря своему географическому положению, дававшему большие возможности для экономических связей с внешним миром, греческие земли, за исключением лишь некоторых районов, представляли собой наиболее передовую в общественно-экономическом отношении часть Балканского полуострова. В Греции имелись крупные города и порты с развитым мануфактурным и ремесленным производством. В области судостроения и мореходства греки конкурировали с наиболее развитыми европейскими странами. Специфическая особенность социально-экономического развития греческих земель заключалась в том, что становление капиталистических отношений происходило здесь не столько за счет развития внутреннего рынка, сколько в результате участия греков в товарообмене большинства земель, входивших в Османскую империю, прежде всего балканских, а также и европейских государств.

Задача национального освобождения была рано осознана греками. Этому способствовали глубокие социально-экономические сдвиги в стране, важные политические события той эпохи — русско-турецкие войны и Великая Французская революция.

На основе большого количества новых документальных материалов Г. Л. Арш первым в советской историографии прослеживает историю создания и деятельности греческой национально-освободительной организации «Филики Этерия». Он анализирует ход длительной подготовки восстания (идейной, психологической, организационной), осложненной обострением социальных и политических противоречий внутри греческого общества, расхождением между умеренными и радикальными элементами «Филики Этерии», вскрывает причины неудачи четырехмесячной кампании этеристов в Дунайских княжествах весной 1821 г., отказа от плана общебалканского восстания.

Движение этеристов в России, подчеркивает автор, — важная глава истории греческого национально-освободительного движения конца XVIII — начала XIX в., его органическая часть. Заслуга этеристов перед родиной огромна: они подготовили и начали вооруженную борьбу за освобождение Греции. Это было сделано, как убедительно показал Г. Л. Арш, без ведома и вопреки политике царской России, только впоследствии изменившей свое отношение к восстанию греков.

Материалы книги о характере восстания 1821—1829 гг. в континентальной Греции и на греческих островах дополняются специальной работой этого же историка¹³. Решение греческого во-

Он же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М.: Наука, 1976.

¹³ Арш Г. Л. Греческая революция 1821—1829 годов.— ННИ, 1971, № 3.

проса, отмечается здесь, оказалось возможным в результате победы России в войне с Турцией в 1828—1829 гг. Созданное в 1830 г. Греческое королевство было первым полностью независимым балканским государством, получившим международное признание. Однако «державы-покровительницы» сильно урезали границы нового государства и навязали ему монархический строй. Борьба за воссоединение греческих земель продолжалась до начала XX в. Автор обращает внимание читателя также на то огромное воздействие, которое греческая революция оказала на Балканы. Вместе с сербской национальной революцией 1804—1813 гг. она открыла для балканских народов период национального освобождения.

Значительные успехи за последние два десятилетия достигнуты советскими учеными в разработке проблем новой истории Румынии. Круг историков-румыноведов в настоящее время достаточно широк. Помимо двух коллективных трудов, вышло в свет значительное количество исследовательских статей, монографий. Это прежде всего работы Г. С. Гросул, В. Н. Виноградова, В. Я. Гросула, Е. Е. Чертана.

Особенностям национально-освободительного движения в Дунайских княжествах в конце XVIII — начале XIX в. посвящена статья Г. С. Гросул¹⁴.

В книге В. Я. Гросула¹⁵ отмечается, что в первые десятилетия XIX в. в Молдавии и Валахии, как и в большинстве балканских земель, происходил процесс пробуждения национального самосознания, развития просвещения и национальной культуры, пробивали себе дорогу освободительные идеи. В общественно-политическом плане на повестке дня стоял вопрос об укреплении и расширении автономных прав княжеств, экономической и политической связи между ними, создании основ буржуазно-государственного устройства, ликвидации феодальных отношений в деревне, освобождении княжеств от непосильной фискальной эксплуатации со стороны турецкого правительства, от экономического и политического засилья греков-фанариотов.

Важнейшими вехами на пути расширения автономии Дунайских княжеств, открывшими дорогу к «объединению и независимости» явились Адрианопольский мир 1829 г. и, несмотря на их ограниченность и противоречивость, Органические регламенты 1831—1832 гг.

Проблемы этого периода в истории Дунайских княжеств, начало процесса формирования румынского независимого государства исследуются также в монографиях В. Н. Виноградова¹⁶,

¹⁴ Гросул Г. С. О национально-освободительной борьбе в Дунайских княжествах в 1792—1806 гг.— Учен. зап. / Кишинев. гос. ун-т. 1968, т. 96.

¹⁵ Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. (20—30-е годы XIX в.). М.: Наука, 1966.

¹⁶ Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

В. Я. Гросула и Е. Е. Чертана¹⁷. В них указывается, что на данном историческом этапе для объединения Молдовы и Валахии не было еще надлежащих ни внутренних, ни внешних факторов. В объединении Дунайских княжеств, в создании единого емкого внутреннего рынка были заинтересованы в первую очередь буржуазные элементы. Но хотя после Адрианопольского мира вследствие экономического подъема численность буржуазии значительно возросла, ее удельный вес и политическое влияние оставались все еще слабыми. В то же время каждое княжество, кроме общности экономических интересов, имело и свои частные интересы. Авторы подчеркивают, что необходимо было еще определенное время для того, чтобы укрепились социальные слои, прямо заинтересованные в объединении княжеств. Среди них выделялась в первую очередь буржуазия ремесленного типа, а также пока еще чрезвычайно малочисленная промышленная буржуазия.

Данные и выводы, имеющиеся в рассмотренных выше работах, дают возможность подвести общий итог. В первой трети XIX в. национально-освободительные движения у ряда балканских народов становятся важным фактором разрушения османской власти в Юго-Восточной Европе. Однако при этом с достаточной ясностью обнаруживается, что поработленные народы Османской империи еще недостаточно сильны, чтобы сбросить чужеземное иго собственными силами. Главные успехи — рождение независимой Греции, Сербского вассального княжества, расширение автономии Дунайских княжеств — практически оказались возможными благодаря дипломатической поддержке со стороны России и русско-турецким войнам. Однако сербское и греческое восстания, как и другие события освободительного движения народов Балканского полуострова, возникали прежде всего в силу внутренних причин, а не благодаря внешним воздействиям.

Второй период национально-освободительного движения на Балканах следует датировать 40—70-ми годами XIX в. Он характеризуется нарастанием мощного подъема борьбы балканских народов против чужеземной власти, отличается большим разнообразием идеологических течений, политических программ, непосредственных практических задач движения. Для одних стран речь шла о международном признании фактической независимости (Черногория), для других — о завершении процесса национального объединения, ликвидации остаточных прав Порты на вмешательство во внутреннюю жизнь молодых балканских государств (Греция, Сербия, Дунайские княжества), для третьей группы — о прямой борьбе за национальную свободу и независимость (Болгария, Босния, Герцеговина, Албания и др.).

¹⁷ Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969.

Данный период изучен в советской историографии весьма неравномерно. Довольно полно разработана история Румынии этого времени. Интересна статья В. Н. Виноградова¹⁸, обращаящая внимание на узловые проблемы румынской истории после революции 1848 г.: необходимость, с одной стороны, объединения Дунайских княжеств, создания единого румынского государства, завоевания национальной независимости, с другой — проведения буржуазных социально-экономических и политических преобразований. Совокупность этих проблем исследована В. Н. Виноградовым, В. Я. Гросулом, Е. Е. Чертаном¹⁹.

В. Я. Гросул и Е. Е. Чертан отмечают, что революция 1848 г., потрясшая Западную Европу, из всех балканских стран наибольший отзвук получила в Дунайских княжествах. Под влиянием революционных событий в княжествах все отчетливее зрело стремление «создать единое государство, единую нацию, единую свободную Румынию». После поражения революции в Валахии лозунг об объединении все чаще выдвигается различными оппозиционными кругами от либеральной буржуазии до революционно-демократического направления во главе с Н. Бэлческу. Необходимость объединения диктовалась целым рядом причин экономического и политического порядка.

Хотя процесс объединения Молдовы и Валахии в единое румынское буржуазное государство в 1859—1861 гг. был прежде всего результатом внутреннего развития страны, вместе с тем он находился в неразрывной связи с международной обстановкой того времени. Играя на противоречии держав, правящие круги в борьбе за независимость страны использовали главным образом дипломатический путь. К этому их побуждали особенность социально-экономического развития Дунайских княжеств, а также более выгодное по сравнению с другими балканскими странами положение княжеств, расширивших в результате русско-турецких войн XVIII — первой трети XIX в. свою автономию. Завершение процесса объединения явилось одной из важнейших предпосылок для завоевания Румынией независимости.

События второй половины 70-х годов XIX в., военный союз России и Румынии, заключенный в 1877 г., обстоятельства провозглашения независимости Румынии 9(21) мая 1877 г. затрагиваются в работе М. М. Залышкина²⁰.

Значительным научным вкладом является монография В. Н. Виноградова о развитии общественно-политической мысли

¹⁸ Виноградов В. Н. Узловые проблемы истории Румынии в середине XIX в.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М.: Наука, 1974.

¹⁹ Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств; Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства.

²⁰ Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878 гг. М.: Наука, 1974.

Румынии²¹, в первой части которой анализируется идеологическая борьба в эпоху объединения Дунайских княжеств и завоевания государственной независимости.

Из этапов национального развития греческих земель в 40—70-е годы XIX в. внимание советских историков было обращено на Критское восстание 1866—1869 гг. Впервые монографически (параллельно с темой России) оно было исследовано И. Г. Сенкевич²². Автор показала, как в 60-е годы XIX в. на Крите происходил подъем освободительного движения, вызванный не только тяжелым экономическим положением греческого населения, но и крепнувшим чувством национального единства с народом Греции. Позулт о единстве был поддержан и в буржуазных националистических кругах Греции, мечтавших о воплощении в жизнь так называемой мегали идеа. Хотя критское восстание было сломлено, оно оказало огромное революционизирующее влияние на балканские народы.

После международно-юридического признания в 1830—1833 гг. автономии Сербского княжества узловыми пунктами сербской истории являлись задачи очищения территории Сербии от оставшихся турецких гарнизонов, завершения начатого ранее процесса создания буржуазного государства, достижения полной независимости от Порты, осуществления освобождения и политического объединения всех сербских земель. О существе этих процессов скжато, но четко дают представление разделы в главах «Истории Югославии» (автор В. Г. Каравасев)²³.

В них раскрывается, что формирование буржуазных правовых и государственных норм проходило в Сербии в условиях княжеского самовластия, решалось реакционными методами в интересах буржуазно-бюрократических кругов, без народа и против народа. Стремясь к разрушению Османской империи и объединению южнославянских народов под эгидой Сербии, сербские государственные деятели руководствовались прежде всего интересами крупной сербской торгово-ростовщической буржуазии и сербской династии, рассчитывая добиться осуществления своих планов главным образом путем дипломатии и войн.

Автор характеризует цели и задачи созданной в 1866 г. независимо от белградского правительства либерально-буржуазной сербской организации — «Объединение сербской молодежи» (Омладина). Хотя Омладина не ставила открыто политических задач, но вся ее деятельность с момента возникновения и до рас-

²¹ Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в. М.: Наука, 1975.

²² Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание. 1866—1869 гг. М.: Наука, 1970.

²³ История Югославии, т. I, гл. 2, разделы: «Социально-экономическое развитие Сербского княжества в 30—50-е гг. XIX в.», «Политическое развитие Сербии (1833—1858 гг.)»; гл. 31, раздел «Политическое развитие Сербии до 1878 г.».

пада (1871) была направлена на создание политического единства всех сербских земель. В Омладине существовало и революционно-демократическое крыло, развившееся под воздействием освободительных идей русских революционеров-демократов. Во главе сербского революционно-демократического лагеря стоял первый сербский социалист Светозар Маркович. Существо его внешнеполитической программы составляла национально-освободительная революция южнославянских народов и создание союза свободных, равноправных народных республик на Балканах. В главе дается оценка значения для Сербии достижения полной национальной независимости в 1878 г.

Некоторые аспекты рассматриваемого периода получили более детальную разработку в отдельных статьях²⁴.

Следует выделить работы В. Г. Карасева по истории формирования сербской революционной и демократической идеологии. Вначале его внимание привлекла деятельность Св. Марковича²⁵. Новым шагом в изучении демократического и революционного наследия в общественном развитии сербского народа и русско-сербских прогрессивных связей явилась монография В. Г. Карабасова о Ж. Жуёвиче²⁶.

Проблемами новой истории Черногории в течение многих лет занимается Н. И. Хитрова. Одной из первых ее работ были главы в «Истории Югославии»²⁷. В них прослежено течение освободительной борьбы Черногории с Османской империей с конца XVIII по 70-е годы XIX в., проанализированы ее социальные основы. Показан параллельный процесс становления и укрепления центральной власти в Черногорском княжестве. Отмечен рост его авторитета на Балканах в 50—70-е годы XIX в. как одного из центров борьбы с Османской империей, успешный ход освободительной войны 1876—1878 гг., принесшей Черногории независимость и расширение территории.

Результаты дальнейшей разработки темы нашли отражение в исследовательских статьях того же автора²⁸. Длительные изы-

²⁴ Карабасов В. Г. Основные черты социально-экономического развития Сербии в XIX в.—УЗИС, 1952, т. V; Фрейдзон В. И. О Белградском «комитете» М. Бана (1860—1861).—СА. М.: Наука, 1963; Кондратьева В. Н. Новые архивные материалы по истории объединенной сербской Омладины.—УЗИС, 1960, т. XX; *Она же*. Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 г.—УЗИС, 1964, т. 28; Карабасов В. Г. О подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в.—УЗИС, 1966, т. XXX.

²⁵ Карабасов В. Г. Революционно-демократическая программа Светозара Марковича.—УЗИС, 1952, т. VI; *Она же*. Сербский революционный демократ Светозар Маркович: очерк общественной и публицистической деятельности.—УЗИС, 1953, т. VII; *Она же*. Светозар Маркович.—В кн.: Светозар Маркович. Избранные сочинения. М.: Госполитиздат, 1956.

²⁶ Карабасов В. Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. М.: Наука, 1974.

²⁷ История Югославии, т. I, гл. 23, 32.

²⁸ Хитрова Н. И. О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875—1878 гг.—В кн.: Развитие капитализма и национальные движе-

скания дали возможность Н. И. Хитровой создать труд общебалканского плана²⁹. На основе привлечения богатого архивного материала, данных русской прессы того времени и других источников Н. И. Хитрова показала роль Черногории в национально-освободительном движении на Балканах в 50—70-е годы XIX в., значение русской материальной и внешнеполитической поддержки для Черногорского княжества в указанные годы.

Национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине, достигшее своей кульминации в знаменитом восстании 1875—1878 гг., всколыхнувшем все Балканы и положившем начало Восточному кризису 1875—1878 гг., в советской историографии почти не изучено монографически. Восстанию 1875 г. посвящено несколько небольших статей Е. В. Елисеевой³⁰. Автор исследует причины и ход восстания, подчеркивает, что характерной чертой восстания была его массовость, участие в нем широких слоев крестьянства. Руководящая роль принадлежала складывавшейся молодой буржуазии.

В главах по «Истории Югославии», написанных Н. П. Даниловой³¹, подчеркивается, что идеи освободительной борьбы против Османской империи, посевленные еще в начале XIX в., получают в Боснии и Герцеговине все большее распространение в 30-е и особенно в 40-е годы XIX в. Они развиваются под непосредственным влиянием и в тесной связи с национальным движением в соседних славянских землях — Хорватии (иллиризм) и Сербии. Автор характеризует различные течения в общественно-политическом движении Боснии и Герцеговины накануне и в период восстания 1875—1878 гг., раскрывает внутренние и внешние причины его поражения, обстоятельства, помешавшие осуществлению автономии боснийско-герцеговинских провинций и приведшие к их оккупации австро-венгерскими войсками в июле — октябре 1878 г.

Вышедшая сравнительно недавно книга В. Н. Кондратьевой³² посвящена анализу социально-экономических предпосылок восстания 1875 г. Она является серьезным вкладом в разработку проблемы аграрных отношений в Боснии и Герцеговине в 70-е годы прошлого века.

Этапы формирования мировоззрения В. Пелагича исследует в

ния в славянских странах. М.: Наука, 1970; *Она же*. Социальные основы освободительного движения в Черногории. М.: Наука, 1974; *Она же*. Объединенная сербская молодежь (1866—1871) и Черногория. — В кн.: Вопросы истории и историографии Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1977.

²⁹ Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения. 50—70-е годы XIX в. М.: Наука, 1978.

³⁰ См.: Труды / Томск. ун-т, 1957, т. 136; 1960, т. 150; 1963, т. 165, 1964, т. 167.

³¹ История Югославии, т. I, гл. 24, 36.

³² Кондратьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М.: Наука, 1971.

своих статьях Д. Ф. Поплыко³³. Ею подготовлена монография о Пелагиче, в которой по-новому раскрывается ряд сторон идеологического развития этого выдающегося революционера Балкан.

Рассматриваемый период был решающим в судьбах болгарских земель. В силу сложившейся традиции, обусловленной многовековыми тесными связями между русским и болгарским народами, история Болгарии нового времени является одной из наиболее разработанных в советской историографии.

Развернутое изучение вопросов, связанных с историей национально-освободительного движения в Болгарии, первым в советской исторической науке начал академик Н. С. Державин³⁴. Его выводы по этой проблеме не утратили значения до настоящего времени. Новый важный научный вклад в исследование названной проблемы внес С. А. Никитин. Он дал верную характеристику социальнно-экономического развития Болгарии в конце XVIII—70-х годах XIX в., расстановки классовых сил, роли болгарской буржуазии в национально-освободительном движении, четко выделил два главных направления последнего: буржуазно-либеральное и революционно-демократическое, показал подвиг апрелевцев³⁵.

В последующих монографических статьях, сгруппированных затем в одной книге³⁶, С. А. Никитин на основе широкого источниковедческого материала, новых архивных документов, данных русской периодической печати значительно углубил имеющиеся представления о социальнно-экономической структуре болгарского города времени освобождения от турецкого ига, дал развернутую характеристику революционной борьбы в Болгарии 1875—1876 гг., объективно оценил политику России на Балканах.

Ряд статей данной книги имеет общебалканский ракурс. Автор рассматривает в них важные моменты борьбы за национальную независимость народов Болгарии, Сербии, Черногории, Дунайских княжеств, Крита в 50—70-е годы XIX в.

Большой интерес представляет сборник монографических статей В. Д. Конобеева³⁷. Главная заслуга автора заключается в показе и анализе формирования политической программы болгарского национально-освободительного движения в конце XVIII — первой половине XIX в., новом представлении о масштабах и значении болгарского национально-освободительного дви-

³³ Поплыко Д. Ф. Васо Пелагич в России.— В кн.: Развитие капитализма...; *Она же. О становлении социалистических взглядов В. Пелагича.*— В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972; *Она же. Васо Пелагич. Путь от просветительства к революционности.*— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время.

³⁴ Державин Н. С. История Болгарии, т. 4.

³⁵ См.: История Болгарии, т. I, гл. IX, X.

³⁶ Никитин С. А. Очерки по истории славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970.

³⁷ Конобеев В. Д. Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. София: Наука и изкуство, 1972.

жения в 1806—1813, 1828—1829 и 1853—1854 гг. Автор обращает внимание на особенности национально-освободительной борьбы в Болгарии: болгарам приходилось бороться не только против османских поработителей, но и против высшего греческого духовенства, которое по воле турецких правителей было полновластным хозяином церкви и с неменьшей жестокостью, чем они, эксплуатировало болгарский народ. Прогрессивная часть формирующейся болгарской буржуазии стремилась возглавить борьбу народных масс, в первую очередь крестьянства, выступавших против социального и национального гнета турецких феодалов. Вооруженная борьба болгарского народа в конце XVIII — первой трети XIX в. в целом имела стихийный характер и возникала в связи с внешними событиями — сербским восстанием 1804 г. и русско-турецкими войнами того периода.

Вполне оформленный облик болгарское национально-освободительное движение принимает в середине XIX в. В нем оформляются два течения: революционное и буржуазно-либеральное. Самым ярким представителем первого был Г. С. Раковский, выдвинувший идею освобождения болгарского народа путем вооруженного восстания. Он явился инициатором создания первой общенациональной революционной политической организации «Тайное общество», стремившейся в связи с Крымской войной подготовить восстание в Болгарии. В. Д. Конобеев выявил в советских архивах большой интересный материал о деятельности Раковского и «Тайного общества» в 1853—1854 гг.

Второе течение, претендовавшее на руководящее положение, было представлено деятелями болгарской буржуазной эмиграции в Одессе, Бухаресте, Константинополе. Эти деятели боялись народного восстания и в достижении своей политической цели — автономии Болгарии — все надежды возлагали на Россию. Достижение автономии Болгарии по примеру соседних народов (сербов, румын), подчеркивается на страницах книги, было политическим идеалом болгарской буржуазии в течение всей первой половины XIX в.

Истинно революционный переворот в политической мысли и в программе национально-освободительного движения произошел в 60—70-е годы XIX в., когда руководителями борьбы народных масс становятся болгарские революционеры-демократы. Впервые в советской исторической литературе всестороннее монографическое исследование истории и деятельности Болгарского революционного центрального комитета (1869—1872) проведено С. И. Сидельниковым³⁸. В его книге прослеживается зарождение и развитие революционной идеологии в болгарском национально-освободительном движении, история создания и деятельности болгарских революционных комитетов и революционных групп в селах и го-

³⁸ Сидельников С. И. Болгарский революционный центральный комитет. 1869—1872. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1970.

родах Болгарии и в эмиграции, их численный и социальный состав, анализируется программа освобождения Болгарии, выдвинутая революционерами в 60-х годах XIX в., программа освобождения болгарского народа, разработанная В. Левским. Монография написана на основании обширного круга источников.

Подъем революционного движения в Болгарии в 1875—1876 гг. монографически исследовал В. П. Чорний³⁹.

Месту и роли Апрельского восстания 1876 г. в развитии Восточного кризиса 70-х годов XIX в., истории восстания, участию болгарского народа в войне 1877—1878 гг., помощи России борьбе болгарского народа против османского ига посвящены книги А. А. Улуния⁴⁰.

Помимо монографий, имеется немало серьезных статей, непосредственно посвященных интересующей нас теме или затрагивающих ее в связи с другими вопросами. Укажем на работы В. Д. Конобеева, Е. М. Шатохиной, Н. В. Зуевой, А. А. Никольской, И. Д. Забунова, Н. Н. Червенкова⁴¹.

Века турецкого господства были тяжелым испытанием и для албанского народа. Надо сказать, что новая история Албании так же, как и история Греции, привлекала меньшее внимание советских исследователей, чем историческое прошлое других балканских стран. Хотя ученых, занимающихся исследованием истории этой части Балканского полуострова, немного, ими проведена большая работа. Помимо емких по содержанию глав «Краткой истории Албании», посвященных предпосылкам национальной консолидации албанцев, зарождению и развитию албанского национально-освободительного движения (написаны Г. Л. Аршем и И. Г. Сенкевич), имеются книги и статьи тех же авторов, в ко-

³⁹ Чорний В. П. Апрельское восстание 1876 г.: Героическая эпопея болгарского народа. Изд-во Львов. ун-та, 1976.

⁴⁰ Улуний А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М.: Наука 1971; Он же. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия: Очерки. М.: Наука, 1978.

⁴¹ Конобеев В. Д. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса.— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Никольская А. А. Болгарские революционные прокламации 60-х годов XIX в.— СА. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Из истории борьбы за национальную автономию Южной Болгарии в 1878—1879 гг.: Организация народной обороны.— В кн.: Юбилей дружбы: Сборник статей, посвященных 90-летию освобождения Болгарии. Кишинев: Штиинца, 1969; Шатохина Е. М. К вопросу о социально-экономическом положении и национально-освободительной борьбе болгарского народа в 60-е годы XIX в.— В кн.: Славяне и Россия; Забунов И. Д. Одесское болгарское наследство в период Крымской войны (1853—1856).— В кн.: Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев: Штиинца, 1977; Червенков Н. Н. Внешнеполитическая ориентация Тайного центрального болгарского комитета.— Там же; Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образование болгарского национального государства (1856—1878 гг.).— ННИ, 1978, № 1.

торых на основании большого, в значительной мере нового материала монографически изучены наиболее важные этапы истории Албании конца XVIII — 70-х годов XIX в. Г. Л. Арш показал в своей книге⁴², что предпосылки для национальной консолидации албанцев создались в конце XVIII — начале XIX в. Основой для этого послужило создание центров независимых пашалыков — Шкодерского и Янинского, что способствовало политическому и экономическому объединению албанских земель, росту национального самосознания албанского народа.

В борьбу балканских народов за национальную независимость албанцы включились в 40-е годы XIX в. Трудности этого этапа, его специфические для Албании особенности раскрываются в статье Г. Л. Арша⁴³.

В работах И. Г. Сенкевич⁴⁴ разоблачается традиционное утверждение буржуазных историков о верноподданности албанцев султану вплоть до крушения Османской империи, выявляются новые данные о связях албанских деятелей с Россией, о положительном отношении русской дипломатии к планам создания независимой Албании. Автор показывает, что во второй половине 60-х годов XIX в.— в период Критского восстания и подготовки Балканского союза — албанцы вместе с другими народами Балкан участвовали в освободительной борьбе. В эти годы в Албании произошли серьезные антитурецкие выступления.

Восточный кризис 1875—1878 гг., начавшийся мощными вооруженными выступлениями балканских народов против османского ига и приведший к русско-турецкой войне 1877—1878 гг., явился переломным этапом в развитии освободительного движения албанского народа.

В июле 1878 г. создается первая албанская национальная организация — Албанская лига, которая вскоре выдвинула программу автономии Албании. Позднее некоторые из ее деятелей пришли к убеждению о необходимости полного уничтожения зависимости Албании от Османской империи и создания самостоятельного албанского государства.

По мнению автора, албанское освободительное движение 1875—1881 гг. имело важное значение в борьбе албанского народа. В эти годы произошел переход от стихийных восстаний к организованным выступлениям албанцев против турецкого правительства, была сформулирована программа автономии Албании, начат путь к независимости.

⁴² Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁴³ Арш Г. Л. Новые данные о видном деятеле албанского национально-освободительного движения Науме Векильхарджи.— ННИ, 1974, № 6.

⁴⁴ Сенкевич И. Г. Албания и период Восточного кризиса (1875—1881). М.: Наука, 1965; Она же. Албанское освободительное движение в годы Критского восстания 1866—1869 гг.: Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М., 1966.

Для данного периода в целом был выявлен большой новый документальный материал. Он относится преимущественно к 60—70-м годам XIX в. От отдельных публикаций в различных сборниках, «Славянском архиве», «Ученых записках Института славяноведения» и других изданиях⁴⁵ советские ученые перешли к выпуску фундаментальных сборников документов⁴⁶. Началось также изучение национально-освободительного процесса на Балканах в 70-е годы XIX в. в масштабе всего региона и в комплексном плане⁴⁷.

Задачи национально-освободительного движения на Балканах в третий период — 80-е годы XIX — начало XX в.— определялись необходимостью завершения национального освобождения балканских народов и создания независимых объединенных национальных государств. В новой исторической обстановке, возникшей на Балканах после событий 70-х годов XIX в., в условиях перехода капитализма в империалистическую стадию, слабости демократических сил и усилившегося вмешательства крупных европейских империалистических держав национальный вопрос решался преимущественно с помощью политических комбинаций и войн, возглавлявшихся националистической буржуазией и монархами балканских государств.

Этот период изучен советскими славистами и балканистами, пожалуй, менее всего. Почти нет монографий, немного и статей. Представление об основных процессах развития балканских стран в данный хронологический отрезок дают почти исключительно коллективные труды.

Характеристика событий 1885 г. в Болгарии дана К. Л. Струковой⁴⁸. Автор отмечает, что, несмотря на союз буржуазии с монархией и на классовую ограниченность буржуазного объединительного движения, последнее для Болгарии имело прогрессив-

⁴⁵ См.: Никитин С. А. Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 года.— В кн.: Славянский сборник. М., 1948; Конобеев В. Д. Материалы о национально-освободительном движении в Болгарии накануне русско-турецкой войны.— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Сенкевич И. Г. Новые материалы по истории южных славян: Из рукописного наследства М. А. Хитрова.— СА. М.: Изд-во АН СССР, 1963; и многие другие.

⁴⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Сборник документов. М.: Наука, 1961—1967. Т. I—III; Россия и национально-освободительная борьба балканских народов. 1875—1878. М.: Наука, 1978.

⁴⁷ См.: БИ: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978. Вып. 3; БИ: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М.: Наука, 1978. Вып. 4; Согань П. С. Национально-освободительная борьба южнославянских народов в 70-х годах XIX в. и общественность Украины: Доклады на VIII Международном съезде славистов (Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.). Киев: Наукова думка, 1978.

⁴⁸ См.: Струкова К. Л. Воссоединение Южной и Северной Болгарии в 1885 г.— КСИС, 1953, вып. II; Она же. Воссоединение Южной и Северной Болгарии.— В кн.: История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I, гл. 12, разд. 2; Она же. Социально-экономические основы движения за воссоединение в Южной Болгарии. 1879—1885 гг.— УЗИС, 1956, т. XIV.

ное значение. Восстановление экономического единства нации послужило мощным толчком для дальнейшего развития производительных сил страны. Внешнеполитическим результатом воссоединения было усиление роли Болгарии на Балканском полуострове. Значительную роль в успешном завершении воссоединения сыграла Россия, подготовившая для него реальную почву всей своей предыдущей политикой, направленной на ограждение национальных интересов болгарского народа.

В начале XX в. в оставшихся под властью Османской империи европейских территориях усилилось национально-освободительное движение.

К. Л. Струкова⁴⁹, анализируя положение в македонских вилайетах в конце XIX — начале XX в., показывает тяжелое социальное и национальное угнетение народных масс, обстоятельства возникновения Внутренней революционной организации, подготовку и ход Илинденского восстания 1903 г., отмечает горячее сочувствие к повстанцам повсюду на Балканах и в других частях Европы, несокрушимое стремление македонского населения к дальнейшей борьбе, несмотря на жестокое поражение. Последнее, отмечает автор, дало возможность младотуркам сделать эти вилайеты базой подготовки революции в Османской империи.

И. Г. Сенкевич на основе монографических исследований⁵⁰ дала в «Краткой истории Албании»⁵¹ анализ борьбы албанского народа против османского владычества, завершившейся в 1912 г. провозглашением независимости Албании. Она показала, как общий подъем освободительной борьбы на Балканах в начале XX в. охватил Албанию, привел к усилению здесь массового антиосманского движения, хотя последнее на первых порах и не приняло общенародного характера. В последующие годы в борьбу включились широкие массы крестьянства, ставшие главной движущей силой албанских восстаний 1910, 1911 и 1912 гг. Руководство движением осталось в руках албанских феодалов в силу слабости национальной буржуазии и рабочего класса. В книге раскрыты острые противоречия между феодальными и демократическими кругами в вопросе о формах и методах национального движения, его политической программе.

Следует особо выделить труд И. С. Галкина⁵², который яв-

⁴⁹ Струкова К. Л. Македония.— В кн.: История Югославии, т. I, гл. 32; *Она же*. Визвольний рух балканських народів на початку ХХ ст. у ви- світленні російської періодичної преси.— Питання нової та новітньої істо- торії. Київ, 1967, вип. 5.

⁵⁰ Сенкевич І. Г. Национально-освободительное движение албанского народа в начале XX в.— ВИ, 1956, № 6; *Она же*. Младотурецкая революция 1908 года и албанское национальное движение.— Советское востоковедение, 1958, № 11; *Она же*. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

⁵¹ Краткая история Албании, главы 3 (последняя часть), 4, 5.

⁵² Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободитель- ным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М.: Изд-во МГУ, 1960.

ляется первой советской обобщающей работой по истории национально-освободительной борьбы народов Европейской Турции в 1905—1912 гг.

Важным этапом в истории борьбы балканских народов с Османской империей были войны 1912—1913 гг., положившие конец владычеству султанской Турции на Балканах. В советской исторической литературе по этой теме имеется книга В. А. Жебокрицкого⁵³ и главы в коллективных трудах по истории Болгарии⁵⁴ и Югославии⁵⁵.

Поскольку последняя работа дает более широкий охват событий, отметим ее основные положения. Автор показал своеобразие правивших в Сербии, Черногории и других балканских странах буржуазии и дворцовых клик, которые стремились использовать паразитическое национально-освободительное движение угнетенных султанской Турцией народов и вызванное этим ослабление Османской империи в своих и династических интересах. Это был буржуазно-националистический путь решения балканских проблем. Он стал возможным благодаря слабости и разобщенности демократических сил на Балканах. Ввиду того что война против Турции была не под силу каждой из балканских стран в отдельности, они стремились создать военно-политический союз. К осени 1912 г. оформился «союз балканских монархий», как его называл В. И. Ленин⁵⁶.

Важнейшим фактором, обусловившим победу балканских союзников, был высокий моральный дух их солдат. Поскольку война способствовала освобождению угнетенных народов от феодального ига султанской Турции, она имела объективно прогрессивные черты и была популярна в Сербии, Черногории, Болгарии и Греции.

Огромную роль в успешном освобождении балканских земель от турецкого господства сыграла поддержка, оказанная союзным армиям населением освобождаемых территорий. Таким образом, война Болгарии, Сербии, Черногории и Греции с Турцией переплеталась с национально-освободительной борьбой угнетенных Османской империей балканских народов. Это способствовало успешному завершению военных действий союзников. Победы Сербии, Черногории, Болгарии и Греции принесли освобождение народам Новипазарского пашалыка, Косова, Метохии, Македонии и других порабощенных земель от ига султанской Турции.

Усиление империалистической борьбы великих держав на Балканах, их интриги и провокации, а также рост шовинизма в

⁵³ Жебокрицкий В. А. Болгария во время балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1961.

⁵⁴ Бирман М. А. Болгария в период балканских войн 1912—1913 гг.— В кн.: История Болгарии, т. I, гл. XV.

⁵⁵ Бирман М. А. Югославянские народы в период балканских войн 1912—1913 г.— В кн.: История Югославии, т. I, гл. 38.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 156.

балканских странах обостряли противоречия между самими балканскими союзниками. Захватническая политика буржуазно-шовинистических кругов, правивших в балканских странах, их экспансионистские стремления, подогревавшиеся интригами империалистической дипломатии великих держав (в первую очередь Австро-Венгрии и Германии) привели ко второй (или межсоюзнической) войне. Она была несправедливой с обеих сторон.

Конец османского владычества над балканскими народами не означал еще полного освобождения Балкан. Босния, Герцеговина, а также другие югославянские земли (Воеводина, Хорватия, Словения) остались во власти монархии Габсбургов. Новый подъем национально-освободительной борьбы на Балканском полуострове связан с первой мировой войной и огромным революционизирующим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

В монографии Ю. А. Писарева⁵⁷ подробно исследуются причины, вызвавшие крушение Австро-Венгрии, прослеживаются пути, приведшие к созданию в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев. Автор обоснованно считает, что ликвидация империи Габсбургов и создание объединенного Югославского государства имели прогрессивное значение, так как югославские народы освободились от тяжелого иноземного гнета. Но власть в новом государстве захватила крупная буржуазия, превратившая его в военно-полицейское государство.

Великая Октябрьская революция сыграла решающее значение и в судьбах турецкого народа, способствовала созданию турецкого национального государства. Целый комплекс исторических причин обусловил довольно парадоксальную ситуацию: турки, господствующая народность Османской империи, значительно отстали в социально-экономическом и культурном отношении от угнетаемых ими в течение веков немусульманских народов. Значительно задержалось и становление турецкой нации. Сложный процесс ее формирования рассматривается в книге Д. Е. Еремеева⁵⁸ — первой работе на эту тему в советской историографии. Исходной точкой данного процесса автор считает 30-е годы XIX в.

Ю. А. Петросян⁵⁹ в своей большой и интересной работе доказывает, что младотурецкое движение конца XIX — начала XX столетия, в известной мере идеальный преемник «новых османов» 60—70-х годов XIX в., отразило процесс зарождения национального самосознания турецкого народа.

Национально-освободительная борьба турецкого народа против империализма и иноземных захватчиков (1918—1923), кемалист-

⁵⁷ Писарев Ю. А. Образование Югославского государства: Первая мировая война. Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов. М.: Наука, 1975.

⁵⁸ Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М.: Наука, 1971.

⁵⁹ Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971.

ская революция способствовали окончательной консолидации турок в нацию, привели к созданию в октябре 1923 г. турецкого национального государства⁶⁰.

*

Советскими славяноведами и балканистами сделан большой вклад в научную разработку проблемы национально-освободительного движения на Балканах в конце XVIII — начале XX в., изучены процессы социально-экономического развития балканских земель, показано значение борьбы народных масс, рассмотрен процесс формирования классов нового буржуазного общества, национальной идеологии, политических программ, вскрыты внутренние закономерности движения балканских народов к освобождению и созданию самостоятельных национальных государств. Создана база для перехода к сравнительно-историческим исследованиям и сделаны первые шаги в этом направлении. В то же время ощущается настоятельная необходимость заполнить имеющиеся лакуны в исследовании отдельных стран и периодов. Более детального изучения требуют вопросы, связанные с идеологиями и программами национально-освободительных движений, социально-экономическим развитием и расстановкой классовых сил в странах рассматриваемого региона.

Россия и Балканы в XVIII — начале XX в.

С. И. БОЧКАРЕВА, Е. К. ВЯЗЕМСКАЯ

Изучение многоплановой проблемы «Россия и Балканы с конца XVIII в. до 1917 г.», включающей вопросы о политике царской России в отношении Османской империи и балканских народов, позиции различных кругов русского общества относительно событий на Балканах, революционных, общественных, культурных и научных связях народов России и Балканского полуострова, имеет большое научное значение. Эта проблематика является одной из важнейших и актуальных в советской балканistique.

Проблема балканской политики России и русско-балканских связей всегда была в поле зрения советских ученых, однако наиболее пристальное внимание исследователи стали ей уделять с конца 50-х годов, что было связано с общим развитием исторической науки в СССР.

⁶⁰ Подробно об этом см.: Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923 гг. М.: Наука, 1966.

Изучению этой проблематики в значительной степени содействовало введение в научный оборот неизвестных ранее архивных документов, позволяющих по-новому раскрыть характер и направление политики России в отношении зависимых от Турции балканских народов в отдельные периоды.

Необходимо отметить, что обобщенной историографии проблемы «Россия и Балканы» в нашей исторической литературе еще нет, хотя отдельные вопросы уже стали объектом историографического анализа¹.

Нижняя граница настоящего обзора — Кючук-Кайнарджийский мир, поскольку время окончания русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — важный рубеж в истории политики России по отношению к Османской империи и балканским народам. Именно тогда в международных отношениях Европы возникает так называемый Восточный вопрос. Конечной датой является 1917 г. — год победоносной Великой Октябрьской социалистической революции.

Советские историки рассматривают так называемый Восточный вопрос конца XVIII — начала XX в. во взаимосвязи нескольких сложнейших процессов — внутреннего состояния Османской империи, вступившей в эпоху разложения, развития национально-освободительного движения балканских народов, подвластных Турции, соперничества европейских держав на Балканском полуострове.

Важной предпосылкой глубокого и целостного рассмотрения политики России на Балканах является ее научно обоснованная периодизация. Для второй половины XVIII в. и первых десятилетий XIX в. вопросы периодизации рассматриваются в работах И. С. Достяя².

И. С. Достян выделяет четыре периода, которые прошла в своем развитии русская политика на Балканах в указанные годы. Первый период, начавшийся русско-турецкой войной 1768—1774 г., длится до конца XVIII в. Он характеризуется усилением противоречий между Россией и Османской империей, что при-

¹ Мыльников А. С., Недорезов А. И. Советское славяноведение и балканистика.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М.: Наука, 1975; Георгиев В. А., Панченкова М. Т. Проблемы внешней политики России XIX в. в трудах советских историков.— ВИ, 1970, № 7; Галкин И. С. Новая история стран Европы и Америки в советской историографии (1971—1976 гг.).— ННИ, 1977, № 4; Нарочницкий А. Л. Балканский кризис 1875—1878 г. и великие державы.— ННИ, 1976, № 2; Сидельников С. И. Болгарская и советская историческая литература о русско-болгарских революционных связях и деятельности первого БРЦК (1869—1873 гг.).— В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972; Боброва С. П. К вопросу об изучении русско-сербских революционных связей 60—70-х годов XIX в. в советской историографии.— ВИС, 1977, вып. 5; и др.

² Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972; Она же. Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г.— БИ: Международные отношения на Балканах. М.: Наука, 1974, [вып. 1].

вело к двум русско-турецким войнам. В это время значительную роль в балканской политике России начинают играть Дунайские княжества. Второй период — 1798—1812 годы — наполеоновские войны. Его особенность — сближение России с Турцией (до 1806 г.). Оба государства объединились перед угрозой французской агрессии, их противоречия были отодвинуты на задний план.

Этот период характеризуется также быстрым расширением контактов с балканскими народами, поддержку которых использовал царизм в борьбе против Наполеона. Сфера русской активности в балканском регионе, помимо Дунайских княжеств, распространялась на Ионические острова, Черногорию, Сербию и материковую Грецию. Третий период — от Бухарестского мира 1812 г. до 1821 г., начала греческой революции, — характеризовался стремлением царского правительства избежать новой войны с Портой, что объяснялось трудным внутренним положением Российской империи. В своей монографии «Россия и балканский вопрос» И. С. Достян на большом фактическом материале, значительная часть которого впервые введена в научный оборот, исследует этот мало изученный период балканской политики России. Автор выражает свое несогласие с высказывавшимися ранее утверждениями³, будто царизм уже с конца 1815 г. готовился к решению ряда ближневосточных проблем. И. С. Достян показала, что царское правительство не стремилось в этот период к территориальной экспансии на Балканах. Главную свою цель оно видело в том, чтобы упрочить те успехи, которые были достигнуты в ходе войны с Турцией в прошедшие 50 лет. Четвертый период — это период Восточного кризиса 20-х годов, характеризовавшийся новым обострением Восточного вопроса.

В монографии И. С. Достян рассмотрен целый ряд интересных вопросов, в том числе и о роли России в формировании балканской государственности⁴. Стремясь добиться утверждения своего влияния на Балканах, царизм должен был в определенной мере считаться с особенностями общественно-экономических отношений у отдельных народов.

Именно этим, по мнению И. С. Достян, и можно объяснить тот парадоксальный на первый взгляд факт, что на протяжении первой трети XIX в. русский царизм, один из наиболее реакционных режимов в Европе, державший в рабстве собственный народ, оказывал положительное влияние на процесс формирования национальных государств на Балканах и их развитие по капиталистическому пути. В то же время царизм неизменно искал точку опоры в наиболее консервативных слоях балканского общества.

³ См.: Киняпина Н. С. Внешняя политика России в первой половине XIX века. М.: Высшая школа, 1963; Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л.: Учпедгиз, 1956.

⁴ Этому же вопросу посвящена и специальная статья И. С. Достян «Россия и проблемы государственного устройства балканских народов в первой трети XIX в.» (*Etudes balkaniques*, Sofia, 1976, N 3).

ва. Материал, изученный автором и приведенный в монографии, позволил опровергнуть сложившееся в западноевропейской буржуазной историографии международных отношений и внешней политики России представление о русской политике в Восточном вопросе как всегда агрессивной, имевшей целью территориальную экспансию. И. С. Достян приходит к заключению, что политика России в отношении Турции и балканских народов в первой трети XIX в. была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображалось и изображается в работах буржуазных ученых.

Обобщающий характер носит и коллективная монография В. А. Георгиева, Н. С. Киняпиной, М. Т. Панченковой и В. И. Шеремета⁵. Среди целого комплекса вопросов авторы рассматривают и проблему балканской политики России на протяжении более чем ста лет. Обобщив огромный фактический материал, авторы приходят к выводу, что «для России на всем протяжении существования Восточного вопроса главным его содержанием оставались проблемы, сосредоточенные по преимуществу в европейских владениях Османской империи. Сюда включались балканский вопрос, проблема черноморских проливов, покровительство России православным подданным султана как элемент политического воздействия на Порту — собственно русско-турецкие отношения»⁶. Авторы монографии выделяют во внешней политике царской России в Восточном вопросе три больших этапа. Первый — с конца XVIII в. (т. е. с момента включения России в сферу Восточного вопроса) до окончания Крымской войны. Одной из важнейших задач этого периода, как подчеркивается в монографии, являлось завоевание авторитета и влияния среди балканских народов, что позволило бы царизму укрепить свои позиции на Балканах. Одной из важнейших задач было также решение вопроса о проливах. Вершиной политики России в этом вопросе был Ункяр-Искелесийский договор 1833 г.

С окончанием Крымской войны начинается второй этап восточной политики России, продолжавшийся до середины 90-х годов XIX в. Авторы справедливо отмечают, что в этот период «центральным направлением ближневосточной политики государства становится баланская проблема»⁷. Особенностью этого периода являлось то, что царское правительство в проведении своей политики на Балканах нередко опиралось на балканские государства, получившие независимость при поддержке России.

Русско-австрийская конвенция 1897 г. положила начало последнему, третьему этапу политики России в Восточном вопросе.

⁵ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / В. А. Георгиев, Н. С. Киняпина, М. Т. Панченкова, В. И. Шеремет. М.: Наука, 1978.

⁶ Восточный вопрос во внешней политике России, с. 5.

⁷ Восточный вопрос во внешней политике России, с. 7.

В работе делается вывод, что в конце XIX — начале XX в. русское правительство ослабляет свою активность по отношению к Османской империи и в качестве основного принципа выдвигает сохранение статус-кво на Балканах. Только после поражения в русско-японской войне и революции 1905—1907 гг. царизм вновь усиливает свою политику в этом регионе.

Рассматривая балканскую проблему как составную часть Восточного вопроса, авторы подвергли обстоятельному анализу политику России по отношению к балканским народам в XIX — начале XX в.

Значению черноморской проблемы, противоборству России и Османской империи в Юго-Восточной Европе и бассейне Черного моря посвящено исследование Е. И. Дружининой⁸. Автор делает обоснованный вывод о важности этого мира как для самой России, так и для балканских народов: Черное море и проливы открывались для русского торгового судоходства, Россия получила право покровительства православной религии и христианским подданным Османской империи. В своей работе Е. И. Дружинина рассматривает проблему Дунайских княжеств, трактуя ее как звено в Восточном вопросе.

Следует отметить, что, хотя специальных монографий, посвященных балканской политике России в последней четверти XVIII в., немного, вопрос этот рассматривался многими советскими историками.

Так, А. М. Станиславская, И. С. Достян, О. П. Маркова и Е. В. Тарле⁹ в своих работах подчеркивали, что в 70-х годах XVIII в., во время и после первой русской экспедиции в Эгейский архипелаг, впервые во внешней политике России серьезное значение получил греческий вопрос. В работе Е. В. Тарле, специально посвященной этой экспедиции, показано, что действия русских сил были поддержаны греками. В отношении Турции, как отмечают исследователи, в 80-х годах XVIII в. у России не было никаких агрессивных планов. Она в этот период придерживалась политики удержания Турции от войны, так как сама не была к ней готова.

Детальной разработке роли Дунайских княжеств в балканской политике России последней четверти XVIII — начала XIX в. посвящены монографии молдавских исследователей И. В. Семеновой и Г. С. Гросул¹⁰.

⁸ Дружинина Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955.

⁹ См.: Станиславская А. М. Греческий вопрос во внешней политике России в начале XIX в. (1798—1807 гг.) — ИЗ, 1961, т. 68; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972; Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966; Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774. М.; Л., 1945.

¹⁰ Семенова И. В. Русско-молдавское боевое содружество (1787—1791). Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1968; Она же. Россия и освободительная борьба молдавского народа против оттоманского ига в конце XVIII в. Ки-

В работах И. В. Семеновой рассматривается политика царизма в Молдавском княжестве в конце XVIII в. и его отношение к освободительной борьбе, дается общая картина войны 1787—1791 гг. на территории Молдавии, показывается содействие молдавского народа русской армии в военных действиях против Турции. И. В. Семенова приводит значительный фактический материал по всем этим вопросам. Автором сделан подробный анализ Ясского мирного договора, явившегося важным этапом в борьбе молдавского народа за освобождение от османского ига.

Сходный круг проблем рассматривается в книге Г. С. Гросул. Автор рассматривает историческое значение политики России в Дунайских княжествах, освещает положение последних в составе Османской империи, исследует взаимодействие русской политики в княжествах с национально-освободительной борьбой молдавского и валашского народов. В книге дается подробная характеристика русско-турецких взаимоотношений, связанных с проблемой Дунайских княжеств. Г. С. Гросул показала, как менялись политические цели царизма в отношении Дунайских княжеств в зависимости от общего комплекса международных отношений в Европе и на Балканах.

Войны России против Турции в последней четверти XVIII в. вызывали сочувствие не только молдаван и валахов, но и других балканских народов: греков, албанцев, черногорцев. Так, на почве борьбы против общего врага в этот период развиваются русско-албанские связи. Этот вопрос изучен в советской историографии Г. Л. Аршем¹¹. Интересной является его монография, посвященная истории западнобалканских пашалыков Османской империи — Шкодерского и Янинского. В работе Г. Л. Арша широко показаны русско-албанские связи конца XVIII — начала XIX в., прослеживаются сношения албанских правителей с Петербургом. Г. Л. Арш своим исследованием опроверг сложившуюся в западной буржуазной литературе легенду о том, что Али-паша Янинский был «заклятым врагом московитов». Приведенные в книге новые материалы о его переговорах с Россией, о союзе против султана в 1787—1791 гг. и неоднократных попытках договориться с русским правительством (1793, 1806 и 1808 гг.) свидетельствуют о том, что в отдельные периоды в собственных интересах правитель Янинской был готов пойти на тактическое сближение с царским правительством. В монографии затрагивается также вопрос об участии албанцев в русско-турецких войнах на стороне России. Важнейшим следствием этого, как показывает Г. Л. Арш, была начавшаяся во второй половине XVIII в. довольно значительная эмиграция албанцев в Россию.

шинев: Штиинца, 1976; Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России. 1774—1806. Кишинев: Штиинца, 1975.

¹¹ Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в.: Западно-балканские пашалыки Османской империи. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М.: Наука, 1965.

Вопросы русско-черногорских отношений конца XVIII в. рассматриваются А. П. Бажовой¹². Автор отметила ту огромную роль, которую сыграло боевое содружество русского и черногорского народов этого периода в расширении их братских связей.

Вопрос о русско-турецких отношениях конца XVIII — начала XIX в. специально рассмотрен А. Д. Новичевым в его обобщающем труде по истории Турции¹³. Автор указывает причины, в силу которых русское правительство стремилось к поддержанию мирных отношений с Портой. Завершая этот раздел, следует специально остановиться на фундаментальных научных публикациях документов, посвященных деятельности двух выдающихся русских военачальников — адмирала Ф. Ф. Ушакова и генералиссимуса А. В. Суворова¹⁴. В первой из них представлены документы об участии Ф. Ф. Ушакова в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., в ходе которой полностью раскрылся его военный талант. Материалы публикации убедительно свидетельствуют о том, что сражения, выигранные Ушаковым, особенно блестящая победа, одержанная им под Калиакрией, заставили Турцию поспешить с заключением мирного договора с Россией и существенно изменили его условия. Документы второй публикации показывают военную деятельность А. В. Суворова в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг., сначала в качестве командира корпуса, которому была поручена оборона Херсон — Кинбурнского района, затем в качестве командира дивизии в армии П. А. Румянцева. Здесь представлены документы, свидетельствующие о тщательной подготовке таких сражений, как битвы у Кинбурина, Рымнича, взятие крепости Измаил, вошедшие в славную боевую летопись русской армии.

Интересные документы, содержательные вступительные статьи и написанные на высоком научном уровне комментарии делают эти издания ценным вкладом в историографию рассматриваемого вопроса.

Проблема международных отношений и политики России в Восточном Средиземноморье и Греции в начале XIX в. привлекла внимание целого ряда советских исследователей¹⁵. Среди работ на эту тему в первую очередь следует назвать монографии А. М. Станиславской. В первой из них дается анализ русско-

¹² Бажова А. П. Русско-черногорские политические связи и начало государственной организации Черногории в XVIII в.— В кн.: Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М.: Наука, 1977.

¹³ Новичев А. Д. История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963—1968. Т. 1, т. 2, ч. 1.

¹⁴ Ушаков Ф. Ф. Документы. М.: Воениздат, 1951—1952. Т. I—II; Суворов А. В. Документы. М.: Воениздат, 1949—1953. Т. I—IV.

¹⁵ Шапиро А. Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в.— ИЗ, 1956, т. 55; Сироткин В. Г. Из истории внешней политики России в Средиземноморье в начале XIX в.— ИЗ, 1960, т. 67; Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798—1807 г. М., 1961; Она же. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М.: Наука, 1976.

английских отношений в связи с проблемами Средиземноморья в конце XVIII — начале XIX в. (до 1807 г.). Впервые в советской историографии автор поставил и рассмотрел один из важнейших и интереснейших вопросов внешней политики России этого периода — создание Ионической республики — первого греческого национального государства¹⁶. В работе также исследуются конституции Ионической республики 1799 и 1803 гг. и новые учреждения, созданные при активном участии представителей русского правительства, отмечается их прогрессивность по сравнению с оккупационным режимом, введенным здесь французами после падения венецианского господства. Монография А. М. Станиславской важна и для понимания истории русско-турецких отношений рассматриваемого периода. Автор делает обоснованный вывод о том, что с конца 90-х годов XVIII в. наступает длившийся до начала русско-турецкой войны 1806—1812 гг. новый этап во взаимоотношениях России и Турции, когда царское правительство придерживалось принципа сохранения целостности и неприкосновенности Османской империи. А. М. Станиславская уделила внимание и вопросу об особенностях взаимоотношений России с балканскими народами, подвластными Порте,— греками и сербами. Союз с Османской империей крайне затруднил традиционную политику покровительства им со стороны России.

Подробно и компетентно освещается вопрос о политике России в Греции и на Ионических островах в конце XVIII — начале XIX в. во второй монографии А. М. Станиславской. Материалы, приведенные в ней, убедительно свидетельствуют о том, что «в истории Восточного вопроса период, открывшийся заключением России союза с Англией и Турцией (1798 г.) и закончившийся разрывом с Англией (1807 г.) — время исключительных политических успехов России»¹⁷. Особенно активно действовала Россия в Восточном Средиземноморье. В этот период возрастает роль Ионических островов в ее внешней политике. Для того чтобы удержать острова под своим влиянием, Россия должна была тщательно изучить и учитывать местные условия. Поэтому она проводила в Ионической республике относительно либеральную социальную политику, для которой было характерно сочетание интересов nobiliteta и верхушки буржуазии.

В книге Е. В. Тарле¹⁸ дается характеристика военной и дипломатической деятельности русского адмирала Ф. Ф. Ушакова в

¹⁶ Впервые греческий вопрос в русской политике XIX в. и ионическая проблематика были поставлены в статьях А. М. Станиславской: Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.; Из истории политики России на Ионических островах (1799—1807 гг.) — ИС, 1960, № 1; Греческий вопрос во внешней политике России в начале XIX в. (1798—1807 гг.) — ИЗ, 1961, т. 68.

¹⁷ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в., с. 3.

¹⁸ Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море. (1798—1800 гг.) М.: Воениздат, 1948.

период Средиземноморской экспедиции 1798—1800 гг. Автор отмечает то активное участие, которое принял Ф. Ф. Ушаков в разработке законодательства созданной под его руководством на Ионических островах Республики Семи Соединенных островов.

Ожесточенная борьба в Восточном Средиземноморье между Россией и Францией в начале XIX в. нашла отражение в работах Е. В. Тарле и А. Л. Шапиро, посвященных жизни и деятельности выдающегося русского флотоводца, героя Дарданельского и Афонского сражений адмирала Д. Н. Сенявина¹⁹. Особое внимание авторы уделяют совместным действиям русских вооруженных сил и волонтерских отрядов черногорцев и других балканских народов против войск и флотов наполеоновской Франции во время третьей антифранцузской коалиции (1806 г.).

В своих исследованиях советские историки А. М. Станиславская, И. С. Достян, А. Л. Нарочницкий, В. Г. Сироткин и др.²⁰ рассматривают особенности балканской политики России в начале XIX в. по сравнению с 70—80-ми годами XVIII в. Они показали, что в этот период появился новый фактор, который не могли не учитывать руководители внешней политики Российской империи в своих дипломатических акциях,— пробуждающееся национально-освободительное движение балканских народов. Об этом говорят контакты русского правительства с местными деятелями, поддержка им возникших национальных выступлений.

Советские историки подчеркивают, что эта поддержка хотя и осуществлялась в интересах царизма, но играла прогрессивную роль в борьбе балканских народов за национальную независимость.

Вопрос о внутреннем и внешнеполитическом развитии Османской империи конца XVIII — начала XIX в. и реформаторской деятельности Мустафы-паши Байрактара изучен в фундаментальной монографии А. Ф. Миллера²¹. Основная идея внешнеполитических разделов книги — возможность, полезность и плодотворность дружественных отношений России и Турции для обоих сторон. Большой интерес представляют приводимые автором данные о стремлении Мустафы-паши, покончив с русско-турецкой войной, перейти к союзу с Россией без посредничества Франции.

Интересные данные о русско-турецких отношениях в начале XIX в., о соглашении 1805 г. между Россией и Турцией, о стрем-

¹⁹ Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807). М.: Воениздат, 1954; Он же. Три экспедиции русского флота. М.: Воениздат, 1956; Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М.: Воениздат, 1958.

²⁰ Нарочницкий А. Л., Казаков Н. И. К истории Восточного вопроса: О целях России и Франции на Балканах в 1807—1808 гг.— ННИ, 1969, № 6; Сироткин В. Г. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг.— УЗИС, 1962, т. XXV.

²¹ Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар: Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

лении русского правительства к сохранению дружественных отношений с Портой приводит В. А. Георгиев²².

В годы войны 1806—1812 гг. развиваются русско-болгарские связи, крепнет русско-болгарское военное содружество. В работах Н. И. Казакова и В. Д. Конобеева²³ подробно рассматривается вопрос об участии болгарских добровольцев совместно с русскими войсками в военных действиях на Балканах, например в боях под Рущуком (Русе) в июле и октябре 1811 г.

Значительную роль в политике России на Балканах в 1806—1812 гг. играла Сербия. В этом плане большое научное значение имеет вопрос об отношении русского правительства к Первому сербскому восстанию 1804—1813 гг. В работах советских исследователей показано, что в период русско-турецкой войны царское правительство и военное командование во главе с М. И. Кутузовым установили активные связи с сербами²⁴. В эти годы русской дипломатией неоднократно ставился вопрос о будущем политическом статусе Сербии. В переговорах с Портой в 1808—1812 гг. Россия настаивала на введении широкой автономии Сербии, что привело бы к созданию фактически независимого сербского государства, уплачивающего Порте лишь умеренную дань.

Годы, прошедшие со времени заключения Бухарестского мира до начала греческого восстания в 1821 г.,— важный этап в истории балканской политики России. Частично этот вопрос рассматривался в общих работах по внешней политике России²⁵, более подробно и основательно он изучен в монографиях Г. Л. Арша и И. С. Достяна²⁶.

Г. Л. Арш исследовал русско-греческие политические связи в период, предшествующий восстанию 1821 г. Автор дал верные, основанные на материалах источников, оценки политики правительства Александра I на Балканах в 1815—1821 г.

²² Восточный вопрос во внешней политике России, гл. II, разд. 1.

²³ Казаков Н. И. Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией (1806—1812 гг.) — ВИ, 1955, № 6; Конобеев В. Д. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг.— В кн.: Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958.

²⁴ См.: Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV—начало XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Она же*. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972; Казаков Н. И. Из истории русско-сербских отношений в начале XIX в.—Доклады и сообщения / Ин-т истории АН СССР. М.; Л., 1954, вып. 3; Яковкина Н. И. Русско-сербские отношения 1804—1812 гг. Автореф. канд. дис. Л., 1951.

²⁵ История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1; История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1967. Т. IV.

²⁶ Арш Г. Л. Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970; *Она же*. Иоанн Каподистрий и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М.: Наука, 1976; *Она же*. Греческий вопрос во внешней политике России (1814—1820 гг.).— ИС, 1978, № 3; Достян И. С. Россия и балканский вопрос.

В работах И. С. Достян проанализирована одна из центральных проблем рассматриваемого периода — характер русско-турецких отношений. Автору удалось проследить, как постепенно «созревали основные черты русско-турецких противоречий, особенно остро проявившихся после начала Восточного кризиса 20-х годов»²⁷. Основными задачами русской дипломатии в этот период, как показала И. С. Достян, было мирное урегулирование ряда вопросов, касавшихся в первую очередь положения Сербии и Дунайских княжеств.

В своей монографии И. С. Достян подробно останавливается на политике России в отношении отдельных балканских народов: греков, сербов, молдаван и валахов, касается и такого совершенно неизученного в историографии вопроса, как русско-черногорские отношения в 1814—1821 гг. В книге справедливо подчеркивается, что традиционное покровительство России балканским народам нельзя было совместить с верностью принципам Священного союза.

Следует отметить, что в Советском Союзе, помимо исследовательской работы по проблематике балканской политики России конца XVIII — начала XIX в., ведется и научно-публикаторская работа. Большим достижением в этом плане является издание «Внешняя политика России XIX и начала XX в.»²⁸. Документы публикации освещают дипломатические акции царского правительства в важнейших международных конфликтах начала XIX в. Среди них видное место занимает политика России в отношении Османской империи и балканских народов. В публикации собран обширный и разнообразный материал по балканской тематике, позволяющий по-новому взглянуть на цели и методы России в балканском регионе, проследить процесс укрепления ее политических связей с балканскими народами²⁹. Большой интерес представляют и примечания к публикуемым документам, написанные ведущими исследователями внешней политики России с учетом всех новейших достижений советской и зарубежной исторической науки по этой проблеме.

Одной из центральных проблем истории внешней политики России, разрабатываемых в советской историографии, является

²⁷ Достян И. С. Россия и балканский вопрос, с. 81.

²⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел / Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. Сер. I. 1801—1815. М.: Политиздат, 1960—1972. Т. 1—8; Сер. II. 1815—1830. М.: Политиздат, 1974—1976. Т. 1—2.

²⁹ С рядом рецензий на эту публикацию (с точки зрения балканской политики царского правительства) выступила на страницах журналов «Советское славяноведение» и «Вопросы истории» И. С. Достян: ССЛ, 1968, № 6; 1973, № 5; ВИ, 1976, № 7. В них дается не только оценка изданию, но и приводится периодизация политики России в отношении Османской империи и балканских народов в начале XIX в. См. также: Нарочницкий А. Л. Политика России на Балканах в 1801—1812 гг. в свете новой документальной публикации.— В кн.: Первый конгресс балканских исследований: Сообщения советской делегации. М.: Наука, 1966.

проблема Восточного кризиса 20-х годов XIX в. Советские историки в разработке этой сложной проблематики достигли значительных успехов.

Одной из первых обобщающих работ в послевоенной литературе явилась монография А. В. Фадеева³⁰. Следует отметить, что именно А. В. Фадеев ввел для 20-х годов XIX в. понятие «Восточный кризис». Он же является автором соответствующей главы в 12-томной «Истории СССР» (т. IV). В своей монографии автор рассматривает Восточный кризис 20-х годов не столько в свете истории международных отношений, сколько в плане истории народов СССР, особое внимание уделяя анализу социально-экономических предпосылок внешней политики царской России (главным образом на Кавказе), эволюции этой политики в период Восточного кризиса, отношению различных слоев русского общества, в том числе демократической и революционной России, к событиям на Балканах. Характер работы не позволил А. В. Фадееву подробно рассмотреть позицию России в отношении балканских народов. Однако уже в этой монографии содержится характеристика основных этапов Восточного кризиса, анализируется политика русского правительства на каждом из них, подробно разбирается содержание Аккерманской конвенции 1826 г. и Адрианопольского мирного договора 1829 г.

Ряд вопросов интересующей нас проблемы поднимает Г. Л. Арш в монографии о Каподистрии, посвященной 200-летию со дня рождения этого видного государственного деятеля Греции и России начала XIX в., первого президента независимого Греческого государства³¹. В работе рассматривается международная обстановка накануне греческого восстания 1821 г. и позиция царского правительства в отношении повстанцев. Отказ Александра I от решительных действий в Восточном вопросе, обусловленный стремлением России избежать новой русско-турецкой войны и столкновений со своими партнерами по Священному союзу, явился политическим поражением для Каподистрии.

Вопрос об отношениях европейских держав в связи с греческим восстанием рассмотрен И. Г. Гуткиной³². Автор прослеживает процесс постепенной активизации политики России в греческом вопросе. Рассматривая заключительный этап борьбы греков за независимость, И. Г. Гуткина отмечает, что он нераз-

³⁰ Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

³¹ Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг.

³² Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821—1822 гг.— Учен. зап. / Ленингр. гос. ун-т, 1951, № 130. Сер. ист. наук, вып. 18; Она же. Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за независимость (1823—1826).— Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1966, т. 288. Она же. Греческий вопрос на заключительном этапе Восточного кризиса 20-х годов XIX века.— В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л.: Наука, 1972.

рывно связан с исходом русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Борьбе греческого народа за освобождение в 1821—1828 гг. и позиции официальной России по греческому вопросу посвящена книга О. Б. Шпаро³³. Она охватывает не только начальный период восстания, но и исследует основные события греческой революции вплоть до 1830 г. В ней рассмотрены действия русской дипломатии в противопоставлении с английской и французской в различные периоды Восточного кризиса 20-х годов. Приведенный материал дает автору основание утверждать, что все важнейшие дипломатические акции на пути освобождения Греции были осуществлены по инициативе и под воздействием России.

Большое внимание советские историки уделили русско-греческим общественным связям этого периода.

Статьи Б. Е. Сыроечковского³⁴ и И. С. Достян³⁵ посвящены анализу балканской проблемы в политических планах декабристов. Б. Е. Сыроечковский главное внимание уделил вопросу о происхождении и назначении записки «Царство Греческое».

В статье И. С. Достян корректируются некоторые положения, прочно закрепившиеся в литературе по этой проблеме, более конкретно прослеживается влияние внутриполитической обстановки в Юго-Восточной Европе начала 20-х годов на формирование внешнеполитических планов Пестеля. Внимание И. С. Достян привлек и вопрос об интересе тайных декабристских организаций к истории балканских народов и русско-турецких войн XVIII — начала XIX в., их вкладе в изучение отношений народов Балкан и России³⁶.

Вопрос о революционных контактах декабристов с греческими этеристами рассматривается в работах О. В. Орлик, И. Ф. Иоввы и С. С. Ланды³⁷. Авторы показывают отношение членов Южного общества и Кишиневской управы к греческому восстанию, подчеркивают близость идеально-политических взглядов руководителей этеристов и декабристов, что способствовало установлению между ними организационных связей.

³³ Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия. М.: Мысль, 1965.

³⁴ Сыроечковский Б. Е. Балканная проблема в политических планах декабристов.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М.: Госполитиздат, 1954; статья переиздана в кн.: Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

³⁵ Достян И. С. Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. И. Пестеля.— ИЗ, 1975, т. 96.

³⁶ Достян И. С. Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII — начала XIX века.— ССЛ, 1975, № 6.

³⁷ Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975; Иовва И. Ф. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1963; Он же. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев: Штиинца, 1974; Он же. Декабристы в Молдавии. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1975; Ланда С. С. Дух революционных преобразований... 1816—1825. М.: Мысль, 1975; Он же. Зарубежные революционные связи декабриста М. Ф. Орлова.— ННИ, 1975, № 6.

События завершающей стадии Восточного кризиса 20-х годов нашли отражение в работах В. И. Шеремета³⁸. Главной задачей исследователя является раскрытие особенностей внутреннего и международного положения Турции в конце 20-х годов в связи с политикой великих держав, в том числе и России. Центральное место посвящено подготовке и заключению Адрианопольского трактата. Подробно рассматриваются и материалы заседания 14—16 сентября 1829 г. в Петербурге Особого комитета по Восточному вопросу, выработавшего рекомендации для деятельности русской дипломатии в отношении Турции, суть которых сводилась к восстановлению мирных и по возможности дружественных отношений с Османской империей. На основании анализа конкретного материала автор сделал вывод о стремлении и турецких правящих кругов во главе с султаном Махмудом II к улучшению отношений с Россией.

Советские историки-балканисты отмечают то большое значение, которое имел Адрианопольский мирный договор для балканских народов: в нем было подтверждено обязательство Порты предоставить широкую автономию Сербии, впервые была признана политическая автономия Греции, явившаяся ступенью к быстрому достижению ею независимости, расширялась и укреплялась автономия Молдовы и Валахии, чем создавались важные предпосылки для полного выделения их из состава Османской империи. Вопрос о реформах 20—30-х годов в Дунайских княжествах является одним из важнейших вопросов балканской политики царизма этого периода. В советской историографии он разработан В. Я. Гросулом³⁹.

Среди проведенных тогда в княжестве мероприятий первое место занимает выработка конституций — Органических регламентов 1830—1831 гг., которые подробно анализируются В. Я. Гросулом. Исследователь убедительно доказал, что русское правительство хотя и преследовало определенные цели на Балканах, но оно не навязывало реформ Дунайским княжествам — там созрели необходимые для этого предпосылки. Отмечая ограниченный и классовый характер реформ, как и всей политики России в княжествах, В. Я. Гросул с полным основанием делает вывод, что эти реформы тем не менее сыграли важную роль для развития в Дунайских княжествах не только сельского хозяйства, но и промышленности, торговли, культуры, просвещения. Реформы содействовали и созданию благоприятных условий для объединения в будущем Дунайских княжеств в единое государство.

Следующим важным этапом в балканской политике России являются 30—40-е годы XIX в.

³⁸ Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М.: Наука, 1975.

³⁹ Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX века). — М.: Наука, 1966.; Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969 (главы о реформах написаны В. Я. Гросулом).

Одним из итогов Адрианопольского мира, как показали исследования И. С. Достяна, А. В. Фадеева, Н. С. Киняпиной и других, было возрастание влияния России в ближневосточных делах. В отношении Турции царское правительство придерживалось в этот период принципа поддержания ее целостности и неприкословенности. Именно такую позицию оно заняло во время Восточного кризиса 30-х годов XIX в. Результатом этой политики явилось подписание 26 июня (3 июля) 1833 г. Ункияр-Искелесийского договора, согласно условиям которого Россия стала фактически гарантом целостности и безопасности Турции и царствующей в ней османской династии.

Вопрос о подлнисании Ункияр-Искелесийского договора 1833 г. рассмотрен Н. С. Киняпиной⁴⁰. Автором доказано, что инициатива соглашения исходила не от России, а от Турции, заинтересованной в помощи русских войск против египетского паша Мухаммеда Али. Н. С. Киняпина приходит к выводу, что этот трактат явился высшей точкой успехов царской дипломатии на Ближнем Востоке, после чего началось ее отступление под на-тиском западноевропейских держав.

Н. С. Киняпина подчеркивает, что заключение договора благоприятно сказалось на положении балканских народов, которые, пользуясь укреплением русского влияния в Османской империи, смелее стали требовать выполнения Портой ее обязательств, вытекающих из прежних русско-турецких договоров и соглашений.

В своей работе о Восточном кризисе 20-х годов А. В. Фадеев рассмотрел причины постепенного «отступления» России с Балкан начиная с середины 30-х годов. Он показал, что сближение с Австрией во имя возрождения Священного союза и Англией с целью изоляции «революционной» Франции заставило правительство Николая I поступиться своим исключительным положением единственного гаранта неприкословенности Османской империи, а значит и отказаться от некоторых преимуществ, которыми обладала Россия в силу Ункияр-Искелесийского договора.

Эту точку зрения уточняет и дополняет в своей монографии В. А. Георгиев⁴¹. Анализ обширного документального материала позволил автору сделать вывод о том, что во второй четверти XIX в. политика России на Ближнем Востоке «постепенно начинает преобладать над европейской и становится наиболее важной»⁴². В. А. Георгиев показал процесс постепенного ослабления влияния России на Ближнем Востоке в конце 30-х годов, что со всей очевидностью продемонстрировал второй турецко-египетский конфликт, ход которого подробно прослеживается в монографии.

⁴⁰ Киняпина Н. С. Ункияр-Искелесийский договор 1833 г.— В кн.: Научные доклады высшей школы. М., 1958; *Она же. Внешняя политика России первой половины XIX века*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

⁴¹ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.

⁴² Георгиев В. А. Внешняя политика России..., с. 7.

Главной причиной поражения восточной политики царизма во второй четверти XIX в. В. А. Георгиев считает не контрреволюционную направленность политики Николая I, а общий кризис крепостничества в России. По мнению В. А. Георгиева, Восточный кризис конца 30-х — начала 40-х годов наглядно продемонстрировал, что пока Россия оставалась феодально-крепостническим государством в условиях развития капитализма в Западной Европе, она была беспомощной в разрешении важнейших проблем внешней политики⁴³.

Касаясь вопроса о Лондонских конвенциях 1840—1841 гг., Н. С. Кияпина, В. А. Георгиев, А. Д. Новичев и другие показали, что в период второго конфликта между султаном и Мухаммедом Али Англия использовала изменившуюся международную обстановку, чтобы «растворить» русско-турецкий договор 1833 г. в многостороннем соглашении по вопросу о режиме черноморских проливов. Лондонские конвенции сводили на нет успехи русской дипломатии конца 20-х — начала 30-х годов. Таким образом, новый курс, выбранный николаевской дипломатией в 1839—1840 гг., означал на деле ослабление влияния России в Турции и усиление зависимости от британской политики на Ближнем Востоке.

В ряде статей советские историки рассмотрели некоторые вопросы политики России в отношении отдельных балканских народов в 30—40-е годы XIX в.

Отношениям России с Англией и Австро-Венгрией в связи с Восточным вопросом и их политике в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в. посвящены статьи И. С. Достяна⁴⁴. Автор указывает, что в этот период сближение с Австро-Венгрией было необходимо России не только для возрождения Священного союза, но прежде всего для совместных действий в восточных делах. Именно поэтому русское правительство шло на уступки венскому кабинету, в том числе и в Сербском княжестве, несмотря на то, что в этот период Сербия являлась опорной базой русской политики на Балканах. Результатом этого внешнеполитического курса был рост экономического и политического влияния Австро-Венгрии в Сербском княжестве. Влияние России, особенно после 1842 г. с приходом к власти уставобранителей, значительно ослабло. И. С. Достян изучила также вопрос об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в конце 30-х годов XIX в. в связи с решением конституционного вопроса. Автор делает вывод, что английское

⁴³ Эта же точка зрения нашла отражение в гл. IV раздела I коллекти孚ной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России», автором которой является В. А. Георгиев.

⁴⁴ Достян И. С. Австро-руссое соперничество на Балканах в 30-е годы XIX в. и Сербское княжество.— В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1967; Она же. К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в.— ССЛ, 1966, № 6.

вмешательство в сербский вопрос в 1837—1839 гг. явилось одним из дополнительных факторов, ускоривших перелом в русско-сербских отношениях и способствовавших ослаблению позиции царского правительства в Сербии.

В 30—40-е годы укрепляются и развиваются связи России с другими балканскими народами. Вопрос об отношениях России с Черногорией разработан Н. И. Хитровой⁴⁵. Она показала ту значительную помощь, которая была оказана этой стране в деле развития просвещения, подготовке черногорской интеллигенции.

Влияние России, русской культуры на культурно-просветительное движение болгарского народа в 30—40-е годы XIX в. рассмотрено в работе Д. Г. Песчаного⁴⁶.

Исследованию русско-болгарских отношений в конце 20-х — начале 30-х годов посвящена монографическая статья В. Д. Конобеева⁴⁷. Автор приводит интересный архивный материал, свидетельствующий об активном участии болгарских волонтеров в боевых действиях русских войск против Турции в 1828—1829 гг. В работе рассматриваются связи болгарской буржуазии с Россией, отмечается эволюция в ее политических взглядах.

В целом же следует сказать, что балканская политика России в 30—40-е годы изучена недостаточно. Развитие дальнейших исследований в этом направлении — задача будущего.

Еще менее изученным периодом в этом плане является период, непосредственно предшествовавший Крымской войне.

В начале 50-х годов XIX в. внимание русской дипломатии привлекли события в Герцеговине и Черногории, приведшие к выступлениям против Порты. Эта проблематика разработана Н. И. Хитровой⁴⁸. Ею рассмотрен интересный вопрос о переговорах 1853 г. между Россией и Австрией с целью прекращения турецкой агрессии против Черногории, опубликованы новые материалы, характеризующие позицию России в связи с провозглашением в 1852 г. Черногории княжеством. Н. И. Хитрова подчеркивает стремление русского правительства накануне новой русско-турецкой войны расширить связи с балканскими народами.

⁴⁵ Хитрова Н. И. Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XX в.). — В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁴⁶ Песчаный Д. Г. Русско-болгарские культурные связи в 30—40-х годах XIX в. — В кн.: Из истории русско-болгарских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁴⁷ Конобеев В. Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг. — УЗИС, 1960, т. XX.

⁴⁸ Хитрова Н. И. Политика России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852—1853 гг. — В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1972; *Она же*. Россия и провозглашение Черногории княжеством (1852). — В кн.: Славяно-балканские исследования. М.: Наука, 1972; *Она же*. Россия и черногорско-герцеговинские события 50-х — начала 60-х годов XIX в. — БИ: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, [вып. 2].

ми, в том числе с герцеговинцами и черногорцами, с тем, чтобы укрепить свое влияние в этом регионе.

В отличие от периода 40-х — начала 50-х годов XIX в. внешняя политика России после Крымской войны в целом и по отношению к Османской империи и балканским народам, входившим в ее состав, исследуется интенсивно.

В фундаментальном труде «История дипломатии» (автор В. М. Хвостов⁴⁹) дана целостная картина международных отношений после заключения Парижского мира, показана роль России в системе этих отношений. Исследования С. А. Никитина, Н. С. Киняпиной, Л. И. Нарочницкой⁵⁰ посвящены специально анализу внешней политики России после Крымской войны. В них нашел отражение вопрос о задачах и характере внешнеполитической линии царского правительства на Балканах, о средствах, которыми оно стремилось достичь осуществления своих целей. Результаты изучения данной проблемы обобщены в недавно вышедшей коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России».

Балканы в этот период по-прежнему оставались тем перекрестком, где сталкивались интересы ряда европейских государств. Парижский мир ослабил позиции России на Черном море, лишил ее выхода к Дунаю и права единоличного покровительства христианским народам Османской империи, установив коллективную опеку шести держав. Кроме того, Крымская война повлекла за собой существенное изменение в расстановке сил на международной арене.

Россия практически оказалась в изоляции. Это положение усугублялось сложной внутриполитической ситуацией в стране. Все эти факторы, единодушно отмечают исследователи данной проблемы, не могли не повлиять на изменение характера и методов проведения русской политики на Балканах в последующие годы.

В работе С. А. Никитина⁵¹, которая включает серию статей, освещавших отдельные события в истории южных славян во второй половине XIX в., национально-освободительное движение балканских народов в третьей четверти XIX в., а также отношение официальной России и общественных кругов к процессам, происходившим в тот период на Балканах, проанализирована политика России на Балканах в 50—70-е годы XIX в., показано, как общие тенденции и задачи русской политики соотносились с национально-освободительным движением.

⁴⁹ История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 2.

⁵⁰ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970; Киняпина Н. С. Внешняя политика России во второй половине XIX в. М.: Высшая школа, 1974; Главу Л. И. Нарочницкой, посвященную внешней политике России в 1856—1878 гг., см. в кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1968, т. 5.

⁵¹ Никитин С. А. Очерки по истории...

С. А. Никитин рассмотрел эволюцию методов проведения русской политики на Балканах, которая диктовалась значительно осложнившимся международным положением России, а также усилением национально-освободительного движения балканских народов в 60—70-е годы XIX в.

Россия, положение которой пошатнулось в результате поражения в Крымской войне, не могла активно участвовать в обострившейся борьбе на Балканах. В то же время русское правительство не могло отказаться «от поддержки и сохранения связей с соплеменниками, так как с ними было связано влияние России и ее значение на Востоке»⁵². В результате изучения многочисленных материалов С. А. Никитин пришел к выводу, что, поощряя освободительные стремления южных славян, Россия одновременно стремилась не допустить решительного взрыва на Балканах, который мог бы поставить Турцию на грань катастрофы и тем самым втянуть Россию в новые осложнения, к которым она не была готова. Таким образом, задача разрушения Османской империи в 60-е годы XIX в. не ставилась. Определенным рубежом в политике России и международных отношениях того времени явился 1866 год.

Наряду с работами, в которых изучается политика России на Балканском полуострове в широком плане, в советской историографии имеется большое количество трудов, освещающих русскую политику в отношении отдельных балканских народов в различные периоды.

Серьезных успехов достигли советские историки в изучении проблемы русско-румынских отношений в 1856—1878 гг. Политика царского правительства в Дунайских княжествах, роль России в борьбе княжеств за объединение и полную независимость исследуются в работах В. Н. Виноградова, Е. Е. Чертана, В. Я. Гросула, М. М. Залышкина и других⁵³. Основным направлением деятельности русских дипломатов в отношении княжеств, как подчеркивается в данных работах, являлась защита и расширение автономии княжеств, что находилась в прямой связи с интересами Молдовы и Валахии.

Значительный вклад в изучение русско-румынских отношений после Крымской войны внес В. Н. Виноградов. В своей монографии он проанализировал социально-экономические и политические предпосылки объединения Молдовы и Валахии, показал борьбу европейских держав вокруг этого вопроса, уделив основ-

⁵² Никитин С. А. Очерки по истории..., с. 151.

⁵³ См.: Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Чертан Е. Е. Русско-румынские отношения в 1859—1863 гг. Кишинев: Штиинца, 1968; Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства; Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878. М.: Наука, 1974; История Румынии 1848—1917 гг. М.: Наука, 1971.

ное внимание России, которая в большой степени содействовала объединению. Автор рассмотрел позицию не только официальной, но и революционно-демократической России. Монография хронологически охватывает период 1856—1859 гг. На основе архивных материалов исследователь освещает сложную деятельность русской дипломатии, одновременно подчеркивая объективно прогрессивную роль, которую она сыграла в деле объединения княжества.

Малоисследованному и важному периоду в истории формирования единого румынского государства — 1859—1863 гг.— посвящена работа молдавского историка Е. Е. Чертана⁵⁴.

Основные этапы формирования румынского государства с 20-х годов XIX в. до Берлинского конгресса 1878 г. рассматриваются в монографии В. Я. Гросула и Е. Е. Чертана⁵⁵. В ней отмечается роль России в создании благоприятных условий для успешной борьбы княжеств против османского владычества. Вопросы русско-румынских отношений после Крымской войны и до Берлинского конгресса рассматриваются во второй части работы (автор Е. Е. Чертан). Автор прослеживает основные вехи приобретения Румынией независимости, подчеркивает роль России в этом процессе, отмечает, что даже в периоды «охлаждения» Россия продолжала проводить политику поддержки автономии княжеств, выступала против попыток Порты и западных держав вмешаться в их внутренние дела. Особое значение для дальнейшей судьбы Румынии имел период 1866—1877 гг. На этом этапе, предшествовавшем завоеванию Румынией независимости, Россия также сыграла значительную роль в становлении румынского государства, способствовала сохранению и расширению его автономии. Естественным завершением политики России по отношению к соседнему государству, как подчеркивают авторы, было то, что она стала первой державой, которая фактически признала независимость Румынии в 1877 г.

Важное место в исследованиях советских историков, посвященных созданию румынского независимого государства и русско-румынским отношениям, занимает вопрос об отношении различных слоев русского общества к событиям румынской истории. При этом главное внимание уделяется проблеме «Революционная Россия и Румыния». В упомянутых работах отмечается, что со второй половины 50-х годов XIX в. передовая общественность России стала больше внимания уделять Дунайским княжествам. Чернышевский, Добролюбов, Герцен и их единомышленники и последователи горячо поддерживали идею создания румынского независимого государства, видя в этом шаг по пути социального освобождения румынского народа. В отличие от царского правительства русские революционеры-демократы руководствовались не

⁵⁴ Чертан Е. Е. Русско-румынские отношения в 1859—1863 гг.

⁵⁵ Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства.

своекорыстными интересами господствующих классов России, а интересами самого румынского народа.

Важные вопросы русско-черногорских отношений в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в. рассмотрены Р. И. Рыжовой и Н. И. Хитровой⁵⁶. Они подчеркнули, что позиция России по черногорскому вопросу в указанные годы сыграла роль решающего внешнеполитического фактора в деле сохранения Черногорией независимости.

Проблемы русско-сербских и русско-черногорских отношений, а также позиция России по отношению к греко-болгарской церковной борьбе в 60-е годы XIX в. затронуты в монографии С. А. Никитина⁵⁷.

С. А. Никитин показал, что стремление Сербии в этот период выступать в качестве «Пьемонта» южнославянского объединительного движения, находило поддержку у российских правящих кругов. Создание крупного южнославянского государства, находящегося в постоянном конфликте с Турцией и поэтому заинтересованного в дальнейших контактах с Россией, отвечало интересам российского правительства. Кроме того, необходимость поддержки Сербии диктовалась усилением конкурирующего влияния западных держав на Балканах, а также ростом национально-освободительной борьбы.

Большой интерес представляет проблема создания Первого Балканского союза и русско-сербских отношений этого периода. Поднятая впервые в советской историографии С. А. Никитиным, она заслуживает дальнейшего изучения.

С. А. Никитин подчеркнул, что Россия поддерживала этот союз в военном, материальном и моральном отношении. Однако расхождения между его членами, а также внутри сербских политических кругов определили его непрочность. Распад союза, переориентация Сербии на Австроию не могли не отразиться на отношении русской дипломатии к делам на Балканском полуострове.

Точка зрения о том, что для русской политики после Крымской войны характерно усиление интереса к внутренним процессам на Балканах, национально-освободительной борьбе балканских народов, обосновывается применительно к Болгарии в ряде статей Н. В. Зуевой и Е. М. Шатохиной⁵⁸.

⁵⁶ Рыжова Р. И. Из истории русско-черногорских отношений: Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса независимости Черногории.—ИЗ, 1958, т. 63; Хитрова Н. И. Россия и черногорско-герцеговинские события 50-х — начала 60-х годов XIX в.

⁵⁷ Никитин С. А. Очерки по истории...

⁵⁸ Шатохина Е. М. К вопросу о социально-экономическом положении и национально-освободительной борьбе болгарского народа в 60-е гг. XIX в.—В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972; Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Отношение России к турецким реформам в Болгарии (1856—1866).—В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М.: Наука, 1974;

Важному этапу в борьбе за освобождение Крита — восстанию 1866—1869 гг.— посвящена монография И. Г. Сенкевич⁵⁹. В работе прослеживается ход восстания, отношение к нему европейских держав. Центральный вопрос, исследуемый автором,— позиция России в связи с Критским восстанием. Автор пришел к выводу, что царская Россия после поражения в Крымской войне в середине 60-х годов XIX в. не была готова к активным действиям и не была заинтересована в столкновении балканских народов с Османской империей. Отсюда и стремление русской дипломатии разрешить возникший конфликт, приобретавший угрожающие размеры, мирным путем. Анализ большого количества архивных документов позволил сделать вывод о стремлении русской дипломатии в условиях противодействия европейских держав, и в первую очередь со стороны Франции, поддержать требования восставших критян — сначала требование административной автономии острова, а затем — присоединения Крита к Греческому королевству. В условиях, когда достигнуть соглашения с Европой в пользу полного освобождения или автономии Крита было явно невозможно, Россия предложила принять принцип невмешательства. Автор убедительно показал, что и в этот момент руководители русской внешней политики не отказались от мысли о возможности полного освобождения Крита из-под власти Османской империи. Однако сложившаяся международная обстановка и «полная изоляция русской политики в критском вопросе вынуждали Россию воздерживаться от активных действий»⁶⁰. Одновременно с борьбой на дипломатической арене петербургское правительство, стремясь сохранить за Россией право называться покровительницей христиан, оказывало материальную поддержку восставшим критянам. В монографии показаны конкретные формы помощи со стороны России. Автор остановился и на вопросе отношения общественных кругов России к восстанию на Крите. Последнее нашло отклик во всех слоях русского общества, причем русская общественность более горячо и открыто поддерживала критян, чем официальная Россия.

Вопрос о восстании на Крите и отношении к нему России нашел также освещение в работах Н. С. Киняпиной и С. А. Никитина⁶¹.

Советские историки наряду с изучением позиции официальной России в 60-е годы XIX в. по отношению к Османской империи и балканским народам, входившим в ее состав, исследуют вопросы отношения различных кругов русского общества к национально-освободительной борьбе балканских народов, освеще-

Зуева Н. В., Шагохина Е. М. Русские проекты реформ в Европейской Турции в 1867 г.— БИ, 1976, [вып. 2].

⁵⁹ Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М.: Наука, 1970.

⁶⁰ Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг., с. 197.

⁶¹ Киняпина Н. С. Внешняя политика...; Никитин С. А. Очерки по истории...

ния на страницах русской периодической печати тех или иных событий на Балканском полуострове, общественных и революционных связей народов России и Балкан.

С конца 50-х годов XIX в. заметно усилился интерес русской общественности к жизни балканских народов — сербов, болгар, черногорцев,bosнийцев, герцеговинцев и других, чьему во многом содействовали славянские комитеты, созданные по инициативе славянофилов в Москве и Петербурге. Их деятельность в 1858—1876 гг. всесторонне проанализирована в монографии С. А. Никитина⁶².

Проблема революционных связей России и народов Балкан в 60-х — начале 70-х годов продолжает привлекать внимание советских исследователей. Революционный подъем в России не мог не оказать влияния на развитие революционных и демократических идей в Юго-Восточной Европе. Серьезному анализу подвергнуты в советской историографии вопросы русско-болгарских, русско-сербских революционных связей. Эти вопросы нашли отражение в трудах К. А. Поглубко, В. Я. Гросула, В. Г. Карасева, В. Д. Конобеева, В. Н. Кондратьевой, Д. Ф. Поплыко и других⁶³.

Большое внимание советские историки уделяют политике России в период Восточного кризиса 1875—1878 гг., а также вопросу о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. как завершающему аккорду в этом международном конфликте. В первую очередь здесь следует назвать труды В. М. Хвостова, С. Д. Сказкина, С. А. Никитина, коллективную монографию «Восточный вопрос во внешней политике России» и другие работы, в которых определена концепция политики России на Балканах в указанный период⁶⁴. Важным этапом на пути изучения этой проблематики

⁶² Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁶³ Поглубко К. А. Очерки по истории болгаро-российских революционных связей (60—70-е годы XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1972; Он же. О связях издателей журнала «Вперед!» с сербскими социалистами.—БИС, 1968, вып. 1; Карасев В. Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в.—УЗИС, 1966, т. XXX; Карасев В. Г., Конобеев В. Д. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX в. Москва; София, 1966; Кушева П. Н. Из истории русско-сербских революционных связей 1870-х годов.—УЗИС, 1949, т. I; Кондратьева В. Н. Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 г.: По русским архивным материалам.—УЗИС, 1964, т. XXVIII; Поплыко Д. Ф. Связи В. Пелагича с Россией.—В кн.: Советское славяноведение. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1969; Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев: Штиинца, 1973; Он же. Генезис революционного социализма на Балканах и российское революционное движение: О существовании на Нижнем Дунае секции Первого Интернационала.—БИ, 1976, [вып. 2].

⁶⁴ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. М.: Наука, 1974; История дипломатии, т. 2; Никитин С. А. Очерки по истории...; Миллер А. Ф. Краткая история Турции; Киняпина Н. С. Внешняя политика

явилась трехтомная советско-болгарская публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига»⁶⁵, в которой нашли отражение малоизученные и недостаточно освещенные в предыдущих изданиях вопросы общественных связей между народами России и южными славянами, освободительной борьбы южных славян в 1875—1878 гг., а также правительственной политики России на Балканах в период Восточного кризиса. Научная ценность этого издания заключается в том, что введены в научный оборот материалы, представляющие ценность для понимания ряда вопросов, связанных с происхождением и ходом русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Документы показывают отношение различных классов русского общества к событиям на Балканах. Многие вопросы, в частности русско-болгарских, русско-сербских общественных связей, документально освещены в данном сборнике впервые.

Советские исследователи, рассматривая вопрос о политике России в период Восточного кризиса, отмечают, что русское правительство в течение длительного времени стремилось разрешить возникший конфликт дипломатическим путем, так как ясно сознавало недостаточную военную подготовленность России, опасность возрождения антируссской коалиции времен Крымской войны, испытывало глубокую тревогу в связи с подъемом революционного движения в стране. Российским правящим кругам представлялось нежелательным возникновение восстаний на Балканском полуострове, но когда разразился Восточный кризис, они сочли необходимым оказать поддержку национально-освободительной борьбе южных славян, видя в них опору своего влияния на Балканах. Петербургский кабинет энергично добивался проведения в Османской империи реформ, направленных на улучшение положения балканских народов, подвластных Турции. Поддержка царским правительством освободительного движения балканских народов была обусловлена его собственными классовыми целями (укрепить свои позиции на Балканах, преодолеть конкурирующее влияние европейских держав, и в первую очередь Англии и Австро-Венгрии, и др.). Это отнюдь не снимает положительного значения русско-турецкой войны для утверждения и развития самостоятельных балканских государств и роли той поддержки, которую оказывали балканским народам различные круги русского общества. В историографии этого вопроса подвергнута изучению политика всех европейских держав, в круг интересов которых

России во второй половине XIX в.; Шпаро О. Б. Захват Кипра Англией. М.: Наука, 1974; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в., разд. II, гл. II; Подробнее об изучении советскими историками проблемы политики России в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. см.: Нарочницкий А. Л. Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы.— ВИ, 1976, № 11.

⁶⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. М.: Наука, 1961—1967. Т. 1—3.

входили Балканы. Между тем позиция России и ее участие в дипломатической борьбе остаются еще предметом дальнейших исследований.

В ходе Восточного кризиса 1875—1878 гг. Россия оказывала поддержку болгарам, боснийцам и герцогиницам, а также Сербии и Черногории. Твердая позиция русского правительства и ультиматум, предъявленный Турции в ходе сербо-турецкой войны, спасли Сербию от полного разгрома⁶⁶. Советскими историками рассмотрена позиция официальной России и различных общественных кругов в отношении национально-освободительного движения болгарского народа. Особый интерес к данной проблематике вызвал столетний юбилей события огромного исторического значения для судьбы болгарского народа — освобождения от османского владычества. К этой дате был приурочен выход в свет сборника статей советских и болгарских авторов⁶⁷. Глубокий анализ политики России в отношении борьбы болгарского народа против власти османов содержится в опубликованной в данном сборнике статье В. Д. Конобеева и В. И. Мазаева. Этому же вопросу посвящены исследования И. В. Козьменко, С. А. Никитина, В. Д. Конобеева, Н. В. Зуевой, Е. М. Шатохиной⁶⁸. В этих работах на основе изучения архивных материалов показаны действия русской дипломатии, направленные на решение болгарского вопроса на всех этапах Восточного кризиса, отмечена исторически прогрессивная роль России в деле освобождения Болгарии.

Значительным достижением советской исторической науки является разработка вопросов об образовании независимого румынского государства, русско-румынских отношениях в период Восточного кризиса 1875—1878 гг., роли России в освобождении Румынии от турецкой зависимости. Эту задачу выполнил М. М. Залышкин⁶⁹.

В советской исторической литературе убедительно показано, что создание румынского независимого государства явилось результатом внутреннего экономического и политического развития страны. Вместе с тем анализ архивных материалов, проведенный

⁶⁶ Бочкарёва С. И. Русско-сербские отношения в начале Восточного кризиса 70-х гг. XIX в.—ССЛ, 1977, № 4.

⁶⁷ 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878—1978: Сб. статей. М.: Наука, 1978.

⁶⁸ Козьменко И. В. Болгарский вопрос в международных отношениях 1876—1878 гг.—КСИС, 1963, вып. 40; Она же. Русский дипломат А. Н. Церетелев — защитник интересов болгарского народа.—БИС, 1973, вып. 3; Она же. Россия и освобождение Болгарии.—БИ, 1978, вып. 4; Никитин С. А. Россия и освобождение Болгарии.—БИ, 1978, № 7; Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образование болгарского национального государства. 1856—1878.—НИИ, 1978, № 1.

⁶⁹ Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878 гг. М.: Наука, 1974. См. также: Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства.

М. М. Залышкиным, позволил сделать вывод о том, что провозглашению независимости Румынии во многом способствовала благоприятная международная обстановка. Большую роль сыграла дипломатическая и военная поддержка со стороны России. В монографии М. М. Залышкина показаны причины отхода правящих кругов Румынии от провозглашенного первоначально нейтралитета и постепенного сближения с Россией, которое привело к совместному военному выступлению против Османской империи. Автор подчеркнул, что развитие румыно-русских отношений привело к установлению военно-политического сотрудничества между двумя соседними государствами. Кроме того, в монографии затронуты вопросы румыно-русских революционных связей в 1875—1878 гг.

Значительные результаты достигнуты в изучении русско-турецкой войны 1877—1878 гг. не только как военного, но и как политического явления. За истекшее тридцатилетие появилось немало специальных исследований, монографий, статей по этому вопросу⁷⁰, в которых дан всесторонний анализ ее причин, характера и роли в социально-политической жизни балканских народов.

Вывод о том, что война 1877—1878 гг. способствовала освобождению народов Балканского полуострова от многовекового владычества османов, созданию благоприятных условий для формирования национальных независимых государств, всесторонне обоснован в этих трудах на материалах как общебалканских, так и отдельных стран. В Болгарии в ходе русско-турецкой войны свершилась буржуазно-демократическая революция, которая ликвидировала изжившую османскую феодально-деспотическую систему отношений и открыла путь для капиталистического развития страны.

Вопрос о роли России в борьбе за освобождение Болгарии занимает почетное место в ряду советских исследований. Боевому содружеству народов России и Болгарии посвящены работы В. Д. Конобеева, М. С. Гурбанова, В. И. Виноградова, И. В. Козьменко, П. К. Фортунатова, З. С. Новака и других⁷¹. В работах

⁷⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Изд-во АН СССР, 1953; *Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.* М.: Воениздат, 1956; *Фортунатов П. К. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии.* М.: Учпедгиз, 1960; *Бескровный Л. Г. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освободительная борьба балканских народов.* — ВИ, 1967, № 6; *Русско-турецкая война 1877—1878 гг.* М.: Воениздат, 1977; *БИ: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы*, вып. 4; и др.

⁷¹ *Конобеев В. Д. Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.* М.: Изд-во АН СССР, 1953; *Он же. Образование вооруженных сил Болгарии в период ее освобождения от турецкого ига. 1875—1879 гг.* — КСИС, 1954, вып. 12; *Он же. К вопросу о передаче Болгарии в 1879 г. русских судов Дунайской флотилии.* — КСИС, 1952, вып. 9; *Гурбанов М. С. Самарское знамя.* Кишинев: Штиинца, 1970; *Виноградов В. И. Боевое содружество народов России и Балкан во время русско-турецкой войны 1877—1878 г.* — В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М.: Наука, 1974; *Он же. Они сражались вдали от Ро-*

этих историков нашли отражение вопросы военного обучения болгар, формирования болгарского ополчения, создания вооруженных сил Болгарии, участия болгарских отрядов в совместных боевых действиях.

Участие болгарского народа в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. изучается в монографии А. А. Улуниана⁷². В ней затрагиваются вопросы национально-освободительного движения болгар в этот период, участия болгарских добровольцев в военных действиях. Разносторонняя вооруженная и материальная помощь болгарского населения русской армии рассматривается неразрывно с боевыми действиями русских войск. А. А. Улуний показал ее роль и значение для хода и результатов отдельных сражений и войны в целом.

Важное место в исследованиях занимает вопрос о воссоздании болгарского государства и роли русского гражданского управления, созданного царским правительством еще в период подготовки к войне.

Большой интерес вызывает у советских историков вопрос об отношении различных общественных кругов России к освободительному движению балканских народов 1875—1878 гг.⁷³ Особое

дополнение М.: Просвещение, 1969; Козыменко И. В. Из истории Болгарского ополчения (1876—1877). — Славянский сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1948; Фортунатов П. К. Боевой русско-болгарский союз. — В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. 75 лет: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Новак З. С. Участие бессарабских болгар в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.— В кн.: Юбилей дружбы: Сб. статей. Кишинев: Штиинца, 1969.

⁷² Улуний А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—78 гг. М.: Наука, 1971.

⁷³ Никитин С. А. Славянские комитеты в России 1858—1876; *Он же*. Очерки по истории...; *Он же*. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—76 гг.— В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1957; Яковлев Н. Н. Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян в 1876—78 гг.: Автореф. докт. дис. М., 1964; Киперман А. Я. К вопросу об общественном подъеме в России в связи с балканскими событиями 1875—1878 гг.— Учен. зап. / Шуйск. пед. ин-т, 1960, вып. 9; Сытко Т. Г. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость 1875—1876 гг.— В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии; Ханутин З. М. Отношение общественных кругов России к балканским событиям в период сербо-турецкой войны 1876 г.— Учен. зап. / Белорус. ун-т им. В. И. Ленина. Сер. ист., 1953, вып. 16; Хевролина В. М. Об отношении русского общества к войне и освобождению Болгарии от турецкого ига.— КСИС, 1964, вып. 40; *Она же*. Русско-турецкая война 1877—78 гг. и общественное движение в России.— ВИ, 1978, № 9; Хитрова Н. И. О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875—1878 гг.— В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1970; Гольберг М. Я. Балканские события 70-х годов XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей.— Там же; Фомин Ю. Е. Общественность Украины и национально-освободительное движение южных славян в 1875—1878 гг.: Автореф. канд. дис. Киев, 1971; Орлик О. В. Представители прогрессивной интеллигенции России — участники русско-турецкой войны 1877—78 гг.— ВИ, 1978, № 4; Улуний А. А. Апрельское

внимание уделяется изучению позиции передовой, революционной России, искреннее сочувствие и поддержка которой во многом способствовали справедливой борьбе народов Балкан за свою независимость. Целый ряд исследований советских историков посвящен проблеме отношения народников России к национально-освободительной борьбе южных славян. Этот вопрос исследуется в целом ряде статей В. М. Хевролиной, В. Я. Гросула, В. Н. Виноградова, К. А. Поглубко, М. М. Залышкина⁷⁴.

Во всех работах советских историков, касающихся политики России в период Восточного кризиса 1875—1878 гг., дается анализ Сан-Стефанского мирного договора указывается на его положительное значение для судеб балканских государств. Историки останавливаются на тех причинах, которые заставили Россию пойти на пересмотр Сан-Стефанского мира на Берлинском конгрессе 1878 г., значительно урезавшего результаты побед России. На этом конгрессе русская дипломатия прилагала все усилия, чтобы добиться удовлетворения как можно более широкого круга требований болгарского, сербского и других балканских народов. Но, встретив упорное сопротивление со стороны других великих держав — участниц конгресса, Россия была вынуждена отступить.

Реакция русского общества на решения Берлинского конгресса рассматривается в ряде статей В. И. Адо⁷⁵.

Период от Берлинского конгресса 1878 г. до середины 90-х го-

восстание в 1876 г. в Болгарии и Россия. М.: Наука, 1978; Подлесный Н. П. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и общественное мнение России: Автореф. канд. дис. Харьков, 1963; Козьменко И. В. Русское общество и Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии.— ВИ, 1947, № 5.

⁷⁴ Хевролина В. М. Революционное народничество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1878 гг.: Автореф. канд. дис. М., 1968; Она же. Русско-турецкая война 1877—78 гг. и революционное народничество.— В кн.: Славянская историография и археография. М.: Наука, 1969; Она же. Об авторстве некоторых материалов русской революционной печати по славянскому вопросу (1875—77 гг.).— В кн.: Славяне и Россия; Она же. Революционное народничество и сербско-турецкая война в 1876 г.— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1972; Она же. Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание.— БИ: Освободительные движения на Балканах. М., 1978, вып. 3; Гросул В. Я. Революционная Россия и освободительные движения на Балканах в 70-х гг. XIX в.— ННИ, 1978, № 2; Виноградов В. Н. Влияние народников России на румынское революционное движение 70-х годов XIX в.— ННИ, 1971, № 4; Поглубко К. А. Распространение революционной литературы среди русских войск на Балканах во время русско-турецкой войны 1877—78 гг.— В кн.: Юбилей дружбы: Сборник статей. Кишинев, 1969; Залышкин М. М. Новые архивные материалы о румыно-русских революционных связях в 1875—78 гг.— ВИ, 1958, № 12.

⁷⁵ Адо В. И. Либеральная пресса в России об итогах Берлинского конгресса.— Учен. зап. / Казан. ун-т, 1957, т. 117, кн. 9; Она же. Берлинский конгресс и помещичье-буржуазное общественное мнение в России.— ИЗ, 1961, т. 69.

дов XIX в. является одним из малоизученных в плане балканской политики России.

Общая картина международных отношений в последней четверти XIX в. дана во втором томе «Истории дипломатии», в соответствующей главе пятого тома 12-томной «Истории СССР» (автор академик В. М. Хвостов), а также в уже упоминавшихся работах Н. С. Киняпиной и коллективной монографии «Восточный вопрос...».

Русская политика на Балканах в первые годы после Берлинского конгресса нашла отражение в фундаментальном труде С. Д. Сказкина⁷⁶. В работе показаны причины неудач русской политики в Болгарии, особое внимание обращено на обострение русско-австрийских отношений. Деятельность русской дипломатии после освобождения Болгарии, поддержка ею справедливых, прогрессивных устремлений болгарского народа освещены в статьях И. В. Козьменко, В. Д. Конобеева, Е. М. Шатохиной, Н. В. Зуевой⁷⁷.

Вопрос о борьбе болгарского народа против решений Берлинского конгресса рассмотрен В. Д. Конобеевым⁷⁸. Автор делает вывод о том, что борьба являлась продолжением национально-освободительного движения болгар в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В. Д. Конобеев показал, что поддержка Россией борьбы болгарского народа сыграла важную роль в деле сохранения независимости Северной Болгарии и полной автономии Южной Болгарии. Русская армия решительно встала на защиту Южной Болгарии, когда возникла угроза вооруженного вторжения Турции, которую подстрекала на это Англия.

В статье И. В. Козьменко⁷⁹ дается подробный анализ Тырновской конституции, освещается позиция России в период ее подготовки и принятия.

В обобщающих трудах по внешней политике России последней четверти XIX в. затронуты вопросы сложной дипломатической игры Александра Баттенберга, австро-русских противоречий в этой связи, позиции царского правительства по отношению к Тырновской конституции, причины и исход болгарского кризиса 1885—1886 гг.

⁷⁶ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза.

⁷⁷ Козьменко И. В. Русская дипломатия в борьбе за автономию и безопасность Южной Болгарии (1878—1879 гг.).— ВИ, 1978, № 3; Она же. Русская делегация в Европейской комиссии по Восточной Румелии (1878—1879).— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах; Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Из истории борьбы за национальную автономию Южной Болгарии в 1878—1879 гг.— В кн.: Юбилей дружбы.

⁷⁸ Конобеев В. Д. Борьба болгарского народа за национальную независимость и против решений Берлинского конгресса.— В кн.: Освобождение Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

⁷⁹ Козьменко И. В. Петербургский проект Тырновской конституции.— Исторический архив. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. IV.

Вопрос о позиции России в период болгарского кризиса 1885—1886 гг. затрагивается в статьях В. К. Терехова⁸⁰. Автор показал неопределенную, нерешительную политику России в этом сербо-болгарском конфликте, которая определялась расстановкой сил на международной арене в этот период, позицией, занятой Австро-Венгрией и рядом европейских государств.

Еще недостаточно разработан до сих пор вопрос общественных связей России с балканскими народами в 80—90-е годы XIX в. Однако в последние годы появились отдельные работы на эту тему. Так, вопросам русско-сербских общественных, научных, культурных и революционных связей посвящен ряд статей С. И. Бочкаревой⁸¹. На основе большого фактического материала автор делает вывод о той важной роли, которую эти связи играли в деле взаимного познания русского и сербского народов в годы ухудшения официальных отношений России и Сербии, укрепления дружбы и братства между ними. Этот же вопрос затрагивается в статье Е. К. Жигунова⁸². Связям П. Л. Лаврова с болгарами посвящена статья К. А. Поглубко⁸³.

В конце XIX — начале XX в. с переходом капитализма в империалистическую стадию развития изменение соотношения сил между главными враждующими группировками империалистических государств — Тройственным союзом и Антантою — привело к обострению противоречий между великими державами на Балканах. Во все разгоравшейся борьбе за Балканы тенденция к усилению политического и экономического подчинения малых балканских государств становилась все более определенной в политике обоих империалистических блоков.

Обобщающие комплексные труды по данной проблематике пока что отсутствуют, хотя в 60—70-е годы в СССР появился целый ряд работ, в которых затронуты отдельные ее аспекты⁸⁴.

⁸⁰ Терехов В. К. Сербия и Румелийский переворот 1885 г.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. М.: Изд-во МГУ, 1973; *Он же*. Дипломатическая борьба накануне сербско-болгарской войны 1885 г.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. М.: Изд-во МГУ, 1974.

⁸¹ Бочкарева С. И. Сербская социалистическая газета «Радник» о русском революционном движении.— ССЛ, 1975, № 4; *Она же*. Русская периодическая печать о событиях в Сербии 1878—1885 гг.— В кн.: Вопросы всеобщей истории. М.: Изд-во МГУ, 1976.

⁸² Жигунов Е. К. К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX в.: П. Л. Лавров и сербские революционеры.— В кн.: Соответское славяноведение.

⁸³ Поглубко К. А. Новые документы о связях П. Л. Лаврова с болгарами (80—90-е гг. XIX в.).— В кн.: Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев: Штиинца, 1977.

⁸⁴ Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг.: Пролог первой мировой войны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964; Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907—1914). М.: Изд-во ИМО, 1961; Хвостов В. М. История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1963. Т. II; *Он же*. Проблемы истории внешней политики России и международных

В первые годы XX в. Россия не могла вести активной политики на Балканах. Взоры царизма были направлены на Дальний Восток. Балканский вопрос, по образному выражению русского министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского, был поставлен под «стеклянный колпак». Политика сохранения статус-кво на Балканах привела к значительному усилению влияния Австро-Венгрии, что в свою очередь вызывало рост антиавстрийских настроений в балканских странах и поднимало акции России. Этот процесс происходил, в частности, в Болгарии. Он подробно исследован в работе киевского историка А. К. Мартыненко о русско-болгарских отношениях в 1894—1902 гг.⁸⁵ В работе прослежено постепенное усиление русского влияния в Болгарии, особенно после 1896 г., стремление царского правительства укрепить свои позиции в княжестве с тем, чтобы более активно влиять на события на Балканах в целом. Рассматривая развитие русско-болгарских отношений в конце XIX — начале XX в., исследователь А. К. Мартыненко делает вывод о том, что русское правительство придерживалось политики невмешательства во внутренние дела Болгарии. В монографии подробно рассматривается вопрос о русско-болгарской торговой (1897 г.) и военной (1902 г.) конвенциях, подписанием которых был сделан шаг к дальнейшему сближению между Россией и Болгарией.

Аналогичные процессы происходили и в Румынии. С конца XIX в. в русско-румынских отношениях наступает новый этап, характеризующийся заинтересованностью обеих сторон в нормализации межгосударственных отношений. Эта проблематика разработана в монографии молдавского историка А. С. Агаки⁸⁶. Анализ конкретного материала позволил автору сделать вывод, что в основе нормализации отношений России и Румынии в 1898—1908 гг. лежали не экономические, а политические факторы.

Особенности развития межгосударственных отношений России и Болгарии накануне и в период первой русской революции 1905—1907 гг. исследованы во второй монографии А. К. Мартыненко⁸⁷, где автор приходит к выводу, что русская политика по-прежнему сводилась к формуле: поддержание статус-кво на Балканах и невмешательство во внутренние дела болгарской буржуазии и монархии. Значительный интерес представляет раздел монографии, посвященный характеристике экономических отношений между Россией и Болгарией, где подробно анализируется русско-болгарский торговый договор 1905 г., явившийся, по

отношений в конце XIX — начале XX в.— Избранные труды. М.: Наука, 1977.

⁸⁵ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1967.

⁸⁶ Агаки А. С. Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев: Штилпца, 1976.

⁸⁷ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905—1907 гг. Киев: Вища школа, 1974.

мнению автора, «самым равноправным договором из всех, заключенных Болгарией со странами, подписавшими Берлинский трактат»⁸⁸.

В начале XX в. Османская империя, как и другие страны Востока, была охвачена новым подъемом национально-освободительного движения. Летом 1908 г. в Турции произошла младотурецкая революция. Она в высшей степени обострила обстановку на Ближнем Востоке. Работы В. М. Хвостова, И. В. Бестужева, К. Б. Виноградова, В. И. Шеремета⁸⁹, рассматривающие ход младотурецкой революции и отношение великих держав, в том числе и России, к этому событию, показали, что правящие круги России встали на путь сотрудничества с новым турецким правительством, что являлось для них возможным и желательным как с точки зрения борьбы против роста влияния Германии и Австро-Венгрии, так и с целью прекращения дальнейшего развития революции в Турции.

Событияbosнийского кризиса 1908—1909 гг., сыгравшие большую роль в развитии отношений России с балканскими народами, стали объектом пристального изучения советскими историками-балканистами и учеными, посвятившими свои работы общим проблемам этого периода. Среди них работы Е. В. Тарле, В. М. Хвостова, К. Ф. Шацилло, В. И. Бовыкина, И. В. Бестужева, И. С. Галкина, К. Б. Виноградова, И. И. Астафьевы и других⁹⁰.

Во втором томе «Истории дипломатии» его автор В. М. Хвостов подробно рассматривает деятельность министра иностранных дел России А. П. Извольского накануне аннексии, его стремление с помощью Австро-Венгрии добиться изменения режима черноморских проливов в пользу России.

Проблемеbosнийского кризиса посвящена специальная монография К. Б. Виноградова⁹¹. В ней автор рассматривает основные линии внешнеполитической деятельности европейских держав

⁸⁸ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения, с. 137.

⁸⁹ См.: Восточный вопрос во внешней политике России.

⁹⁰ См.: Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. М.; Л.: Госиздат, 1928; История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 2; Шацилло К. Ф. Россия перед первой мировой войной: Вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг. М.: Наука, 1974; Бовыкин В. И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в.—1917 г. М.: Учпедгиз, 1960; Он же. Из истории возникновения первой мировой войны: Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. М.: Изд-во МГУ, 1961; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1908—1910; Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М.: Изд-во МГУ, 1960; Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг.: Пролог первой мировой войны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964; Астафьев И. И. Вопрос о черноморских приливах в период Боснийского кризиса 1908—1909 гг.— Вестн. МГУ, сер. 9, История, 1969, № 1 и др.

⁹¹ Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг.: Пролог первой мировой войны.

в 1908—1909 гг. в связи с нарастанием империалистических противоречий на Балканах, подчеркивает невозможность для России вести активную политику на Балканах, что и было использовано австро-германской дипломатией в деле подготовки аннексии Боснии и Герцеговины. Одним из результатов аннексии Боснии и Герцеговины был новый курс русской дипломатии, заключавшийся в содействии созданию фронта балканских государств в качестве противодействия австро-германской экспансии в этом регионе.

После боснийского кризиса русская дипломатия все активнее действует в направлении улучшения отношений с балканскими государствами исходя из планов подготовки царизма к мировой войне. Б. Б. Кросс в своих работах⁹² проследил сдвиги во внешнеполитической ориентации Румынии накануне первой мировой войны, выразившиеся в улучшении ее отношений с Россией и начавшемся процессе постепенного отхода от Тройственного союза. Автор показал экономические и политические предпосылки русско-румынского сближения.

Одним из последствий боснийского кризиса явилось укрепление русско-сербских отношений, несмотря на то что в ходе самого кризиса царская Россия, ослабленная русско-японской войной и революцией 1905—1907 гг., не смоглаказать действенной поддержки Сербии. Между тем с конца 1908 г. царская дипломатия развернула активную деятельность по созданию блока балканских государств, направленного против Австро-Венгрии и Германии.

В исследованиях В. А. Жебокрицкого⁹³ подробно рассмотрен вопрос о посредничестве России в заключении сербо-болгарского договора 1912 г. Автор отметил, что Россия оказала большое содействие балканским странам в деле сближения для совместной борьбы против Османской империи и предотвращения опасности, грозившей им со стороны австро-германского империализма.

Значительный интерес для рассматриваемой проблемы представляет монография В. И. Бовыкина⁹⁴, в которой затрагивается целый комплекс вопросов предыстории первой мировой войны, в том числе и балканская политика России. Автор связывает дея-

⁹² Кросс Б. Б. Констанцское свидание: Из истории русско-румынских дипломатических отношений накануне первой мировой войны.—Учен. зап. / Шуйск. пед. ин-т, 1959, вып. 8; *Он же*. Русско-румынские дипломатические отношения в период Июльского кризиса 1914 г.—Учен. зап. / Шуйск. пед. ин-т, 1960, вып. 9; *Он же*. Предпосылки русско-румынского сближения накануне первой мировой войны.—Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т, Псков, 1971, т. 502; *Он же*. Русская дипломатия и Румыния накануне первой мировой войны.—ИС, 1971, № 4; *Он же*. Русско-румынские дипломатические отношения накануне первой мировой войны.—БИ, 1976, [вып. 2].

⁹³ Жебокрицкий В. А. Болгария накануне балканских войн 1912—1913 гг. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1961; *Он же*. Болгария в период балканских войн 1912—1913 гг. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1961.

⁹⁴ Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны: Отношения России и Франции в 1912—1914 гг.

тельность русской дипломатии по созданию блока балканских государств со стремлением царизма решить проблему черноморских проливов.

Междунраодные аспекты балканских войн 1912—1913 гг. изучали В. М. Хвостов, И. С. Галкин, М. А. Бирман, П. Н. Ефремов и другие⁹⁵. В их работах уделено внимание и позиции России в период балканских войн. Советские историки подчеркивают невозможность для России в этот период вести активную политику на Балканах, так как она опасалась быть втянутой в войну, к которой не была готова.

Интересные материалы, свидетельствующие о том, что царское правительство стремилось в эти годы избежать войны и удерживало от выступления балканские страны, приводит М. Т. Панченкова⁹⁶. В своей работе она рассмотрела также такой важный вопрос, как Лондонская мирная конференция представителей воюющих стран (декабрь 1912 г.), и показала позицию русской дипломатии, стремившейся закрепить результаты одержанных побед балканских государств и укрепить их самостоятельность и независимость.

Исследования В. М. Хвостова, В. А. Жебокрицкого и М. Т. Панченковой доказали, что накануне второй балканской войны — войны между недавними союзниками за передел турецкого наследства русская дипломатия приложила немало усилий, чтобы сохранить коалицию балканских государств, удержать их от столкновения. Вслед за А. А. Могилевичем и М. Э. Айрапетяном⁹⁷ В. А. Жебокрицкий сделал вывод, что обвинения России в пособничество развязыванию межсоюзнической войны, встречающиеся в западной буржуазной историографии, являются в корне неверными, искажающими историческую истину. Архивные документы доказывают обратное: российское правительство не хотело развязывания войны между балканскими союзниками и всемерно стремилось к мирному урегулированию возникших между ними разногласий.

Балканские войны, как и предсказывал В. И. Ленин, привели «к обострению классовых и международных противоречий, к войнам и революциям»⁹⁸.

⁹⁵ История дипломатии, т. 2; Ефремов П. Н. Внешняя политика России...; Жогов В. П. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая баланская война 1912—1913 гг. М.: Наука, 1969; Бирман М. А. Дипломатия Германии и Балканский союз в 1912 г.— В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М.: Наука, 1971; Галкин И. С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав.— ВМУ. Сер. обществ. наук, 1956, № 4.

⁹⁶ Восточный вопрос во внешней политике России, разд. III.

⁹⁷ Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне 1914—1918 гг. М.: ОГИЗ, 1940.

⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 135.

Балканская политика России периода первой мировой войны получила освещение в целом ряде обобщающих трудов, посвященных истории первой мировой войны⁹⁹.

Значительным вкладом в историческую науку была фундаментальная монография Ф. И. Нотовича, посвященная дипломатической борьбе в годы первой мировой войны. В ней впервые в советской и зарубежной литературе были широко использованы архивные документы царского правительства. В книге получили освещение наиболее крупные европейские дипломатические проблемы тех лет, в разрешении которых Россия принимала активное участие, в том числе борьба за балканские государства, югославянский вопрос и вопрос о Константинополе и проливах.

Общая характеристика балканской политики царизма в годы первой мировой войны дана в соответствующих главах «Истории дипломатии», написанных В. М. Хвостовым. Обобщающий характер носит и комплексное исследование В. А. Емеца, посвященное изучению важнейших проблем политики и стратегии царизма в годы первой мировой войны. Рассматривая ее балканский аспект, автор справедливо подчеркивает важность для России Балканского фронта. Этим определялись, по его мнению, усилия царской дипломатии, направленные на то, чтобы перетянуть Болгарию на сторону Антанты или хотя бы обеспечить ее нейтралитет, оказать помощь Сербии, способствовать сближению балканских государств. В. А. Емец документально доказывает, что союзники России — Англия и Франция — старались парализовать инициативу царской дипломатии в балканских делах, опасаясь увеличения территории и усиления Болгарии и перспектив восстановления Балканского союза, который, по их мнению, мог бы явиться для России орудием установления ее преобладания на Балканах. В результате вместо общего плана решения балканского вопроса союзная дипломатия перешла к переговорам с каждой балканской страной.

Следует отметить, что в настоящее время советскими историками написан также ряд работ, отражающих политику России в отношении отдельных балканских народов. Так, истории русско-сербских отношений посвящена работа Ю. А. Писарева¹⁰⁰. Большой документальный материал, находившийся в его распоряжении, позволил Ю. А. Писареву разработать вопрос о той разно-

⁹⁹ См.: Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. I—II; История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1963—1965. Т. 1—3; Емец В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М.: Наука, 1977; Вержловский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914—1918 гг. М.: Воениздат, 1964; История первой мировой войны. М.: Наука, 1975. Т. 1; Первая мировая война. М.: Наука, 1968; Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М.: Наука, 1976; Восточный вопрос во внешней политике России, разд. III.

¹⁰⁰ Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне.

образной помощи — экономической, финансовой, военной, дипломатической, которую оказала Россия во время войны Сербии и Черногории. Автор справедливо отметил, что помощь эта не была бескорыстной. Балканы имели для царизма большое политическое значение, а Балканский фронт, соприкасавшийся с Восточным фронтом, оттягивал на себя часть сил государств центральной коалиции. В своей балканской политике Россия в этот период опиралась на Сербию и Черногорию. Этим и определялась та помощь, которую оказывала официальная Россия этим государствам. Однако эта поддержка, как показал Ю. А. Писарев, играла положительную роль для Сербии и Черногории, которые вели тяжелую войну против агрессора.

Русско-румынские отношения в годы первой мировой войны нашли отражение в монографии В. Н. Виноградова¹⁰¹. Автор рассмотрел основные моменты истории Румынии в 1914—1918 гг., проанализировал внешнеполитические планы румынских правящих кругов, показал «двойную игру» правительства И. Брэтиану накануне вступления Румынии в войну, процесс перехода ее в лагерь Антанты. В. Н. Виноградов затронул также вопрос о русско-румынской конвенции 1 октября 1914 г. До него этот договор расценивался как договор о нейтралитете, автор же считает, что он являлся шагом по пути вовлечения Румынии в войну на стороне Антанты.

Особенности политики России в отношении Болгарии рассмотрел в 3-м томе «Истории дипломатии» В. М. Хвостов. Он подчеркнул то большое значение, которое придавало царское правительство привлечению этой страны к Антанте, ибо выступление Болгарии на стороне центральных держав создало бы для Сербии крайне тяжелое положение. В. М. Хвостов подробно остановился на тех причинах, в силу которых этим планам не суждено было сбыться: 3 сентября 1914 г. болгарское правительство подписало соглашение с Турцией, а 6 сентября — союзный договор с Германией и Австро-Венгрией.

Стремление России обеспечить нейтралитет Турции в войне и действия русской дипломатии в этом направлении показаны в работе М. Т. Панченковой.

В конце XIX — начале XX в. все большее значение в русско-балканских связях приобретают связи революционные, которые развивались независимо от политики правительств и играли огромную роль в упрочении отношений дружбы и братства между народами России и Балкан. Передовые идеи русских революционеров, рост революционного движения, революция 1905—1907 гг., Февральская и Великая Октябрьская социалистическая революции, деятельность В. И. Ленина и большевиков способствовали

¹⁰¹ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1969.

формированию на Балканах рабочих партий, классовых профсоюзных организаций, росту демократического, национального, рабочего и крестьянского движений. В советской историографии эти вопросы разработаны основательно и фундаментально.

Исследования, проведенные советскими историками-славистами и балканистами в послевоенные годы, подтверждают известное высказывание В. И. Ленина о том, что «извержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара»¹⁰².

Немалое внимание уделялось и уделяется в советской исторической литературе влиянию первой русской революции 1905—1907 гг. на развитие рабочего и революционного движения в Болгарии. В работах советских историков О. В. Панцуктиловой, Г. Н. Попова, А. К. Мартыненко и других¹⁰³ исследуется интернациональная солидарность трудящихся Болгарии с революционным пролетариатом России в те годы, показывается усиление рабочего и студенческого движения в Болгарии под влиянием русской революции, рост руководящей роли партии тесняков в болгарском рабочем движении.

Значительных успехов в разработке этой проблемы достигли советские историки-румынисты. В работах В. Н. Виноградова, А. Новака, Е. И. Спиваковского, В. П. Сторожука¹⁰⁴ рассмотрены вопросы влияния первой русской революции на развитие крестьянского движения в Румынии, подъем в эти годы румынского рабочего движения, обогатившегося новыми формами революционной борьбы, роль русской революционной эмиграции в распространении в Румынии идей русской революции 1905—1907 гг.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 80.

¹⁰³ См.: Панцуктилова О. В. Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. М.: Госполитиздат, 1956; Попов Г. Н. Влияние первой русской революции на подъем революционного движения в Болгарии в 1905—1907 годах.—Учен. зап. /Харьк. ун-т, 1956, т. 66. Труды кафедры марксизма-ленинизма, кн. 2; Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905—1907 гг.; Шнитман А. М. Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896—1923 гг.). Мурманск, 1967.

¹⁰⁴ См.: Виноградов В. Н. Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М.: Изд-во АН СССР, 1958; История Румынии нового и новейшего времени / В. Н. Виноградов, Е. Д. Карпеценко, Н. И. Лебедев, А. А. Языкова. М.: Наука, 1964; Новак А. Э. Первая русская буржуазно-демократическая революция и революционное движение в Румынии (1905—1907 гг.). Кипинев: Картия молдовеняскэ, 1966; Спиваковский Е. И. Подъем рабочего движения в Румынии в 1905—1906 годах.—ВИ, 1952, № 5; Он же. Подъем революционного движения в Румынии в начале XX века. М.: Соцэкиз, 1958; Сторожук В. П. Влияние первой русской революции на революционное движение в Румынии (1905—1907 гг.).—Учен. зап. /Кипинев. ун-т, 1958, т. XXXIII.

Вопрос о революционном подъеме в югославских областях Австро-Венгрии под влиянием первой русской революции 1905—1907 гг. исследован в монографии Ю. А. Писарева¹⁰⁵.

Огромное значение революционных событий в России на развитие национально-освободительной борьбы на Крите в начале XX в., закончившейся присоединением Крита к Греции в 1912 г., показал И. С. Галкин¹⁰⁶.

Под влиянием первой русской революции начался новый этап национально-освободительного движения албанского народа, завершившийся провозглашением независимости Албании в ноябре 1912 г. Этот вопрос рассмотрен в монографии И. Г. Сенкевич¹⁰⁷.

Революционные события 1905—1907 гг. получили живой отклик в Османской империи. Советские историки А. Ф. Миллер¹⁰⁸ и Ю. А. Петросян¹⁰⁹ в своих работах пришли к выводу, что в 1905—1907 гг. в Османской империи имел место революционный подъем, решавшим фактором в возникновении которого были революционные события в России. Значительные изменения произошли и в младотурецком движении. «Младотурки,— отмечает Ю. А. Петросян,— пошли на объединение с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов империи и вступили на путь революционной борьбы с феодально-абсолютистским режимом¹¹⁰. Поднявшееся в своем развитии на новую ступень младотурецкое движение подготовило прогрессивные силы Турции к первой в ее истории буржуазной революции 1918 г.

Следует отметить, что наряду с глубоким изучением влияния первой русской революции 1905—1907 гг. на отдельные балканские страны советские историки изучают и то общее, что было характерно для этого процесса в целом¹¹¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая народы России от гнета капитализма, имела всемирно-историческое значение. В. И. Ленин писал: «Российская революция указала всему миру пути к социализму и показала буржуазии, что близится конец ее торжества»¹¹².

Октябрьская революция сыграла огромную роль в развитии революционного, рабочего, демократического и национально-осво-

¹⁰⁵ Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1904—1914. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

¹⁰⁶ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг.

¹⁰⁷ Сенкевич И. Г. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

¹⁰⁸ Миллер А. Ф. 50-летие младотурецкой революции. М.: Знание, 1958.

¹⁰⁹ Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971.

¹¹⁰ Петросян Ю. А. Младотурецкое движение..., с. 253.

¹¹¹ См.: Хренов И. А. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на славянские страны.— КСИС, 1956, вып. 20; Виноградов В. Н., Писарев Ю. А. 1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах.— ВИ, 1976, № 6.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 30.

бодительного движения на Балканах. В новейшую эпоху всемирной истории, открытую Великим Октябрьем, еще более окрепли и расширились, приобрели новое качественное содержание традиционные связи нашей страны с балканскими странами. Советско-балканские связи являются предметом серьезного изучения советской историографии¹¹³.

Анализ советской исторической литературы по проблеме «Россия и Балканы (1774—1917 гг.)», вышедшей после 1945 г., позволяет утверждать, что историки СССР исследованиями в этой области внесли значительный вклад в мировую историческую науку.

Наибольшее количество работ по вышеуказанной проблематике появилось в СССР в 60—70-е годы.

Важное место в исследованиях советских балканников заняли вопросы революционных, общественных, культурных, научных связей народов России с народами Балканского полуострова.

Успехи, достигнутые в области изучения связей России с различными народами Балкан, создают хорошую основу для комплексных исследований в этом направлении.

История рабочего и коммунистического движения на Балканах в межвоенный период

М. Д. ЕРЕЩЕНКО

В настоящем обзоре предпринимается попытка охарактеризовать наиболее значительные из опубликованных за последние годы работ, которые акцентируют внимание на главных направлениях исследований рабочего и коммунистического движения на Балканах в межвоенный период.

В общем виде эти направления можно было бы обозначить следующим образом:

1) переломное значение Великой Октябрьской социалистической революции для рабочего и национально-освободительного движений балканских стран; деятельность интернационалистов — трудящихся балканских стран в защиту Советской Республики;

2) образование коммунистических партий в странах Юго-Восточной Европы и Коминтерн; распространение ленинизма на Балканах в межвоенный период;

3) рабочее и коммунистическое движение в борьбе за демократию, против реакции, фашизма и войны в 30-е годы.

¹¹³ Подробнее см. статью М. Д. Ерещенко в данном сборнике.

Из всего комплекса проблем истории рабочего и революционного движения в балканских странах, может быть, наиболее полно в советской балканистике раскрыто значение и непосредственное влияние Октябрьской революции на это движение.

Важнейшим моментом исследований является изучение решающей роли Октября для обретения народами Балканского полуострова собственной национальной государственности и укрепления независимости.

Победоносная революция в России смела царизм и указала всем угнетенным и зависимым народам реальный путь выхода из империалистической войны к новому миру — через революционную борьбу широких трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение. Под непосредственным и благотворным влиянием победы Великого Октября пала монархия Габсбургов, рухнула империя Гогенцоллернов. В обстановке мощного революционного подъема и национально-освободительного движения было создано объединенное Югославское государство (1918 г.), на Балканах сформировалось новое независимое государство — Албания (1920 г.), а на развалинах некогда могущественной Османской империи появилась молодая буржуазная Турецкая республика (1923 г.). Революция в России сыграла роль мощного катализатора всех внутренних противоречий, которые резко обострились и привели к нарастанию революционного кризиса в Болгарии, Румынии, Греции, Югославии.

Известно, что в буржуазной историографии предпринимаются попытки представить в искаженном свете международное значение Октябрьской революции, мощное революционизирующее влияние ее на общественный прогресс, на международное рабочее движение.

Разоблачение буржуазных концепций приобретает особенно актуальное политическое значение сегодня. В этой связи обращение советских балканистов к истории революционно-освободительного движения в этом регионе Юго-Восточной Европы пронизано стремлением показать историю борьбы народных масс как бы «изнутри» развития революционного процесса в каждой из балканских стран.

В центре внимания советских историков Ю. А. Писарева, В. В. Зеленина, Г. М. Славина, М. М. Сумароковой и других на протяжении многих лет находятся вопросы борьбы югославянских народов за свое национальное и социальное освобождение, влияния Октябрьской революции на исторические судьбы народов Югославии¹.

¹ Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М.: Наука, 1968; Он же. Образование Югославского государства. М.: Наука, 1975; Зеленин В. В. И. Ленин о национальной революции южного славянства. — ССЛ, 1969, № 2; Он же. Под красным знаменем Октября. М.: Мысль, 1977; Сумарокова М. М., Славин Г. М. Из истории образования КПЮ.— Вопросы истории КПСС, 1969, № 4; Сумарокова М. М., Славин Г. М. В. И. Ленин

Авторы подробно исследуют югославянскую проблему и ее место в общем потоке национально-освободительной борьбы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, разбуженных революционным набатом Октября. На основе разнообразных и многочисленных источников освещается развитие взаимоотношений Советской России и югославянских народов².

Под влиянием Великого Октября росло и ширилось революционное движение в первые годы существования Королевства сербов, хорватов и словенцев. Рабочий класс югославских земель восстановил свои профсоюзные и социал-демократические организации. Десятки тысяч югославянских военнонопленных, прошедших в России школу революционной борьбы, вернувшись на родину, оказали прямое воздействие на пролетарское движение.

Победа трудящихся масс в России указывала путь борьбы за обновление мира и другим народам Балканского полуострова.

В Болгарии непосредственным отзвуком Октябрьской революции явилось массовое солдатское (Владайское) восстание в сентябре 1918 г. Монография и серия статей М. А. Бирмана посвящены проблемам нарастания революционного процесса в годы послеоктябрьского подъема в Болгарии³. Мировая война привела к расстройству производительных сил страны и резкому ухудшению положения трудящихся. Налицо был и кризис «верхов», о чем свидетельствует провозглашение Болгарии республикой 27 сентября 1918 г. Но оказавшись без надежного политического руководства, «болгарский пролетариат был еще не в силах обеспечить победоносный революционный выход из революционного кризиса»⁴.

и сербская социал-демократия в период Балканских войн и первой мировой войны.— ССЛ, 1970, № 2; Славин Г. М. Как трудящиеся Югославии праздновали годовщины Великого Октября.— ССЛ, 1977, № 5; и др.

² Писарев Ю. А. Советско-сербские отношения в период Бреста и югославская проблема.— ВИ, 1973, № 8.

³ Бирман М. А. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1957; *Он же*. Отклики в советской печати на Владайское восстание в Болгарии осенью 1918 г.— В кн.: Октомврийската революция и българо-съветската дружба. София: Изд-во на БАН, 1967; *Он же*. Революционное движение болгарского пролетариата в 1918—1923 гг. и антифашистское восстание 1923 г.— ССЛ, 1973, № 5.

⁴ Бирман М. А. Революционная ситуация..., с. 379. О влиянии Великого Октября на Болгарию см. также: Владимирская В. И. О влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Болгарии (1917—1918).— Учен. зап. / Моск. ун-т, 1957, вып. 197; Гуревич А. М. Подъем рабочего и коммунистического движения в Болгарии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в 1917—1923 гг.— Учен. зап. / Гомельск. пед. ин-т им. В. П. Чкалова, 1957; Шнитман А. М. Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896—1923). Мурманск, 1967; Андрюшин Е. Н. Отношение Димитра Благоева к Великой Октябрьской социалистической революции.— Учен. зап. / Курск. пед. ин-т, 1971, т. 76; и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция была вдохновляющим примером для пролетариата и крестьянства Румынии в их борьбе против реакционного режима, за мир, землю, социальные и политические права. Принимавшая участие в империалистической войне на стороне Антанты Румыния, значительная часть которой в 1917—1918 гг. была оккупирована войсками Германии и Австро-Венгрии, оказалась в тяжелом положении. Социальные и национальные задачи здесь тесно переплетались и требовали разрешения. Поэтому в Румынии, находившейся в непосредственном соседстве с революционной Россией, победа российского пролетариата вызвала не только горячие симпатии, но и активные действия широких масс трудящихся.

Широкий круг вопросов по этой проблематике был исследован в новейших работах В. Н. Виноградова, В. М. Рожко, М. С. Френкина, в главе обобщающего труда «История Румынии 1918—1970», написанной П. П. Ванделем, в работах молдавских историков, посвященных влиянию Октябрьской революции на румынских трудящихся, армию и флот, находившихся в тот период на территории России⁵.

По своему политическому содержанию массовое стачечное движение румынского пролетариата, антивоенные выступления в армии в конце 1918 г. были революционным движением, основные требования которого вытекали из опыта и идей Великого Октября. В ряде мест возникли новые формы организации рабочего движения — рабочие Советы, а в Бухаресте — даже отряды рабочей гвардии.

Описывая размах и революционную динамику этого движения, советские историки исследуют вопрос о нарастании кризиса в этот период, когда революционная ситуация в Румынии достигла такой фазы, что перед пролетариатом встал вопрос о взятии власти. Но эта обстановка не была использована рабочим движением: румынский пролетариат еще не был достаточно организован, сказалось и отсутствие руководящей пролетарской марксистско-ленинской партии.

Идеи Октября нашли горячий отклик во всей общественно-политической жизни Греции. В последние годы эта тема получила более глубокое развитие в работах историков-марксистов.

⁵ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1969; *Он же*. Очерки общественно-политической мысли в Румынии (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1975; Рожко В. М. Солидарность русских революционных солдат Румынского фронта с рабочим и крестьянским движением в Румынии.— В кн.: Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1969; Френкин М. С. Содействие русских революционных солдат борьбе румынских трудящихся в 1917 г.— ВИ, 1973, № 7; Большевики Молдавии и румынского фронта в борьбе за власть Советов: Документы и материалы. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1967; За власть Советскую: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. 1917—1920. Сб. документов. Кишинев, 1970.

Основной объект исследования Д. Касураса составляют вопросы рабочего и коммунистического движения, распространения марксистско-ленинского наследия в Греции в послеоктябрьский период⁶. Автор дает общую картину и определяет этапы подъема революционного рабочего движения в новую эпоху, открытую российским пролетариатом, когда события Великого Октября «послужили воодушевляющим сигналом к усилению классовой борьбы» в Греции⁷.

Рассматривая процесс роста классового сознания трудящихся масс Греции в эти годы, А. Куцукалис связывает его с благотворным влиянием идей Великого Октября, ленинских декретов Советской власти⁸. Ярким свидетельством этого воздействия явилась открытая активная борьба греческого народа за окончание кровопролитной войны, направляемой правящими классами страны против национально-освободительного движения Турции и Албании.

Определенный вклад в изучение проблем греческого рабочего движения внесла работа С. Д. Зорбаласа о деятельности газеты «Ризоспастис» — органа ЦК Компартии Греции⁹. На большом фактическом материале автор показывает, как коммунистическая газета разъясняла народным массам историческое значение социалистической революции в России, разоблачая кампанию клеветы и лжи против нее реакционной буржуазной печати.

Все больше привлекают внимание современных исследователей вопросы истории рабочего и национально-освободительного движения Турции в межвоенный период¹⁰.

Октябрьская революция сорвала планы Антанты о разделе Турции, нарушив сложившееся в годы первой мировой войны соотношение сил империализма на Балканах и Ближнем Востоке и создав тем самым благоприятные условия для развития национально-буржуазной революции в Турции. Огромное значение при этом имели успехи Советской России в борьбе с империалистической интервенцией, проводившейся теми же державами, которые вели борьбу и против Турции.

⁶ Касурас Д. Великая Октябрьская социалистическая революция и марксистско-ленинская мысль в Греции.— В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция и Греция. Ташкент: Объед. изд-во ЦК КП Узбекистана, 1968.

⁷ Касурас Д. Великая Октябрьская социалистическая революция..., с. 25.

⁸ Куцукалис А. Великая Октябрьская социалистическая революция и греческое рабочее движение.— В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция и Греция.

⁹ Зорбалас С. Д. «Ризоспастис» — орган ЦК КПГ в борьбе за интересы греческих трудящихся (1917—1936). М., 1964.

¹⁰ Новичев А. Д. Турция: Краткая история. М.: Наука, 1965; Корниенко Р. А. Рабочее движение в Турции. 1918—1963. М.: Наука, 1965; Багиров Ю. А. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на возникновение и развитие национально-освободительной борьбы турецкого народа. М., 1967; Турецкая Республика. М.: Наука, 1975; Великий Октябрь и Турция: Сб. статей. М., 1977.

Изучая вопросы складывания отношений Турецкой республики с революционной Россией (получившие противоречивое освещение в буржуазной литературе), проф. А. М. Шамсутдинов впервые глубоко исследовал многочисленные аспекты морально-политического влияния Великого Октября и различные направления дипломатической и материальной поддержки Советским правительством борьбы турецкого народа за национальную независимость¹¹.

Характеризуя значение этой помощи для турецкой революции, М. Кемаль Ататюрк говорил, что победа новой Турции «была бы сопряжена с несравненно большими жертвами или даже совсем невозможна, если бы не поддержка России»^{11а}. Этот вывод получил всестороннее обоснование в исследованиях советских ученых, составивших основу специального юбилейного сборника «Великий Октябрь и Турция».

История Албании, многовековой борьбы ее народа за самостоятельное и независимое существование в советской историографии изучена сравнительно мало. Итоги скрупулезного и сложного труда по изучению широкого комплекса проблем развития рабочего движения и влияния Октябрьской революции в Албании были обобщены Н. Д. Смирновой в специальной главе, написанной для коллективной монографии «Краткая история Албании»¹². Борьба албанского народа за мир и самостоятельное государственное существование превратилась в широкое антиимпериалистическое и антифеодальное движение. Кульминационным пунктом освободительной борьбы и победы народа стало изгнание оккупантов из Влёры (июнь — июль 1920 г.). Освобождение Влёры народными повстанцами изменило международное положение Албании, положило начало буржуазно-демократической революции в Албании. Важным актом международной поддержки молодого албанского государства в этот период было установление дипломатических отношений с Советским Союзом, проводившим по отношению к Албании подлинно бескорыстную и благожелательную политику.

В отмеченных работах советских историков рассматриваются многообразные аспекты влияния Октябрьской революции на историю отдельных балканских стран, на развитие революционного движения народных масс за социальный и национальный прогресс и освобождение от ига капитализма. Историческую значимость воздействия Октябрьской революции на революционный процесс и проявление ее общих закономерностей в балканских странах

¹¹ Шамсутдинов А. М. Турецкая республика: Краткий очерк истории. 1923—1961. М.: Изд-во вост. лит., 1962; *Он же*. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923.— В кн.: Новейшая история Турции. М.: Наука, 1968.

^{11а} Великий Октябрь и Турция. М., 1977, с. 7.

¹² Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М.: Наука, 1965, гл. 7.

раскрыла в своей работе, посвященной этой теме, И. С. Яжборовская¹³.

Выделяя наиболее значимое из своеобразных объективных условий той или иной страны, автор прослеживает влияние социалистической революции в разноплановых направлениях: на рабочее и международное коммунистическое движение, на подъем национально-освободительной борьбы угнетенных народов, на исторические судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Сравнительное сопоставление фактов и явлений, установление общих интернациональных тенденций, проявляющихся в многообразии национально-специфических форм революционного движения, дает благодатную возможность автору раскрыть пераразрывность того единого и все ускоряющегося процесса революционного обновления мира, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Одной из замечательных черт Октябрьской революции было воплощение в жизнь принципа пролетарского интернационализма, проявлением которого явилось участие сотен тысяч зарубежных трудящихся в борьбе за власть Советов.

История «боевого интернационала революционеров» успешно разрабатывалась советскими историками на протяжении последнего десятилетия. Важный этап в исследовании архивных материалов и других источников по этой теме связан с созданием комплексных научных трудов¹⁴. Посвященные революционной борьбе трудящихся — представителей многочисленных стран Европы, эти исследования частично отражают также вклад в дело защиты и упрочения Советской власти и интернационалистов из балканских стран.

Наиболее широко и полно проблемы интернационалистского движения рассматривались в последнее время советскими исследователями по истории Румынии, Болгарии и Югославии. Например, борьба румынских интернационалистов освещена в сборнике материалов и документов «Под знаменем пролетарского интернационализма. Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов 1917—1920 гг.» (1965). Этой же проблеме посвящена монография В. М. Рожко «Дружба, закаленная в боях. Румынские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР (1917—1920 гг.)» (1965). В этих работах показывается разностороннее влияние Великого Октября на румынских трудя-

¹³ Яжборовская И. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— ССЛ, 1977, № 5.

¹⁴ Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967; Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М.: Наука, 1967; Копылов В. Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. М.: Мысль, 1977.

щихся, солдат, моряков, значительное число которых оказалось накануне революции в России. Авторы раскрывают историю создания румынского революционного социал-демократического комитета действия и двух революционных батальонов в Одессе — пехотного и морского.

Используя архивные источники, В. М. Рожко удалось впервые показать борьбу румынских революционеров, сражавшихся с оружием в руках против румынских интервентов под Бендерами и Вилковым и против германских и австро-венгерских войск под Слободкой и Раздельной. Позже румынская группа при РКП(б) вела работу не только в интернациональных частях Красной Армии, но и в тылу у белогвардейцев и интервентов на юге России.

Коллективная работа советских и болгарских историков «Октябрь и болгарские интернационалисты» и новые публикации документов по этой теме¹⁵ отражают все многообразие проявлений братской солидарности болгарских трудящихся с пролетарской революцией в России. Это и движение трудящихся масс под лозунгом «Руки прочь от Советской России!», и борьба против планов Антанты использовать болгарскую территорию для подготовки антисоветских походов, и массовые демонстрации протesta против использования находившихся в стране военнопленных и беженцев для пополнения белогвардейских армий. В этой связи вызывает интерес анализ агитационно-пропагандистской работы болгарских коммунистов в белогвардейских частях и развитие движения за «возвращение на родину» среди солдат и рядовых казаков.

Вопросам непосредственного участия болгарских интернационалистов в защите завоеваний Великого Октября посвящена вторая часть книги. Болгарские революционеры участвовали в штурме Зимнего дворца, сражались за победу Советской власти в Москве, Закавказье, в Поволжье, на Украине.

Деятельность большого отряда югославских интернационалистов, участвовавших в Октябрьской революции и гражданской войне в России, рассматривается советскими историками в ряде изданий документального и монографического характера¹⁶. Несомненным достоинством этих работ является широкое использование архивных документов, на основе которых прослеживаются судьбы конкретных участников, их личный вклад в летопись становления Советского государства.

Последовательно раскрывает основные этапы революционного движения среди военнопленных и солдат созданного на территории России Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словен-

¹⁵ Октябрь и болгарские интернационалисты. Москва; София: Изд-во БКП, 1973; Великий Октябрь и болгарские интернационалисты.— Коммунист, 1978, № 15, с. 73—78.

¹⁶ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. 1917—1921 гг. М.: Наука, 1976.

цев В. В. Зеленин¹⁷. Автор стремится показать деятельность югославянских революционных организаций и интернационалистов в тесной связи с развитием революции, с деятельностью Коммунистической партии в нашей стране. Участие лучших сынов Югославии в борьбе за Советскую власть было одним из ярких проявлений пролетарского интернационализма югославских трудящихся и явилось большим вкладом в дружбу народов Югославии и Советской России.

В советской историографии нет специальных исследовательских работ, посвященных движению солидарности с Советской Россией интернационалистов Греции и Турции. Используя материалы архивов местных партийных и советских организаций, А. Куцукалис предпринял попытку отразить некоторые формы интернационалистского движения солдат греческого экспедиционного корпуса¹⁸.

Из истории деятельности турецких интернационалистов в России советский исследователь Р. П. Корниенко выделяет период образования турецкой коммунистической организации (ТКО) и участия ее членов в работе советских, партийных и культурно-просветительных организаций Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья в годы гражданской войны¹⁹.

Деятельность интернационалистов явилась не только действенной формой помощи международного пролетариата первой стране победившей социалистической революции, но и замечательной школой политического воспитания тех зарубежных трудящихся, которые, возвращаясь на родину, привозили с собой правду о Советской России, о партии Ленина, революционный энтузиазм и опыт Великого Октября. Их дальнейшая деятельность в своих странах стала существенным фактором революционного подъема и вместе с тем ускоряла процесс идеологического и политического созревания пролетарских партий нового типа.

Известно, что во всех балканских странах в послеоктябрьский период действовали левые партии и группы революционного крыла внутри социал-демократии, в той или иной степени близкие по взглядам к большевизму. Это — «тесные» социалисты в Болгарии, революционное ядро Социалистической рабочей партии Греции, левые и лево-центристские группы в Социал-демократической партии Румынии и СДП Сербии, Боснии, Герцеговины, организация турецких интернационалистов (ТКО) во главе с М. Субхи.

¹⁷ Zelenjin V. Jugosloveni pod zastavom Oktobra. Beograd: Mlado pokolenje, 1967; Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября: Югославские интернационалисты в Советской России. 1917—1921 гг. М.: Наука, 1977.

¹⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция и Греция, с. 42.

¹⁹ Великий Октябрь и Турция, с. 9.

Этим организациям и группам революция в России помогла четче осознать цели и формы революционной борьбы пролетариата, стать прочно на позиции марксизма-ленинизма. Большую роль в развитии и укреплении левого течения сыграли интернационалисты — трудящиеся этих стран, горевшие желанием применить опыт ленинской партии и Октября у себя на родине.

Важным направлением в советской историографии рабочего и коммунистического движения на Балканах является изучение сложного и длительного пути формирования коммунистических партий в странах этого региона. Среди исследований, посвященных этой теме, выделяются работы М. М. Сумароковой и Г. М. Славина по истории образования КПЮ²⁰. В центре внимания авторов находятся узловые вопросы борьбы югославского пролетариата за создание единой революционной партии, подробно характеризуется деятельность левых групп по разработке идейных основ будущей партии.

Е. И. Спиваковский раскрывает многие стороны сложной борьбы левых социалистов Румынии за победу ленинизма в рабочем движении страны, за создание КПР²¹.

В исследованиях советских историков отчетливо прослеживается общая характерная черта: они отражают неразрывное единство процесса образования компартий и влияния Октябрьской революции, ленинского наследия на мировоззрение пролетариата балканских стран, на разработку программ, стратегии и тактики коммунистического движения.

Крупным вкладом в изучение этой темы явилось издание первого обобщающего труда — «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». В этой работе обстоятельно, с привлечением большого фактического материала рассматриваются основные проблемы истории создания революционных пролетарских партий и формирование их идейных позиций на раннем этапе деятельности, в частности и в ряде балканских стран — Болгарии, Греции, Румынии и Югославии²². Авторы показывают, что коммунистическое движение в этом регионе оформлялось в сложных условиях,

²⁰ Сумарокова М. М. Образование Коммунистической партии Югославии: Автограф. канд. дис. М., 1967; Сумарокова М. М., Славин Г. М., Блинова Т. П. К истории создания КПЮ.— ССЛ, 1969, № 4; Сумарокова М. М., Славин Г. М. Из истории образования КПЮ.— ВИ КПСС, 1960, № 4.

²¹ Спиваковский Е. И. Из истории борьбы левых социалистов Румынии за победу ленинизма в рабочем движении страны, за создание КПР. М., 1967; Он же. В. И. Ленин, Коминтерн и образование КПР (1920—1921). М., 1974.

²² См.: В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1973; Бирман М. А. Ленинизм и преобразование Болгарской рабочей социал-демократической партии (т. с.) в БКП; Кирьякидис Г. Д. Из истории образования Коммунистической партии Греции; Спиваковский Е. И. В. И. Ленин и борьба за создание Коммунистической партии Румынии; Славин Г. М., Сумарокова М. М. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.).

рабочее движение было незрелым и слабым. Великий Октябрь ускорил развертывание национально-освободительной борьбы в этих странах, одновременно придав мощный импульс развитию революционного классового сознания трудящихся, поставил на повестку дня задачи подготовки социалистической революции. В работе рассматривается конкретная практическая помощь В. И. Ленина, Коминтерна в образовании компартий, которая была направлена на то, чтобы содействовать организационному укреплению их рядов, очищению их от пережитков ошпортунизма, влияния сектантства. В этой связи можно напомнить ленинские рекомендации о том, что наследие Октября должно быть не только усвоено, но и осмыслено с позиций собственного политического опыта в конкретной социально-политической обстановке каждой из стран. В. И. Ленин настоятельно подчеркивал необходимость считаться со всем многообразием условий, в которых приходится действовать различным компартиям²³.

Авторы коллективного исследования показывают, что сущность этих заветов балканскими коммунистами была понята не сразу. Понадобился определенный исторический этап для овладения ленинскими тактическими принципами, для определения правильного соотношения между общими закономерностями и национальными особенностями революционного процесса в каждой стране. Поэтому главным политическим итогом революционного подъема на Балканах в послеоктябрьский период, как убедительно доказывают советские исследователи, можно считать коренные изменения в политическом содержании и организационных формах рабочего движения, победу марксизма-ленинизма в коммунистическом движении этого региона.

«Важнейшим показателем распространения ленинизма был процесс большевизации балканских коммунистических партий», — пишет Е. И. Спиваковский²⁴, посвящая одну из работ проблеме воплощения принципов ленинизма в практику революционной борьбы на Балканах в межвоенный период. На большом фактическом материале автор показывает, что, укрепляя свое единство и боеспособность, в ходе большевизации балканские компартии развертывали с ленинских позиций политику завоевания масс: они сделали поворот к решению аграрного вопроса, активно пропагандировали ленинскую политику в национальном вопросе. Представляет интерес вывод автора о том, что творческий подход к применению марксистско-ленинской теории был постепенно усвоен компартиями при решении вопроса о характере предстоящей революции в каждой из стран, о ее движущих силах и возможных этапах (вопрос этот обсуждался на IV съезде КПЮ в 1928 г.,

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 347—348.

²⁴ Спиваковский Е. И. Из истории распространения ленинизма компартиями балканских стран в период между двумя мировыми войнами.—БИ: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, [вып. 2], с. 91—92.

на V съезде КПР в 1931 г., на VI пленуме ЦК и V съезде КПГ в 1934 г.)²⁵.

Новая обстановка, сложившаяся в результате углубления общего кризиса капитализма и нарастания фашистских тенденций, которые проявились в балканском регионе особенно отчетливо в 30-е годы, поставила перед коммунистическим и рабочим движением ответственную задачу борьбы против сил реакции, фашизма и агрессии.

В современной советской историографии имеется значительное число работ, посвященных проблемам антифашистской борьбы трудящихся и широкого интернационального движения в балканских странах против подготовки новой мировой войны. Исследование этой группы вопросов, рассмотренных в комплексе проблем истории отдельных стран в межвоенный период, было предпринято в работах Л. Б. Валева, Р. П. Гришиной и Г. И. Черняевского²⁶, Г. Д. Кирьякидиса и М. Я. Жоги²⁷, А. А. Языковой, Н. И. Лебедева²⁸, М. М. Сумароковой²⁹, Н. Д. Смирновой³⁰.

Общей чертой этих работ является значительное внимание авторов к анализу возможностей для создания единого антифашистского фронта в каждой из стран. Однако в полной мере реализовать их не удалось, прежде всего из-за нежелания буржуазных партий и лидеров социал-демократии принять предложения компартий.

Представляют особую ценность (при недостаточной изученности в целом истории коммунистического движения на Балканах) попытки отмеченных авторов показать новые направления поиска компартиями эффективных путей в их теоретической и практической деятельности к середине 30-х годов. Этот коллективный опыт, накопленный и выстраданный коммунистическим движением в процессе перехода к новой политической ориента-

²⁵ Спиваковский Е. И. Из истории распространения ленинизма..., с. 94.

²⁶ Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М.: Наука, 1964; Гришина Р. П. Сентябрь 1923 г.: Первое народное антифашистское восстание.— Коммунист, 1973, № 14; Она же. Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг. София: Изд-во на БАН, 1976; Черняевский Г. И. Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925—1929 годы. Харьков, 1968.

²⁷ Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. М.: Наука, 1967; Жога М. Я. КПГ в борьбе против монархо-фашистской диктатуры и угрозы войны (1934—1941). Ташкент, 1973.

²⁸ Языкова А. А. Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976.

²⁹ Сумарокова М. М. Коммунистическая партия Югославии в борьбе за единство рабочего класса и сплочение демократических сил страны (1932—1935 гг.).— ССЛ, 1975, № 6; Она же. Подготовка КПЮ к VII конгрессу Коминтерна и участие ее делегации в работе конгресса.— ССЛ, 1977, № 4.

³⁰ Смирнова Н. Д. Восстание в Фиери в 1935 г.— БИ: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978, вып. 3, с. 151—161.

ции в борьбе против наступления реакции и военной опасности, был обобщен, развит и закреплен в решениях VII конгресса Коммунистического Интернационала.

Обобщающим трудом по истории антифашистского движения в славянских и балканских странах в этот период явилась коллективная монография «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М.: Наука, 1977). В ней рассматриваются вопросы, связанные с разработкой стратегии и тактики коммунистического движения на VII конгрессе Коминтерна, предшествующий период борьбы Коминтерна и его национальных секций, в том числе и компартий Болгарии, Греции, Румынии и Югославии, а также их вклад в определение основ нового политического курса борьбы против фашизма и войны.

В работе собран большой материал, раскрывающий последовательную и неустанную борьбу компартий в этом регионе против внутренней реакции и агрессивных планов фашистских государств. Исследование советских авторов убеждает в правильности избранного ими пути, когда объяснение сложных проблем рабочего и коммунистического движения возможно и доказательно лишь в тесной связи с тщательным анализом внутренних процессов и внешнеполитических условий развития каждой отдельной страны.

Опираясь на достижения предшествующих исследований по общим и частным вопросам этой темы (ряд этих работ был отмечен выше), авторский коллектив в значительной степени справился с задачей отразить в сравнительно-историческом плане общие и специфические черты движения за создание единого рабочего и широкого народного фронта в рамках региона в 30-е годы. В этой связи убедителен вывод работы о том, что балканские компартии внесли достойный вклад в борьбу за претворение в жизнь решений VII конгресса в конкретных условиях своих стран накануне второй мировой войны, тем самым доказав еще раз, что «национальные формы пролетарской классовой борьбы... не противоречат пролетарскому интернационализму», что в этих формах «можно с успехом отстаивать и международные интересы пролетариата»³¹.

С этой точки зрения исследуемый период чрезвычайно интересен и поучителен для современного революционного процесса. Проблемы укрепления единства коммунистического и рабочего движения в борьбе за предотвращение новой мировой войны, за мир, демократию и социализм в наши дни могут успешно решаться лишь на основе богатейшего опыта, который накоплен всеми отрядами рабочего класса, международным коммунистическим движением.

³¹ Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М.: Партиздат, 1935, с. 79, 85.

В последние годы появилось значительное число научных исследований, свидетельствующих о безусловных успехах историков в изучении поставленных здесь проблем. Определенно продвинулась вперед исследовательская работа на монографическом уровне. Авторы этих трудов не только вооружают знаниями фактического материала, но и стремятся раскрыть причинно-следственные связи, этапы, процессы исторического развития. Оценивая бесспорные достижения современной советской историографии, необходимо отметить благотворное влияние научного сотрудничества историков социалистических стран на изучение кардинальных вопросов международного коммунистического и рабочего движения.

Освободительная борьба народов балканских стран против фашизма

А. В. АНТОСЯК, О. Н. РЕШЕТНИКОВА, В. Е. РОМАНОВ,
Г. М. СЛАВИН

В годы второй мировой войны в балканских странах — оккупированных и неоккупированных — в различных формах и с различной интенсивностью и остротой развертывалась борьба с общим врагом — фашизмом. В этой борьбе народы Балкан руководствовались вдохновляющим примером советского народа, давшего сокрушительный отпор агрессорам. Советский народ и его Вооруженные Силы сыграли главную роль в разгроме фашизма. Они отстояли не только первое социалистическое государство и его завоевания, но и внесли решающий вклад в дело освобождения народов Европы от гитлеровского варварства.

Советские люди испытывают глубокий интерес к истории освободительной борьбы народов Европы. Еще в годы войны в Советском Союзе появились первые научные работы, имевшие целью удовлетворить этот интерес. За три с половиной десятилетия, минувших после Победы, советская историография освободительной борьбы народов Европы, и в частности народов балканских стран, значительно обогатилась. Изучением движения Сопротивления, народно-демократических и социалистических революций в балканских странах в годы второй мировой войны заняты сотрудники нескольких институтов Академии наук СССР, а также ученые, работающие в Московском, Киевском, Белорусском, Воронежском, Свердловском, Кубанском и других университетах, в педагогических институтах, в архивах, библиотеках, музеях.

Предлагаемая статья содержит краткий обзор советской историографии освободительной борьбы народов балканских стран против фашизма в 1941—1945 гг.* Отметим пощутно, что Всесоюзная Государственная библиотека иностранной литературы издала в 1976 г. указатели литературы о народно-освободительной войне в Югославии и антифашистской борьбе болгарского народа (составитель И. А. Юрьева), в которых учтены и работы советских авторов¹.

*

В нашей историографии наиболее полно отражено боевое содружество советского и югославского народов². Советские историки положили начало освещению освободительной борьбы народов Югославии и дали первые оценки ее значения еще в ходе Великой Отечественной войны. Прежде всего следует сказать о работах Б. Н. Пономарева. Уже самый заголовок его статьи, опубликованной весной 1942 г., — «Боевой пример Югославии» — указывал на большое значение народно-освободительной войны в Югославии для развития движения Сопротивления в оккупированных странах Европы³. Б. Н. Пономарев подчеркивал важность организации партизанской борьбы и участия в ней широких масс. В других статьях и брошюрах этот же автор отмечал, что народно-освободительное движение возглавляют боевые руководители, умелые организаторы, показывал, какое влияние на развитие антифашистской борьбы в Югославии оказывали удары, наносимые Красной Армией гитлеровским войскам на советско-германском фронте⁴.

В брошюре «Народы Европы против Гитлера» нашло отражение отрицательное отношение Советского Союза к четникам, действовавшим по указке югославского эмигрантского правительства и ставшим на путь коллаборационизма⁵. Открытое осуждение четников в советской печати в то время, как англо-американская пропаганда всячески их превозносила, изображая «борцами»

* Раздел о Югославии написан В. Е. Романовым и Г. М. Славиным, о Румынии — А. В. Антосяком, о Болгарии и Албании — О. Н. Решетниковой, о Греции — Г. М. Славиным.

¹ Народно-освободительная война в Югославии. 1941—1945; Аннотированный указатель литературы. М.: ВГБИЛ, 1976; Антифашистская борьба болгарского народа. 1941—1944: Научно-вспомогательный указатель литературы. М.: ВГБИЛ, 1976.

² См.: Нарочницкий А. Л., Писарев Ю. А. Итоги и перспективы изучения истории Югославии в СССР.— ВИ, 1975, № 7.

³ См.: Пономарев Б. Н. Избранное. Речи и статьи. М.: Политиздат, 1977, с. 37—50. Статья была опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал» (1942, № 3/4) под фамилией Б. Войнич.

⁴ См.: Пономарев Б. Югославия в огне партизанской войны. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1942.

⁵ Пономарев Б. Народы Европы против Гитлера. М.: Госполитиздат, 1942.

против оккупантов, являлось одной из форм политической поддержки югославских партизан.

В 1944 г. была опубликована книга Ю. Ленова⁶. Опираясь на большой фактический материал, уже накопленный к завершающему периоду войны, автор осветил процесс неуклонного роста антифашистской борьбы в Югославии, появления и укрепления органов народной власти, создания боевых соединений Народно-освободительной Армии (НОАЮ).

В книге Ю. Лепова было показано, как борьба против фашистских захватчиков за освобождение национальное начало переплетаясь с борьбой за освобождение социальное, приобретая черты и характер народной революции. Автор разоблачал политику западных держав, стремившихся навязать югославскому народу в качестве правителей обанкротившуюся буржуазную клику и короля Петра II.

Наряду с книгами и брошюрами, посвященными освободительной борьбе народов Югославии, советский читатель в годы войны мог познакомиться с анализом событий в Югославии на страницах журналов «Большевик», «Война и рабочий класс», «Славяне» и других. Со статьями в этих журналах, а также с отдельными брошюрами выступали и югославские авторы⁷. Уже в 1944 г. в Советском Союзе была переведена и опубликована брошюра Председателя Национального Комитета освобождения Югославии (НКОЮ) маршала И. Броз Тито⁸.

Характеризуя первые работы советских историков, посвященные народно-освободительной войне в Югославии, следует отметить, что в дни, когда война еще продолжалась, в этих работах, естественно, не могла быть использована широкая источниковедческая база. Но в основе своей они давали правильную картину событий, отражали горячие симпатии советского народа к сражающейся Югославии.

Как известно, в 1948—1953 гг. советско-югославские отношения были нарушены. После их нормализации проблематика, связанная с освободительной борьбой народов Югославии, стала снова активно разрабатываться. Были опубликованы статьи, в которых рассматривались развитие народной революции в Югославии⁹, советско-югославское боевое сотрудничество¹⁰.

⁶ Ленов Ю. Борьба югославского народа за независимость и свободу своей родины. М.: Госполитиздат, 1944.

⁷ Влахович И. Югославия в огне партизанской войны. М.: Госполитиздат, 1942; Влахов Д. Гитлеризм — злейший враг балканских народов. М.: ОГИЗ, 1941.

⁸ Тито И. Борьба народов порабощенной Югославии. М.: Госполитиздат, 1944.

⁹ См.: Бондарь Н. Н. Возникновение органов народной власти в Югославии в 1941—1942 гг.— ВИ, 1956, № 2.

¹⁰ Судец В. Братство, спаянное совместной борьбой против общих врагов.— Славяне, 1955, № 10.

В 1956 г. В. Г. Карасев опубликовал брошюру, в которой прослеживались исторические связи народов Советского Союза и Югославии¹¹. Особое внимание уделялось советско-югославскому боевому содружеству в годы второй мировой войны. Автор отмечал большую помощь, оказанную героями партизанами Югославии советскому народу, несшему на своих плечах главную тяжесть войны.

Работа В. Г. Карасева явилась одной из первых в ряду исследований различных сторон советско-югославского боевого содружества в годы Великой Отечественной войны. Здесь следует также назвать работы Н. Н. Бондаря. Используя архивный материал, он описывает Белградскую операцию, показывает массовый героизм советских воинов, их боевое содружество с воинами НОАЮ¹². В статье В. И. Клокова, опубликованной в 1956 г., подчеркнуто влияние успехов Красной Армии на развитие народно-освободительного движения в Югославии. Автор затронул деятельность советской военной миссии в Югославии, возглавлявшейся генералом Н. В. Корнеевым, ввел в научный оборот некоторые новые факты¹³.

Первым трудом в советской литературе, в котором на богатом фактическом материале была показана освободительная миссия Красной Армии на Балканах, и в частности взаимодействие ее частей и соединений с НОАЮ, была книга генерал-майора М. М. Минасяна¹⁴.

Весьма ценной работой, посвященной проблемам советско-югославского сотрудничества в годы войны и роли Советского Союза в борьбе за международное признание новой Югославии, явилась статья И. Н. Земского, написанная на документах архива МИД СССР¹⁵.

М. И. Семиряга на основе архивных материалов Министерства обороны СССР охарактеризовал помощь, оказанную Советским Союзом патриотическим силам оккупированных стран Европы в формировании, обучении и снаряжении их вооруженных сил¹⁶. Он привел, в частности, данные о формировании в СССР юго-

¹¹ Карасев В. Г. Исторические связи народов Советского Союза и Югославии. М.: Знание, 1956.

¹² Бондарь Н. Н. Советско-югославское боевое сотрудничество в период борьбы за освобождение Белграда.— В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

¹³ Клоков В. З історії бойової співдружності народів Радянського Союзу і Югославії в боротьбі проти німецько-фашистських загарбників.— Наукові записки / Інститут історії, Київ, 1956, т. 7.

¹⁴ Минасян М. М. Борьба Советской Армии за освобождение народов Юго-Восточной Европы в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957.

¹⁵ Земской И. Н. О так называемом разделе Югославии.— Международная жизнь, 1958, № 8.

¹⁶ Семиряга М. Формирование иностранных воинских частей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны.— Военно-исторический журнал, 1959, № 9.

славской воинской части, впоследствии влившейся в состав НОАЮ.

Советская историография освободительной борьбы народов Югославии значительно пополнилась в первой половине 60-х годов. Появились монографии, в которых рассмотрен весь комплекс проблем, связанных с историей югославского народно-освободительного движения¹⁷. В 1960 г. под редакцией Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова вышел сборник, в котором, помимо обзора освободительной борьбы в Югославии, помещены воспоминания советских военачальников о том, как укреплялось советско-югославское боевое сотрудничество, приведены фактические данные о материальной помощи, оказанной Советским Союзом Югославии на завершающем этапе войны¹⁸.

Но в упомянутом труде не было с достаточной полнотой показано взаимодействие советских и югославских войск в период боев за освобождение Белграда. Этот недостаток в значительной степени компенсировало появление в 1964 г. совместной работы советских и югославских историков, осветивших подготовку и ход Белградской операции¹⁹. В книге впервые были одновременно использованы как советские, так и югославские архивные документы и материалы.

Бывший начальник штаба 3-го Украинского фронта С. С. Бирюзов выпустил также две книги воспоминаний, где приводится множество данных о боевом содружестве советских и югославских воинов²⁰. С. С. Бирюзову принадлежат и статьи «Освободительный поход на Балканы» и «Освобождение Белграда», написанные на архивных материалах²¹.

Отдельные стороны советско-югославского боевого сотрудничества описаны в книгах и статьях И. Локтионова, С. Горшкова, П. Михайлова. И. Локтионов рассказывает о действиях Дунайской военной флотилии в Белградской операции²², адмирал фло-

¹⁷ Клоков В. И. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев: Изд-во АН УССР, 1961; Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М.: Соцэкиз, 1962; История Югославии. Т. II, М.: Изд-во АН СССР, 1963; Славин Г. М. Освободительная война в Югославии (1941—1945). М.: Наука, 1965; см. также: Волков В. К. Некоторые вопросы освободительной борьбы югославских народов в годы второй мировой войны в освещении югославской исторической литературы.— ННИ, 1960, № 5; *Он же*. Национально-освободительная борьба народов Югославии в годы второй мировой войны в освещении историков ФРГ.— В кн.: Критика западно-германского «остфорунга». М.: Наука, 1966.

¹⁸ Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М.: Воениздат, 1960.

¹⁹ Белградская операция. М.: Воениздат, 1964.

²⁰ Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М.: Воениздат, 1963; *Он же*. Суровые годы. 1941—1945. М.: Наука, 1966.

²¹ ННИ, 1961, № 6; 1963, № 6.

²² Локтионов И. И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М.: Воениздат, 1962.

та С. Горшков — об участии советских моряков в боях за освобождение приданайских городов и районов Югославии²³.

В первой половине 60-х годов был опубликован ряд работ Г. М. Славина: раздел о Югославии в коллективной монографии «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны» (1962), глава, посвященная народно-освободительной борьбе народов Югославии во втором томе «Истории Югославии» (1963), и монография «Освободительная война в Югославии» (1965). В этих работах показано, как Коммунистическая партия Югославии подняла народы страны на вооруженное восстание, как под ее руководством борьба трудящихся за национальное освобождение слилась с борьбой за освобождение социальное, приобрела характер социалистической революции. Освещая советско-югославские отношения той поры, автор отмечает, что Советский Союз с первых дней вооруженной борьбы югославских народов против фашистских оккупантов поддерживал югославское освободительное движение и препятствовал попыткам международной реакции восстановить в Югославии буржуазный строй.

Должное внимание было уделено сотрудничеству советского и югославского народов в борьбе против фашизма в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»²⁴. Народно-освободительное движение в Югославии рассматривалось как неотъемлемая часть великой антифашистской борьбы европейских народов и государств. Большой интерес представляют впервые опубликованные документы, освещающие положение в Югославии накануне вступления на ее территорию советских войск, данные о том, как было организовано взаимодействие Красной Армии и НОАЮ.

Во второй половине 60-х и в начале 70-х годов советские историки успешно продолжали разработку вопросов освободительной войны народов Югославии и советско-югославского боевого содружества. Д. А. Севьян рассмотрел деятельность Коммунистической партии Югославии по организации и руководству вооруженной борьбой югославских народов против оккупантов²⁵. В статье были также рассмотрены вопросы о перерастании антифашистской борьбы народов Югославии в народно-демократическую и социалистическую революцию.

Значительной вехой стала опубликованная в 1965 г. статья В. В. Зеленина, бывшего в годы войны сотрудником советской военной миссии в Югославии. Он проанализировал все формы советско-югославского сотрудничества, охарактеризовал значение

²³ Горшков С. Г. Советские моряки в боях за освобождение приданайских государств.— Морской сборник, 1964, № 8.

²⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1961—1965. Т. I—VI.

²⁵ Севьян Д. А. Коммунистическая партия во главе народно-освободительной борьбы и народной революции в Югославии.— ННИ, 1965, № 6.

побед Красной Армии для развития народно-освободительного движения, привел новые данные об участии советских людей в антифашистской борьбе в Югославии. Особую ценность представляет подробное рассмотрение деятельности советской военной миссии²⁶.

К 20-летию победы над фашистской Германией появились новые материалы о боевом содружестве Советской Амии с армиями стран Восточной и Юго-Восточной Европы²⁷. К 30-летию Югославской Народной армии А. Н. Ратников и В. И. Завьялов написали книгу о Вооруженных Силах Югославии, в которой говорится о героическом прошлом ЮНА и традициях советско-югославской дружбы²⁸.

Уже упоминавшийся военный историк генерал М. М. Минасян в 1967 г. опубликовал значительно дополненное и переработанное издание своей книги, обобщив материалы о наступательных и оборонительных операциях в Юго-Восточной Европе, которые автор определяет как звенья единого и непрерывного процесса боевых действий Советских Вооруженных Сил с лета 1944 по весну 1945 г.²⁹ В отдельной главе прослежен ход наступления в Восточной Сербии советских войск, освободивших совместно с войсками НОАЮ югославскую столицу.

Участники боев в Югославии В. Ф. Толубко и Н. И. Барышев написали книгу историко-мемуарного характера о действиях 4-го механизированного корпуса на югославской земле³⁰. Некоторые аспекты советско-югославского боевого содружества были затронуты в работах М. Монина³¹, А. Шевченко³² и других авторов³³.

Об авиаагруппе Героя Советского Союза и Народного Героя Югославии гвардии генерал-майора А. Н. Витрука, летчики ко-

²⁶ Зеленин В. В. Советско-югославское боевое содружество в годы второй мировой войны.—ВИ, 1965, № 9, с. 28.

²⁷ См.: Вторая мировая война: Материалы научной конференции, посвященной 20-летию победы над фашистской Германией. М.: Наука, 1966. Кн. I—III. (кн. I. Военное искусство: Монин М. Е. Боевое содружество Советской Армии с армиями стран Восточной и Юго-Восточной Европы; Горбунов Т. С. Единение славянских народов в годы второй мировой войны. Кн. III. Движение Сопротивления в Европе: Зеленин В. В. Участие советских людей в народно-освободительной войне в Югославии).

²⁸ Ратников А. Н., Завьялов В. И. Вооруженные силы Югославии. М.: Воениздат, 1971.

²⁹ Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М.: Воениздат, 1967.

³⁰ Толубко В. Ф., Барышев Н. И. От Видина до Белграда. М.: Наука, 1967.

³¹ Монин М. Интернационализм в действиях.—Военно-исторический журнал, 1967, № 6; *Он же*. Содружество, рожденное в боях: О совместной борьбе Советских Вооруженных Сил и армий стран Восточной и Юго-Восточной Европы против войск фашистской Германии. М.: Воениздат, 1971.

³² Шевченко А. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе.—Военно-исторический журнал, 1967, № 10.

³³ Зеленин В. В., Славин Г. М. Вклад народов Югославии в разгром фашизма.—ННИ, 1970, № 6.

торой совершили тысячи боевых вылетов в Югославии и многое сделали для обучения югославских пилотов, написал А. В. Кузьмин³⁴.

Всесторонне и широко рассмотрен ход военных действий на территории Югославии, взаимодействие Красной Армии и НОАЮ во время освобождения Восточной Сербии и Белграда в коллективной монографии советских военных историков «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне». Авторскому коллективу в 1973 г. была присуждена премия имени М. В. Фрунзе³⁵.

В главе пятой книги охарактеризована героическая борьба народов Югославии против фашистских оккупантов, ее успехи и влияние на обстановку на Балканах, подробно описаны подготовка и осуществление Белградской операции, подведены итоги борьбы за освобождение югославской земли.

Много ценных сведений об освободительной войне в Югославии приведено в военно-историческом справочнике, подготовленном Институтом военной истории Министерства обороны СССР³⁶.

К 30-летию освобождения Белграда вышла книга А. Н. Ратникова³⁷. В ней дан обзор освободительной войны в Югославии, показана деятельность КПЮ как организатора и руководителя антифашистской борьбы, рассказано о том, как бойцы НОАЮ, партизаны, жители югославских городов и сел по-братьски встречали советских воинов. В одном из разделов книги сконцентрированы обширные сведения о помощи Советского Союза югославскому народу в его борьбе с фашистскими поработителями.

Массово-политическую деятельность КПЮ в первый период освободительной войны изучал воевавший вместе с югославскими партизанами С. Л. Каиров. Он же исследовал социально-экономические мероприятия, осуществленные в «Ужицкой республике», на освобожденной партизанами осенью 1941 г. территории³⁸. Деятельность первых народно-освободительных комитетов в Черногории рассмотрена в работе В. П. Радькова³⁹.

³⁴ Кузьмин А. В. Братская помощь.— Военно-исторический журнал, 1970, № 10.

³⁵ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М.: Политиздат, 1971; 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.

³⁶ Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М.: Воениздат, 1972.

³⁷ Ратников А. Н. В борьбе с фашизмом: О совместных боевых действиях советских и югославских войск в годы второй мировой войны. М.: Воениздат, 1974.

³⁸ Каиров С. Л. Начало народно-освободительной борьбы в Югославии (1941 г.): Автореф. канд. дис. Харьков, 1971; *Он же*. Соціально-економічні заходи органів народної влади в «Ужицькій республіці» (вересень — листопад 1941 р.).— Вінч. Харків, ун.-ту. Сер. історії, 1970, вип. 4.

³⁹ Радьков В. П. К вопросу о возникновении народно-освободительных комитетов в Черногории.— В кн.: Советское славяноведение: Материалы IV конференции историков-славистов. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1969.

О глубоком влиянии Великой Отечественной войны Советского Союза на ход событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы пишет в сборнике «Балканские исследования» В. В. Зеленин⁴⁰. Он противопоставляет позиции Великобритании и ее военного руководства, не верившего в возможность успешной народной борьбы с фашистскими поработителями, четкую и ясную позицию Советского Союза, вдохновлявшего и поддерживавшего движение Сопротивления в балканских странах.

В помещенной в этом же сборнике статье Л. Б. Валева и Г. М. Славина говорится о влиянии Сталинградской битвы и разгрома фашистских полчищ на Волге на подъем народно-освободительного движения в балканских странах⁴¹.

В освободительной войне, которую вели народы Югославии, принимали участие и советские люди, временно оказавшиеся на территории страны. По неполным данным вместе с югославскими партизанами и воинами НОАЮ сражалось более 6 тысяч советских граждан. Их участие в народно-освободительной войне в Югославии довольно полно освещено в советской литературе. О совместной с югославами борьбе против общего врага они пишут в своих воспоминаниях⁴². Воспоминания, документы и материалы на эту тему включены в сборники. Один из сборников на эту тему составлен Т. С. Бушуевой, ей же принадлежит содержательное введение исследовательского характера. В нем справедливо отмечено, что советские люди — участники освободительной войны в Югославии — продемонстрировали высокие морально-политические качества, образцы боевого товарищества и сознания интернационального долга⁴³.

О том, как советские люди самоотверженно выполняли свой интернациональный долг, говорится в работах В. В. Зеленина, М. И. Семиряги, В. И. Клокова, В. Н. Андрианова, Т. С. Бушуевой, В. Н. Казака⁴⁴. Последний приводит, в частности, данные

⁴⁰ Зеленин В. В. Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и развитие движения Сопротивления в оккупированных странах Юго-Восточной Европы.— БИ: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, [вып. 2].

⁴¹ Валев Л. Б., Славин Г. М. Отклики Сталинградской битвы на Балканах.— Там же.

⁴² Соколов В. Д. В стране юнаков: Из фронтовых записок. М.: Воениздат, 1956; Жильев Г. А. Записки партизана. Баку, 1957; *Он же*. В боях и походах. Баку, 1962; О чем не говорилось в сводках: Сборник воспоминаний участников движения Сопротивления. М.: Госполитиздат, 1962; Память сердца: Воспоминания участников антифашистского Сопротивления в Европе. М.: Политиздат, 1965; Пламя гнева: Очерки, воспоминания, документы. Донецк: Донбасс, 1965.

⁴³ Советские люди в освободительной борьбе югославского народа: Воспоминания, документы и материалы. М.: Наука, 1973.

⁴⁴ Зеленин В. В. Участие советских народов в народно-освободительной войне в Югославии.— ССЛ, 1965, № 6; Семиряга М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М.: Наука, 1970; Клоков В. И. Плечом к плечу.— В кн.: Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1963; *Он же*

о советских людях, воевавших в югославских партизанских отрядах, рассказывает о том, как складывалось боевое содружество советских патриотов и антифашистов балканских стран⁴⁵.

Во второй половине 60-х годов и в 70-е годы появились работы, раскрывающие вопросы морально-политической и дипломатической поддержки Советским Союзом борьбы югославских трудящихся. В статьях Г. М. Славина, В. В. Зеленина, Л. Я. Гибианского, М. В. Куяна, Л. Н. Дмитриевой, В. Н. Кабачка, В. Е. Романова рассматривается отношение правительства и общественности СССР к освободительной борьбе народов Югославии⁴⁶.

В. К. Волков, характеризуя главные цели внешней политики СССР в годы Отечественной войны, указывает на совпадение этих целей с интересами трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы, боровшихся против фашизма⁴⁷. Советский Союз полностью оправдал надежды, которые возлагали на него борцы за свободу и независимость народов Балкан.

Существенным вкладом в советскую историографию освободительной борьбы народов Югославии явилась работа Л. Я. Гибиан-

и др. Далеко від Батьківщини. Київ: Політвидав, 1968; *Андріанов В. Н. Советские партизаны за рубежом.— Военно-исторический журнал*, 1961, № 9; *Бушуева Т. С. Участие советских людей в народно-освободительной войне в Югославии: Автореф. канд. дис. М., 1974; Она же. «Русские» роты и батальоны в НОАЮ.— ССЛ. 1972, № 3.*

⁴⁵ *Казак В. Н. Советские граждане — партизаны в Македонии и Черногории (1943—1945).— ИС, 1975, № 3; Она же. Побратимы: Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран. 1941—1945. М.: Мысль, 1975.*

⁴⁶ *Славин Г. М. Советская общественность и Антифашистское вече народного освобождения Югославии.— ССЛ, 1969, № 3; Она же. Об освещении народно-освободительной борьбы в Югославии советской печатью (1941—1942).— ССЛ, 1975, № 1; Гибианский Л. Я., Зеленин В. В. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику.— ССЛ, 1970, № 6; Гибианский Л. Я. Закрепление победы югославской революции: Внешнеполитический аспект проблемы.— ННИ, 1976, № 1; Она же. Проблемы Юго-Восточной Европы на Крымской и Потсдамской конференциях (февраль — август 1945).— БИ, 1976, [вып. 2]; Она же. Дипломатическая история Виссского соглашения Тито-Шубашича. БИ: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978, [вып. 3]; Куян М. В. Деякі питання з історії висвітлення боротьби народів Югославії проти пімецьких загарбників в радянській літературі (1941—1945).— В кн.: Питання нової та новітньої історії. Київ, 1969, вип. 8; Дмитриева Л. Н. Культурные связи СССР и Югославии в период Великой Отечественной войны.— Вестн. ЛГУ. Сер. 9, История, 1969, № 14; Кабачок В. М. Розробка в радянській історичній літературі питання про радянсько-югославські відносини під час другої світової війни.— Вісн. Харків. ун-ту, 1971, № 62, Історія, вип. 5; Она же. Допомога Радянського Союзу Югославії у зміценні Народно-визвольної Армії (1944—1945).— Вісн. Харків. ун-ту 1976, № 145, Історія, вип. 9; Романов В. Е. Политико-дипломатическая поддержка Советским Союзом борьбы югославских трудящихся за новую Югославию.— В кн.: Внешняя политика СССР и проблемы послевоенного урегулирования в Европе. М.: Изд. Ин-та истории СССР АН СССР, 1978.*

⁴⁷ *Волков В. К. Защита Советским Союзом на международной арене интересов народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны.— В кн.: На путях нерушимой дружбы. М.: Наука, 1976.*

ского «Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии»⁴⁸.

Говоря о руководящей роли КПЮ в югославской социалистической революции, автор отмечает, что важнейшим источником силы КПЮ, ее положения в стране был Народно-освободительный Фронт, основу которого составлял союз рабочего класса и трудового крестьянства.

В 1978 г. вышла в свет коллективная монография «Советский Союз и борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость (1941—1945)». Во второй ее главе, написанной Г. М. Славиным на основании ряда новых материалов, изложена история развития и укрепления советско-югославского сотрудничества в борьбе с фашизмом, сотрудничества, которое приблизило день Победы над общим врагом⁴⁹.

К ценным материалам, помещенным к 30-летию Победы в журнале «Коммунист» (1975, № 7), были добавлены в 1978 г. документы о советско-югославском боевом содружестве в годы второй мировой войны, напечатанные в «Военно-историческом журнале». Публикации предпослана статья А. В. Антосяка⁵⁰.

Завершается издание 12-томной «Истории второй мировой войны 1939—1945»⁵¹. Этот капитальный труд опирается на достижения всей советской исторической науки, успешно исследующей проблемы истории второй мировой войны. В нем дан анализ событий на Балканах, происходивших в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, и, в частности, уделено значительное место героической борьбе народов Югославии с фашистскими оккупантами и их пособниками.

Таким образом, освободительная борьба народов Югославии в годы второй мировой войны нашла широкое отражение в советской историографии.

Л. И. Брежнев в речи на митинге на одном из заводов Белграда сказал: «Советские люди знают, сколь огромны были жертвы Югославии во второй мировой войне, сколь значителен ее вклад в дело разгрома фашизма. Мы хорошо помним, что своей героической борьбой Народно-освободительная армия Югославии вписала самые яркие страницы в историю европейского Сопротивления, приблизила долгожданный день нашей общей победы»⁵².

⁴⁸ См.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977.

⁴⁹ Славин Г. М. Советско-югославское сотрудничество в борьбе с фашизмом.— В кн.: Советский Союз и борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость (1941—1945). М., 1978.

⁵⁰ Антосяк А. В. Советско-югославское боевое сотрудничество в годы второй мировой войны.— Военно-исторический журнал, 1978, № 5, с. 69.

⁵¹ История второй мировой войны. 1939—1945. М.: Воениздат, 1973—1978. Т. 1—9.

⁵² Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М.: Политиздат, 1973. Т. 3, с. 413.

Советские историки продолжают трудиться над изучением ряда еще недостаточно исследованных вопросов, связанных с историей освободительной войны в Югославии.

*

Важным направлением исследования новейшей истории Болгарии в советской исторической науке является антифашистская борьба болгарского народа в годы второй мировой войны. Первые работы, в которых получили отражение некоторые вопросы истории антифашистской борьбы болгарского народа, были опубликованы в СССР еще в ходе войны. Их авторы — деятели Болгарской коммунистической партии, находившиеся в тот период в Советском Союзе, среди которых были и историки. Статьи и брошюры Р. Караколова, К. Дмитрова (Кирил Божиков Димитров) и некоторых других авторов, опубликованные в 40-х годах, носили преимущественно научно-популярный характер⁵³. Эти работы знакомили советскую общественность с героической деятельностью болгарских коммунистов, возглавивших антифашистскую борьбу народных масс, разоблачали артинародную политику монархо-фашистской клики, которая предоставила в распоряжение гитлеровской Германии весь военный и хозяйственный потенциал Болгарии.

Широкая разработка советскими историками проблемы антифашистской борьбы болгарского народа началась по существу в начале 50-х годов⁵⁴. Эта проблема находилась в центре внимания Л. Н. Андронникова, Л. Б. Валева, Ф. Т. Константинова, М. Е. Позолотина и других ученых⁵⁵. Они впервые поставили в исторической литературе многие важные вопросы истории антифашистской борьбы болгарского народа и предприняли попытки их исследования на основе марксистско-ленинской методологии.

На первый план в историографии конца 40-х — середины 50-х годов выдвинулись вопросы об экономическом и политическом закабалении Болгарии гитлеровской Германией, о руководящей роли БКП в организации вооруженной борьбы болгарского

⁵³ См.: *Дмитров К.* Под пятой фашизма. М.: Воениздат, 1941; *Караколов Р.* Болгарский народ в кровавых лапах германского фашизма. М.: Госполитиздат, 1941; *Он же*. Болгария.— В кн.: *Бековая борьба западных и южных славян против германской агрессии*. М.: Госполитиздат, 1944.

⁵⁴ См.: *Валев Л. Б.* Изследование по проблемите на най-новата история на България в Съветския Съюз.— В кн.: *Проблеми на българската историография*. София: Наука и изкуство, 1973, с. 597.

⁵⁵ *Андронников Л. Н.* Партизанское движение в Болгарии в годы второй мировой войны. Канд. дис. М., 1954; *Валев Л. Б.* Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 — сентябрь 1944). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950; *Константинов Ф. Т.* Болгария во время и после второй мировой войны. М.: Изд-во ВПШ, 1949; *Позолотин М. Е.* Борьба болгарского народа за свободу и независимость в период второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1954; и др.

народа, о борьбе БКП за единство масс в рамках Отечественного Фронта, о партизанском движении, о подготовке и проведении народного антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. Изучение этих вопросов осуществлялось главным образом на основе опубликованных документов БКП и Отечественного фронта, произведений руководителей БКП, периодической печати и мемуаров. Тогда были намечены основные направления будущих исследований, сделан ряд выводов, получивших подтверждение в последующие годы.

Советские историки подчеркивали, что главным противоречием, существовавшим в Болгарии в тот период, было противоречие между народными массами и фашизмом, и рассматривали антифашистскую борьбу в Болгарии как общеноциональное движение, целью которого было свержение монархо-фашистской диктатуры, разрыв союза с гитлеровской Германией и установление власти, способной обеспечить развитие Болгарии как свободного, независимого, демократического государства.

В то же время узость документальной базы и недостаточная разработка теоретических вопросов не позволили в те годы дать глубокий и всесторонний анализ особенностей монархо-фашистского режима в Болгарии, что обусловило широкое распространение в советской историографии тезиса о «фактической оккупации» Болгарии в годы второй мировой войны. Этот тезис нашел отражение, в частности, во втором томе «Истории Болгарии», изданном в 1955 г.³⁶

Сторонники этого тезиса по существу отождествляли условия развития антифашистского движения болгарского народа с оккупацией, в которой велась антифашистская борьба в странах, оккупированных гитлеровской Германией. Это привело к упрощенному представлению, а нередко и к игнорированию особенностей антифашистской борьбы в Болгарии.

Л. Б. Валев, М. Е. Позолотин и другие авторы убедительно показали, что участие в антифашистской борьбе различных классов не было равнозенным: основную тяжесть борьбы с фашизмом вынесли рабочий класс и трудовое крестьянство. Именно эти силы закономерно оказались в центре внимания авторов, положивших начало разработке проблемы антифашистского движения в Болгарии. Исследование этой проблематики с самого начала было неразрывно связано с изучением деятельности БРП — так называлась в годы войны партия болгарских коммунистов.

В работах советских историков 40-х — середины 50-х годов раскрыта роль БРП как организатора и руководителя антифашистской борьбы масс. Важное место занял вопрос о создании и деятельности Отечественного фронта. В той или иной степени его коснулись все историки, изучавшие проблемы антифашистской борьбы болгарского народа. Наиболее полно история созда-

³⁶ История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2, с. 273.

ния и развития Отечественного фронта в 1942—1944 гг. рассмотрена в монографии Л. Б. Валева — первом глубоком исследовании этой проблемы. В этой работе достаточно полно рассмотрены объективные и субъективные предпосылки создания Отечественного фронта, раскрыта его роль в развитии антифашистской борьбы. Автору удалось показать, что Отечественный фронт был не просто нелегальной организацией антифашистского движения болгарского народа, но и важным средством формирования массовых революционных сил, школой политического опыта народных масс.

Первые работы советских историков об антифашистской борьбе болгарского народа положили начало исследованию актуальной проблемы сотрудничества народов СССР и Болгарии в 1941—1945 гг. В работах Л. Б. Валева, Д. Б. Мельцера, М. Е. Позолотина, М. И. Кусковой трактовались вопросы об отношении болгарского народа к Советскому Союзу, о влиянии побед Красной Армии на активизацию антифашистской борьбы болгарского народа, об освободительной миссии Красной Армии в Болгарии, о боевом сотрудничестве болгарского и советского народов в борьбе против фашизма⁵⁷.

Новый этап в изучении советскими исследователями истории антифашистской борьбы болгарского народа начался во второй половине 50-х годов. Характерной особенностью нового этапа была более углубленная разработка кардинальных проблем истории антифашистского движения.

Так, значительно обогатилось представление об экономическом и политическом положении Болгарии накануне и в годы второй мировой войны. Большая заслуга в этом принадлежит Л. Б. Валеву, автору монографии «Болгарский народ в борьбе против фашизма», в которой этот вопрос детализируется, изучается в новых аспектах⁵⁸. Опираясь на многочисленные архивные и другие документальные материалы, большинство из которых впервые вводилось в научный оборот, автор проанализировал состояние промышленности и сельского хозяйства страны, подробно рассмотрел вопрос о проникновении в экономику Болгарии иностранных капиталов, вскрыл причины присоединения Болгарии к странам фашистской оси. На широком фоне событий, происходивших на Балканах накануне и в начальный период войны,

⁵⁷ Валев Л. Б. Национально-освободительная борьба болгарского народа и освобождение Болгарии Советской Армией.— В кн.: Болгарский народ в борьбе за социализм. М.: Госполитиздат, 1954; Мельцер Д. Б. Роль Советского Союза в обеспечении свободы и независимости болгарского народа (1939—1952): Автoref. канд. дис. Минск, 1953; Позолотин М. Е. Борьба болгарского народа...; Кускова М. И. Возникновение и упрочение народно-демократического строя в Болгарии: Автoref. канд. дис. М., 1953; и др.

⁵⁸ Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма: Накануне и в начальный период второй мировой войны. М.: Наука, 1964.

Л. Б. Валев раскрыл характер взаимоотношений Болгарии с фашистской Германией, исследовал основные факторы внутреннего и международного характера, способствовавшие развертыванию антифашистского движения в Болгарии, обобщил опыт борьбы трудящихся Болгарии за улучшение своего экономического и политического положения, за свержение монархо-фашистской клики и установление власти Отечественного фронта.

Больше внимания стало уделяться вопросу об отношении отдельных классов и слоев болгарского общества к монархо-фашистскому режиму, что имело важное значение для всестороннего раскрытия процесса развития антифашистской борьбы. В работах Л. Б. Валева, И. В. Ганевича⁵⁹ и других авторов обосновывается вывод о том, что основная масса болгарского народа была настроена антифашистски. Советские историки приводят факты, свидетельствующие о братской любви и уважении болгарского народа к советскому, о стремлении болгарских трудящихся к установлению дружественных отношений с Советским Союзом, что во многом обусловило провал планов правящих кругов Болгарии относительно участия страны в военных действиях против СССР. Критика тезиса о «фактической оккупации» Болгарии обусловила изменение представления о политической структуре болгарского общества в годы второй мировой войны, в котором исследователи стали выделять не две, а три политические группировки: монархо-фашистские круги, легальную буржуазную оппозицию и антифашистские, антиимпериалистические силы. Распространение этой точки зрения открыло широкие возможности для выявления специфики антифашистской борьбы в Болгарии, сопоставления ее с национально-освободительными движениями в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В исследованиях, опубликованных в 70-х годах, упрощенная трактовка условий развития антифашистского движения болгарского народа уступила место концепциям более глубоким и многогранным, расширился круг рассматриваемых проблем⁶⁰. Этому процессу способствовали тесные творческие контакты с болгарскими учеными.

⁵⁹ Ганевич И. В. Борьба болгарского народа под руководством коммунистической партии за национальное и социальное освобождение (1941—1944). Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1959.

⁶⁰ Вознесенский В. Д. Тъй изгря свободата: 9 септември 1944 г. София, 1976; Гибианский Л. Я., Мурашко Г. П., Парсаданова В. С. Освободителная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны и концепции общественно-политического развития.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VII международный съезд славистов (Варшава, август 1973). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973; Ревякина Л. В. Тактика БКП в борьбе за создание союза рабочего класса с крестьянством в период подготовки и проведения социалистической революции.— В кн.: Политическая стратегия и тактика коммунистических партий. М.: Изд-во МГУ, 1971; и др.

Исследуя историю антифашистской борьбы болгарского народа, советские историки Л. Н. Андронников, Л. Б. Валев, И. В. Ганевич, В. И. Клоков, Г. Н. Попов, М. И. Семиряга и другие⁶¹ большое внимание уделяли изучению руководящей роли БКП в этой борьбе. На новом этапе развития историографии проблемы в научный оборот был введен богатый фактический материал, характеризующий разностороннюю деятельность БКП, которая, творчески применяя марксистско-ленинскую теорию, правильно сочетала борьбу против фашизма с борьбой за достижение своей конечной цели — победы социалистической революции.

В трудах советских авторов прослежен процесс развития политической линии БРП с начала второй мировой войны до победоносного восстания 9 сентября 1944 г. В работах, опубликованных с конца 50-х годов, значительно полнее охарактеризована деятельность Г. Димитрова и Заграничного бюро ЦК БРП по руководству антифашистской борьбой болгарского народа⁶².

Исследователи подчеркивают, что в условиях, сложившихся в стране в тот период, единственно правильным был курс на развертывание вооруженной борьбы против гитлеровцев и болгарских фашистов, взятый БРП летом 1941 г.

Убедительно показано, что на всех этапах развития антифашистского движения именно БРП была его руководящей и направляющей силой. Коммунисты и ремсисты (члены РМС — молодежной коммунистической организации) являлись организаторами и бойцами первых партизанских отрядов и диверсионных групп. Партийные комитеты следили за деятельностью всех партизанских подразделений и оказывали им всестороннюю помощь. В результате огромной работы БРП по превращению партизанского движения в массовое была сформирована Народно-освободительная повстанческая армия (НОПА), объединившая все партизанские отряды и соединения. Все командные посты в НОПА принадлежали представителям БРП.

Благодаря правильной политической линии, гибкой тактике, тесной связи с массами росли авторитет и влияние болгарских коммунистов, сумевших к моменту освобождения завоевать под-

⁶¹ Андронников Л. Н. Болгария.— В кн.: Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны; Валев Л. Б. Началото на Великата отечественна война на Советскиия Съюз и българската демократична общественост.— В кн.: Летопис на дружбата. София: Изд-во на ОФ, 1969, т. 1; Ганевич И. В. Борьба болгарского народа...; Клоков В. И. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945); Попов Г. Н. Из истории боевого содружества советских и болгарских Вооруженных Сил во второй мировой войне (сентябрь 1944 — май 1945).— Учен. зап./Харьк. ун-т, 1959, т. 103. Труды кафедры истории КНСС, т. 7; Семиряга М. И. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М.: Наука, 1962; и др.

⁶² См., например: Сохань П. С. Пламенный революционер. Киев: Наукова думка, 1962; Аблова Р. Т. Сотрудничество советского и болгарского народа в борьбе против фашизма. 1941—1945. М.: Высшая школа, 1973.

держку большинства населения страны. Важным средством сплочения большинства трудящихся вокруг революционного авангарда, как отмечается в советской историографии, был Отечественный фронт.

Разработке истории его создания и деятельности посвятили свои исследования Р. П. Гришина, А. А. Копылов и другие историки⁶³.

В работах, опубликованных в 60—70-х годах, достаточно глубоко и всесторонне проанализированы общий ход и этапы развития вооруженной борьбы: подробно освещены боевые операции партизанских бригад, отрядов и чет, помощь, оказанная партизанам боевыми группами, комитетами Отечественного фронта, подготовка и ход вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. Интенсивно изучаются все основные формы антифашистской борьбы — не только партизанское движение и диверсионная деятельность боевых групп, но и политico-массовая работа антифашистов среди населения, деятельность по разложению монархо-фашистской армии и т. п.

Большие успехи были достигнуты в исследовании проблемы сотрудничества советского и болгарского народов в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны. Начало разработке отдельных аспектов этой проблемы было положено еще в первых работах советских историков, посвященных антифашистской борьбе болгарского народа. Усилия историков ныне концентрируются на разработке целого комплекса вопросов: об освободительной миссии Красной Армии в Болгарии, о совместной борьбе советского и болгарского народов против фашизма, о братских связях между коммунистическими партиями СССР и Болгарии в годы войны, о боевом содружестве Красной и Болгарской Народной армий в войне против гитлеровской Германии.

Важное место занимает в советской историографии вопрос о влиянии побед Красной Армии на развитие антифашистского движения болгарского народа⁶⁴. Советские исследователи показали, что эти победы значительно ускорили созревание кризиса фашистского режима в Болгарии, способствовали неуклонному подъему антифашистской борьбы.

В работах отмечается, что поражение гитлеровцев под Москвой, их разгром под Сталинградом, Курском и на других участках советско-германского фронта резко изменили военно-стратегическую, политическую и психологическую обстановку в

⁶³ Гришина Р. П. К проблеме народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1944—1945). — ССЛ, 1969, № 2; Копылов А. А. Создание Отечественного фронта Болгарии и его роль в установлении народно-демократической власти: Канд. дис. Каменец-Подольский, 1966.

⁶⁴ См., например: Валев Л. Б., Славин Г. М. Отклики Сталинградской битвы на Балканах. — БИ, 1976, [вып. 2]; Шнитман А. Вестник «Правда» за революционната борба на българския народ през 1941—1944 г. — В кн.: Летопис на дружбата. Т. 1.

Болгарии, послужили мощным толчком для активизации антифашистской борьбы, вовлечения в нее все новых участников. Руководящая сила антифашистского движения — БРП — корректировала свои тактические установки с учетом конкретных внутренних условий и развития военных действий на советско-германском фронте.

Вопрос об освободительной миссии Красной Армии в Болгарии нашел отражение как в специальных исследованиях, так и в обобщающих трудах⁶⁵. Исследователи отмечают, что стремительное продвижение войск 3-го Украинского фронта к границам Болгарии значительно ускорило созревание революционного взрыва в стране: внесло страх и замешательство в монархо-фашистские круги и оказало огромное революционизирующее влияние на массы. Вступление советских войск в Болгарию придало народному антифашистскому восстанию 9 сентября исключительную силу и размах, сковало силы реакции и контрреволюции.

Различные стороны сотрудничества народов СССР и Болгарии в 1941—1945 гг. получили освещение во многих работах советских авторов. Особое место эти вопросы занимают в исследованиях Р. Т. Абловой, А. В. Антосяка, В. Н. Казака, М. М. Минасяна, М. Е. Монина, А. Н. Ратникова⁶⁶. В исследовании Р. Т. Абловой «Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма, 1941—1945» обобщены достижения советской историографии в этой области, разработаны вопросы о борьбе болгарского народа за мир и дружбу с СССР в годы второй мировой войны, об основных формах боевого сотрудничества болгарского и советского народов в 1941—1945 гг., о связях между коммунистическими партиями СССР и Болгарии в годы войны.

Таким образом, советские историки провели значительную работу по изучению истории антифашистской борьбы болгарского народа в годы второй мировой войны. Наиболее плодотворно эта проблема начала изучаться с конца 50-х годов. Благодаря творческому применению марксистско-ленинской методологии, исследованию широкого круга источников многие вопросы истории антифашистской борьбы болгарского народа получили глубокое научное освещение.

⁶⁵ См.: *Туриченко Н. И. Освободительная миссия Советской Армии в Болгарии: Автореф. канд. дис. Харьков, 1967; Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. М.: Наука, 1970; История второй мировой войны. 1939—1945. М.: Воениздат, 1978. Т. 9; и др.*

⁶⁶ Аблова Р. Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма; Антосяк А. В. Освободительная миссия Советского Союза в Центральной и Юго-Восточной Европе.— В кн.: СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М.: Наука, 1976; Казак В. Н. Побратимы: Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран; Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы; Монин М. Е. Содружество, рожденное в боях; Ратников А. Н. В борьбе с фашизмом, и др.

Исследованию освободительной борьбы румынского народа в годы второй мировой войны и революции в Румынии советская историография продолжает уделять большое внимание. В ряде общих работ советские историки показали реакционную внутреннюю и антисоветскую внешнюю политику румынских правящих кругов накануне и в период второй мировой войны, осветили борьбу румынского народа за свободу и независимость. К таким работам следует прежде всего отнести первую книгу пятого тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», а также труд «История Румынии. 1918—1970 гг.»⁶⁷.

Значительное внимание в советской историографии уделяется раскрытию процесса фашизации Румынии и ее внешней политике в довоенные годы, которые подготовили условия для вовлечения страны в гитлеровскую коалицию,

Л. А. Язькова в своей монографии одна из первых в советской исторической литературе, раскрывает фашистский характер королевской диктатуры в Румынии⁶⁸. Ее же перу принадлежит интересная статья о румынском фашизме⁶⁹.

Крупный вклад в изучение румынского фашизма и его внешней политики внес Н. И. Лебедев. Им написано несколько монографических исследований. Одно из них «„Железная гвардия“, Кароль II и Гитлер»⁷⁰ посвящено истории зарождения и укрепления румынского фашизма в годы диктатуры Кароля II, внешнеполитическому маневрированию правящих кругов Румынии в предвоенный период. Политика балансирования между двумя империалистическими группировками, отказ от сотрудничества с СССР в деле отпора германской агрессии в Европе привели румынские правящие круги к пособничеству, а затем и к активному сотрудничеству с гитлеровцами. В монографии «Падение диктатуры Антонеску»⁷¹ Н. И. Лебедев описывает один из самых мрачных периодов в истории Румынии — время военно-фашистской диктатуры и правления И. Антонеску. На основе документальных материалов в работе вскрывается реакционная внутренняя и антисоветская внешняя политика фашистской диктатуры, прослеживается нарастание противоречий в лагере румынской реакции, крах ее антисоветской политики, вызревание револю-

⁶⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 1, М.: Политиздат, 1970, с. 108—109; История Румынии. 1918—1970. М.: Наука, 1971, с. 284.

⁶⁸ Язькова А. А. Румыния накануне второй мировой войны. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁶⁹ Язькова А. А. О некоторых вопросах изучения фашизма в Румынии:— ВИ, 1970, № 3.

⁷⁰ Лебедев Н. И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М.: Международные отношения, 1968.

⁷¹ Лебедев Н. И. Падение диктатуры Антонеску. М.: Международные отношения, 1966.

ционной ситуации в стране и борьба народных масс за свержение фашистского режима и победу народно-демократической революции.

В новой монографии Н. И. Лебедева «Крах фашизма в Румынии»⁷² автор впервые в советской литературе дал всестороннее определение румынского фашизма и его особенностей. В книге отмечается, что фашизм в Румынии, как и в ряде других стран, представлял собой зловещее порождение монополистической буржуазии, ее орудие в борьбе за сохранение своего господства в условиях углубляющегося кризиса капитализма.

Румынский фашизм, подобно германскому и итальянскому, широко использовал националистическую, шовинистическую идеологию и социальную демагогию, а своим внешнеполитическим курсом избрал агрессию и территориальные захваты. Вместе с тем ему были свойственны и определенные особенности, обусловленные экономическими и социально-политическими факторами. Главная из них заключается в том, что он не сумел обрести массовой базы внутри страны. Вызванная этим необходимость поисков внешней опоры привела к закабалению Румынии фашистской Германией. Румынские фашисты и стоявшая за ними буржуазно-помещичья верхушка сознательно попали на такое предательство национальных интересов, рассчитывая с помощью гитлеровцев удушить революционное движение в стране и осуществить свою программу захвата земель Советского Союза и соседних балканских государств⁷³. В книге использованы многие архивные документы, раскрывающие внешнюю политику фашистского правительства в годы войны, борьбу народных масс за свержение фашистского режима, выход Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии, за победу народной революции. Освещена также роль Советского Союза в освобождении Румынии от фашизма и защите ее национальных интересов.

Вопросам внешней политики Румынии и советско-румынским отношениям накануне и в годы второй мировой войны уделено значительное внимание в работах А. А. Шевякова, Н. И. Лебедева, Б. М. Колкера и И. Э. Левита⁷⁴.

Захватнические тенденции румынской реакции в годы войны и предшествующий период обстоятельно рассмотрены в монографии А. М. Лазарева «Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос»⁷⁵, а также в коллективных трудах «Ис-

⁷² Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976.

⁷³ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии.

⁷⁴ Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М.: Наука, 1977; Лебедев Н. И. Румыния в годы второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1961; Колкер Б. М., Левит И. Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941). М.: Наука, 1971.

⁷⁵ Лазарев А. М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1974.

тория Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза», в работах Я. М. Копанского, В. М. Сенкевича, И. Э. Левита⁷⁶.

Большое внимание в советской историографии уделено внутреннополитическому и экономическому положению Румынии в годы войны, расстановке классовых сил, борьбе румынского народа против фашизма. Одной из первых работ, в которой нашли освещение эти вопросы, была работа С. И. Самойлова, вышедшая в 1947 г.⁷⁷ В 1961 г. на украинском языке вышла книга С. М. Пархомчука «Рождение новой Румынии. Антифашистское движение и победа народной демократии в Румынии (1941—1945 гг.)»⁷⁸. Автор отмечает, что союз Румынии с гитлеровской Германией привел страну на грань катастрофы. Германские монополии грабили страну, превращали ее экономику в свой придаток. В работах С. М. Пархомчука раскрывается мужественная борьба румынских антифашистов, руководящая роль КПР в этой борьбе. Эти вопросы были отражены также в книгах «История Румынии нового и новейшего времени», «Новая и новейшая история Румынии», а также в работах Я. А. Демкова, И. П. Олейника и других⁷⁹.

Специальная глава посвящена борьбе румынского народа в книге М. И. Семиряги⁸⁰. Ю. К. Томшин пишет в своей работе о борьбе Коммунистической партии Румынии за единство рабочего класса в 1944—1948 гг.⁸¹, а Ф. П. Шевченко — об участии

⁷⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 1—6; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза / С. Афтенюк, Д. Елин, А. Коренев, И. Левит. Кишинев: Карта молдовенаска, 1970; Копанский Я. М. Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с советской Родиной. 1918—1940. Кишинев: Штиинца, 1975; Сенкевич В. М. Советская Молдавия в борьбе против фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1944; Левит И. Э. Захватнические планы буржуазно-помещичьей Румынии накануне второй мировой войны.—Учен. зап. / Молдав. филиал АН СССР. Кишинев, 1957, т. VI.

⁷⁷ Самойлов С. И. Румыния. М.: Географгиз, 1947.

⁷⁸ Пархомчук С. М. Народження нової Румунії: Антифашистський рух і перемога народної демократії в Румунії (1941—1945). Київ: Вид-во АН УРСР, 1961; *Он же*. Революційна борьба румунських трудящихся за розвиток країни по демократичному пути, за мир и дружественіє отношення з СССР: Автoref. докт. дис. Київ, 1963.

⁷⁹ История Румынии нового и новейшего времени / В. Н. Виноградов, Е. Д. Карпеценко, Н. И. Лебедев, А. А. Языкова. М.: Наука, 1964; Новая и новейшая история Румынии: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Демков Я. А. Борьба румынского народа во главе с рабочим классом за установление народно-демократического строя и построение социализма. М.: Изд-во ВПА, 1962; Олейник И. П. Победа социализма в Румынии. М.: Изд-во экон. лит., 1962.

⁸⁰ Семиряга М. И. Антифашистские народные восстания. М.: Наука, 1965.

⁸¹ Томшин Ю. К. Борьба Коммунистической партии Румынии за единство рабочего класса в 1944—1948 гг.—В кн.: Новая и новейшая история Румынии.

румын в партизанском движении на оккупированной советской территории⁸². Вопросы участия румын в советском партизанском движении нашли также отражение в книгах И. В. Вергасова, И. Козлова, Е. Степанова⁸³.

Важный вклад в исследование предпосылок и основных этапов народной революции в Румынии внесла монография М. Г. Сазиной «Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. 1944—1947»⁸⁴. На основе архивных материалов, многие из которых впервые были введены в научный оборот, М. Г. Сазина показала социально-экономические и политические предпосылки народно-демократической революции в Румынии, борьбу румынского народа, руководимого РКП, за свержение фашистской диктатуры И. Антонеску и установление народно-демократического строя в стране, а также помочь Советскому Союзу румынскому народу в его борьбе за свободу, национальную независимость и социализм. В книге освещается первый этап народно-демократической революции, в ходе которого были созданы необходимые предпосылки для перехода Румынии к социалистическому строительству.

Более высокой ступенью в исследовании истории Румынии периода второй мировой войны, борьбы румынского народа против фашистского режима и гитлеровских оккупантов, за демократическое и социалистическое развитие страны явился выход в свет в 1971 г. коллективного труда советских историков «История Румынии, 1918—1970»⁸⁵.

В многочисленных трудах, посвященных освободительной миссии Красной Армии в Европе, значительное место уделяется освобождению Румынии от фашизма. Среди этих работ прежде всего необходимо назвать коллективный труд «Ясско-Кишиневские Каньи» под редакцией Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского⁸⁶. В работе раскрываются оперативно-стратегические вопросы Ясско-Кишиневской операции и показывается ее значение для освобождения Румынии от фашистского ига.

В монографии М. М. Минасяна «Освобождение народов Юго-Восточной Европы»⁸⁷ отдельная глава посвящена разгрому немецко-фашистских войск в Румынии и освобождению румынского народа от фашизма. Специальные главы об освобождении Румынии имеются в 4-м томе «Истории Великой Отечественной войны Со-

⁸² Шевченко Ф. П. Участие венгров и румын в партизанском движении на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза.—НИИ, 1961, № 5.

⁸³ Вергасов И. В горах Таврии. Симферополь, 1955; Козлов И. В Крымском подполье. М., 1948; Степанов Е. Партизанскими тропами. Астрахань, 1954.

⁸⁴ Сазина М. Г. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. 1944—1947. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁸⁵ История Румынии. 1918—1970.

⁸⁶ Ясско-Кишиневские Каньи. М.: Наука, 1964.

⁸⁷ Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М.: Воениздат, 1967.

ветского Союза. 1941—1945», в коллективном труде «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944—1945» под редакцией Маршала Советского Союза М. В. Захарова, а отдельные разделы — в однотомнике «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история» и в книге «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк» под редакцией П. А. Жилина⁸⁸. Эти же вопросы нашли отражение в книгах М. И. Семиряги, М. А. Аракеляна, в коллективном труде «СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945»⁸⁹. Раскрытию различных аспектов этой операции посвятил свои работы В. А. Мацуренко⁹⁰.

Важную роль в исследовании освободительной миссии Красной Армии сыграл выход коллективного фундаментального труда «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне» под редакцией Маршала Советского Союза А. А. Гречко⁹¹. Здесь в большой главе рассмотрен ход освобождения Румынии. Хотя основное внимание уделено военным вопросам, тем не менее в главе освещается политика правящих кругов страны накануне и во время войны, борьба румынских трудящихся под руководством КПР против фашистского режима, за демократическое развитие Румынии, решавшая роль Красной Армии в ее освобождении. Труд был удостоен премии им. М. В. Фрунзе и переиздан в братских странах на болгарском, венгерском, немецком, польском и чешском языках.

В 1974 г. вышло монографическое исследование А. В. Антосяка «В боях за свободу Румынии»⁹², в котором раскрываются исторические традиции дружбы между народами СССР и Румынии, разоблачается антисоветский курс румынских правящих кругов, втянувших страну в преступную войну против СССР, показывается борьба румынского народа за свержение фашистского режима и выход страны из антисоветской войны. В труде освещена решавшая роль Советских Вооруженных Сил в освобождении Румынии от фашизма, победа антифашистского восстания в стране и зарождение советско-румынского боевого со-

⁸⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 4; Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. М.: Наука, 1970; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945: Краткая история. 2-е изд. М.: Воениздат, 1970; Великая Отечественная война. 1941—1945: Краткий научно-популярный очерк. 2-е изд. М.: Политиздат, 1973.

⁸⁹ Семиряга М. И. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М.: Воениздат, 1962; Аракелян М. А. Великий интернациональный подвиг. М.: Воениздат, 1964; СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933—1945.

⁹⁰ Мацуренко В. А. Разгром немецко-фашистских войск на балканском направлении. М.: Воениздат, 1957; Он же. Удар с днестровского плацдарма. М.: Воениздат, 1961.

⁹¹ Освободительная миссия Советских Вооруженных сил во второй мировой войне. М.: Политиздат, 1971; 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.

⁹² Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М.: Воениздат, 1974.

трудничества в совместных боях на территории Румынии, Венгрии и Чехословакии, разоблачаются фальсификаторы советско-румынских отношений периода второй мировой войны. Работа написана на обширных советских и румынских архивных документах.

Вопросы совместных боевых действий советских и румынских войск на завершающем этапе войны нашли отражение в работе М. Е. Монина, в коллективном труде «Зарождение народных армий стран — участниц Варшавского договора»⁹³, а также в многочисленных мемуарных трудах⁹⁴. Эти же вопросы рассматриваются в книге А. С. Рябова «Великий подвиг»⁹⁵ и в других работах.

Освободительная борьба румынского народа, как и других балканских народов, против фашизма, развитие советско-румынских отношений в годы войны широко освещены в 12-томной «Истории второй мировой войны. 1939—1945»⁹⁶.

*

Основные вопросы истории национально-освободительной борьбы албанского народа в годы второй мировой войны получили отражение прежде всего в трудах обобщающего характера, таких, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», «История второй мировой войны», а также в работах, посвященных антифашистскому движению народов Европы в 1939—1945 гг.⁹⁷ Важное место указанная проблематика занимает в работах Н. Д. Смирновой, В. П. Рыжковой, посвященных образованию Народной республики Албании⁹⁸.

Советские историки анализируют экономическое и политическое положение Албании накануне второй мировой войны, причины превращения страны в сырьевую придаток фашистской Италии. Исследователи раскрывают место Албании в захватнических

⁹³ Монин М. Е. Содружество, рожденное в боях. М.: Воениздат, 1971; Зарождение народных армий стран — участниц Варшавского договора. М.: Наука, 1975.

⁹⁴ Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М.: Воениздат, 1963; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1974. Т. 1—2; Штегенек С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1973. Кн. 2; Великий освободительный поход. М.: Политиздат, 1970.

⁹⁵ Рябов А. С. Великий подвиг. М.: Воениздат, 1975.

⁹⁶ История второй мировой войны. 1939—1945. М.: Воениздат, 1973—1978. Т. 1—10.

⁹⁷ Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4; История второй мировой войны, т. 9; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне; и др.

⁹⁸ Рыжкова В. П. Возникновение и развитие строя народной демократии в Албании. М.: ВПШ, 1957; Смирнова Н. Д. Образование Народной Республики Албания: Автореф. канд. дис., М., 1956.

планах Италии, освещают историю итальянской агрессии⁹⁹. Отмечается, что лишь Советский Союз решительно осудил итальянских захватчиков, а также позицию западноевропейских государств и США в албанском вопросе¹⁰⁰.

Антифашистская борьба в Албании, пишут советские исследователи, началась после нападения на страну фашистской Италии и установления оккупационного режима. Однако в 1939—1941 гг. национально-освободительное движение албанского народа не носило достаточно организованного и массового характера. В этот период основными формами борьбы с врагом были забастовки, саботаж, демонстрации и т. п. Качественно новый этап в борьбе албанского народа за свободу и независимость начался с вступлением в войну Советского Союза. В историографии раскрывается влияние побед Красной Армии на национально-освободительную борьбу в Албании, способствовавших подъему антифашистской борьбы албанского народа¹⁰¹.

Принципиальное значение для развития антифашистского движения в Албании, подчеркивают советские историки, имело образование в ноябре 1941 г. Коммунистической партии Албании (КПА), которая стала организатором и руководителем национально-освободительного движения, приступила к организации первых партизанских групп и отрядов. К лету 1943 г. партизанское движение в стране приобрело широкий размах, КПА взяла курс на всенародное восстание, положила начало формированию регулярной Национально-освободительной армии.

Советские историки исследовали также вопрос о деятельности Национально-освободительного фронта Албании. При этом подчеркивалось, что с самого начала борьба албанского народа против фашистских оккупантов сливалась с борьбой против местных фашистов и буржуазно-феодальных клик, ставших на путь сотрудничества с оккупантами. Национально-освободительное движение в стране носило ярко выраженный классовый характер. В историографии раскрывается процесс поляризации классовых сил в стране, освещается борьба Национально-освободительного фронта с реакционными организациями «Балли комбстар» и «Легалитет». Действовавшие в освобожденных районах страны национально-освободительные советы являлись не только органами мобилизации народа на борьбу с фашистскими оккупантами,

⁹⁹ См., например: Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии: Очерк дипломатической истории (1936—1941). М.: Наука, 1969; Чем-палов И. Н. Итalo-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и средиземноморском бассейне (март — июнь 1939 г.). — В кн.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1973, сб. 2, с. 19.

¹⁰⁰ Антифашистское движение Сопротивления..., с. 150; см. также: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 1.

¹⁰¹ См., например: Валев Л. Б., Славин Г. М. Отклики Сталинградской битвы на Балканах.— БИ, 1976, [вып. 2].

но и зачатками новой, революционно-демократической власти. В ходе освободительной борьбы был окончательно решен вопрос о власти: изгнание из страны фашистских оккупантов и их прислужников означало победу народно-демократической революции, которая была по своему содержанию антифашистской, антиимпериалистической.

Советские историки отмечают, что, используя благоприятную обстановку, сложившуюся на Балканах в результате побед Красной Армии, НОА предприняла широкое наступление против немецко-фашистских оккупантов и к концу ноября 1944 г. завершила освобождение своей страны.

*

В каталогах наших библиотек значится сравнительно немного работ советских авторов на тему «Греция во второй мировой войне». Но ряд сторон национально-освободительной борьбы, которую греческий народ вел против германско-итальянских оккупантов, уже освещен.

Развитие движения Сопротивления в Греции прослежено в «Истории Великой Отечественной войны».¹⁰² В «Истории второй мировой войны» был использован ряд новых материалов об освободительной борьбе греческого народа¹⁰³. Высокая оценка вооруженной борьбы греческих патриотов дана в «Истории Коммунистической партии Советского Союза»¹⁰⁴. Первые брошюры об освободительной борьбе греческого народа и империалистической интервенции в Греции написал С. Е. Белинков. Они имели научно-популярный характер¹⁰⁵.

В 1961 г. П. И. Манчха опубликовал книгу о политическом положении послевоенной Греции (1945—1960 гг.)¹⁰⁶. В ней дан также краткий очерк событий времени второй мировой войны. Автор пишет, что в то время, когда патриоты сражались с оккупантами, греческое эмигрантское правительство, находившееся в Каире, и реакционные элементы в стране относились к национально-освободительной борьбе греческих патриотов с нескрываемой враждебностью. Действуя в контакте с агентурой английских империалистов, греческие реакционеры сколачивали различные профашистские организации, вооружали банды, которые сотрудничали с гитлеровцами и наносили удары в спину войскам ЭЛАС.

¹⁰² История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961—1965. Т. 1—6.

¹⁰³ История второй мировой войны. 1939—1945. М.; Воениздат, 1973—1978. Т. 1—9.

¹⁰⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1970. Т. 5, кн. 1.

¹⁰⁵ Белинков С. Е. Греция в тисках реакции. М.: Правда, 1946; *Он же*. Греческий народ и международная реакция. М.: Правда, 1947.

¹⁰⁶ Манчха П. И. Греция наших дней. М.: Госполитиздат, 1961.

В 1962 г. был издан сборник «Антифашистское движение Сопротивления», включавший и раздел, в котором П. И. Манчха осветил основные этапы национально-освободительной борьбы греческого народа¹⁰⁷. Он отметил, что в ходе боевых действий против фашистских захватчиков ЭЛАС превратилась в настоящую регулярную армию, которая сковывала 12—14 фашистских дивизий. К лету 1943 г. ЭЛАС освободила от оккупантов примерно две трети материковой Греции, где действовали органы народной власти — народные советы, существовали народная милиция и народные суды.

Еще до полного освобождения Греции от оккупантов, констатирует П. И. Манчха, в стране были образованы демократические органы государственного управления и заложены основы народно-демократического строя. Все эти коренные перемены осуществлялись под руководством и при самом активном участии коммунистов¹⁰⁸.

В 1963 г. П. И. Манчха в диссертации, посвященной роли Коммунистической партии Греции в борьбе за национальное и социальное освобождение греческого народа, показал, что КПГ была организатором и руководителем антифашистской борьбы¹⁰⁹. Автор подчеркивал, что борьба против оккупантов велась в самых различных формах: саботаж и диверсии на военных предприятиях, подрыв железнодорожных путей и мостов, стачки и демонстрации протеста, уничтожение оккупантов. Высшей формой сопротивления явилось партизанское движение, которое благодаря коммунистам носило организованный характер. В течение всего периода оккупации гитлеровцам не удалось послать греческих рабочих на каторжный труд в «рейх», а в войсках «оси» не было ни одной греческой части, которая бы сражалась против СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции.

История национально-освободительной борьбы греческого народа, его победы и поражения, наиболее обстоятельно исследована в работах Г. Д. Кирьякидиса, в прошлом участника греческого движения Сопротивления.

В 1967 г. издательство «Наука» выпустило монографию Г. Д. Кирьякидиса, справедливо оцененную как первое в советской литературе систематическое изложение истории Греции во время второй мировой войны¹¹⁰. На базе большого документального материала, и прежде всего греческих источников и публикаций, автор нарисовал картину развертывания антифашистского

¹⁰⁷ Антифашистское движение Сопротивления. М.: Соцэкиз, 1962, с. 419—445.
¹⁰⁸ Антифашистское движение Сопротивления, с. 432.

¹⁰⁹ Манчха П. И. Коммунистическая партия Греции в борьбе за национальное и социальное освобождение греческого народа (1940—1945 гг.): Автoref. канд. дис. М., 1963.

¹¹⁰ Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. М.: Наука, 1967. О начальном этапе борьбы греческого народа против фашистской агрессии см. также: Григорьев Р. Г. Агрессия фашистской Италии на Балканах 1939—1941 гг.: Автoref. канд. дис. М., 1973.

движения, превратившегося под руководством Коммунистической партии Греции во всенародное.

«К моменту освобождения Греции,— говорится в монографии,— соотношение внутриполитических сил в стране определялось абсолютным превосходством ЭАМ — ЭЛАС. Они контролировали 31 с половиной из 33 областей Греции, или свыше 95% ее территории, в том числе крупнейшие города. К тому времени народно-освободительная армия представляла собой большую силу, численность ее войск вместе с резервными частями достигала 125 тыс. человек»¹¹¹. Но главное, подчеркивает автор, ЭЛАС пользовалась единодушной поддержкой подавляющего большинства населения страны.

В другой своей монографии Г. Д. Кирьякидис, возвращаясь к периоду войны, пишет, что Греция «была уже в 1944 г. выбрана империалистами в качестве плацдарма для развязывания „холодной войны“ против СССР и только что созданных государств народной демократии. И сделано это было вопреки воле подавляющего большинства греческого народа»¹¹².

В недавно вышедшей работе «Движение Сопротивления в Греции» Г. Д. Кирьякидис констатирует, что единственным государством, которое решительно выступило против английского вмешательства во внутренние дела Греции, был Советский Союз. Советское правительство неоднократно официально осуждало политику Великобритании в Греции, в частности на Крымской и Потсдамской конференциях руководителей СССР, США и Англии. Что касается правящих кругов США, то они активно содействовали планам своего партнера¹¹³.

¹¹¹ Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне, с. 319.

¹¹² Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции. М.: Наука, 1972, с. 60.

¹¹³ См.: Кирьякидис Г. Д. Движение Сопротивления в Греции.— В кн.: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945. М.: Наука, 1978, с. 439.

Некоторые проблемы социально-политического развития Болгарии, Румынии, Югославии и Албании в послевоенный период

С. В. ВАСИЛЬЕВ, И. С. ПИМОНЕНКО, Т. А. ПОКИВАЙЛОВА,
О. Н. РЕШЕТНИКОВА

После второй мировой войны произошло коренное изменение политических сил на мировой арене, главным результатом чего явилось становление и утверждение мировой системы социализма. Эти изменения затронули и народы балканских стран. В ряде балканских стран — Болгарии, Албании, Румынии, Югославии — победили демократические силы во главе с коммунистическими партиями и эти народы пошли по пути строительства социализма.

На завершающем этапе второй мировой войны освободительная борьба народов Югославии, Албании, Болгарии и Румынии в условиях разгрома германского фашизма и освобождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы Красной Армией переросла в народно-демократические и социалистические революции.

Советская историография уделяет большое внимание изучению конкретно-исторического развития указанных стран в послевоенный период. Значительное число работ советских историков носит страноведческий характер. Кроме того, вопросы социально-политического развития Болгарии, Румынии, Югославии и Албании освещаются в обобщающих работах, охватывающих все европейские социалистические страны и позволяющих провести сравнительно-типологический анализ конкретно-исторических явлений и событий в этих странах. Имеется также многочисленная литература общего характера, освещающая основные проблемы социально-политического развития социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, выявляющая закономерности их политического, экономического, социального и культурного развития. Последняя группа работ должна, на наш взгляд, стать предметом специального анализа. В ряде статей советских авторов уже обобщен опыт изучения послевоенной истории европейских социалистических стран¹. В общем контексте изучения

¹ См.: Валев Л. Б. О состоянии и перспективах изучения в СССР новейшей истории зарубежных славянских стран.— ССЛ, 1969, № 1; Марьина В. В. Советская литература 1965—1969 гг. о развитии европейских социалистических стран.— В кн.: Работы советских историков за 1965—1969 гг. М.: Наука, 1970. Развитие советской исторической науки. 1970—1974 гг. М.: Наука, 1975. Воробьева Е. Д., Долгих Н. С. Формирование и развитие социалистического содружества в советской исторической литературе.— В кн.: Формирование и развитие содружества социалистических стран. М.: Наука, 1976, ч. II; Kuranow G. G., Riabcew P. I. Problemy krajuw euro-

всех европейских социалистических стран в этих статьях освещается и историография социалистических стран Юго-Восточной Европы.

На протяжении трех последних десятилетий изучение опыта народно-демократической революции и социалистического строительства в Болгарии заняло в советской историографии важное место. Это привело к созданию целого ряда работ, в которых раскрываются многие узловые проблемы строительства социализма в НРБ, рассматриваются наиболее характерные общие черты и особенности социалистических преобразований в этой стране.

Широкая систематическая разработка основных проблем послевоенного экономического и социально-политического развития Болгарии советскими исследователями началась в первой половине 50-х годов. В этот период были опубликованы работы Л. Б. Валева, Ф. Т. Константинова, В. Н. Стародубровской² и других авторов, которые впервые в научной литературе поставили многие вопросы политического, социально-экономического и культурного развития Болгарии в переходный период от капитализма к социализму, ввели в научный оборот новые материалы, сделали ряд важных обобщений, получивших подтверждение в последующие годы.

В историографии первой половины 50-х годов и по масштабам и по степени глубины исследования на первый план выдвинулась аграрно-крестьянская проблематика. В целом ряде трудов обобщающего характера и в специальных исследованиях А. Н. Киршевской, В. П. Тихомирова³ и других авторов многие вопросы, связанные с социалистическим переустройством сельского хозяйства в Болгарии, творческим применением болгарскими коммунистами ленинского кооперативного плана, получили глубокое и правильное освещение.

Исследуя сущность аграрной политики народно-демократической власти, советские ученые раскрыли глубокую взаимосвязь проводящегося в НРБ курса на утверждение социалистических

pejskich w historiografii radzieckiej.— In: *Rewolucja i władza ludowa w krajach europejskich. 1944—1948*. Warszawa, 1972.

² См.: Валев Л. Б. Народно-демократическая Болгария с 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны.— УЗИС, 1951, т. III; *Он же*. Болгария в период борьбы за укрепление народно-демократического строя и восстановление народного хозяйства.— УЗИС, 1951, т. IV; Константинов Ф. Т. Болгария на пути к социализму. М.: Госполитиздат, 1953; Стародубровская В. Н. Строительство экономического фундамента социализма в НРБ. М., Изд-во АН СССР, 1953; и др.

³ Киршевская А. Н. Отечественный фронт и аграрный вопрос в Болгарии в первый период развития народной демократии. 1944—1947.— УЗИС, 1952, т. V; Тихомиров В. П. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Болгарии. М.: Госполитиздат, 1951; Джишкариани П. И. К вопросу об аграрных преобразованиях в современной Болгарии. 1945—1948: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1950; Херхерян М. Г. Переходный период от капитализма к социализму в Болгарии: Автореф. канд. дис. Ростов н/Д., 1954; и др.

производственных отношений в сельском хозяйстве страны с потребностями развития болгарского общества. В работах ярко и убедительно показана роль БКП, которая наиболее последовательно боролась за проведение в жизнь аграрных преобразований, предусмотренных правительственной программой от 17 сентября 1944 г., стремясь к наиболее эффективному осуществлению ее основных положений, подчиняя все намеченные мероприятия задачам кооперативного строительства, социалистического преобразования сельского хозяйства Болгарии. Советские исследователи отмечали, что формирование социалистического сектора в экономике страны происходило в обстановке острой борьбы с противниками народной демократии, стремившимися остановить развитие революционного процесса, осложнялось трудностями, связанными с восстановлением народного хозяйства, неурегулированным международным положением страны. Важное место в работах советских авторов заняли вопросы об этапах развития кооперативного движения в Болгарии, его особенностях, об изменениях социальной природы болгарского крестьянства по мере утверждения социалистических производственных отношений.

Менее интенсивно в историографии первой половины 50-х годов изучалась проблема социалистических преобразований в промышленности Болгарии. Однако, несмотря на отсутствие монографических исследований на эту тему, отдельные вопросы экономической политики, проводившейся в Болгарии в 1944—1948 гг. в области промышленности, получили освещение в работах Ф. Т. Константинова, В. Н. Стародубровской, в соответствующих главах «Истории Болгарии», написанных Л. Б. Валевым⁴.

Советские исследователи в целом правильно охарактеризовали состояние промышленности последних лет буржуазного господства в Болгарии, выявили некоторые особенности развития болгарского капитализма, проанализировали и обобщили основной фактический материал, характеризующий формы, методы и темпы овладения рабочим классом Болгарии основными средствами производства. Особое место в работах этого периода заняла проблема национализации промышленности. Характерно, что советские исследователи стремились не только подробно и всесторонне проследить процесс национализации в Болгарии, но и соопоставить практику рабочего класса НРБ с опытом российского пролетариата.

В научной литературе первой половины 50-х годов получил определенное отражение и процесс развития социалистической культурной революции в Болгарии. В работах Ф. Т. Константинова, К. Н. Державина, в соответствующей главе «Истории Болгарии», написанной К. Н. Державиным и И. М. Шептузовым, содержится ряд интересных данных об успехах болгарского на-

⁴ См.: История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2.

рода в области просвещения, науки, литературы и искусства, рассматривается деятельность основных культурно-просветительных учреждений, раскрывается процесс формирования новой социалистической интеллигенции, начало процесса утверждения в обществе марксистско-ленинской идеологии⁵.

Источниковедческая база первых работ советских авторов была еще сравнительно узкой: основными источниками служили опубликованные документы партий Отечественного фронта, произведения руководителей БКП, законодательные акты, немногочисленные статистические материалы, прессы и мемуары. Вследствие ограниченности источниковедческой базы, недостаточной теоретической разработки ряда важнейших вопросов о закономерностях развития социалистической революции и строительства социализма, о путях и формах перехода от капитализма к социализму, отдельные аспекты социалистического строительства в НРБ изучались неравномерно, в работах имелись существенные разногласия по вопросу о характере и периодизации переходного периода от капитализма к социализму в НРБ⁶. Однако, несмотря на недостатки и слабости, присущие работам первой половины 50-х годов, они послужили хорошей основой для дальнейшей разработки проблемы: знакомили советскую общественность с первыми шагами болгарского народа по пути к социализму, вводили в научный оборот новые материалы, намечали направления будущих исследований.

Качественно новый этап в изучении советскими исследователями истории социалистического строительства в НРБ начался со второй половины 50-х годов. Принципиальное значение для развития историографии имели решения XX съезда КПСС, способствовавшие значительному повышению идейно-теоретического уровня исторических исследований. Начался постепенный отход от фактографической методики, переход к трудам аналитического характера. Преодолевались недостатки, присущие историографии предшествующего периода: одностороннее освещение событий и процессов, элементы догматизма и схематизма и другие⁷.

Важное значение для активизации исследования проблем социалистического строительства в Болгарии имели успехи в области сбора и организации архивных материалов по этой проблематике в НРБ, а также публикации документов, предпринятые болгарскими учеными. Все это в значительной степени способствовало расширению источниковедческой базы, усилению интереса историков к проблемам социалистического строительства в НРБ: из общего числа защищенных в СССР диссертаций по но-

⁵ См.: Болгарский народ в борьбе за социализм. М.: Госполитиздат, 1954; История Болгарии, т. 2.

⁶ См. подробнее: Валев Л. Б. Изследвания по проблемите на най-новата история на България в Съветския Съюз.— В кн.: Проблеми на българска-та историография. София: Наука и изкуство, 1973, с. 599—601.

⁷ Валев Л. Б. Изследвания..., с. 594.

войшней истории Болгарии ^{4/5} посвящены периоду 1944—1970 гг.⁸

Более совершенными стали методы изучения фактического материала, постепенно установилось взаимодействие исторической науки с экономической наукой и социологией. Существенно расширился круг проблем, составляющих предмет исторических исследований, посвященных строительству социализма в НРБ; одновременно целый ряд вопросов, поставленных в историографии предшествующего периода, уточнялся, детализировался, изучался в новых аспектах.

Большие успехи были достигнуты в изучении проблемы социалистического переустройства сельского хозяйства Болгарии. Если ранее основное внимание исследователей уделялось преимущественно анализу и оценке экономических мероприятий в области сельского хозяйства, то на новом этапе развития историографии советские ученые ставят перед собой более сложную задачу: показать в совокупности основные социально-экономические изменения болгарского села, произошедшие за весь период развития Болгарии по пути социализма, раскрыть характерные черты процесса формирования социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве страны⁹.

Особое место в историографии занял вопрос о тактике БКП в борьбе за реализацию выдвинутой программы социальных преобразований, за упрочение союза рабочего класса и крестьянства в ходе социалистического переустройства сельского хозяйства. Социально-экономическая политика народно-демократической власти в отношении крестьянства рассматривается исследователями в связи с развернувшейся в стране идейной борьбой по вопросу о путях решения аграрной проблемы¹⁰.

Характерной особенностью работ, опубликованных в 60—70-е годы, является то, что усилия авторов сосредоточиваются

⁸ Валев Л. Б. Исследования..., с. 595.

⁹ См.: Ачалу Г. М. Укрепление материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Болгарии (1956—1966 гг.).—Науч. труды / Кубан. ун-т, Краснодар, 1972, вып. 157; Головко А. А. Особенности социалистических аграрных преобразований в НРБ.—В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV международной научной конференции историков-славистов. Минск, 1969; Липовецкий Э. Я. Творческое осуществление ленинского кооперативного плана в НРБ.—В кн.: Ленинский кооперативный план — основа социалистического земледелия. Изд-во Одес. с.-х. ин-та, 1970; Песчаный Д. Г. Завершающий этап социалистического прообразования сельского хозяйства в Болгарии (1956—1958 гг.).—Науч. труды / Кубан. ун-т, Краснодар, 1972, вып. 157; и др.

¹⁰ См., например: Игнатьева Т. В. Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление социально-экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти. — ССЛ, 1976, № 2; Гришина Р. П. Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 — ноябрь 1945).—В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977; и др.

не только на изучении теоретического и практического наследия Великого Октября и его применения в практике БКП, но и на сравнительном анализе опыта социалистического переустройства сельского хозяйства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы¹¹.

Больше внимания стало уделяться проблеме социалистических преобразований в промышленности. Хотя исследования на эту тему сравнительно немногочисленны, они внесли существенный вклад в разработку вопросов об экономической политике БКП в промышленности, о формах, методах и темпах овладения рабочим классом Болгарии основными средствами производства, об особенностях социалистической индустриализации в НРБ¹².

Значительно обогатилось представление об осуществлении в Болгарии культурной революции. Большая заслуга в этом принадлежит Г. Н. Попову, автору наиболее обстоятельного монографического исследования на эту тему как в советской, так и в болгарской историографии¹³. Существенный вклад в изучение проблемы внесли также А. И. Арнольдов, И. М. Шептунов и другие авторы¹⁴.

¹¹ См.: *Бабушкина Т. А.* Некоторые особенности социалистического переустройства сельского хозяйства в Болгарии.— В кн.: Некоторые вопросы развития мирового революционного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1971; *Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. М.: Наука, 1977; *Краснова Л. Н.* Развитие коммунистами Болгарии и Чехословакии опыта КПСС в осуществлении политической линии в отношении кулачества (1944—1948 гг.): Автореф. канд. дис. Ростов н/Д. 1970; *Ревякина Л. В.* Сотрудничество коммунистических партий и крестьянских партий в период строительства социализма: На примере НРБ: Автореф. канд. дис. М., 1970; Социалистические преобразования в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии. М.: Соцэкиз, 1963; *Юмашев А. И.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства в СССР и странах народной демократии. М., Изд-во ВПШ и АОН, 1962.

¹² См.: *Доронченков А. И.* Из истории экономической политики партии коммунистов и правительства ОФ в области промышленности в первые годы восстановительного периода в Болгарии (1944—1946).— Учен. зап. / Великолук. гос. пед. ин-т. 1958, т. 3; *Черний А. И.* К вопросу о рабочем контроле в болгарской промышленности.— ССЛ, 1965, № 4; *Он же*. Революционные преобразования в болгарской промышленности в первые годы социалистического строительства (1944—1946).— В кн.: Советское славяноведение: Материалы IV межвузовской научной конференции историков-славистов; *Мозеров В. Д.* Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности: Восстановительный период. 1944—1948 гг. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973; *Мурашко Г. П.* Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 гг.— ВИ, 1974, № 11.

¹³ *Попов Г. Н.* Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948). Изд-во Харьк. ун-та, 1966.

¹⁴ *Арнольдов А. И.* Социализм и культура. М., 1962; *Шептунов И. М.* О некоторых закономерностях социалистической культурной революции в Болгарии: Формирование и развитие социалистической культуры в Болгарии. София: Изд-во БАН, 1971; *Он же*. Г. Димитров и проблемы строительства социалистической культуры в Болгарии.— В кн.: Г. Димитров — выдающийся революционер-ленинец, М.: Политиздат, 1974; *Бабушкин*

Характерная особенность нового этапа развития историографии проблемы состоит в том, что многие вопросы социалистического строительства в НРБ получили отражение в работах, посвященных советско-болгарскому сотрудничеству. Эта тема особенно интенсивно разрабатывается советскими исследователями в последнее десятилетие. Различные формы политического, экономического, научно-технического и культурного сотрудничества СССР и НРБ рассматриваются в работах В. В. Бойко, А. И. Доронченкова, Д. Г. Песчаного, П. С. Соханя и других¹⁵.

Таким образом, одним из основных направлений исследования новейшей истории Болгарии в советской исторической науке является тема социалистического строительства в НРБ. Благодаря творческому применению марксистско-ленинской методологии, использованию прогрессивных методов исследования, изучению широкого круга источников многие существенные вопросы строительства социализма в НРБ получили глубокое и всестороннее освещение.

В советской исторической науке получили довольно обстоятельную разработку и основные проблемы послевоенного развития Румынии. Важное место занимает исследование процессов народно-демократической революции, началом которой явилось вооруженное восстание 23 августа 1944 г., осуществленное демократическими силами во главе с компартией в условиях разгрома Красной Армии фашистских вооруженных сил. Народно-демократической революции (1944—1947 гг.), громадной важности историческому периоду в жизни румынского народа, посвящены как специальные работы советских историков¹⁶, так и

на Т. А. Особенности культурной революции в Болгарии.— В кн.: Научный коммунизм: Проблемы и исследования. М., 1971, вып. 4; Диденко В. Ф. Вопросы культурной революции в Народной Республике Болгарии.— В кн.: 15 лет Народной Болгарии. М.: Изд-во ИМО, 1959.

¹⁵ См.: Бойко В. В. КПСС и БКП во главе братского сотрудничества советского и болгарского народов в развитии социалистической культуры (1944—1948): Автореф. канд. дис. Харьков, 1975; Доронченков А. И. Взаимосвязь рабочего класса СССР и Болгарии — одно из проявлений социалистического интернационализма (1953—1957).— В кн.: Советское славяноведение: Материалы IV межвузовской научной конференции историков-славистов; Песчаный Д. Г. Сотрудничество между СССР и НРБ в области сельского хозяйства в процессе социалистического преобразования болгарской деревни (1948—1958 гг.): Автореф. докт. дис. М., 1973; Сохань П. С. Социалистический интернационализм в действии. Киев: Наукова думка, 1969; Он же. Экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество СССР и НРБ и участие в нем Украинской ССР (1944—1970): Автореф. докт. дис. Киев, 1973.

¹⁶ См.: Сазина М. Г. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Владимириров П. Знаменательный юбилей.— Коммунист, 1974, № 12; Лебедев Н. И., Покиаволова Т. А. Расстановка классовых сил в Румынии и борьба КПР за развитие народно-демократической революции (23 августа 1944—6 марта 1945 г.).— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; Платонов П. Коммунистическая партия Румынии — вдохновитель

разделы в коллективных трудах по истории Румынии¹⁷. Народно-демократическая революция рассматривается в работах советских авторов как процесс, развивавшийся по восходящей линии, в острой классовой борьбе, ознаменовавший переход к строительству нового социалистического общества. Известно, что аграрный вопрос являлся для Румынии, где большинство населения к моменту революционных преобразований составляло крестьянство, проблемой огромного социального-экономического и политического значения. Поэтому вполне естественно, что в работах советских историков большое внимание уделяется освещению аграрной реформы 1945 г., проведенной революционным путем в интересах крестьянства и при его активном участии¹⁸.

Значительное внимание уделяют советские исследователи вопросам, связанным с послевоенным восстановлением экономики Румынии, установлением рабочего и государственного контроля в промышленности, национализацией основных средств производства. Важное место уделяется рассмотрению проблем советско-румынского экономического сотрудничества, которое способствовало преодолению экономических трудностей послевоенных лет, консолидации экономического и политического положения Румынии¹⁹. Изучались также преобразования в области культуры,

и организатор борьбы за установление и упрочение народно-демократического строя (23 августа 1944—1948).— Учен. зап. / Тирасп. гос. пед. ин-т, 1967, № 15; *Пархомчук С. М.* Народження нової Румунії: Антифашистський рух і перемога народної демократії в Румунії (1941—1945). Київ: Вид-во АН УРСР, 1961.

¹⁷ История Румынии. 1918—1970 гг. М.: Наука, 1971; История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964; *Лебедев Н. И., Карпещенко Е. Д.* История Румынской Народной Республики. М.: Международные отношения, 1964; Новая и новейшая история Румынии: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Языкова А. А.* Народная Румыния. М.: Наука, 1965.

¹⁸ См.: *Покивайлова Т. А.* От аграрной реформы 1945 года к социалистическому преобразованию сельского хозяйства в Румынии.— НИИ, 1964, № 4; *Гончарук И.* Демократическая аграрная реформа в Румынской Народной Республике.— Учен. зап. / Тирасп. гос. пед. ин-т. Кишинев, 1960, вып. 8; *Марченко Г.* Керівна роль компартії Румунії в боротьбі народних мас за аграрну реформу 1945 р.— Наукові записки / Ужгородськ. держ. ун-т. Сер. історична, Ужгород, т. XXX, 1957; *Он же.* З історії боротьби компартії Румунії проти антинародної позиції «історичних» партій в аграрному питанні.— Докл. и сообщ. / Ужгород. ун-т. Сер. фіз.-мат. и іст. наук, 1962, № 5; *Он же.* Здійснення аграрної реформи 1945 г. в Румунії та її соціально-економічні наслідки.— В кн.: З історії зарубіжних соціалістичних країн. Київ, 1971.

¹⁹ *Крэканэ М. Г.* Некоторые вопросы деятельности профсоюзов Румынии по укреплению и развитию народно-демократической власти (1945—1947).— В кн.: Из истории социалистического и коммунистического строительства. Минск, 1973; *Она же.* Перемога народна-демократичнай рэвалюцыі ў Румыніі.— Весці / АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1974, № 6; *Она же.* Роль прафсаюзаў Румыніі ў мабілізацыі працоўных на баражбу супраць гітлераўскай Германіі.— Весці / АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1975, № 5; *Олейник І. П.* Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя. М., 1959; История Румынии. 1918—1970; *Лебедев Н. И., Покивайлова Т. А.* Расстановка классовых сил в Румынии

развитие советско-румынских культурных связей²⁰. Анализ различных аспектов советско-румынских отношений, того, как с помощью Советского Союза Румыния сумела избежать вмешательства империалистических держав в свои внутренние дела, заключить демократический мирный договор, занимает видное место в работах наших историков. Именно на пути дружбы с СССР румынский народ сумел добиться значительных успехов в преодолении экономических трудностей первых послевоенных лет и в стабилизации международного положения своего государства, что, в свою очередь, благоприятствовало развитию народной революции, способствовало ее перерастанию в революцию социалистическую²¹. Именно в этот период между СССР и Румынией стали закладываться основы отношений нового типа, отношений дружбы, сотрудничества и взаимопомощи.

Проблемы социалистического строительства в Румынии в советской историографии рассматриваются в плане социально-экономического, внутриполитического, идеологического, культурного, развития, международных и особо — советско-румынских отношений. К важным вопросам этой темы относится периодизация социалистического строительства, раскрытие главных черт основных этапов построения социалистического общества: строительства основ социализма и перехода к строительству развитого социалистического общества²².

и борьба КПР за развитие народно-демократической революции.— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

²⁰ См.: *Маринеску И. И.* АРЛУС в 1944—1947 гг.: Из истории советско-румынских культурных связей.— В кн.: Прошлое и настоящее: Из истории европейских стран народной демократии. М.: Наука, 1967; *Он же*. К вопросу о советско-румынских культурных связях в 1945—1947 годах.— В кн.: Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1969; *Он же*. Из истории демократических преобразований просвещения и культуры в Румынии (1945—1947 гг.).— В кн.: Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970, вып. 2; *Он же*. О привлечении интеллигенции на сторону народно-демократической революции в Румынии (1944—1957 гг.).— В кн.: Балканский исторический сборник. Кишинев: Штиинца, 1973, вып. 3.

²¹ См.: *Мунтян М. А.* Подготовка мирного договора с Румынией и позиция советской дипломатии.— В кн.: Прошлое и настоящее: Из истории европейских стран народной демократии; *Он же*. Советско-румынские отношения и борьба против попыток вмешательства империалистических держав во внутренние дела Румынии (6 марта 1945—1950).— В кн.: Русско-румынские и советско-румынские отношения; *Он же*. Очерк внешней политики Румынской Народной Республики. 1948—1955. Кишинев, 1971; *Паклин Н.* Советско-румынское сотрудничество.— Новое время, 1973, № 5.

²² История Румынии. 1948—1970; Социалистическая Республика Румыния. М., 1974; *Ильин В.* Торжество идей социализма: Народной Румынии 20 лет.— Международная жизнь, 1964, № 4; *Олейник И. П.* Победа социализма в Румынии. М.: Экономиздат, 1962; *Пархомчук С. М.* Румунський народ завершне будівництво соціалізму. Київ, 1963; *Язькова А. А.* Народна Румыния; *Лебедев Н. И.*, *Карпеценко Е. Д.* История Румынской Народной Республики; *Карпеценко Е. Д.* Развитие социалистической экономики Румынской Народной Республики.— В кн.: Новая и новейшая исто-

Исследованы в работах советских авторов социально-экономические преобразования, обеспечившие построение основ социализма в Румынии: национализация средств производства в 1948 г., социалистическая индустриализация страны, производственное кооперирование сельского хозяйства. Наряду с освещением этих вопросов в общих работах имеются и специальные труды²³. Монографии И. П. Олейника «Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя», Т. А. Покивайловой «Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии, 1949—1962 гг.» базируются на солидной источниковедческой базе. Авторы достаточно широко привлекают статистические источники, прессу и архивные материалы. Анализируя успехи социалистического строительства, авторы отмечают и трудности начального этапа, показывают, что исходный уровень социально-экономического развития страны оказывал большое влияние на направление и особенности процессов социально-экономических преобразований в Румынии.

В книге «Социалистическая Республика Румыния», вышедшей в 1974 г., особое внимание уделяется современному экономическому и политическому развитию страны, дается характеристика этапа строительства развитого социалистического общества, рассматриваются динамика классовой структуры, вопросы политической системы в СРР. Характерные черты и особенности современного этапа социалистического строительства рассматриваются также и в других работах, подготовленных в Институте экономики мировой социалистической системы²⁴.

В статьях М. Г. Сазиной, Е. Д. Карпещенко, И. П. Олейника, С. В. Васильева, И. М. Багрина и коллективных работах, посвященных истории социалистического строительства в Румынии, раскрывается руководящая роль рабочего класса и его авангарда — Румынской коммунистической партии, анализируется количественный и качественный рост рабочего класса, изменения,

рия Румынии; *Он же*. Победа социализма в Румынской Народной Республике.— ННИ, 1963, № 2; *Короткова Э. К.* и др. Социалистическая Республика Румыния: Основы государственного строя. М.: Юрид. лит., 1977.

²³ См.: Олейник И. П. Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя; Покивайлова Т. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. 1949—1962. М.: Наука, 1974; *Она же*. Начало массового перехода крестьянства Румынии к высшей форме кооперирования — коллективным сельским хозяйствам.— В кн.: Прошлое и настоящее; *Она же*. Развитие форм производственного кооперирования в румынской деревне. 1949—1962 гг.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966; *Она же*. Некоторые данные о помощи и использовании опыта СССР в деле восстановления, социалистического преобразования и развития сельского хозяйства в Румынии.— Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 1969, № 2.

²⁴ Социально-экономические и политические проблемы развития Социалистической Республики Румынии. М., 1976; Проблемы управления в Социалистической Республике Румынии. М., 1976.

происходящие в социальной структуре общества в ходе строительства социализма, рассматриваются вопросы современного экономического и социально-политического развития страны²⁵. Предпринимались попытки проанализировать социально-экономические преобразования в Румынии также в сравнительно-типологическом плане²⁶.

В работах советских историков освещаются также проблемы международного положения Румынии, раскрывается взаимосвязь внешнеполитических и внутриполитических процессов развития. Сюда относятся такие важные вопросы, как внешняя политика Румынии в период народно-демократической революции и становления нового социалистического строя, борьба Советского Союза за международное признание молодых стран народной демократии, в том числе и Румынии, в защиту их прав и суверенитета, заключение договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между социалистическими странами, борьба советской дипломатии за прием Румынии наряду с другими социалистическими государствами в ООН²⁷. Авторы раскрывают всю сложность международных отношений в послевоенные годы, показывают агрессивность устремлений империалистических держав, которые использовали весь находившийся в их распоряжении экономический, политический и дипломатический арсенал средств, чтобы притормозить революционный процесс в европейских странах народной демократии, задержать их развитие по пути социализма.

В работах Н. И. Лебедева, М. А. Мунтяна, И. П. Олейника, в коллективных трудах по истории страны рассматривается значение для Румынии политического и экономического сотрудничества с другими социалистическими государствами, с Советским Союзом. Авторы освещают многообразные формы экономического и научно-технического сотрудничества, преимущества использования международного разделения труда в рамках социалисти-

²⁵ См.: *Сагина М. Г.* Рабочий класс в строительстве социалистической Румынии.— В кн.: Рабочий класс и строительство социализма. М.: Наука, 1977; *Багрин И. М.* Изменения в структуре рабочего класса в ходе строительства социализма.— Учен. зап./Кишинев. ун-т, 1968, т. 89; *Васильев С. В.* Социалистическое соревнование в промышленности РРР.— В кн.: Прошлое и настоящее...

²⁶ *Покровская Т. А., Шароватова Р. С.* О некоторых чертах социалистических преобразований в европейских социалистических странах: на опыте Чехословакии, Венгрии и Румынии.— ССЛ, 1973, № 2.

²⁷ *Лебедев Н. И.* Румынская Народная Республика в современных международных отношениях. М.: Международные отношения, 1962; *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики Румынской Народной Республики. 1948—1955. Кишинев, 1971; *Он же.* Советско-румынские отношения и борьба против попыток вмешательства империалистических держав во внутренние дела Румынии (6 марта 1945—1960 гг.).— В кн.: Русско-румынские и советско-румынские отношения; *Он же.* Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев: Штиинца, 1972; *Он же.* Дунайская проблема в международных отношениях (1945—1948). Кишинев: Штиинца, 1977.

ческого содружества, деятельность Румынии в важнейших коллективных организациях социалистических стран, таких, как СЭВ и Варшавский Договор. Тесные связи с Советским Союзом способствовали укреплению сил социализма внутри страны, позиций Румынии на международной арене. На конкретно-исторических примерах раскрывается необходимость и эффективность единства действий социалистических стран на внешнеполитической арене, в борьбе против агрессивных устремлений империализма, за мир, демократию и социализм.

Первые работы советских авторов, посвященные послевоенному развитию Югославии, появились в середине 50-х годов, когда ЦК КПСС и Советское правительство предприняли решительные шаги к укреплению отношений с Югославией²⁸. Первые работы носили преимущественно популярный характер или не выходили за рамки материалов справочно-статистического характера²⁹.

Для советской историографии общественно-экономического и политического развития послевоенной Югославии, относящейся к периоду 50-х — начала 60-х годов, характерно превалирование журналистских статей над исследованиями историков и экономистов, а также отсутствие монографических работ по проблематике современной Югославии³⁰.

Примерно с середины 60-х годов круг исследований, посвященных послевоенному развитию Югославии, значительно расширяется. Разрабатывается целый ряд новых тем, связанных с экономическим и политическим развитием современной Югославии: вопросы международных отношений в период утверждения социалистической революции в Югославии, развитие промышленности и сельского хозяйства, осуществление экономической реформы, социально-классовая структура населения СФРЮ, роль

²⁸ См.: Славянская историография: Сб. статей / Под ред. И. М. Белявой, И. А. Воронкова, В. Г. Карабеева. Изд-во МГУ, 1966, с. 39.

²⁹ См.: Зеленин В. Федеративная Народная Республика Югославия: Справка.— Новое время, 1955, № 37; Бобровский А. Достижения народов Югославии в экономическом и культурном строительстве.— Пропагандист и агитатор, 1955, № 11; Авдеичев Л., Бодрин В. Шесть республик: О республиках, образующих Федеративную Народную Республику Югославию. Справка.— Новое время, 1956, № 23; Пекшев В. А. Развитие экономики ФНРЮ: Краткий обзор. М., Внешторгиздат, 1956; Бондарь Н. Национальный праздник народов Югославии: К 12-летию Федеративной Народной Республики Югославии.— Агитатор, 1957, № 22; и др.

³⁰ См.: Ватасов В. Советско-югославское сотрудничество.— Международная жизнь, 1956, № 6; Князев Ю. Широкие перспективы: О развитии советско-югославского экономического сотрудничества.— Внешняя торговля, 1963, № 12; Жилин Ю., Загладин В. Югославы и Советский Союз.— Новое время, 1963, № 35; Пономарев Г., Сусько Я. Успехи и проблемы югославской экономики.— Новое время, 1956, № 23; Владимирский В. Заметки о югославской экономике.— Новое время, 1957, № 15; Золотарев В., Пекшев В. Развитие экономики Федеративной Народной Республики Югославии.— Вопросы экономики, 1958, № 3; Леонтьев Б. Югославия строит социализм.— Культура и жизнь, 1963, № 10.

рабочего класса Югославии в строительстве социализма, проблемы регионального развития, национальное строительство и ряд других.

Появляются и отдельные монографические исследования, посвященные вопросам общественно-экономического и социально-политического развития Социалистической Федеративной Республики Югославии³¹.

Актуальным проблемам хозяйственной жизни Югославии был посвящен обобщающий труд «Экономика Югославии»³².

Вопросы экономического развития СФРЮ нашли свое отражение и в ряде работ, в которых указывается на достижения и успехи народного хозяйства Югославии, на решение определенных проблем в экономических процессах³³. Анализу особенностей системы планирования в Югославии, ее эволюции в процессе социально-экономических и политических преобразований в стране, вопросам управления хозяйством в СФРЮ посвящены работы В. П. Шрама и Л. В. Тягуненко³⁴.

Одной из актуальных социально-экономических проблем современной Югославии остается проблема преодоления различий в уровнях развития отдельных республик СФРЮ. Этой теме посвящена статья Л. В. Тягуненко, в которой рассматриваются причины неравномерного развития республик Югославии, направления политики и источники, которые дадут возможность исправить это положение³⁵. Опыт переустройства сельского хозяйства Югославии, социалистические преобразования в югославской деревне, пути ее развития освещены в очерках и статьях В. Гавилевского, С. Раковского, Л. В. Тягуненко и других³⁶.

³¹ См.: *Кариня Л. Ф., Князев Ю. К., Тягуненко Л. В. Экономика Югославии.* М.: Экономика, 1966; *Бодрик В. В., Абдеичев Л. А. Югославия: Экономико-географическая характеристика.* М.: Мысль, 1970; *Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Ю. К. Князев, В. М. Каменецкий, Ю. П. Островидов и др.* М.: Наука, 1975; *Абдеева И. А. Банки и кредит в Югославии.* М.: Наука, 1978.

³² Экономика Югославии. М., 1966.

³³ См.: *Юрьев А. Экономическое стимулирование в народном хозяйстве социалистической Югославии.— Плановое хозяйство, 1964, № 5; Федоров А. О некоторых актуальных проблемах югославской экономики.— Новое время, 1969, № 44; Гавилевский В. План стабилизации югославской экономики.— Новое время, 1973, № 31; Тягуненко Л. Перспективы югославской экономики.— Новое время, 1975, № 18; Каменецкий В. Пятилетки социалистической Югославии.— Международная жизнь, 1976, № 12.*

³⁴ Шрам В. П. Развитие системы планирования в Югославии.— В кн.: Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. М., 1973, ч. 1; Тягуненко Л. Особенности планирования и управления хозяйством в Югославии.— В кн.: Международный ежегодник: Политика и экономика. М.: Политиздат, 1966.

³⁵ Тягуненко Л. Проблема регионального развития Югославии.— Изв. АН СССР. Сер. экон. 1973, № 4.

³⁶ Тягуненко Л. Югославская задруга.— Новое время, 1957, № 48; *Она же. Развитие сельского хозяйства в Югославии.— Экономика сельского хозяйства, 1963, № 1; Она же. Опыт аграрно-промышленных комбинатов (в Югославии).— Мировая экономика и международные отношения, 1964, № 4;*

Наиболее полно вопросы общественно-экономического и социально-политического развития СФРЮ отражены в монографии «Социалистическая Федеративная Республика Югославия», подготовленной Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР. В коллективной монографии анализируются опыт социалистического строительства в СФРЮ, его этапы и особенности, показана специфика политической организации общества и методов ведения хозяйства, рассматриваются проблемы регионального развития, роль Югославии в международных отношениях. Особое внимание в работе уделено современному развитию общественно-политической системы СФРЮ в свете принятия новой конституции 1974 г., а также осуществления важнейших решений X съезда СКЮ (май 1974 г.). В связи с этим подчеркивается большое значение X съезда СКЮ, закрепившего курс на повышение роли Союза коммунистов и рабочего класса в жизни страны³⁷. Авторы рассматривают вопросы о месте и роли СКЮ и других общественных организаций в политической системе, структуру органов власти и самоуправления СФРЮ. В книге подведены главные итоги общественного и экономического развития социалистической Югославии, содержится характеристика основных направлений экономики, изменений в социальной структуре населения.

Вопросы, связанные с закреплением победы народной революции в Югославии, нашли свое отражение в работах Д. А. Севяяна, С. М. Благоева, Л. Я. Гибианского³⁸. Рассматривая внутриполитический и внешнеполитический аспекты проблемы, Л. Я. Гибианский освещает разгром буржуазной оппозиции в послевоенной Югославии, целью которой являлось восстановле-

Раковский С. О социально-экономической структуре сельского хозяйства Югославии.— Вопросы и ответы, 1967, № 8; Гавилевский В. В житнице Югославии: Из путевых впечатлений о Воеводине.— Новое время, 1971, № 38; Круглько В. Перспективы югославского села.— Новое время, 1974, № 28.

³⁷ Социалистическая Федеративная Республика Югославия, с. 40. См. также: Страшун Б. Новая конституция социалистической Югославии — Международная жизнь, 1974, № 4; Корнилов Ю. Э. Ведущая сила: О руководящей роли Союза коммунистов Югославии в жизни югославского общества.— Новое время, 1977, № 6; Никифоров Л. А., Остроговид Ю. П. Социалистическая Федеративная Республика Югославия: Справочник. М.: Политиздат, 1975.

³⁸ Севяян Д. А. Коммунистическая партия во главе народно-освободительной борьбы и народной революции в Югославии.— ННИ, 1965, № 6; Благоев С. М. К вопросу о конституировании Федеративной Народной Республики Югославии.— ССЛ, 1975, № 6; Гибианский Л. Я. Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 — январь 1946).— ССЛ, 1968, № 3; Он же. Закрепление победы югославской революции: Внешнеполитический аспект проблемы.— ННИ, 1976, № 1; Он же. Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии.— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

ние своих потерянных позиций, борьбу новой Югославии против правящих кругов Запада, стремившихся помешать победе революции, причины краха попыток противников югославской революции подорвать исторические завоевания югославского народа, активную помощь и поддержку, оказанные новой Югославии Советским Союзом.

Проблемы рабочего класса Югославии исследуются в работах Н. И. Касаткина и Н. С. Долгих³⁹. Н. И. Касаткин изучает развитие рабочего класса Югославии в период восстановления народного хозяйства, источники его формирования, изменение структуры занятых в промышленности в первые послевоенные годы, вопрос о подготовке квалифицированных рабочих кадров. Количественные и качественные изменения в рабочем классе, произошедшие за годы строительства социализма в Югославии (рост численности, повышение уровня образования и улучшение квалификационной структуры), освещаются Н. С. Долгих. Автором также затрагиваются вопросы укрепления роли рабочего класса и его авангарда — Союза коммунистов Югославии в общественном развитии СФРЮ.

В статье И. А. Жилюнова, посвященной социально-классовой структуре СФРЮ, дается краткая характеристика основным классам и группам населения, приводятся статистические данные об изменении социально-классовой структуры современной Югославии (рост численности рабочего класса и интеллигенции при одновременном сокращении численности сельского населения, улучшение профессионально-технического уровня образования). Этот же автор исследует особенности формирования социалистической интеллигенции СФРЮ, вопросы структуры и динамики ее развития⁴⁰, указывая, в частности, на поднятие авторитета СКЮ в обществе, в том числе среди интеллигенции.

Решению национального вопроса, актуального для многонациональной Югославии, посвящены работы Е. А. Тихоновой и В. М. Каменецкого⁴¹, в которых затрагиваются разработка КПЮ

³⁹ См.: Касаткин Н. И. Подготовка рабочих кадров в Югославии посредством производственного обучения в восстановительный период (1944—1947 гг.).— В кн.: Вопросы истории международного рабочего движения. Изд-во Перм. ун-та, 1976, вып. 13; Он же. Численность югославского рабочего класса и источники его формирования в восстановительный период (1944—1947 гг.).— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Изд-во МГУ, 1977; Долгих Н. С. Рабочий класс Югославии в строительстве социализма.— В кн.: Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977.

⁴⁰ Жилюнов И. А. О социально-классовой структуре современной Югославии.— Вестн. ЛГУ, 1974, № 17. Экономика, философия, право, вып. 3; Он же. Некоторые закономерности в развитии интеллигенции Югославии.— В кн.: Диалектика взаимодействия природы и общества. Изд-во ЛГУ, 1976.

⁴¹ Тихонова Е. А. Розв'язання національного питання у державному будівництві європейських соціалістичних країн ЧССР, СРР, СФРЮ). Київ: Наукова думка, 1966; Каменецкий В. М. Из истории решения националь-

марксистского подхода к решению национального вопроса, государственно-правовые формы его решения в Югославии.

Много работ посвящено развитию дружественных отношений между СССР и СФРЮ. В них отмечается укрепление политических, экономических, культурных и других связей между обеими странами, рост взаимовыгодного сотрудничества⁴².

Внешнеэкономические связи Югославии со странами — членами СЭВ, с развивающимися и капиталистическими государствами также освещены в ряде статей советских авторов⁴³.

Следует выделить ряд исследований обзорного характера, посвященных послевоенному развитию Югославии, содержащих материалы о строительстве социализма в Социалистической Федеративной Республике Югославии⁴⁴.

В рамках изучения балканских стран в СССР велись и ведутся исследования и по истории Албании. Основные проблемы истории послевоенного развития Албании, как и по другим странам, рассматриваются в специальных исследованиях, посвященных наиболее важным моментам в истории албанского народа, и в работах общего характера⁴⁵. Значительное внимание при этом

ногого вопроса в СФРЮ.— В кн.: Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1974, ч. 1.

⁴² Володин Т. Крепнет дружба и сотрудничество: К итогам визита в СССР президента СФРЮ, председателя СКЮ И. Броз Тито. Июнь 1972 г.— Новое время, 1972, № 25; Китаев В. Торгово-экономические связи СССР и СФРЮ— Внешняя торговля, 1973, № 1; Гавилевский В. Плодотворный обмен мнениями: Визит Л. И. Брежнева в Югославию.— Новое время, 1976, № 47; Он же. СССР — СФРЮ: Такие встречи мы особенно ценим...— Новое время, 1977, № 33; Гусев И. По пути дружбы и сотрудничества: Об отношениях между СССР и Югославией.— Международная жизнь, 1977, № 1; Чернышев В. Экономические связи между СССР и СФРЮ: Обзор.— Вопросы экономики, 1977, № 10; Гиренко Ю. С. Советский Союз — Югославия: традиционная дружба, всестороннее сотрудничество. М.: Международные отношения, 1975; и др.

⁴³ См.: Журавлев Ю. На основе равенства и взаимной выгоды (СЭВ — СФРЮ).— Международная жизнь, 1974, № 10; Дикунова А. М. Экономические связи Югославии с развивающимися странами.— ССЛ, 1976, № 5; Телятников Н. Б. Экономические отношения СФРЮ с развитыми капиталистическими странами.— В кн.: Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976; и др.

⁴⁴ См.: Токарев В. А. Социалистическая Югославия: М.: Знание, 1965; Минеев П. Д. СФРЮ: Итоги и перспективы развития. М.: Знание, 1975; Никифоров Л. А., Островидов Ю. П. Социалистическая Федеративная Республика Югославия; Гибианский Л. Я. Социалистическое строительство в Югославии.— НИИ, 1977, № 1.

⁴⁵ См. Смирнова Н. Д. Образование Народной Республики Албания, 1939—1944. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Она же. Некоторые вопросы советско-албанских отношений.— В кн.: На путях нерушимой дружбы: Материалы научной конференции «Историческое значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы». 24—25 февраля 1975 г. М.: Наука, 1977: Она же. Образование и развитие народной социалистической Албании.— В кн.: Новейшая история. 1939—1975. М.: Высшая школа, 1977; Она же. Албанский красный епископ Фан Ноли (1882—1965).— НИИ, 1973, № 3; Она же. Албания.— В кн.: Всемир-

уделяется национально-освободительной борьбе албанского народа в годы второй мировой войны, народно-демократической революции, мероприятиям по восстановлению экономики и переходу к строительству основ социализма, основным экономическим и политическим преобразованиям этого периода, положению Албании на международной арене. В работах советских историков раскрывается последовательная и упорная борьба Советского Союза в защиту интересов албанского народа на международной арене, за прием Албании в ООН⁴⁶, а также анализируются социально-экономические преобразования в 1944—1946 г.: национализация основных средств производства в промышленности и создание государственного сектора, осуществление аграрной реформы. Чрезвычайно ценным в научно-теоретическом плане является постановка в работах Н. Д. Смирновой вопроса и изучение на конкретно-историческом материале опыта строительства основ социализма в стране, миновавшей стадию развитого капитализма, в стране, где преобладающими к моменту революционных преобразований были феодальные и патриархальные отношения⁴⁷. Она и другие авторы раскрывают всю сложность процессов социально-экономических преобразований, показывают объективные и субъективные причины трудностей, возникших в ходе социалистического строительства. Чрезвычайная отсталость страны в прошлом, слабость материальной и энергетической базы, неграмотность большинства населения, неразвитость рабочего класса, отсутствие сколько-нибудь подготовленных кадров специалистов — все это создавало объективные трудности в процессе социалистического строительства. Важным является вывод, сделанный в работах советских авторов, о том, что при таком низком уровне развития производительных сил и соотношении классовых и социальных сил, как это было в Албании, решающее значение имела помощь рабочего класса передовых стран, а также постановка вопроса о сочетании внутренних и международных факторов в строительстве социалистического общества в условиях существования мировой социалистической системы⁴⁸. Именно помощь Советского Союза и других стран социалистического содружества способствовала решению как задач общедемократического характера, так и построению основ социализма: созданию и развитию промышленности, электрификации страны,

ная история. М.: Мысль, 1977, т. XI; *Валев Э. Б.* Болгария, Албания. М.: Изд-во МГУ, 1955; *Он же.* Албания. М.: Географгиз, 1960; *Манчха П. И.* Албания на пути к социализму. М.: Госполитиздат, 1955; *Позолотин М. Е.* Албанский народ в борьбе за социализм. М.: Знание, 1955; *Рыжкова В. П.* Возникновение и развитие строя народной демократии в Албании. М., 1957; *Спицын С. С.* Албанский народ строит социализм. Челябинск, 1959.

⁴⁶ Смирнова Н. Д. Некоторые вопросы..., с. 260.

⁴⁷ Смирнова Н. Д. Образование Народной Республики Албания; *Силаев Е. Д.* Социально-экономические преобразования в народно-демократической Албании.— В кн.: Доклады и сообщения Института истории. М., 1955, вып. 5.

⁴⁸ Смирнова Н. Д. Некоторые вопросы..., с. 278.

осуществлению первых планов экономического развития страны, подготовке национальных кадров⁴⁹. После вступления Албании в члены СЭВ она получала регулярную помощь от социалистических стран. Авторы показывают успехи албанского народа за годы осуществления первых пятилетних планов (1951—1955 и 1956—1960 гг.), превращение Албании из отсталой сельскохозяйственной страны в страну аграрно-промышленную⁵⁰.

Останавливаясь на современном положении Албании, авторы отмечают, что в начале 60-х годов в политике албанского партийного и государственного руководства возобладал курс на отход от согласованной линии международного коммунистического движения, ухудшились отношения с другими странами СЭВ и участниками Варшавского Договора, что отрицательно сказалось на социально-экономическом развитии страны⁵¹.

*

Советские историки исследуют также в проблемно-сопоставительном плане отдельные важные вопросы развития народно-демократических и социалистических революций 40-х годов в рамках изучения всех социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы — вопросы социально-экономических преобразований, международных отношений⁵².

⁴⁹ Овсепян Н. Д. Народная Республика Албания: Цифры и факты о развитии экономики и культуры. М.: Знание, 1957; 15 лет народной Албании. М.: Изд-во ИМО, 1959; Рыжкова В. П. Возникновение и развитие строя народной демократии в Албании. М., 1957.

⁵⁰ Догонадзе Р. И. Сельское хозяйство Албании. М., 1957; Тягуненко Л. В. Развитие экономики Народной Республики Албания. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁵¹ Народная Республика Албания.— В кн.: Экономика зарубежных стран социализма в 1974 г. М., 1975, ч. II; Грижас Р. И. В стороне от социалистической интеграции.— В кн.: Проблемы экономической интеграции социалистических и капиталистических стран. М., 1976.

⁵² Марьина В. В. К вопросу о политике пролетарских партий по отношению к среднему крестьянству в Октябрьской революции и народно-демократических революциях 40-х годов.— ССЛ, 1972, № 6; Она же. Взаимоотношения рабочих и крестьянских партий в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— ВИ, 1975, № 2; Мурашко Г. П. Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 гг.— ВИ, 1974, № 11; Ягодовский Л. С. Народный фронт в европейских странах социализма. М.: Международные отношения, 1968; Монин М. Е. Победа над фашизмом — решающее условие успеха народно-демократических революций в странах Европы.— В кн.: Великая победа советского народа. 1941—1945. М.: Наука, 1975; Нежинский Л. Н. У истоков социалистического содружества.— НИИ, 1975, № 3; Мунтян М. А. Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарию, Венгрию и Румынию; Она же. Дунайская проблема в международных отношениях (1945—1948); Голубович В. Восстановление судоходства на Дунае.— Военно-исторический журнал, 1975, № 8; Жигня К. Л. Режим наибольшего благоприятствования и позиция западных держав в мирном урегулировании с Болгарией, Венгрией и Румынией (1945—1946).— В кн.: Балканские страны в новое и повсейшее время. Кишиев:

Изучение истории народно-демократических революций в балканских (Болгарии, Румынии, Югославии и Албании) и других социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы позволило советским исследователям перейти к созданию коллективных трудов обобщающего характера. В 1977 г. к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции были опубликованы коллективные работы «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» и «Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». В 1974 г. вышла работа А. С. Бейлиса и В. Н. Кутика о народно-демократических революциях на украинском языке⁵³. Работа «Из истории народно-демократических и социалистических революций» построена в целом по страноведческому принципу и носит проблемно-тематический характер. В статьях Л. Я. Гибианского, Р. П. Гришиной, Н. И. Лебедева и Т. А. Покивайловой, помещенных в этой работе, рассмотрены проблемы, связанные с развитием революционного процесса в Югославии, Болгарии и Румынии на завершающем этапе второй мировой войны и в первые послевоенные годы. В статьях анализируются характер революций, соотношение классовых и политических сил в разных странах на различных этапах, стратегия и тактика коммунистических и рабочих партий, складывание классовых союзов и политических коалиций, деятельность национальных фронтов. Исследование основных вопросов народно-демократических революций в этих и других странах народной демократии, проведенное в работе, позволило в развернутом введении, написанном Л. Я. Гибианским, и специальной статье Я. Б. Шмераля сделать сравнительно-типологические обобщения, выделить общие закономерности и особенности революций в разных странах, рассмотреть революции 40-х годов как определенный этап мирового революционного процесса, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией.

В коллективной работе «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (авторы разделов В. П. Дмитренко, А. Я. Манусевич, Г. П. Мурашко, В. В. Марьина, Л. С. Ягодовский и А. Н. Барковский) анализируется в сравнительно-историческом плане опыт социально-экономических преобразований, осуществленных в первые годы Советской власти в России и проведенных в ходе народно-демокра-

Штиинца, 1977; *Орлик И. И. ССРР и возникновение международных отношений нового типа*.— ИС, 1973, № 5; *Он же. Империалистические державы и Восточная Европа*. М.: Наука, 1968.

⁵³ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977; Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; *Бейліс О. С., Кутик В. Н. Народно-демократичні революції і світовий революційний процес*.— Українське слов'янознавство. Львів, 1974, вип. 10.

тических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Обобщая огромный конкретно-исторический материал, выявляя общие закономерности и специфику этих преобразований, авторы раскрывают преемственность революций 40-х годов с Великой Октябрьской социалистической революцией. В работе исследуются объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции и народно-демократических и социалистических революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, развернувшихся в условиях освобождения этих стран от фашизма, анализируется процесс национализации основных средств производства в промышленности, революционные аграрные преобразования, характер и сущность этих мероприятий и их социально-экономические и политические результаты, раскрывается процесс складывания международных отношений нового типа между социалистическими странами, объективная необходимость и значение созданного в 1949 г. СЭВ.

В теоретических трудах, посвященных формированию и становлению мировой социалистической системы в рамках изучения закономерностей социалистической революции, развития диктатуры пролетариата, социально-экономического, политического, культурного развития социалистических стран⁵⁴ рассматриваются и проблемы балканских социалистических государств. В работах советских историков, философов, экономистов и юристов наряду с выявлением общих закономерностей социалистической революции анализируются национальные особенности единого исторического процесса перехода к социализму, связанные с различным уровнем социально-экономического развития в прошлом, исторической спецификой разных стран и т. д.⁵⁵

⁵⁴ См.: Бромлей Н. Я., Жуков Е. М., Лисицына Л. Н. Мировая социалистическая система: Некоторые вопросы теории и истории становления социализма. М.: Мысль, 1973; Бутенко А. П. Закономерности и формы развития к социализму.— Вопросы философии, 1967, № 2; Ленинизм и мировой революционный процесс. М.: Политиздат, 1970; Зародов К. О формах перехода различных стран к социализму. М.: Госполитиздат, 1959; *Он же*. Ленинизм и современные проблемы борьбы за социализм. М.: Мысль, 1972; Момджян Х. Единая сущность и многообразие форм становления социализма.— Коммунист, 1972, № 6; Общее и специфическое в диктатуре пролетариата. М.: Мысль, 1967; Ястребов В. И. Возникновение социалистических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе.— В кн.: Политическое развитие зарубежных стран в послевоенный период. М., 1976; Нежинский Л. Н. СССР и социалистические страны Европы.— ВИ, 1974, № 3; Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября. М.: Мысль, 1968.

⁵⁵ См.: Соколан А. И. Общие закономерности и некоторые особенности перерастания народно-демократической революции в социалистическую.— Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 6; Санакоев Ш. П. Мировая система социализма: Основные проблемы и этапы развития. М.: Международные отношения, 1968; Ширяев Ю. С. Закономерности развития мировой системы социализма. М.: Высшая школа, 1969; Закономерности развития мировой социалистической системы. Изд-во МГУ, 1972; Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах. М., 1962; Развитое социалистическое общество:

Другим аспектом изучения является обобщение опыта социалистических преобразований в европейских социалистических странах. В рамках сравнительно-исторического анализа изучаются проблемы внутреннего социально-экономического развития и балканских социалистических стран: социалистическая индустриализация⁵⁶, производственное кооперирование крестьянства и тенденции современного развития сельского хозяйства⁵⁷, изменение социальной структуры в ходе осуществления социалистических преобразований⁵⁸, политическое развитие этих стран и государственное строительство⁵⁹, авангардная роль рабочего класса и его партии как руководящей силы в социалистическом преобразовании общества, возрастающая роль народных масс в историческом процессе⁶⁰. Особое внимание уделяется международному значению опыта построения социализма и коммунизма в СССР, экономической помощи и политической поддержке, которую оказывал Советский Союз народам этих стран, значению

сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций. М.: Мысль, 1975.

⁵⁶ Мировая социалистическая система хозяйства. М.: Наука, 1966—1967. Т. 1—4; Социалистическая индустриализация стран народной демократии. М.: Госпланиздат, 1960; Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. М., 1973. Ч. I—II.

⁵⁷ Социалистические преобразования в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии. М.: Соцэкиз, 1963; Социально-экономическое развитие сельского хозяйства европейских социалистических стран. М., 1977; Шмелев Г. И., Стародубровская В. Н. Социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства европейских социалистических стран. М.: Наука, 1977.

⁵⁸ Микульский К. И. Классовая структура общества в странах социализма. М.: Наука, 1976; Недорезов А. И. Влияние социальной структуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы на развитие социалистического содружества.— В кн.: Формирование и развитие содружества социалистических стран. М.: Наука, 1976, ч. I.

⁵⁹ Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976; Вопросы политического и экономического развития стран социализма. М., 1977; Кожогин Б. И. Социалистическая демократия — основа народно-демократической государственности. Изд-во ЛГУ, 1967; Лапшин А. Г. Возникновение и развитие форм социалистического государства. Изд-во МГУ, 1965; Мозохина А. Г. Свобода личности и основные права граждан в социалистических странах Европы. М.: Наука, 1965; Народный контроль в европейских социалистических странах. М.: Юрид. лит., 1965; Русинова С. И. Государственное устройство социалистических стран Европы. ТERRITORIALLY-НАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. Изд-во ЛГУ, 1966; Участие общественности в управлении государством в европейских странах народной демократии. М.: Госюризат, 1963; Фарберов Н. Социалистическое государство и его исторические формы. М.: Мысль, 1967.

⁶⁰ См.: Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах. М.: Мысль, 1974; Рабочий класс и строительство социализма в странах народной демократии. М.: Наука, 1977; Нежинский Л. Н. Единство братских партий — основа всестороннего сотрудничества государств социалистического содружества.— В кн.: Формирование и развитие содружества социалистических стран, ч. I; Петренко Ф. Ф. Руководящая роль коммунистических и рабочих партий в строительстве социализма и коммунизма. М.: Знание, 1974.

для них тесного политического и экономического сотрудничества, вопросам социалистического интернационализма. Обобщение практики социалистического строительства позволяет выявить наряду с общими закономерностями и то новое, что внесли народы отдельных социалистических стран в коллективный всемирный опыт социалистического строительства, творчески использовать этот опыт с целью наиболее эффективной реализации преимуществ социалистического строя, экономического и политического сотрудничества социалистических стран⁶¹.

Все большее внимание уделяется проблемам формирования содружества социалистических стран, взаимосвязи внутренних и внешних факторов в процессе становления и развитии содружества⁶². Самым тесным образом к вышеуказанной проблематике примыкают и исследования, показывающие возрастающую роль социалистических стран на международной арене⁶³.

⁶¹ См.: О коллективном опыте строительства социалистической экономики. М.: Международные отношения, 1968; Строительство коммунизма в СССР и сотрудничество социалистических стран. М.: Экономиздат, 1962; Доронченков А. П. Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе. Киев: Наукова думка, 1962.

⁶² См.: Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1974; Горбачев Б. В. Мировая система социализма: Успехи, проблемы и тенденции современного этапа. М.: Политиздат, 1966; Долих В. Г. В единстве — сила содружества социалистических стран. М., 1977; Дудинский И. В. Социалистическое содружество: основные тенденции развития. М.: Мысль, 1976; Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972; Ешич М. Б. К вопросу о выравнивании культурных уровней стран социалистического содружества.— В кн.: Формирование и развитие содружества социалистических стран, ч. II; Мельникова И. Н., Холанта А. В. Культурное сотрудничество — важный фактор консолидации народов социалистических стран.— В кн.: Формирование и развитие содружества социалистических стран, ч. II; Международно-правовые формы сотрудничества социалистических государств. М.: Изд-во АН СССР, 1962; Абалкин Л. И., Ладыгин Б. Н. Экономические закономерности развития мирового социализма. М.: Высшая школа, 1963; Богомолов О. Т. Теория и методология международного социалистического разделения труда. М.: Мысль, 1967; Сергеев В. П. Проблемы экономического сближения стран социализма. М.: Наука, 1969; Сенин М. В. Социалистическая интеграция. М.: Международные отношения, 1969; Фаддеев П. В. Совет Экономической Взаимопомощи. 1949—1974. М.: Экономика, 1974; Проблемы экономической интеграции стран — членов СЭВ. М.: Экономика, 1970; Птичкин И. Н., Баум Л. Н., Лукин Л. И. Экономическое сотрудничество стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М.: Экономика, 1972; Золотарев В. И. Программа экономического сотрудничества социалистических стран. М.: Международные отношения, 1973.

⁶³ См.: Айрапетян М. Э., Сухобеев В. В. Новый тип международных отношений. М.: Мысль, 1964; Дипломатия социализма. М.: Международные отношения, 1973; Международные отношения после второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1962—1965. Т. I—II; Санакоев Ш. П. Великое содружество свободных и суверенных народов. М.: 1964; Он же. Теория и практика социалистических международных отношений. М.: Политиздат, 1970; Социализм и международные отношения. М.: Наука, 1975; Толстой В. С., Калошин М. И. Влияние социалистического содружества на международные отношения.— В кн.: Формирование и развитие содружества социали-

Обобщая некоторые итоги современной советской историографии по вопросам развития балканских социалистических стран, можно отметить, что она шла от изучения страноведческих вопросов и их обобщения при написании истории отдельных народов к сравнительно-историческим исследованиям в рамках изучения проблем, общих для всех или группы социалистических стран. Эта тенденция продолжается и в настоящее время.

Советская историография достигла определенных успехов в разработке проблем послевоенного социально-экономического и политического развития социалистических балканских стран. Вместе с тем целый ряд проблем требует своего дальнейшего развития. К ним относятся: история национальных и национально-демократических фронтов, процессы складывания социалистического содружества, развитие политической системы в балканских социалистических государствах, разработка проблем развитого социалистического общества.

Изучение истории и истории культуры Турции (60—70-е годы)

Ю. А. ПЕТРОСЯН

Последние два десятилетия отмечены значительным ростом и размахом исследовательских работ советских туркологов. Этот процесс протекает в условиях общего интенсивного развития востоковедческих исследований в СССР в целом. Историки и филологи-туркологи сделали и делают многие для изучения истории и истории культуры Турции. В данной обзорной историографической статье мы коснемся основных направлений этой работы и ее наиболее значительных результатов, нашедших свое выражение в опубликованных монографиях и статьях.

Значительным вкладом в историографию Турции явился коллективный труд, посвященный новейшей истории Турции¹. В нем содержится наиболее полное из опубликованных в нашей стране работ освещение узловых проблем истории Турции в новейшее время. Авторы концентрируют свое внимание на показе становления нового государства — Турецкой Республики, родившейся в результате национально-освободительной борьбы турецкого на-

стических стран, ч. I; Зуев В. И. Мировая система социализма: экономические и политические аспекты единства. Методологические проблемы. М.: Международные отношения, 1975; Внешнеэкономические связи социалистических стран. М.: Наука, 1974.

¹ Новейшая история Турции. М.: Наука, 1968.

рода. Освещаются различные этапы во внутренней и внешней политике Турции, характеризуется внутриполитическая обстановка в ее развитии вплоть до государственного переворота в мае 1960 г. Последний раздел книги посвящен социальнно-экономическому развитию Турции после майских событий 1960 г.

Основные этапы новейшей истории Турции в сжатом виде представлены в изданном ранее очерке А. М. Шамсутдинова².

К числу работ обобщающего характера относится и книга А. Д. Новичева³, в которой кратко изложена история Турции со времени основания Османского государства до Турецкой республики начала 60-х годов. Другой работой обобщающего плана стали изданные Ленинградским университетом первые четыре тома «Истории Турции» А. Д. Новичева⁴. В первом томе освещается социально-политическое и культурное развитие Османской империи в эпоху средневековья, три следующих тома посвящены аналитическому рассмотрению важных внутриполитических событий и факторов внешнеполитического положения Османской империи с конца XVIII до последней четверти XIX в. Этот труд А. Д. Новичева — заметное явление в советской историографии Турции. Внимание автора сосредоточено на анализе социально-экономического положения страны, народных движений, реформаторских течений, а также узловых вопросов международного положения. Важным достоинством рассматриваемых книг А. Д. Новичева является и то, что автор большое место уделяет национально-освободительной борьбе покоренных народов против османского владычества.

Заметным явлением в историографии Турции стала книга Д. Е. Еремеева⁵, в которой рассматриваются узловые вопросы этногенеза турецкого народа. Центральное место в книге занимает этническая история тюрksких племен Анатолии в XI—XIII вв. Автор исследует проблемы, связанные с образованием турецкой народности, и пути формирования турецкой нации. Книга содержит критический обзор источников и литературы, представляющей самостоятельную ценность.

Наряду с работами обобщающего характера советские туркологи подготовили и издали ряд значительных монографических работ, посвященных различным периодам истории Турции.

Ценные справочные сведения, характеризующие различные стороны политической, экономической и культурной жизни современной Турции, можно найти в книге А. М. Шамсутдинова⁶.

² Шамсутдинов А. М. Турецкая республика: Краткий очерк истории. 1923—1961 г. М.: Изд-во вост. лит., 1962.

³ Новичев А. Д. Турция: Краткая история. М.: Наука, 1965.

⁴ Новичев А. Д. История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. Т. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.); *Он же*. История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. II. Новое время, Ч. I (1792—1839); *Он же*. История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. Т. III. Новое время, ч. II (1839—1853); *Он же*. История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Т. IV. Ч. 3. (1853—1875).

⁵ Еремеев Д. Е. Этногенез турок: Происхождение и основные этапы этнической истории. М.: Наука, 1971.

менной Турции, содержат работы, подготовленные коллективом московских туркологов, работающих в Институте востоковедения АН СССР. Институтом дважды издавались подобные справочники⁶. Книга «Турецкая Республика» дает весьма обширную информацию о политической и социальной структуре современной Турции, деятельности политических партий, основных вехах истории страны в новейшее время, различных сторонах ее экономического и культурного развития.

Советские туркологи опубликовали ряд важных работ по теме «Ленин и Турция». Это статьи Ю. Н. Розалиева⁷, А. М. Шамсундина⁸, Э. Ю. Гасановой⁹, Э. Замановой¹⁰.

В последние годы издано немало книг, в которых анализируются особо значительные этапы новейшей истории Турции. В их числе важная монография А. М. Шамсундина¹¹, посвященная анализу национально-освободительного движения турецкого народа в 1918—1923 гг. В книге рассмотрены все важные аспекты национально-освободительного движения — внутренняя и внешнеполитическая ситуация, формирование сил национально-освободительной борьбы и их классовая характеристика. В книге рассмотрены советско-турецкие отношения в этот период.

Советские исследователи живо откликнулись на события мая 1960 г., когда в Турции пал реакционный режим демократической партии. Была издана работа М. А. Гасратяна и П. П. Моисеева¹², в которой подвергнут анализу ход политических событий в Турции после мая 1960 г., рассмотрено положение Турции в период, когда у власти находился военный Комитет национального единства, а затем коалиционное правительство. В заключительной части книги говорится о борьбе трудящихся масс города и деревни за свои экономические и политические права.

В работе М. А. Гасратяна¹³ внимание автора сконцентрировано на характеристике внутриполитического положения в Турции после мая 1960 г. В книге анализируется деятельность Комитета

⁶ Современная Турция. М.: Наука, 1965; Турецкая Республика. М.: Наука, 1975.

⁷ Розалиев Ю. Н. Ленин и Турция.— В кн.: Ленин и Восток. М.: Изд-во вост. лит., 1960, с. 184—203.

⁸ Шамсундинов А. М. Ленин и советско-турецкие отношения.— В кн.: Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М.: Наука, 1970, с. 351—391.

⁹ Гасанова Э. Ю. Влияние ленинских идей на общественно-политическую мысль Турции.— В кн.: Идеи Ленина и развитие прогрессивной мысли народов Востока: Иран, Турция, Ирак. Баку, 1970, с. 82—138.

¹⁰ Заманова Э. О. О влиянии философско-эстетического наследия В. И. Ленина на прогрессивную мысль в современной Турции.— В кн.: Идеи Ленина и развитие..., с. 139—175.

¹¹ Шамсундинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923. М.: Наука, 1966.

¹² Гасратян М., Моисеев П. Турция ждет перемен. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

¹³ Гасратян М. А. Турция в 1960—1963 гг.: очерк внутренней политики. М.: Наука, 1965.

национального единства, рассматриваются различные аспекты политики коалиционных правительств в 1960—1963 гг., положение трудящихся масс и их борьба за демократические реформы.

Среди работ, связанных с исследованием обстоятельств майского переворота 1960 г., заслуживает внимания книга В. И. Данилова¹⁴, в которой освещается важный для понимания событий вопрос о роли средних слоев в период подготовки и проведения государственного переворота. Автор вскрывает характер и определяет движущие силы антиправительственного движения в апреле—мае 1960 г., рассматривает социальный состав и политические взгляды турецкого офицерства, анализирует сам характер государственного переворота, разногласия в среде турецкого офицерства после его свершения.

Историки-туркологи много внимания уделяют изучению политической жизни современной Турции, в частности вопросам деятельности политических партий, профсоюзов, функционированию различных институтов республиканской Турции. Интерес ко всем этим важным проблемам проявился в издании ряда монографий.

В 1967 г. вышла в свет книга Д. И. Вдовиченко¹⁵, в которой рассматривается важный вопрос о характере борьбы политических партий Турции с 1944 по 1965 г. В книге показаны обстоятельства возникновения и организационного оформления демократической партии, анализируется межпартийная борьба после создания в стране многопартийной системы, кризис межпартийных отношений в конце 50-х годов, переворот 27 мая 1960 г. Книгу завершает глава о буржуазных партиях, рабочем и социалистическом движении после переворота.

Исследование Э. А. Георгияна¹⁶ посвящено характеристике основных институтов государственного строя современной Турции. В книге содержится краткий анализ конституционного развития Турции в историческом плане. Автор характеризует структуру современных органов государственной власти, показывает процесс их формирования, их компетенции и функции. В работе показана система многопартийной политической жизни страны, охарактеризованы все политические партии современной Турции.

Изданная в 1975 г. книга А. А. Гусейнова¹⁷ — первое в советской туркологии монографическое исследование о роли и месте профсоюзов в социально-политической жизни современной Турции. Автор показывает, как государственный переворот в мае 1960 г. отразился на социально-экономической жизни турецкого-

¹⁴ Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции: В период подготовки и проведения государственного переворота 27 мая 1960 года. М.: Наука, 1968.

¹⁵ Вдовиченко Д. И. Борьба политических партий в Турции (1944—1965). М.: Наука, 1967.

¹⁶ Георгиян Э. А. Турецкая Республика: Основные институты государственного строя. М.: Наука, 1975.

¹⁷ Гусейнов А. А. Профсоюзы в Турции (1960—1970). М.: Наука, 1975.

общества. В книге обрисовано развитие профсоюзного движения на различных этапах, в частности в 1960—1966 гг. Особенное большое внимание уделено активизации профсоюзного движения в 1967—1970 гг.

Советские историки уделяют внимание и проблемам экономической истории Турецкой Республики. Этой теме посвящен ряд статей и монографических исследований. Важным проблемам экономической истории Турции в новейшее время посвящено исследование Ю. Н. Розалиева¹⁸, в котором автор анализирует специфический характер развития капиталистических отношений в республиканской Турции. Значительное внимание в книге уделено развитию государственного капитализма, а также путям, по которым шло проникновение в Турцию империалистических монополий. Хронологические рамки книги определены победой кемалистской революции и майским переворотом 1960 г.

Другой значительной работой в области экономической истории современной Турции стала монография П. П. Моисеева¹⁹, где анализируются все аспекты аграрного вопроса в Турции в 1923—1968 гг. Автору удалось показать положение классов и различных социальных групп турецкой деревни в системе общественного производства. В книге выявлены экономические и классовые интересы национальной буржуазии в сельском хозяйстве страны. Автор анализирует развитие капитализма в турецком сельском хозяйстве, характеризует аграрную реформу и государственно-капиталистические мероприятия в деревне, показывает, какими путями развития турецкой деревни предлагают идти демократические силы Турции.

Внешняя политика Турецкой Республики в современную эпоху — тема монографии Б. М. Поцхверия²⁰. В книге нашли отражение основные тенденции развития внешней политики Турции, анализируются причины, которые привели страну к военно-политическому сотрудничеству с западными империалистическими державами, вскрываются причины и предпосылки эволюции политики турецких правящих кругов в 60-х годах. Автор большое место уделяет советско-турецким отношениям.

Специальное исследование Т. П. Дадашева²¹ посвящено развитию просвещения в Турции в 1923—1960 гг. В работе рассмотрены реформы кемалистского правительства, направленные на создание светской системы образования в 20-е годы, прослеживается нелегкий путь светской школы, ее утверждение в культурной жизни страны.

¹⁸ Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции. М.: Изд-во вост. лит., 1962.

¹⁹ Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции. М.: Наука, 1970.

²⁰ Поцхверия Б. М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М.: Наука, 1976.

²¹ Дадашев Т. П. Просвещение в Турции в новейшее время (1923—1960). М.: Наука, 1972.

Годом ранее книги Т. П. Дадашева была издана на эту же тему монография Р. С. Даниэлян²², в которой анализируются кемалистские реформы в области просвещения и прослеживается процесс создания единой системы светского образования. Последний раздел книги содержит характеристику просвещения в Турции в годы второй мировой войны и в послевоенный период.

В 60—70-е годы советские историки-туркологи много внимания уделяют проблемам новой истории.

На французском языке издано известное исследование А. Ф. Миллера о Мустафе-паше Байрактаре²³. Это книга о видном государственном деятеле Османской империи конца XVIII — начала XIX в., положившем начало эпохе реформ нового времени в истории Турции. В книге показаны объективные причины, препятствовавшие успеху реформаторов. Издание книги на французском языке, осуществленное Ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы, существенно расширило круг читателей этого значительного труда.

В монографии Ю. А. Петросяна²⁴ освещены основные вопросы истории турецкого буржуазно-либерального движения второй половины XIX — начала XX в., дана характеристика основных этапов младотурецкого движения вплоть до буржуазной революции 1908 г. Исследование ряда турецких первоисточников, в значительной степени впервые вводимых в научный оборот, позволило специально проанализировать идеологию младотурецкого движения на различных его этапах, а также сделать вывод об идейной преемственности турецких конституционалистов в 60—70-х годах XIX в. и младотурок конца XIX — начала XX в. Это исследование переведено на турецкий язык и издано в Турции в 1974 г.²⁵

Монография И. Е. Фадеевой²⁶ посвящена жизни и деятельности видного турецкого государственного деятеля XIX в. Ахмеда Мидхата-паши. Большое внимание уделено деятельности Мидхата-паши в качестве лидера борьбы за конституцию 1876 г. и его общественно-политическим взглядам.

Период пребывания младотурок у власти исследован в книге Г. З. Алиева²⁷. Центральный раздел книги — внутренняя политика младотурок в 1909—1914 гг. Автор рассматривает также положение Турции в первую мировую войну, причины военного поражения младотурецкого режима и краха Османской империи.

²² Даниэлян Р. С. Просвещение в Турции. 1923—1960. Ереван, 1971.

²³ Miller A. F. Mustapha Pacha Bairaktar. Bucarest, 1975. Русское издание см.: Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар: Османская империя в начале XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

²⁴ Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971.

²⁵ Petrosyan Yu. A. Sovyet gözüyle Jöntürkler, Bilgi yayinevi. Ankara, 1974.

²⁶ Фадеева И. Е. Мидхат-паша: Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1977.

²⁷ Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. 1908—1918 гг. М.: Наука, 1972.

Историей младотурецкой революции много лет занималась В. И. Шпилькова. В ее работах, построенных на широком использовании русских дипломатических архивов и турецких источников, содержится много новых данных для понимания характера революционного процесса в 1908 г. и развития Турции в послереволюционный период. Итоги этих исследований обобщены в монографии В. И. Шпильковой²⁸.

Среди работ по экономической истории Турции в новое время следует выделить книгу О. Г. Инджикяна²⁹, в которой рассмотрены и проанализированы особенности формирования и развития многонациональной буржуазии Османской империи. Автор подвергает исследованию важнейшие факторы, которыми был обусловлен затяжной характер развития капиталистических отношений в Османской империи второй половины XIX — начала XX в., социально-экономические процессы, происходившие в стране в этот период. Исследование строится на широком использовании разнообразных архивных материалов. Специальная глава посвящена экономической политике младотуров в период их пребывания у власти.

Историки-туркологи подвергли анализу некоторые аспекты истории правовой системы и основных институтов государственного строя Османской империи в эпоху нового времени. Говоря об этой проблеме, следует выделить книгу Ф. Ш. Шабанова, специально посвященную изучению правовой системы и основных институтов государственного строя в период танзиматских реформ³⁰. В книге Ф. Ш. Шабанова рассмотрены предпосылки танзиматских реформ и основные акты танзимата.

Историю турецкой общественно-политической мысли исследует Э. Ю. Гасанова³¹. В ее книге рассмотрена классовая природа тюркизма и пантюркизма, анализируется процесс развития общественной мысли Турции в период буржуазной революции 1908 г. В центре внимания исследователя журнал «Тюрк юрду» как выражитель идеологии тюркизма.

История просвещения Турции в новое время — тема исследования А. Д. Желтакова и Ю. А. Петросяна³². В работе освещен сложный и мучительный путь становления и развития светского образования всех ступеней в условиях феодально-теократического режима, показано зарождение светского образования в первой половине XIX в., прослежен процесс развития просвещения в 60—

²⁸ Шпилькова В. И. Младотурецкая революция 1908—1909 гг., М.: Наука, 1977.

²⁹ Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977.

³⁰ Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку: Изд-во АН АзССР, 1967.

³¹ Гасанова Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотуров (1908—1914). Баку: Изд-во АН АзССР, 1966.

³² Желтаков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.). М.: Наука, 1965.

70-х годах XIX в., когда на него определенное влияние оказали буржуазно-либеральные идеи первых турецких конституционалистов. В книге освещается положение светской школы в условиях абдулхамидовской реакции конца XIX — начала XX в. и после младотурецкой революции.

Книга А. Д. Желтякова³³ — первый в советской историографии опыт анализа турецкой печати, выявления ее роли в общественно-политической и культурной жизни страны. Значимость работы определяется как широтой круга ценных источников, так и подходом автора, вскрывающего особенности развития печати на различных этапах истории Турции эпохи нового времени. Автор анализирует в книге начальный этап книгопечатания в Турции, показывает роль печати эпохи реформ конца XVIII — начала XIX в. Особую ценность имеют два раздела книги, в которых анализируются вольная пресса «новых османов» 60—70-х годов, а также вольная пресса младотурок конца XIX — начала XX в.

В 1973 г. вышла в свет книга А. Х. Рафикова по истории зарождения и развития в Турции книгоиздательского дела³⁴. В ней анализируются социальные и экономические условия, столь сильно задержавшие введение в Османской империи книгопечатания, исследуется ряд факторов, имевших отношение к возникновению книжного дела в Турции, книгопечатанию арабским шрифтом в Европе и деятельности нетурецких типографий в Османской империи.

Впервые в нашей литературе подвергнуты анализу и критическому рассмотрению пути развития искусства Турции в книге Ю. А. Миллера³⁵. В работе показаны основные тенденции и факторы, определившие развитие турецкого искусства в конце XIX — начале XX в. Автор анализирует памятники зодчества, особенности архитектурного стиля, произведения прикладного искусства.

Ряд работ посвящен исследованию международного положения Османской империи в эпоху нового времени. Один из важных этапов в истории Восточного вопроса освещает книга В. И. Шеремета³⁶, в которой значительное место уделено внутреннему и внешнеполитическому положению Османской империи, показана Турция в войне с Россией в 1828—1829 гг., всесторонне рассмотрены подготовка и заключение Адрианопольского мирного трактата.

Исследование А. С. Австяна³⁷ выявляет роль германской военной миссии Лимана фон Сандерса в общих планах подготовки

³³ Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М.: Наука, 1972.

³⁴ Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л.: Наука, 1973.

³⁵ Миллер Ю. А. Искусство Турции. М.; Л.: Искусство, 1965.

³⁶ Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории Восточного вопроса. М.: Наука, 1975.

³⁷ Австян А. С. Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М.: Международные отношения, 1966.

германским империализмом первой мировой войны на Ближнем Востоке, а также деятельности миссии фон Сандерса, направленной на установление военно-политического контроля Германии над Турцией. Эта тема с разных сторон рассмотрена и другими историками. Н. Г. Оруджев³⁸ в своей книге главное внимание уделяет анализу процесса постепенного превращения Турции в полу-колонию германского империализма. Ряд работ по этим вопросам опубликовал А. С. Силин³⁹.

Франко-турецкие отношения подробно рассмотрены в книге Ю. А. Боева⁴⁰. На общем фоне ближневосточной политики Франции в ней содержится анализ экономического, политического и идеологического проникновения Франции в Османскую империю.

Внешняя политика султанского правительства накануне и в период первой мировой войны исследована в монографии Е. К. Саркисяна⁴¹. Показывая агрессивную направленность панисламистской и пантюркистской политики младотурок в Закавказье, автор сумел выявить связь между этими факторами внешней политики Османской империи и вступлением Турции в войну на стороне кайзеровской Германии.

Если изучение новой и новейшей истории Турции за рассматриваемый период представлено, как видно, целым рядом крупных монографических работ, то этого нельзя, к сожалению, сказать об исследовании средневековой истории Турции; работы в этой важной и интересной области туркологии пока очень немногочисленны.

Здесь следует, в первую очередь, выделить изучение и издание турецких письменных памятников. Было подготовлено и осуществлено издание уникальной рукописи средневекового турецкого летописца Хюсейна — ценнейший памятник для изучения истории Османской империи от ее возникновения до 1520 года⁴². Труд Хюсейна прежде всего традиционная для турецких авторов хроника событий военно-политической жизни империи. Это дает ценнейший материал для изучения средневековой Османской империи, ее социальных, политических и правовых институтов.

³⁸ Оруджев Н. Г. Из истории проникновения германского империализма в Турцию (с конца XIX в. по 1914 год). Баку, 1961.

³⁹ Силин А. С. Экспансия Германии в Ближнем Востоке в конце XIX века. М.: Наука, 1971; Он же. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908—1914). М.: Наука, 1976.

⁴⁰ Боев Ю. А. Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914): Очерки истории дипломатической борьбы Франции за Ближний Восток. Киев: Наукова думка, 1964.

⁴¹ Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1962.

⁴² Хюсейн. Беда'и ул-века'и (Удивительные события) / Введ. и общая ред. А. С. Тверитиновой, аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. М.: Изд-во вост. лит., 1961. Ч. 1—2.

А. С. Тверитиновой был подготовлен к изданию перевод «Книги законов султана Селима I»⁴³. Выпуск этого нового источника позволил внести ряд важных уточнений в представления ученых-туркологов о турецком законодательстве эпохи средневековья. Издание факсимиля и перевода текста на русский язык дало в руки историков ценнейший материал для изучения различных сторон жизни феодального общества средневековой Турции.

Для всех медиевистов весьма полезна книга, в которой собраны и представлены в русском переводе наиболее ценные материалы, необходимые для исследования аграрного строя Османской империи в XV—XVII вв.⁴⁴ Это издание было подготовлено А. С. Тверитиновой, которая провела большую работу по отбору и комментированию вошедших в сборник документов и материалов. Книга представляет собой сборник важных законодательных актов и законоположений о провинциях Османской империи, сultанских указов, жалованных и вакуфных грамот, писцовых книг и других документов, имеющих отношение к исследованию аграрного строя средневековой Османской империи. В книгу вошли также переводы некоторых политico-экономических трактатов турецких авторов, в которых содержатся ценные сведения для изучения форм земельной собственности и аграрных отношений в Османской империи XVI—XVII вв.

В области средневековой истории Турции работает также М. С. Мейер. Он посвятил ряд специальных исследований народным движениям в эпоху позднего средневековья, а также некоторым общим вопросам развития феодализма в Османской империи⁴⁵.

Интересное исследование русско-турецких отношений последних лет XVII — начала XVIII в. предпринято С. Ф. Орешковой⁴⁶. В ее книге детальному и всестороннему анализу подвергнуты вопросы русско-турецких отношений на рубеже столетий, рассмотрены обстоятельства русско-турецкой войны 1710—1711 гг., а также ход русско-турецких мирных переговоров 1711—1713 гг. Кни-

⁴³ Книга законов султана Селима I / Публ. пер. с тур., вступит. статья и коммент. А. С. Тверитиновой. М.: Наука, 1969.

⁴⁴ Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.: Документы и материалы / Сост., пер. и comment. А. С. Тверитиновой. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

⁴⁵ Частично результаты этих исследований представлены в статьях: Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г.: Причины и характер.— Народы Азии и Африки, 1963, № 4; Он же. Османская держава и балканские народы: Обзор публикаций и исследований историков Юго-Восточной Европы.— Народы Азии и Африки, 1967, № 1; Он же. Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю.— Народы Азии и Африки, 1975, № 1; Он же. Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи.— В кн.: Историография стран Востока. М.: Изд-во МГУ, 1977; Он же. К периодизации историй Турции эпохи феодализма.— Вестн. МГУ. Востоковедение. Сер. XIII, 1977, № 4.

⁴⁶ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М.: Наука, 1971.

га ценна и тем, что характеризует внешнеполитические акции сultанского правительства в период средневековья.

В ряду библиографических работ советских туркологов следует назвать книгу А. Х. Рафикова⁴⁷, содержащую аннотированные данные об изданиях по истории Турции, книжных фондах библиотек Ленинграда. Ряд библиографических и историографических статей опубликовала А. К. Сверчевская, обзоры которой содержат полезные сведения о советской туркологической литературе за последние два десятилетия⁴⁸.

Заканчивая обзор работ советских туркологов в 60—70-х годах, следует отметить, что они уделяли определенное внимание научно-популярным работам. В частности, в эти годы были опубликованы рассчитанные на широкого читателя книги о наиболее крупных городах современной Турции. Вышли в свет очерки о Стамбуле⁴⁹, Анкаре⁵⁰ и Измире⁵¹.

Издана книга Ю. А. Петросяна и А. Р. Юсупова⁵², в которой подробно рассказывается о жизни древнего Византия, средневекового Константиноцоля и турецкого Стамбула. В этой книге большое внимание уделено жизни современного Стамбула, его архитектурным памятникам.

Советские туркологи уделяют внимание подготовке и других популярных работ о Турции. Недавно был опубликован интересный очерк Н. Г. Киреева⁵³, который дает широкому читателю достаточно представление о вчерашнем и сегодняшнем дне Турецкой Республики. Автор концентрирует свое внимание на основных этапах политической истории и современного политического развития Турции, характеристике ведущих политических партий, показывает особенности социально-экономического развития современной Турции. В специальном разделе рассказывается о советско-турецких отношениях.

⁴⁷ Рафиков А. Х. Историческая литература на турецком языке, хранящаяся в библиотеках Ленинграда: Сводный аннотированный каталог. 1729—1963. Л., 1968.

⁴⁸ Сверчевская А. К. К выходу в свет работы по средневековой, новой и новейшей истории Турции (1960—1971). — В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока. М.: Наука, 1975; *Она же*. Краткий обзор исторической литературы по Турции (1970—1976). — В кн.: Великий Октябрь и Турция: Тезисы и резюме докладов и сообщений. М., 1977.

⁴⁹ Юсупов А. Р. Стамбул. М.: Наука, 1970.

⁵⁰ Киреев Н. Г. Анкара. М.: Наука, 1972.

⁵¹ Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Измир. М.: Наука, 1973.

⁵² Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах: Византий, Константинополь, Стамбул. М.: Наука, 1977.

⁵³ Киреев Н. Г. Турция вчера и сегодня. М.: Знание, 1977.

Некоторые вопросы культуры балканских народов XVIII—XIX вв. в трудах советских ученых

Е. П. ЛЬВОВА

Советская балканистика, особенно активно изучающая в последние десятилетия культуру балканских народов, имеет солидные традиции в отечественной науке. Труды Н. С. Державина, Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Н. И. Конрада, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева заложили прочную основу изучения культуры славянских и других народов, населяющих Балканский полуостров.

Обращение советских ученых к культуре балканских народов XVIII—XIX вв. вполне объяснимо. Стремление к освобождению от инонационального гнета, интенсивность народных движений, глубинные изменения в экономике, вызванные процессами формирования капиталистических отношений, послужили той основой, на которой выросла и сформировалась балканская культура нового времени, определились ее закономерности и характерные особенности; комплексное рассмотрение проблем культуры на этом историческом этапе диктуется в первую очередь самой исторической направленностью развития и задачами, которые решали народы балканских стран в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Советскими балкановедами уже изучены многие ценные культурные памятники, определены типологические особенности отдельных явлений культуры в их сложных связях и взаимодействии. Сама научная направленность исследований, стремящихся охватить культуру народов балканского региона эпохи становления наций в ее целности и в то же время в многообразии ее проявлений, представляется безусловно перспективной, она диктуется и достигнутыми успехами, и в то же время богатством неизученного доселе материала.

Своеобразие и отличительные черты балканской культуры XVIII—XIX вв. были в первую очередь проанализированы историками, изучавшими особенно тщательно культуру славянских народов. В своих исследованиях они заложили фундамент для дальнейшего изучения общественной мысли, литературы, искусства, фольклора. Труды советских исследователей способствовали дальнейшему коллективному изучению широких проблем балканской культуры. Естественно, глубокие научные обобщения стали возможны на известном уровне исследования и обобщения фактических данных, развития теоретической мысли на основе широкой историко-культурной перспективы.

Исследования, касающиеся культуры отдельных стран, проведенные за последние десятилетия советскими учеными-историками, явились важной вехой в изучении культуры и тех стран, ко-

торым русские и советские ученые и ранее посвящали капитальные труды, и тех, к которым обращались в меньшем объеме. Значительную роль сыграли очерки, посвященные культуре, в обобщающих трудах по истории отдельных балканских стран¹, в которых были показаны ведущие тенденции культуры на переломном этапе их развития — от феодализма к капитализму, очерчены особенности развития общественной мысли, а также литературы, архитектуры, изобразительного искусства, фольклора, образования и науки.

При всей сжатости эти очерки в общих исторических трудах сыграли определенную роль в развитии балканистики; при этом следует отметить, что по мере накопления опыта, осмыслиния общих процессов развития культуры балканских народов год от года менялся и обогащался характер соответствующих разделов по культуре в трудах общего плана: из самостоятельных, обособленно «живущих» в общей трактовке материала очерков главы, посвященные культуре, постепенно становились богаче, они органическое и шире связывались с общими проблемами истории, показывая огромную роль самой культуры в процессе перехода от феодализма к капитализму.

Отдельно были выделены, например, в очерках культуры Югославии и Румынии в указанных выше работах проблемы развития общественной мысли и литературы, науки и образования. Богатство накопленных за последнее время и изученных фактов давало уже возможность для конкретных сопоставлений и параллелей, поставить вопрос о связях балканских культур с другими европейскими культурами, с культурными центрами России. Естественно, не все виды культуры освещались с одинаковой глубиной и полнотой, но основные вехи были уже четко определены.

Научный интерес к культуре балканских народов в различных областях советской науки рос постоянно, расширялись и сами рамки познания материала, постановка проблем культуры становилась все шире. Архитектура, например, начала рассматриваться в связи с обширным кругом проблем общественного, социально-политического плана (в частности, с переменами экономического характера, ростом городов и т. д.).

Углубленное изучение проблем художественной культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы воплотилось как в сводных, обобщающих трудах², так и в специальных монографиях, посвященных искусству отдельных стран³.

¹ История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I; История Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1—2; История Румынии. 1848—1917. М.: Наука, 1971; Новичев А. Д. История Турции. Изд-во ЛГУ, 1963—1971. Т. I—IV.

² См.: Всеобщая история искусств. М.: Искусство, 1964. Т. V.

³ См.: Миллер Ю. А. Искусство Турции. М.; Л.: Искусство, 1965; Алешина Л. С., Яворская Н. В. Искусство Югославии. М.: Искусство, 1967; Кузьмина М. Т. Искусство Румынии. М.: Искусство, 1969; Львова Е. П. Искус-

«Введение», данное в соответствующем разделе «Всеобщей истории искусств», по существу являлось первым обобщением, в котором была дана реальная и цельная оценка вклада народов Юго-Восточной Европы в историю европейского искусства XIX в., показана демократическая направленность творчества ведущих художников Болгарии, Румынии, Югославии, подчеркнута их связь с национально-освободительным движением. Авторы при этом не выделяли художественную культуру балканских стран как нечто цельное, но они уловили основные тенденции развития, определили направленность будущих исследований.

Трудности, встающие перед исследователями в наши дни, имеют различный характер; культура одних стран (например, Болгарии, Греции, отдельных народов Югославии) изучена более основательно, в то время, как, например, турецкая культура или культура Албании изучены меньше.

В настоящее время, особенно с середины 60-х годов, советская наука не только стремится исследовать общие закономерности, происходившие в духовной жизни каждой из балканских стран в XVIII—XIX вв., но подходит к решению задач комплексно. Решается со всей остротой вопрос о методе исследования, о характере анализа разносторонних и разноликих явлений культуры балканских народов, выступавших в специфических и далеко не всегда одинаковых формах. Как сходятся пути развития в определенные поворотные моменты исторического движения? Как соотносятся объективные факторы с субъективным началом художественного творчества? Какова внутренняя логика научного исследования балканских культур в соотношении с мировым художественным процессом? Заслугой советских ученых-балканистов является прежде всего то, что для них ответы на эти вопросы, как и само понятие «культура балканских народов», никогда не существовали как замкнутое, изолированное от общих процессов культуры других стран понятие. В своих трудах, рассматривающих как общие проблемы становления наций, сложения буржуазных отношений, так и отдельные виды культуры, наши балканисты стремятся вскрыть сложность процессов в их взаимосвязанности и типологии.

Вопрос о социальных корнях, идеологии эпохи национального возрождения в балканских странах, как наиболее сложный и интересный, без верного решения которого невозможно сколько-нибудь серьезно анализировать любые явления литературы и искусства балканских народов, привлекает все большее внимание советских ученых⁴.

ство Болгарии. М.: Наука, 1971; Полевой В. М. Искусство Греции: Новое время. М.: Сов. художник, 1975.

⁴ См.: Лещиловская И. И. Илиризм: К истории хорватского национального возрождения. М.: Наука, 1968; Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е гг. XIX в. М.: Наука, 1970; Арш Г. Л. Этеристское движение в России: Освободительная борьба гре-

В своих трудах указанные авторы не только решают узловые исторические проблемы, но постоянно обращаются к вопросам, имеющим прямое отношение к общественной мысли, культуре, ее особенностям и взаимосвязям. Это обращение ученых-историков к проблемам культуры в первую очередь диктует сам исследуемый материал, связь отдельных видов культуры с формированием национальных движений и переходом к новой формации; и в то же время неизбежен анализ деятельности различных культурных объединений и обществ, с вступлением на историческую арену представителей прогрессивной общественности. Авторы раскрывают огромную роль национального самосознания, подчеркивая вместе с тем его относительную самостоятельность, тот факт, что оно могло опережать национальное бытие, стимулируя общественную жизнь, освободительную борьбу, или же порой отставать от него. Останавливаясь на неравномерности формирования идеологического содержания национального самосознания, ученые-балканисты обращают особое внимание на важную роль культуры в эпоху складывания буржуазных отношений.

За последние годы несомненно повысился сам методологический уровень исследования культуры балканских народов; советские ученые идут к последовательно комплексному, целостному ее изучению, стремясь увидеть предмет исследования в широкой исторической перспективе. Такой широкий подход необходим и для того, чтобы увидеть конкретный предмет (литературное произведение, научный трактат, полотно живописца и т. д.) как часть диалектического процесса развития культуры, показать его значение в свете сложных социально-экономических перемен. Работы советских историков, посвященные духовному развитию балканских народов, их идеологии в период формирования национального самосознания, дают основания для обобщений в рассмотрении типологических особенностей острой идейной борьбы, самого процесса формирования культуры в общих ее чертах, показывают своеобразие путей преодоления феодального мировоззрения, складывания новых представлений в самом процессе ускоренного развития культуры, порой неравномерного и неоднородного. Таким образом постепенно складывается широкое представление о сложной системе историко-культурных процессов, об общем и особенном в ней, о чертах генезиса культуры данного народа на определенном этапе его развития. Для историографии здесь важны не только монографические труды специального характера, но и сборники статей и отдельные статьи, трактующие указанные проблемы в широком историческом плане⁵.

ческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970;
Он же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822. М.: Наука, 1976; *Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в.* М.: Наука, 1975.

⁵ См.: Миллер И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема ком-

Комплексное, системное изучение проблем балканской культуры ведется как в методологическом, так и в историко-культурном плане, оно открывает новые пути исследований в различных областях истории культуры — литературоведении, языкоznании, искусствознании и т. д.

Естественно, процессы, лежащие в основе каждой из этих ветвей (областей, видов) культуры, обладают своими специфическими закономерностями, но вместе с тем содержат и общие черты, позволяющие рассматривать их в более широкой системе, связанной с диалектикой европейского художественного процесса в целом.

В ходе такого исследования постоянно отмечается влияние одних балканских стран на общественную и духовную жизнь других. Эта широкая проблема, которой уделено особенно большое внимание на материале культуры славянских стран, в равной степени касается и других балканских народов.

Переход от культуры средневековья к культуре нового времени на Балканах проходил в каждой стране своими специфическими путями, но имел и общие черты. Чем близки эти явления европейскому Ренессансу и чем они отличны от него? В чем двигатель новой художественной культуры, и каковы наиболее яркие и характерные результаты сдвига, самого процесса?

В советской науке эти вопросы решаются в разных аспектах и ответы на них даются в работах как историков, так и искусствоведов и литературоведов.

Принципиально важными в оценке интересующих нас явлений представляются положения, данные в трудах Н. И. Конрада, поставившего целый ряд проблем узлового характера. Н. И. Конрад призвал к дальнейшим комплексным исследованиям явлений общего характера, к сопоставлениям и сравнениям явлений, порой внешне совсем не похожих друг на друга, но связанных внутренней закономерностью. Он писал: «...вопрос об эпохе Возрождения перестает быть вопросом истории какой-либо отдельной страны и становится вопросом мировой истории. Вместе с этим

плексного сравнительно-исторического изучения.— ССЛ, 1972, № 4; Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках.— ВИ, 1973, № 10; Дьяков В. А. Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе: Социальное содержание, периодизация, пути исследования.— В кн.: Формирование национальных культур. М.: Наука, 1977; Мыльников А. С. Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы; Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального возрождения.— В кн.: Формирование национальных культур; Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Льгова Е. П. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973; Культура и общество в эпоху становления наций. М.: Наука, 1974.

возникает и новый вопрос о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах⁶.

В трудах Н. И. Конрада проводится мысль о том, что некоторые народы проходят периоды ускоренного развития культуры, используя опыт соседних народов, словно наверстывая упущенное, т. е. речь идет о сложном единстве, обо всем богатстве мирового культурного процесса. Концепция Н. И. Конрада помогает объяснить и те особенности, с которыми сталкивается исследователь культуры балканских народов, ее связей с внешним миром, причем интересно отметить, что Н. И. Конрад, привлекая наряду с историческим и литературоведческий материал, смело сопоставляет литературные явления Запада и Востока, стремясь выявить искомые общие историко-культурные закономерности.

Труды советских ученых общеисторического плана вплотную подводят к особой необходимости поисков типологических сходств, сравнительного анализа в рассмотрении историко-культурного процесса XVIII—XIX вв. Определяя основные задачи, стоящие перед современными исследователями культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Д. Ф. Марков особо выделил проблему формирования национальных культур как важную часть более широких, общих процессов, связанных с целым рядом общественных явлений той исторической эпохи, которую часто называют Возрождением. Д. Ф. Марков отмечает их общность, типологические черты, обусловленные однотипностью процессов, выделяя узловые моменты методологии их исследования, и прежде всего — методологию сравнительных исследований⁷.

Исследователь искусства Греции В. М. Полевой пишет: «Возрождение вообще нельзя считать этапом, который обязательно должно пройти искусство на переломе от средневековья к новому времени. В Греции этот перелом осуществлялся гораздо позже — на рубеже XVIII—XIX вв. — в форме просветительства. Возрождение же, понимаемое не как явление искусства, а более широкое и гибкое (а одновременно и более зыбкое) в своих границах движение, в настоящее время усматривается во многих странах»⁸⁻⁹. Анализируя особенности искусства Греции в аспекте сравнительного анализа с художественной культурой европейских стран эпохи Возрождения, В. М. Полевой особо подчеркивает, что существенное значение имеет исследование реальных признаков в Ренессансе, их конкретное художественное воплощение. Действительно, в рассматриваемый период происходят такие значительные изменения в культуре балканских народов, что их, видимо, следует не только оценивать как уникальные (хотя бы с точки зрения специфики их художественных особенностей, обусловлен-

⁶ Конрад Н. И. Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1972, с. 242.

⁷ Марков Д. Ф. Комплексное изучение проблем национальной культуры.— В кн.: Формирование национальных культур, с. 7.

⁸⁻⁹ Полевой В. М. Искусство Греции..., с. 342.

ной особым путем развития, отличным от других европейских стран, переживших Возрождение и Просвещение), но и ввести художественную культуру стран балканского региона в систему европейской художественной культуры, раскрыв особенности тех новых веяний в творчестве поэтов и художников, писателей и ваятелей, градостроителей и ученых, что отмечают переломный этап, получивший в некоторых балканских странах название «национального возрождения».

Каковы же проблемы балканской культуры, уже затронутые или в достаточной мере решенные в нашей науке, или те, которые предстоит решить? В данном случае речь идет о проблемах общего плана, касающихся так или иначе разных видов культуры.

Это, разумеется, степень взаимообусловленности культуры, в частности художественного творчества балканских народов, литературы, науки, искусства и других форм общественного сознания — и тех могучих по своему размаху народных движений, которые происходят во всех балканских странах в период формирования наций. В связи с этим встает вопрос о роли различных видов и жанров культуры в современной жизни, об индивидуальном начале в литературе и искусстве, о тех закономерностях историко-культурного развития, которые намечаются в этот период. Одна из них — специфика социальной направленности культуры и формы ее проявления, их расширение и рост как творческого, так и общественного диапазона. Другая проблема — роль народных традиционных форм в культуре нового времени. Они складывались и формировались многими веками, являясь важнейшей кладовой (а порой единственной формой) сохранения народного сознания. Разумеется, и они обогащались и видоизменялись, но в то же время, будучи и по природе своей стабильными, сознательно консервировались как форма противостояния угнетенной народности иноземному влиянию. Здесь можно говорить не только о таких формах культуры, как письменность, язык, изобразительное искусство. Данная проблема гораздо шире, она затрагивает вопрос о ломке средневековых форм, своеобразии, скачкообразном характере культурного развития, особенностях форм взаимопроникновения в процессе культурного развития нового и старого. Наступающие качественные изменения при всем их своеобразии и разновременности появления часто говорят о внутренней близости и родстве явлений (особенно в литературе и искусстве), имеющих единое гуманистическое и социальное звучание. Важно отметить и другую, недостаточно разработанную проблему: отличие гуманизма народного творчества балканских стран от гуманизма (в данном случае — воплощения образа человека в различных видах художественного творчества и эстетического представления) культуры нового времени. Видимо, и здесь есть свои закономерности, связанные в первую очередь с конкретной, насущной задачей — стремлением к освобождению от ипонационального гнета.

Изучением литературы как одного из важнейших моментов в процессе культурного развития занимались советские литературоведы. Их заслуга в изучении культуры стран балканского региона особенно значительна. Проблемам сравнительно-типологического изучения литератур, системно-сравнительному анализу литературных явлений и были посвящены труды наших ученых, представляющие особенно большой интерес. За последние два десятилетия литературоведение значительно обогатилось трудами как общего, так и частного плана, помогающими создать представления о единстве диалектической системы литератур балканских народов в XVIII—XIX вв. Близко к подобному типу исследований подходят и искусствоведы, и этнографы, констатирующие близкие, а порой и однородные по своей направленности и характеру явления в литературе и фольклоре. Был поставлен вопрос о темпах и типах литературного развития, о специфике перехода от средневековья к новому времени.

Д. С. Лихачев, Д. Ф. Марков, Н. И. Конрад и др. в своих работах особо останавливались на специфике славянских литератур и анализе изменений, происходивших в различных жанрах литературы.

Определение национального характера литературы (как один из узловых вопросов культуры формирующихся наций) дает Д. С. Лихачев.

Положения, высказанные Д. С. Лихачевым¹⁰, не только нацеливают и литературоведов, и искусствоведов, и других специалистов, изучающих проблемы культуры, на многогранную, широкую оценку явлений, связанных с пониманием облика национальных культур, но и являются в определенной мере итогом проведенных исследований, показателем их уровня. Не только литература, но и искусство, зодчество, музыка, фольклор являются неотъемлемой частью истории каждого из балканских народов, поэтому только глубокое и всестороннее их изучение поможет показать их связь с культурой других народов.

Стремление увидеть конкретное явление, литературное произведение или произведение изобразительного искусства в его тесных связях с явлениями истории культуры и данной страны, и с другими странами характерно для новых советских работ по истории культуры. В связи с этим представляет интерес упоминавшаяся выше работа В. М. Полевого об искусстве новой Греции. В ней явно прослеживаются плодотворные общие тенденции современной науки, стремящейся к углубленному и разностороннему анализу культуры балканских народов¹¹. Автор ставит вопрос о «точке отсчета» в оценке греческой культуры нового времени, о критериях оценки и его изменениях, подчеркивает важность сопостав-

¹⁰ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили.. Л.: Наука, 1973, с. 8.

¹¹ Полевой В. М. Искусство Греции..., с. 5, 9.

лений искусства Греции нового времени с современной художественной культурой других стран.

Эта постановка вопроса, касающегося конкретного предмета исследования, важна и не только в отношении Греции, но в той или иной степени и других стран балканского ареала в период становления буржуазных наций. Являясь частью культуры буржуазного национального государства, искусство включалось в общий исторический процесс и может быть рассматриваемо в системе европейского искусства.

Советские ученые придают большое значение исследованию фольклора, народного творчества балканских народов в различных его видах, ибо именно в недрах народного творчества сохранили угнетенные веками балканские народы свою древнюю культурную традицию. Эпос, устное поэтическое творчество отражает свободолюбивый, мятежный дух народа. Письменные источники, также привлекающие ученых, свидетельствуют о стойкости традиций философского и эстетического характера и одновременно — о постоянном проникновении новых социальных, остроСовременных моментов в различные формы народного творчества в XVIII—начале XIX в.

В настоящее время ведется весьма интенсивное изучение не только общих проблем, касающихся культуры народов балканского региона, но намечается глубокий интерес к анализу отдельных ее видов. Об этом свидетельствует ряд трудов, появившихся в последние годы. Тип этих исследований различен: это монографии, коллективные сборники, очерки истории просвещения, литературы, изобразительного искусства, театра и др. В своем исследовании А. Д. Желтяков и Ю. А. Петросян¹² обращаются к роли Просвещения и конкретным проявлениям борьбы новых культурных явлений со старыми, отжившими феодальными институтами. Хотя авторы строго придерживаются избранной ими темы, материал, рассмотренный в тексте, столь богат, что дает возможность для более широких обобщений и посылок. Книга тем более важна и интересна, что о культуре Турции данного периода в советской исторической литературе написано очень мало и предстоит многое исследовать, особенно в области художественной культуры указанного периода.

В коллективном труде «Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв.»^{13—14} авторы видели задачу определить место и роль театра в жизни народов указанного региона в период формирования наций и национальных культур. В труде рассматривается процесс складывания профессиональных театров и их место в общественной жизни в

¹² Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XIX в.). М.: Наука, 1965.

^{13—14} Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1976.

нескольких странах, в частности в Болгарии, Румынии, Югославии, дается анализ исторической обстановки в этих странах.

В труде дается справедливая критика буржуазной теории «европоцентризма», долгое время господствовавшей в театроведении, исключавшей завоевания театральных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности стран балканского региона, утверждается подлинная роль его театральной культуры, включившейся в общеевропейский процесс в рассматриваемую эпоху. Одновременно поднимаются и такие важные проблемы, как особая роль национального фактора в эпоху национально-освободительной борьбы, значение межнациональных влияний (особенно ярко показанные на материале румынского театра) и ряд других вопросов. Новые факты и данные, использованные авторами, обогащают труд, культурно-исторический аспект которого является перспективным и актуальным.

В Институте славяноведения и балканистики Академии наук СССР в последние годы проводится серия комплексных исследований проблем развития национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Хронологические рамки исследования охватывают период от середины XVIII в. до 70-х годов XIX в. В задачи ученых входит рассмотрение общих проблем истории культуры указанных стран (в том числе и культуры балканских народов), постановка узловых социально-исторических и методологических вопросов и анализ преломления общих процессов в общественном и художественном сознании национальных ученых, историков, деятелей литературы и искусства XVIII—XIX вв.

Одним из опытов комплексного изучения культуры региона явился выпуск «Балканских исследований», посвященный вопросам истории и культуры¹⁵. В него вошли научные сообщения ученых разного профиля — историков, этнографов, лингвистов, искусствоведов, литературоведов, показывающие в различных аспектах узловые проблемы исторических, этнических и историко-культурных процессов на Балканах. Значительная часть труда посвящена вопросам культуры балканских народов, их взаимодействиям и общности в период подъема национально-освободительного движения. В то же время советские исследователи обратили особое внимание на специфику историко-культурных процессов у каждого из народов региона.

Значительный вклад в дело комплексной разработки проблем культуры региона сделали за последние годы ученые-балканисты нашей страны, выступавшие на различных международных форумах — съездах, научных конференциях, коллоквиумах, участвуя в научных дискуссиях как по общим, методологическим проблемам, так и по более частным вопросам.

¹⁵ БИ: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, [вып. 2].

Постоянное стремление советских балканистов раскрыть общие закономерности разных видов культуры, показать их сложную взаимосвязанность и национальное своеобразие дают свои положительные результаты. Определился и сам подход к основным задачам дальнейшего исследования, уточнились его задачи, рамки и комплексность, как основа будущих научных изысканий.

За последние годы был издан целый ряд трудов, основанных на материалах международных встреч, представляющих значительный интерес для изучения культуры балканских народов. Следует отметить общую наступательную направленность выступлений и работ советских ученых, их стремление глубже проникнуть в суть изучаемого материала с марксистских позиций. Так, принципиально важным явился доклад Д. Ф. Маркова, сделанный на международной конференции по сравнительному изучению славянских литератур в 1971 г. в Москве¹⁶. Участие в указанной конференции ученых из Румынии, Болгарии, Югославии и многих других стран значительно расширило научные рамки конференции, поставив во главу угла особенно важные и острые вопросы советской балканстики.

Широкая постановка новых теоретических и методологических проблем, данная в докладе Д. Ф. Маркова, основана на материале обобщения литературоведческих исследований как в нашей стране, так и за рубежом. Многоаспектность исследований сравнительного характера, выделенная в докладе, точки пересечения этих аспектов автор связывает с общей проблемой принципов типологических исследований. Критика формалистического понимания узловых вопросов раскрывает узость, несостоятельность подобного подхода к явлениям культуры, литературы, в частности, невозможность отрыва проблематики художественных произведений от их поэтики, образности, формы художественного воплощения.

Международная научная конференция «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)», проведенная под эгидой ЮНЕСКО в Москве в 1974 г., затронула многие важные вопросы как общих закономерностей историко-культурного развития, так и его особенности в эпоху становления наций у славянских народов. В докладах советских исследователей¹⁷ были выделены такие важные вопросы, как временная неравномерность прохождения историко-культурных процессов, связанная с неравномерностью более общих, социально-экономических факторов, складыванием буржуазных отношений в эпоху кризиса феодального строя, проблемы генезиса культуры славянских и других балканских народов, ее связи с куль-

¹⁶ Марков Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур.— В кн.: Сравнительное изучение славянских литератур. М.: Наука, 1973.

¹⁷ См.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. М.: Наука, 1978.

турой европейских стран, активизации духовного обмена художественными ценностями и т. д.

Определить многие другие проблемы, связанные с дальнейшим исследованием двустороннего процесса — социально-исторического и культурного взаимодействия в странах балканского региона, переживавших в XVIII—XIX вв. высокий подъем национально-освободительного движения, показать культуру как важный фактор политической подготовки народных масс для борьбы за социальное и национальное освобождение — таковы ближайшие задачи балканников, изучающих историко-культурную проблематику.

Балканская этнография в СССР

Ю. В. ИВАНОВА

Конец 1940-х — 1950-е годы были периодом существенного расширения сферы деятельности советских этнографов. Именно в это время были сформулированы основные принципы современной советской школы в этнографии. До этого времени усилия этнографов направлялись главным образом на изучение культуры и быта сельских жителей, причем отмечались по преимуществу пережитки докапиталистических эпох. При новом подходе к предметной сфере этнографии в поле зрения исследователя оказался весь народ (этнос) во всем многообразии его развития, все сложные явления его общественной и культурной жизни, все его социальные группы: не только крестьяне, но и рабочие, не только сельские жители, но и горожане. Такой подход помогает вскрыть общие закономерности исторического процесса.

В это время впервые в советской этнографии была поставлена задача изучения населения промышленно развитых стран.

В соответствии с этими принципами советской школы в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР в середине 1940-х годов был создан сектор этнографии народов зарубежной Европы. С его созданием впервые в русской науке начато систематическое изучение неславянских народов Европы (так как большая часть турецкого этнического ареала находится в Азии, этнографию турок изучает Отдел народов зарубежной Азии Института этнографии). Были поставлены вопросы общеевропейской этнографии, проблемы классификации и исторической типологии элементов культуры всего континента. Встал вопрос и о разработке методики этнографического изучения народов с высоким уровнем культурного развития. Особого внимания и

специальной методики потребовало изучение образа жизни народов социалистических стран¹.

Как и во всякой другой региональной этнографии, специалисты по этнографии европейских народов, в том числе и народов Юго-Восточной Европы, сочетают метод непосредственного наблюдения² с изучением исторических документов, в частности записей обычного права и сводов законов феодальной эпохи³, а также с использованием архивов⁴, прессы, мемуарной литературы и т. д.

Большое значение для развития этнографии имел выход в свет двух серийных изданий: «Народы мира» и «Очерки общей этнографии», в которых специальные тома были отведены описанию народов Европы. В сопоставлении соответствующих текстов приняли участие наряду с советскими специалистами ученые социалистических стран⁵.

Каждая глава в этих изданиях посвящена одному народу (народы, населяющие Югославию, объединены в одной главе), что отвечает новому пониманию объекта этнографии, принятому нашей наукой: объект исследования — народ (этнос), его этноинтегрирующие и этнодифференцирующие свойства.

Полное этнографическое описание народа включает серию конкретной информации и ряд проблемных задач: проблемы происхождения данного народа (этногенез), особенности культурного развития народа на протяжении времени, обозримого на основании имеющихся источников (в том числе археологических, антропологических, палеолингвистических и др.). В культурном комплексе изучаемого народа главным объектом является так называемая традиционно-бытовая культура, в которой этническая

¹ См.: Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустримальных стран.— СЭ, 1967, № 5.

² См.: Токарев С. А. Этнографические наблюдения в балканских странах.— СЭ, 1946, № 2; Маркова Л. В. Комплексная Родопская экспедиция.— СЭ, 1956, № 3; Она же. Научная командировка в Болгарию.— СЭ, 1957, № 2; Иванова Ю. В. Научная командировка в Народную Республику Албанию.— СЭ, 1957, № 3; Шихарева М. С. Поездка в Социалистическую Федеративную Республику Югославию.— СЭ, 1965, № 2.

³ См.: Иванова Ю. В. Обычное право Северной Албании как этнографический источник.— СЭ, 1961, № 3; Она же. Законник Лека Дукагини.— В кн.: Хрестоматия памятников феодального государства и права. М.: Изд-во юрид. лит., 1962; Шихарева М. С. Сельская община у сербов в XIX — начале XX в.— В кн.: Славянский этнографический сборник.— Труды / Ин-т этнографии. Нов. сер. М., 1960, т. 62; Липшиц Е. Э. Византийский «Землемельческий закон» и его судьбы в средневековых балканских государствах: Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М.: Наука, 1966; Маркова Л. В. Сельская община у болгар в XIX в.— В кн.: Славянский этнографический сборник.

⁴ О документах Архива внешней политики России см.: Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1973, с. 10—11, 243.

⁵ См.: Народы мира / Под общей ред. С. П. Толстова; Народы зарубежной Европы / Под ред. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1964. Т. I; Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа / Под ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1966.

специфика проявляется особенно ясно: особенности повседневной хозяйственной деятельности, семейной и общественной жизни, типичные виды жилого дома, одежды, разного рода обычай и обряды, народное творчество в его многообразных проявлениях.

Советские этнографы уделяют большое внимание изучению современной жизни. У развитых народов, какими являются жители Юго-Восточной Европы, в эпоху феодализма наметилась, а в капиталистическую эпоху окончательно сложилась значительная индустриализация материального быта, особенно городского. В последнее столетие произошла механизация и специализация производства, развитие промышленности, усложнение социальной структуры общества, интернационализация многих сфер жизни, например, профессионального искусства. Большинство стран Юго-Восточной Европы после второй мировой войны, разгрома фашизма и установления народовластия избрали путь построения социализма. Это привело к еще большим сдвигам: потребление промышленных товаров стало доступно всем слоям населения, в том числе сельским, происходит урбанизация села, унификация образа жизни, потребление материальных и духовных благ на основе мирных технических и культурных достижений. Сфера всех видов образования и профессионального художественного творчества оказалась доступной для самых широких масс.

Из этого следует, что этнографы должны были найти свой собственный ракурс при монографическом описании европейских социалистических наций. Таковым является характерный для данного народа и данной страны способ присвоения предметов широкого потребления и результатов всех видов профессиональной научной и художественной деятельности. Здесь надо иметь в виду, что при всех перечисленных крупных сдвигах в социальном устройстве и в сфере материального быта этнические свойства нации в значительной мере сохраняются⁶.

В силу того, что комплекс устойчивых элементов культуры, который мы называем традиционной культурой, в наше время подвержен изменениям сравнительно быстрым (в сопоставлении даже с XIX в.), а взаимодействие между народами и этническими группами становится все более интенсивным (особенно в многонациональных государствах), одной из стержневых проблем, разрабатываемых в настоящее время советскими этнографами, стали современные этнические процессы.

Сложность современных этнических процессов в балканских странах обусловлена историческим прошлым этого региона. Как и в центральной зоне Европейского континента, народы Юго-Востока обрели свою национальную государственность лишь в течение последних полутора столетий. Находясь в составе Австрийской и Османской империй, они не только были лишены своей государ-

⁶ Бромлей Ю. В. Интернациональное и национальное в строительстве социализма.—СЭ, 1977, № 5, с. 11—13.

ственности, часто менявшиеся административные границы рассекали этнические территории, разобщали областные группы, усугубляли различия диалектальные и культурные. Влияние центральноевропейского католического мира, юго-восточного православного и османского мусульманского, постоянная политическая и идеологическая борьба между этими силами закрепляли локальные культурные различия между этническими группами внутри одного народа, порождали религиозную рознь, мешали формированию национального самосознания.

Период «национального возрождения» балканских народов, буржуазных революций и становления национальных государств был насыщен политическими осложнениями, войнами и идеологической борьбой. Уровень экономики и культуры в различных областях Балканского полуострова был очень неодинаков. Все это не только мешало устраниению национальных противоречий, но и зачастую создавало их.

Таково было нас едие прошлого, с которым балканские народы (исключая греков и турок) вошли в новую эпоху — построения социалистического общества.

Подобное изучение современных этнических процессов еще стоит на очреди перед этнографами-балканистами. В значительной степени основа для этого исследования заложена в серии «Народы мира», где была изучена этническая структура населения отдельных стран. Были отмечены интеграционные процессы в истории сложения наций: как соотносились между собой этнические подразделения (или локальные группы) одного народа, различавшиеся между собой говорами или диалектами, деталями бытовой культуры, иногда вероисповеданиями. Анализу подвергся национальный состав каждой страны. Были составлены этнические характеристики малых этнических групп, составлявших меньшинства в той или иной стране.

Позже появились работы, характеризовавшие конкретные этнические процессы в условиях социалистической системы, например, в такой сложной по этническому составу стране, как Югославия⁷.

Для выявления закономерностей культурно-исторического процесса необходим сравнительный фактический материал. Нельзя сказать, чтобы в специальной литературе, опубликованной преимущественно за рубежами нашей страны, не был накоплен обширный запас фактов (относительно Юго-Восточной Европы это касается славян и отчасти румын). Однако тематическое содержание этого запаса весьма неравномерно.

Поэтому возникает настоятельная необходимость в сравнительно-типологических исследованиях.

⁷ См.: Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии.—СЭ, 1969, № 1.

Коллективом сектора этнографии зарубежной Европы проведен опыт типологизации сельского жилища⁸. Среди многих аспектов изучения жилого дома (архитектурного, искусствоведческого, социологического и т. п.) для этнографии наиболее важно выявление тех особенностей жилища, которые связаны с определенной этнической средой и культурным взаимодействием между народами Европы на протяжении многих веков. Конечно, при этом необходимо учитывать и другие факторы: воздействие природных условий, направление хозяйства, классовые отношения в сельской среде, влияние городской культуры, формы семейного быта. Отвечая задачам этнографического аспекта при изучении жилого дома, авторы коллективной монографии положили в основу типологизации внутреннюю планировку жилого дома в ее историческом развитии.

В этой работе жилые постройки всех европейских народов описаны по единой схеме, что дает возможность выделить несколько основных типов дома и картографировать их. В результате обобщения материала выяснилось, что почти вся Юго-Восточная Европа охвачена ареалом так называемого южноевропейского типа жилого дома. Его основное историческое ядро — однокамерное помещение, отапливавшееся открытым очагом. При развитии дома эта центральная часть была дополнена расположенными по обеим его сторонам жилыми комнатами (смежными с нею или выходящими на общую крытую галерею) и превратилась в теплые сени, куда выходит топка печи. Области Румынии, расположенные к северу от Дунайской низменности, входят в ареал другого типа — восточного среднеевропейского, где серединное положение в доме занимают холодные сени, соединяющие два жилых помещения. Дунайская равнина служит переходной зоной между двумя этнографическими областями — Центральноевропейской и Юго-Восточной, или Балканской. В целом культура населения этой зоны ближе к балканской.

В типе южноевропейского дома выделяются два подтипа: одноэтажный, распространенный чаще всего в равнинных местностях, и двухэтажный, характерный для гористых районов. По внешнему облику этот последний очень близок к жилым постройкам в других областях Южной Европы (он в специальной литературе именуется средиземноморским), что связано с общими природными условиями и близкими формами хозяйства. Особый вид составляет так называемый левантский дом, распространенный на островах Эгейского моря и имеющий аналогии в других местностях Средиземноморья.

На примере изучения традиционного крестьянского жилища мы видим, как во взаимодействии с природной средой и в тес-

⁸ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1968.

ной связи с общественной ситуацией складывались специфические черты традиционно-бытовой культуры.

Албанскому жилищу, помимо главы в коллективной монографии, посвящено еще несколько специальных публикаций. Существенно новое, что внесла советская этнография в данную тему,— открытие, описание и исторический анализ деревянного жилого строительства в горных зонах албанского ареала⁹⁻¹⁰. Выяснено, что в свое время дерево было не менее распространенным строительным материалом, чем камень, и деревянное и каменное жилище развивалось и совершенствовалось одновременно. Преобладание каменного дома в XIX—XX вв. связано не только с природными условиями, но и с общественными (при совершенствовании огнестрельного оружия возникала необходимость в более надежной защите во время военных действий и межродовых столкновений).

Особенности сельских поселений в Северной Албании объясняются условиями общественной жизни: гнездовое расположение поселений соответствует сложной системе братств (алб.— влазния), представляющих собой патронимические объединения¹¹.

Второе сравнительно-типологическое исследование, предпринятое сектором этнографии зарубежной Европы Института этнографии,— изучение календарных обычаяй и обрядов европейских народов. В трех выпусках коллективной монографии прослежен весь годичный цикл праздников¹². Параллельно па эту же тему опубликованы работы обобщающего и теоретического характера¹³. Анализ календарных обрядов европейских народов показал, что общность основных их компонентов уходит в отдаленную эпоху индоевропейской общности.

Календарные обряды всех народов Балканского полуострова близки между собой как по внутреннему смыслу, так и по ритуальному оформлению¹⁴. Этому есть целый ряд причин, свя-

⁹⁻¹⁰ Будина О. Р. Народное жилище Северной Албании: Деревянные постройки.— В кн.: Культура и быт народов зарубежной Европы. М.: Наука, 1967.

¹¹ Будина О. Р. Поселения Северной Албании как этнографический источник.— Третий международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы: Доклады и сообщения советской делегации. М.: Наука, 1974.

¹² Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1973; Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1977; Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1978.

¹³ Токарев С. А. Народные обычай календарного цикла в странах зарубежной Европы: Опыт структурно-исторического анализа.— СЭ, 1973, № 6.

¹⁴ Иванова Ю. В. Отображение хозяйственной деятельности в зимних календарных обрядах народов Балканского полуострова.— Македонски фолклор. Скопье, 1975, VIII № 15—16; Кашуба М. С. Характерные черты зимней календарной обрядности у славянских народов (XIX — начало XX в.).— Там же; Соколова В. К. Хлеб (злаки, солома) в зимней обрядно-

занных с хозяйственной деятельностью людей, этнической традицией, с художественным творчеством народа, культурно-языковым взаимовлиянием.

Календарные обряды отражают прежде всего годовой ритм хозяйственной деятельности, которая была довольно однородной во всем регионе и основывалась на взаимодействии горных районов, где практиковалось по большей части скотоводство отгонного типа или же комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, и низменных — земледельческих по преимуществу. Хлебопашество с течением времени все более возрастающими темпами занимало ведущее место в экономической жизни¹⁵. Виноградарство и садоводство весьма характерно для некоторых районов полуострова (недаром в его восточных областях зародился культ Диониса). Наконец, мореходство и морской промысел были развиты преимущественно среди греков и жителей Далматинского побережья.

В календарной обрядности современных балканских народов ясно выделяются черты, восходящие к древнейшему населению Балкан, не только дославянскому, но, возможно, и дофракийскому. Достаточно основательно прослежен древнейший субстрат, павший особенно ясное отражение в обрядах восточных романцев и южных славян, преимущественно в восточной части их ареала¹⁶.

Культура иллиро-фракийского населения развивалась в тесном контакте с культурой других народов Средиземноморья, прежде всего — греко-римского мира, и эти культурные контакты не менее активно продолжались и после расселения на Балканах славян. Ритуал христианской религии впитал чрезвычайно много представлений и церемоний из религий Восточного Средиземноморья. Персонажи священной истории контаминировали с образами иллиро-фракийской, древнегреческой, греко-римской и древнеславянской мифологии.

Игровая культура, музыкальное, песенное и танцевальное творчество народов Балканского полуострова близки между со-

сти восточных и южных славян.— Там же; Попович Ю. В. Сравнительный анализ некоторых обычаяев годового цикла у народов балканского и карпатского ареала.— В кн.: Общекарпатский диалектологический атлас: Лингвистический и этнографический аспекты. Кишинев: Штиинца, 1976.

¹⁵ См.: Демченко П. А. Связь традиционных форм пахотных орудий Молдавии и стран балкано-карпатского ареала.— БИ: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, [вып. 2].

¹⁶ См.: Зеленчук В. С., Попович Ю. В. Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов (XIX — начало XX в.).— БИ: Проблемы истории и культуры; Златковская Т. Д. О происхождении некоторых элементов кукерского обряда у болгар: К вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы.— СЭ, 1967, № 3; Она же. Следы древних индоевропейских верований в этнографии современных народов балкано-карпатского региона.— В кн.: Античная балканистика. М.: Наука, 1975, т. 2; Она же. К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев.— СЭ, 1978, № 3.

бой. Это обстоятельство явилось также не последней причиной значительного сходства обрядов.

Таковы общие проблемы балканской этнографии, которые решаются по преимуществу совместными усилиями коллектива этнографов-европеистов.

*

Остановимся на других темах.

Этногенетические проблемы на Балканах прослежены советскими учеными главным образом на материалах южных славян и восточных романцев. Новейшие решения этих проблем специалисты ищут и находят на стыке наук — антропологии, археологии, этнографии и языкоизложения.

Этногенетические процессы в Юго-Восточной Европе до славянского переселения рассмотрены в серии работ из области фракиологии. Основанные преимущественно на археологических материалах с привлечением данных древних авторов, они представляют для этнографии большой интерес, так как освещают исходные моменты этногенеза болгар и румын¹⁷. Ряд работ затрагивает вопросы этнической истории восточных романцев (румын и молдаван) и их связей со славянами¹⁸.

Общность происхождения славянских народов не вызывает сомнения. Вопрос ныне ставится так: какого рода общность представляют собою группы славянских народов — восточные, западные, южные? Выяснены исторические взаимоотношения древних культур (прослеживаемых археологами), которые были распространены на территории, ныне занимаемой славянами, изучены и интерпретированы палеоантропологические материалы¹⁹. Однако специалисты не считают вопрос о происхождении славянских народов решенным окончательно.

Антропологическими исследованиями установлено, что южные славяне в расовом отношении испытали большее влияние сосед-

¹⁷ Златковская Т. Д. К вопросу об этногенезе фракийских племен.— СЭ, 1961, № 6; *Она же*. Этнические процессы во Фракии во II—I тысячелетиях до н. э.— СЭ, 1964, № 5; *Она же*. Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1971; *Она же*. Особенности романизации земель между Балканами и Дунаем.— В кн.: Проблемы карпатского языкознания. М.: Наука, 1973.

¹⁸ См.: Рикман Э. А. Об ареале романизации населения северных низовий Дуная в первой половине I тыс. до н. э.— В кн.: Актуальные проблемы этнографии: Материалы комиссии этнографии 1972—1973. М.: Наука, 1973; *Она же*. О некоторых аспектах романизации населения северных низовий Дуная в первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1974; *Она же*. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века н. э. М.: Наука, 1976.

¹⁹ Александров В. А., Токарев С. А. Основные проблемы славянской этнографии.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

них народов, чем восточные и западные славяне. Естественно возникает вопрос о соотношении автохтонного населения Балканского полуострова и переселенцев-славян²⁰. Прежде всего обращает на себя внимание антропологический тип болгар. По антропологическим признакам они принадлежат к южной (средиземноморской) ветви европеоидной расы. Эта ветвь объединяет население Средиземноморского бассейна, Передней, частично Средней и Южной Азии и является, по-видимому, древнейшей формацией европеоидной расы вообще. Признаки средиземноморской ветви не представлены среди западных и восточных славян, это приводит к естественному выводу, что физический тип болгар и их язык складывались на разных основах: главный антропологический компонент восходит к местному населению, по-видимому, еще неолитического времени (частично этот компонент представлен и в Хорватии), а язык принесен славянами-мигрантами. Такая ситуация могла сложиться в том случае, если численность пришельцев была значительно ниже, чем местного населения, что и доказывается путем критического анализа письменных источников²¹.

Это утверждение относится и к другим областям Балканского полуострова, освоенным славянами. На территории современной Югославии имеет распространение другой южноевропейский антропологический тип — динарский, формирование которого относят к эпохе верхнего палеолита. Его признаки максимально выражены в высокогорных районах расселения черногорцев и албанцев; очевидно, в этих изолированных местах особенности верхнепалеолитического населения законсервировались и сохранились до сих пор²². Таким образом, славянские мигранты осваивали территорию Балканского полуострова весьма неравномерно. Они продвигались вдоль дорог, заселяли их окрестности, преимущественно низменные места²³.

Естественно, что переселение славян, длившееся не одно столетие, сопровождалось разнообразными межэтническими контактами, славяне испытывали влияние местных культур²⁴, а также местных языков (в частности, образовался так называемый балканский языковой союз, характеризующийся специфическим грамматическим строем).

²⁰ Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Этногенез славянских народов по данным антропологии.—В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973; Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян.—Там же.

²¹ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли..., с. 232—236; Там же см. библиографию и историю вопроса.

²² Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли..., с. 230.

²³ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли..., с. 230.

²⁴ Златковская Т. Д. Некоторые древнебалканские элементы в фольклоре и этнографии южных славян и восточных романцев.—В кн.: Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977.

Итак, «процесс этногенеза южнославянских народов есть процесс непрерывной генетической преемственности с местным населением, восходящим к эпохе неолита и даже, вероятно, более ранней, и перехода на славянскую речь в эпоху средневековья под влиянием сравнительно немногочисленных славяноязычных пришельцев»²⁵.

Межэтнические контакты, разумеется, продолжались и в дальнейшем. Интересной проблемой являются в этой области балкано-карпатские связи²⁶.

*

Советскими этнографами подробно разработан обширный комплекс проблем, связанный с семейно-родственными и общинными традициями народов Юго-Восточной Европы.

Известно, что в специальной литературе прошлого века, а отчасти и в начале нынешнего, классической сельской общиной признавалась русская община с характерной для нее системой передела земли. Южным славянам приписывали только семейную общину. Ошибочность этого взгляда доказал еще К. Маркс: он отметил универсальность общины, ее историческое место на грани перехода от первобытнообщинного строя к классовому, объяснил длительность ее существования в классово-антагонистических обществах²⁷.

История общинной организации, ее типология применительно к общим законам исторического развития человеческого общества разработаны в советской этнографической науке с большой полнотой²⁸.

Общинные традиции у народов Юго-Восточной Европы изучены этнографами-балканистами в последние два десятилетия. К изучению южных славян, традиционной теме для русской эт-

²⁵ Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Этногенез славянских народов..., с. 222.

²⁶ См., например: Карпатский сборник. М.: Наука, 1976; Гацак В. М., Рикман Э. А. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье.— В кн.: Этническая история и фольклор; и др.

²⁷ Маркс К. К критике политической экологии.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 19—20; Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 462—476. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 543—545; т. 19, с. 327—345, 543—545.

²⁸ Маргин Ю. В. Стадиальная типология общины.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: Наука, 1972, с. 165—173; Першиц А. И. Проблемы типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии.— В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклора и антропологии.— Труды / Ин-т этнографии АН СССР. Новая серия. М.: Наука, 1978, т. 102; Хазанов М. А. Община в разлагающихся первобытных обществах и ее исторические судьбы.— ВДИ, 1975, № 4, с. 5 и след.

пографии прошлого, прибавились в этот период работы по этнографии неславянских народов²⁹.

Известно, что в современной балканистике имеют место два взгляда на природу общинной организации. Некоторые ученые считают, что община, известная славянам в период расселения по Балканскому полуострову, исчезла в феодальную эпоху и вновь возникла после османского завоевания как самоуправляющаяся податная административная единица. Другие утверждают, что общинная организация продолжала существовать на протяжении всего обозримого периода истории.

Советские ученые отстаивают вторую точку зрения. Они отмечают живучесть общинной формы общественной организации, ее историческую универсальность.

В структуре сельской общины есть две особенности, каждая из которых содержит диалектическое сочетание противоречивых элементов. Первая особенность заключается в сочетании двух форм собственности на недвижимость — частной собственности (на Балканах в XIX в. таковая распространялась на усадебную землю, где находился жилой дом и хозяйственные постройки, пахотную землю, иногда, но не всегда, — покосные луга) и коллективной собственности (в ней находились пастбища, покосные луга, водные источники и водоемы, пустоши). В то время как предшествовавшие исследователи общины направляли внимание главным образом на систему землевладения и землепользования в земледельческих обществах, и прежде всего — на владение пахотными землями, советские этнографы-балкановеды обратили особое внимание на роль скотоводческого хозяйства: отгонное скотоводство болгар, черногорцев, албанцев было основано на коллективном пользовании пастбищами (которые в данном случае следует относить к категории основных средств производства), что вело к более длительному сохранению общинного уклада жизни. По мере того как главной отраслью хозяйства становилось земледелие и на первый план выдвигалось владение пахотной землей на основе частной собственности, ослабевали и общинные традиции.

Вторая особенность балканской общины — сочетание коллективов, основанных на соседских связях, и коллективов, основан-

²⁹ Общую библиографию вопроса в трудах историков и этнографов см.: *Иванова Ю. В.* Основные проблемы изучения сельской общины на Балканах в работах советских ученых.— VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1964. О сельской общине отдельных народов см.: *Маркова Л. В.* Сельская община у болгар в XIX в.; *Шихарева М. С.* Сельская община у сербов в XIX — начале XX в.; *Она же.* Общинные обычай в сербской деревне в XIX — начале XX в.— КСИЭ, 1960, т. 34; *Ivanova J. V.* Commune rurale des albanais (XVIII-début du XX siècle).— In: Recueils de la société «Jean Bodin», t. 45. Communautés rurales. Bruxelles (в печати). Об общине раннефеодального периода см.: *Липшиц Е. Э.* Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма.— ВВ, 1947, т. 1.

ных на принципах родства. Зачастую в составе сельской общины оказывались группы семейств, состоявших между собой в родстве. Компактное расселение родственников было характерно для Сербии еще в первой половине XIX в., в последующие десятилетия оно исчезло там почти повсеместно. Гораздо дольше оно сохранялось среди болгар и некоторых групп хорватов. Наиболее же заметны эти родственные объединения были в горных зонах Северной Албании и Черногории.

Очерченные здесь сложные переплетения разнохарактерных элементов в общественной жизни балканских народов дали пищу многочисленным спорам о природе общественных отношений. Историзм, положенный в основу работ советских ученых, дал возможность выявить сложную динамику общинной организации. За доступный историческому исследованию период она находилась в постоянном движении: древние общинные связи, основанные на принципах кровного родства, постепенно уступали место связям соседским; обе формы общинной организации зачастую существовали одновременно; в зависимости от конкретных исторических и естественногеографических условий в той или иной области Балкан превалировали то характерные черты родовой общины, то сельской (соседской), то выступали явственныеrudименты первобытнообщинного строя, то они почти полностью перекрывались порядками классово антагонистического общества.

Архаические формы семейного и общественного быта среди балканских народов, особенно жителей горных районов, сохранились сравнительно долго не только вследствие узкой хозяйственной базы, разобщенности отдельных районов в период господства Османской империи, но и имели внутреннюю психологическую причину: определенную приверженность к традициям (особенно в области общественной жизни и всех видов народного творчества), которые служили средством самовыражения народа, инстинктивной защитой национальных особенностей в обстановке тяжелого чужеземного гнета.

Древние общественные связи выявляются в результате анализа системы родства. Л. В. Маркова, опираясь на оригинальные полевые материалы, собранные ею в Болгарии, и на литературные данные по народам Югославии, выявила четыре системы родства и проследила их развитие³⁰. Большинство систем родства, известных специалистам преимущественно на основании литературных источников, ведут отсчет от определенной личности, от «Я» ('εγώ — греч.). Полевыми исследованиями обнаружены такие системы, в которых 'εγώ — центр липь небольшой группы родственников; термины, указывающие на более отда-

³⁰ См.: Маркова Л. В. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой.— В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973.

ленные родственные связи, соотносятся не с личностью, а с группой. В этих неэгоцентрированных системах родства отражается та древняя форма социальной жизни, когда индивид был растворен в коллективе. Выделение личности из группы — явление исторически более позднее³¹.

Непосредственная преемственность соседской общины от родовой, механизм сложения соседскообщинных отношений еще внутри родственных объединений накануне их распада под напором сил классообразования, индивидуализации хозяйства, вызревающей частной собственности на землю — все эти факты истории прослеживаются на основании различных источников. Их можно обнаружить путем анализа античных текстов и сопоставления с ними археологических данных³², изучения документов обычного права феодальной эпохи³³, а также путем ретроспективного анализа материалов, собранных при непосредственном этнографическом наблюдении³⁴.

Общие закономерности трансформации объединений по родственному признаку в территориальные объединения становятся особенно ясными при использовании сравнительно-исторического метода: при сравнении общественной жизни регионов, пространственно отдаленных, но сходных по особенностям общественных институтов, возникает возможность установить типологию изучаемых явлений. В этом отношении очень многое дает сравнительный анализ общественной жизни народов Балканского полуострова и Кавказа³⁵.

В XIX в. община в большинстве районов Балканского полуострова представляла собой тип общины-марки. Неравномерное социально-экономическое развитие в разных областях этого региона отразилось на процессе отмирания общины. Переломным моментом в жизни каждого народа было освобождение из-под власти Османской империи и становление национального государства. В Сербии, самостоятельная государственность которой

³¹ См.: Иванова Ю. В. Северная Албания: Общественная жизнь. М.: Наука, 1973, с. 92—95, 147, 149, 165 и др.

³² Златковская Т. Д. К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества: по фракийским материалам.— СЭ, 1970, № 5.

³³ Ivanova J. V. Kanun i Lekë Dukagjinit.— Buletin i Universitetit shëtëror te Tiranës. Seria shkencat shoqerore, 1960, N 2, f. 95—124.

³⁴ Иванова Ю. В. Родственные объединения на западе Балканского полуострова в их позднейших вариантах.— I конгресс балканских исследований: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1966; Она же. Северная Албания; Фрейденберг М. М. Родственные коллективы в Далматинской Хорватии в XI—XVI вв.— СЭ, 1967, № 1.

³⁵ Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа.— БИ: Проблемы истории и культуры; Она же. Северная Албания, с. 11 и др.; Ivanova J. V. La famille dans les institutions de clan chez les peuples montagnards de la péninsule Balkanique et du Caucase.— In: Actes du premier congrès international d'ethnologie européenne, Paris, 1973, p. 183—184.

оформилась до середины XIX в., капиталистические отношения проникли в деревню раньше, чем это произошло в Болгарии, обретшей независимость в 1878 г., и гораздо раньше, чем в Албании, освободившейся из-под власти Османской империи лишь в 1912 г.

Экономическое значение общины в жизни сербского крестьянства сошло на нет в 1880-х годах. Сельская община стала низшей административной единицей. В Болгарии она сохраняла свое значение дольше, но и там, как и в Сербии, имущественное, а затем и классовое расслоение разрушило общинные порядки. То же произошло в Средней и Южной Албании. В горных зонах Албании и Черногории еще в начале XX в. сельская община сохраняла внешний облик родовой: ее члены считали себя родственниками по мужской линии (хотя в действительности такое родство зачастую было фикцией)³⁶.

В период наиболее доступный для этнографического изучения на Балканах существовали две формы семьи: большая (затем, семьяная община) и малая (индивидуальная, инокосная). Первая форма, исторически более ранняя, была связана с системой родовых отношений³⁷, вторая, более поздняя, — с индивидуализацией хозяйства, становлением семьи как элементарной ячейки общества. Распад больших семей происходил под влиянием капиталистических отношений. Не случайно, например, после освобождения Болгарии они в большей степени сохранились в западных областях этой страны, более отсталых по сравнению с другими ее частями. В Албании семьяная община сохранялась дольше в горных районах, чем в равнинных³⁸.

Группы семей, возникавшие при сегментации или разделе семейной общины, сохраняли между собою единство по разным признакам: экономическим (совместное владение некоторыми видами имущества, совместный труд), локальным (совместное поселение), организационным (по некоторым внутренним вопросам), идеологическим (общая «слава» — праздник патрона-покровителя, иногда общее кладбище). Это «братьство» у хорватов и черногорцев, «вервь» в Полице, «племе» у паштровичей, «влазния» (братьство) у албанцев. Генезис, правовой статус и исторические судьбы этих общественных групп вызывали и вызывают много споров среди специалистов³⁹.

³⁶ Маркова Л. В. Сельская община у болгар..., с. 103—105; Шихарева М. С. Сельская община у сербов..., с. 191—193; Иванова Ю. В. Основные проблемы..., с. 8—9.

³⁷ Калоева И. А. Пережитки родового строя у южных славян в XIX — начале XX в.: Канд. дис. Архив Института этнографии АН СССР, 1950.

³⁸ Маркова Л. В. Сельская община у болгар..., с. 99—102; Шихарева М. С. Сельская община у сербов..., с. 145, 169—170; Иванова Ю. В. Северная Албания..., с. 87—96.

³⁹ Историю вопроса и библиографию см.: Фрейденберг М. К истории общин на Балканах.— ВВ, 1962, т. 21.

Советские этнографы видят типологическую близость названных групп у балканских народов с подобными же единицами, известными весьма широко и получившими обобщенное наименование патронимии⁴⁰.

Существование патронимий было предпосылкой возникновения долевого землевладения — одной из форм трансформации общинной собственности в условиях зарождающегося капитализма. В общей форме этот вопрос разработал П. В. Советов⁴¹. В условиях разложения большесемейных организаций происходило переплетение общинной и частной собственности: дольщик обладал правом собственности аллоидального характера, но эта собственность была не реальной, а выражалась в идеальных (условных) долях, которые могли быть так же свободно отчуждаемы, как и реальные земельные участки.

Л. В. Маркова открыла и подробно описала систему долевого землевладения в Родопском крае Болгарии, установила параллели с Полицей (Далмация)⁴².

Долевое владение недвижимостью может быть не только земельное: в Албании выделялись доли совладельцам оросительной канавы (срок пользования водой), мельницей, сукновальней⁴³.

Вопросы классообразования, становления государственности разрабатываются этнографами на основании различных материалов. Здесь могут быть привлечены сведения античных авторов, материалы археологии и нумизматики. На этой группе источников основаны исследования по истории фракийских племен⁴⁴. На основе анализа документов обычного права и на оригинальных этнографических материалах реконструирован механизм социального расслоения и классообразования в горной зоне албанского ареала⁴⁵. Обнаружено, что социальное расслоение опирало имущественное неравенство и служило одной из его предпосылок.

*

Как видим, отдельные темы балканской этнографии разработаны советскими специалистами неравномерно. Причиной этому

⁴⁰ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁴¹ Советов П. В. Проблема долевого землевладения в Европе.— В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1964. Там же. см. библиографию вопроса.

⁴² Маркова Л. В. Долевое землевладение в Родопском крае Болгарии (XIX—первая четверть XX в.) — СЭ, 1963, № 5, с. 69—82.

⁴³ Иванова Ю. В. Северная Албания..., с. 44, 46, 96 и др.

⁴⁴ Златковская Т. Д. К вопросу о возникновении государства у фракийцев.— Первый конгресс балканских исследований: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1966; *Она же*. Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен.— В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968, с. 291—319.

⁴⁵ Иванова Ю. В. Северная Албания..., с. 197—227.

не столько личные вкусы исследователей, сколько характер источников, которые находятся в их распоряжении.

Мало внимания уделялось до сих пор семье на Балканах — ее истории, внутренней структуре, семейным обрядам. Помимо суммарных характеристик, имеющих место в соответствующих главах в сериях «Народы мира» и «Очерки общей этнографии», осуществлены публикации лишь на основе анализа фольклорных текстов⁴⁶.

Среди вопросов, которые ждут своих исследователей,— этнография города. В то время как в советской и европейской этнографической науке бытовая культура городского населения привлекает все больший интерес (что соответствует указанной выше предметной сфере этнографии), эта тема остается почти совсем не затронутой ни учеными самих балканских стран, ни советскими балканистами.

В советской литературе появилась лишь одна работа о быте городского населения Болгарии — о семейных обрядах горожан⁴⁷. Автор ее — Л. В. Маркова — предлагает свою методику, разработанную на практике во время полевой работы в 13 городах Болгарии. В обычаях горожан, несмотря на большую, по сравнению с селом, подверженность внешним влияниям, можно проследить элементы, сходные с сельскими обычаями, и тем самым выявить общенациональные черты семейной обрядности.

Перед балканской этнографией стоят и другие, пока еще слабо затронутые проблемы. В настоящее время область этнографических исследований все более решительно перемещается в сферу духовной жизни народов: несомненно, этнический характер носят эстетические взгляды, этические убеждения, представления и знания об окружающем мире, народная медицина. В обрядах, совершаемых в различных жизненных ситуациях, в произведениях народного прикладного и профессионального искусства заключен синтез объективного развития общества и субъективного его восприятия. К этим вопросам этнографам-балканистам предстоит еще обратиться.

Советские этнографы-балканисты работают на основании единого принципа историзма, с помощью единой методики и по сравнимым программам. Поэтому в будущем возможно теоретическое обобщение накопленного материала: с одной стороны, это характеристики балканских этносов в их современном состоянии в эпоху социализма в свете современной постановки проблемы о сущности этноса, с другой — общая характеристика Юго-Восточной Европы как историко-культурной области.

⁴⁶ Десницкая А. В. К изучению албанского свадебного фольклора.— В кн.: *Philologica: Исследования по языку и литературе*. Л.: Наука, 1973; Иванова Ю. В. Отображение свадебной обрядности в албанском эпосе.— В кн.: *Фольклор и этнография*. Л.: Наука, 1974.

⁴⁷ Маркова Л. В. К изучению семейных обычаем болгарских горожан.— БИ: Проблемы истории и культуры.

Самостоятельная отрасль деятельности этнографов — историография. В различных изданиях публикуются критические обзоры научной литературы, разбор научных концепций, имеющих место в работах ученых балканских стран⁴⁸

*

Особая тема советской балканстики — изучение тех малых этнических групп, которые в разное время и по разным причинам оторвались от своих этнических ареалов, покинули их пределы и оказались на современной территории Советского Союза.

Наиболее старое по времени расселения — старожильческое греческое население современной Донецкой области УССР. Сюда греки переселились в конце XVIII в. из Крыма и 200 лет назад основали г. Мариуполь (ныне — Жданов)⁴⁹. Другие группы греческого населения на территории СССР пока детально не изучались⁵⁰.

В конце XVIII и в первой половине XIX в. из Юго-Восточной Европы в Россию переселялись группы рапийтов — православных подданных Османской империи. Среди них преобладали болгары и гагаузы, было небольшое число православных албанцев. Все они получили в России название «задунайские переселенцы». Культура их близка между собой, во-первых, вследствие совместной жизни в болгарских областях; во-вторых, вследствие

⁴⁸ См.: Иванова Ю. В. Buletin i Institutit tē shkencavet (обзор за 1948—50 годы).— СЭ, 1953, № 1; Будина О. Р., Иванова Ю. В. Проблемы этнографии в албанской научной печати.— СЭ, 1974, № 6; Маркова Л. В. Этнографическая наука в Народной Республике Болгарии.— В кн.: Этнография в странах социализма: Очерки развития науки. М.: Наука, 1975; Бромлей Ю. В., Кашиба М. С. Современная этнографическая наука в Социалистической Федеративной Республике Югославии.— В кн.: Этнография в странах социализма....; Рикман Э. А. Проблема этиогенеза в современной румынской этнографии: О древних источниках румынской народной культуры.— В кн.: Вопросы этногенеза и исторической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976; Фрейденберг М. М. Род и семейная община в югославской научной литературе за последние десять лет.— СЭ, 1972, № 2; Губогло М. Н. К вопросу о происхождении каракачан: Краткий обзор работ о каракачанах.— СЭ, 1966, № 4; Покшишевский В. В. Проблемы народонаселения Югославии и их освещение в трудах югославских ученых.— В кн.: Демографический анализ рождаемости: М.: Статистика, 1974.

⁴⁹ Подробнее см.: Иванова Ю. В. Хозяйственный быт греков Приазовья.— В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М.: Наука, 1971; Она же. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей: По материалам исследования греческого населения Донецкой области УССР.— СЭ, 1976, № 2; Будина О. Р. О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья.— В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М.: Наука, 1972.

⁵⁰ О расселении греков в России см.: Арш Г. Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX в.— СЭ, 1969, № 3; Волкова Н. Г. У греков Грузии.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии 1974 г. М.: Наука, 1975.

соседского или же чересполосного, или же смешанного расселения на юге России (в Буджаке, в современных западных районах Одесской области УССР, на юге Молдавии, в Приазовье, в современной Запорожской области УССР и в Крыму), в-третьих, как результат активного культурного и бытового взаимодействия⁵¹.

Болгары, живущие в СССР, всесторонне описаны Л. В. Марковой⁵². Исследовательница установила, что различные группы болгар — выходцы из разных районов Болгарии, не только сел, но и городов,— создали в Бессарабии общий комплекс бытовой культуры, в который вошли и этнические традиции их родины, и наиболее рациональные приемы хозяйства и устройства жизни, усвоенные в местах нового поселения.

Монографическое описание группы бессарабских болгар было предпринято украинским этнографом Л. А. Демиденко. Большое внимание автор уделила современному социалистическому быту болгарских сел, новым общественным традициям, сложившимся в среде колхозников⁵³.

В этнографии гагаузов наиболее интересной является проблема их происхождения. Этногенез и этническая история этой группы — тюркской по языку, православной по вероисповеданию, близкой к болгарам по культуре — вызывают большой интерес специалистов и множество различных, порою противоположных гипотез⁵⁴.

Советские этнографы довольно подробно изучили ту часть гагаузского населения, которая вместе с болгарами переселилась в пределы России во второй половине XVIII — начале XIX в. (другая часть гагаузов живет в северо-восточных областях Болгарии). Большое внимание обращается на те стороны культуры

⁵¹ Общее описание всех национальных групп Украинской ССР см.: *Науково В. И. Развитие межэтнических связей на Украине*. Киев: Наукова думка, 1975.

⁵² См.: *Маркова Л. В. Землепользование у болгар и гагаузов в Бессарабии в XIX в.* — В кн.: *Славянский этнографический сборник; Она же*. Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар между-речья Прута и Днестра.— *Известия па этнографския институт и музей*, София, 1968, т. XI; *Она же*. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР.— *Первый конгресс балканских исследований: Доклады советской делегации; Она же*. О влиянии смешанных браков на процесс ассимиляции национальных групп (болгары Закарпатья).— В кн.: *Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции языковых контактов*, М.: Наука, 1975; *Она же*. *Поселение и жилище болгар-переселенцев Бессарабии*.— КСИЭ, 1955, вып. 24; *Она же*. Типы болгарского жилища в Прутско-Днестровском междуречье.— В кн.: *Этнография и искусство Молдавии*. Кишинев: Штирица, 1972.

⁵³ *Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР: На материалах колхозов Болградского района Одесской области*. Киев: Наукова думка, 1970; *Она же*. Сватбата на българите в Болградски район (УССР).— *Българска етнография*, София, 1975, № 2.

⁵⁴ *Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов*.— СЭ, 1937, № 1; *Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов: Историография проблемы*.— СЭ, 1967, № 3.

и языка, которые могут пролить свет на проблему происхождения⁵⁵.

Исследователи пришли к выводу, что складывание гагаузской народности «происходило путем смешения различных этнических групп. Данные, которыми в настоящее время располагает наука, позволяют говорить, что предками гагаузов были кочевые тюрки, которые смешались с различными этническими группами балканского населения»⁵⁶.

Материальная и духовная культура гагаузов на территории СССР, их хозяйственный быт изучены также подробно⁵⁷. Особое внимание обращено на эволюцию жилого дома: от жилища типа землянки или полуземлянки, которое в первые десятилетия после переселения применительно к природным условиям Южной Бессарабии оказалось наиболее рациональным для всех задунайских переселенцев, до современного (сложившегося в основном в конце XIX в.) комплекса усадьбы из двух построек: одна для повседневных нужд семьи, другая — парадная, престижного характера (это своеобразная реакция на урбанизацию деревенского быта). Такой комплекс ныне сложился у многих народов Балкано-Дунайского ареала и Причерноморья независимо, без прямого заимствования, что говорит об общей закономерности развития сельского жилища в примерно одинаковых природно-климатических и в сходных социально-культурных условиях⁵⁸.

⁵⁵ См.: Губогло М. Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов.— В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1968; *Он же*. Гагаузская терминология по скотоводству.— В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М.: Наука, 1970; *Он же*. К вопросу о периодизации этнической истории гагаузов.— В кн.: Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М.: Наука, 1967; *Он же*. Гагаузская антропонимика как этнографический источник.— Советская тюркология, 1973, № 2; Дьяченко В. Д. Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР.— КСИЭ, 1953, вып. XIX; Курогло С. С. Личные имена у гагаузов.— В кн.: Историческая ономастика. М.: Наука, 1977; Покровская Л. А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов.— СЭ, 1974, № 1; Покшишевский В. В. Гагаузы юга Молдавской ССР.— В кн.: Памяти академика Л. С. Берга. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

⁵⁶ Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов: Историография проблемы, с. 167.

⁵⁷ Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время.— В кн.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1964; Марков Г. Е. Материалы по этнографии гагаузов.— КСИЭ, 1953, вып. XIX; Маркова Л. В. Землепользование у болгар и гагаузов...— Славянский этнографический сборник.

⁵⁸ Маруневич М. В. К истории гагаузского жилища на территории Бессарабии в XIX в.— В кн.: Материалы V конференции молодых ученых Молдавии: Общественные науки. Кишинев, 1967; *Она же*. Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР.— В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии; *Она же*. Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов в XIX и начале XX века.— СЭ, 1975, № 5; *Она же*. Некоторые обряды и поверья гагаузов, связанные с жилищем.— Изв. АН МССР, 1975, № 3.

Из области общественного и семейного быта наиболее разработаны темы: прошлое и настоящее гагаузской женщины⁵⁹, свадебная⁶⁰ и другая семейная обрядность⁶¹.

Современная культура гагаузских сел близка к болгарской, в той форме, в какой она сложилась в южных районах УССР и МССР, а также к молдавской⁶².

Пожалуй, следует говорить не о болгарской или гагаузской бытовой культуре на юге Украины, а о комплексной культуре бывших задунайских переселенцев, к которым принадлежат также и албанцы.

Эта небольшая группа живет в одном селе Одесской области и в трех селах Запорожской области УССР. По всей вероятности, в XVI—XVII вв. небольшое число православных семейств из окрестностей г. Корчи (на юго-востоке современной Албании) покинуло свои места и перешло в западное Причерноморье (восток нынешней Болгарии). Оттуда вместе с другими переселенцами в начале XIX в. албанцы перебрались в Бессарабию, а в 1860-х годах часть из них — в Приазовье. Навыки, приобретенные за время жизни среди болгарского массива на Балканах, и интеграционные процессы в многоэтнической среде на украинском юге сделали современную бытовую культуру албанской группы очень близкой к их непосредственным соседям — болгарам, гагаузам, молдаванам. Имеется несомненное влияние русской и украинской культур⁶³.

Наблюдения над культурой мигрантов дают возможность поставить в общей форме вопрос об устойчивости этнических тра-

⁵⁹ См.: *Курогло С. С., Филимонова М. Ф.* Изменение семейного положения гагаузской женщины за годы Советской власти.— В кн.: Материалы IX конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1975, с. 23—24; *Они же. Прошлое и настоящее гагаузской женщины*. Кишинев, 1976.

⁶⁰ См.: *Курогло С. С.* Изменения в гагаузской семейной обрядности.— В кн.: Материалы VIII конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1972, с. 63—64; *Он же. Свадьба и свадебный фольклор гагаузов*.— В кн.: Женщурыши спечий фольклориче. Кишинев, 1972, с. 149—167 (на молд. яз.); *Маруневич М. В.* К вопросу о пережиточных формах заключения брака у гагаузов.— Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 1965, № 1; *Она же. К вопросу об эволюции форм заключения брака у гагаузов*.— В кн.: Материалы IV конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1966; *Она же. Традиционные черты свадебной обрядности у гагаузов МССР*.— В кн.: Этнография и искусство Молдавии.

⁶¹ См.: *Курогло С. С.* Обряды, связанные с рождением ребенка.— Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 1972, № 2, с. 91—93; *Она же. Поминальные обычаи и обряды у гагаузов*.— Там же, 1975, № 3, с. 79—83; *Она же. Гагаузские обычаи, обряды и верования, связанные со смертью и похоронами*.— Там же, 1977, № 1, с. 88—90.

⁶² *Зеленчук В. С., Маруневич М. В.* Некоторые стороны процесса сближения культуры гагаузского населения МССР с культурами соседних народов.— В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии.

⁶³ *Державин Н. С.* Албанцы-арнауты в Приазовье.— СЭ, 1948, № 2; *Будина О. Р.* О некоторых обычаях при строительстве жилого дома.— В кн.: Новое в этнографии и антропологии: Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 г. М.: Наука, 1975.

даций: в каких элементах культуры наиболее четко проявляется этническая традиция, как соотносится она с процессами адаптации мигрантов в новой экологической и социальной обстановке и с культурными взаимовлияниями в национально-смешанной среде.

Исследование литератур балканских стран в Советском Союзе

Т. Г. БИТКОВА, Р. Ф. ДОРОНИНА, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
С. Б. ИЛЬИНСКАЯ, Г. Л. МАНЬКОВСКАЯ, М. В. ФРИДМАН *

В первое послевоенное десятилетие усилия исследователей литературы балканских народов были в основном направлены на освещение революционного и демократического наследия прошлого в литературах стран, региона и творчества отдельных, наиболее видных писателей. В центре внимания при этом находились мировоззренческие проблемы, поиск непосредственных связей творчества с конкретной действительностью. Менее злободневными представлялись в ту пору проблемы художественного своеобразия, стиля, творческого метода писателей. Многие сложные явления в литературах балканских стран и вовсе выпадали из поля зрения исследователей.

В 60—70-е годы перед литературоведением открылись возможности приступить к созданию обобщающей картины исторического развития литератур балканских народов как важнейшего условия понимания их современного состояния и новых задач.

Предстояло разработать общие принципы периодизации литературного процесса в странах балканского региона, выяснить ту особую роль, которую сыграло народное творчество и другие факторы в формировании национальных литератур, выявить и обосновать закономерности становления этих литератур в период формирования наций. Затем необходимо было проследить развитие и соотношение отдельных литературных течений, направлений, рассмотреть ряд других важных узловых явлений литературного процесса, прежде всего в XIX и XX столетиях, связанных с появлением новых литературных родов, жанров, с развитием творчества наиболее крупных художников слова, теоретиков литературы и т. д.

На основе этих исследований можно было затем проанализировать сущность революционных социалистических традиций

* Раздел об изучении албанской литературы в СССР написал Г. Л. Маньковской, болгарской — В. И. Злыдневым, греческой — С. Б. Ильинской, румынской — Т. Г. Битковой, югославской — Р. Ф. Дорониной. Введение и заключение принадлежит М. В. Фридману.

как итога гуманистических традиций каждой литературы, выявить значение этого синтеза для процесса создания литературы социалистического реализма. Так намечалось создание той прочной базы для типологических сопоставлений и характеристик, которая позволила бы, с одной стороны, развернуть комплексное сравнительно-историческое изучение отдельных явлений в пределах всего балканского региона и определить сущность общих особенностей литературного процесса, а с другой — вовлечь добывтье выводы в труды более широкого, проблемно-теоретического плана, охватывающие весь европейский и мировой литературный процесс.

Проблемы литературных связей и зависимостей как внутри региона, так и между ним и странами за его пределами обретали при этом первостепенную значимость.

Естественно, что в этой связи на передний план выдвигалась задача совершенствования самой методологии литературоведческих исследований в свете достижений других наук. Речь шла о разработке комплексного, системного подхода к явлениям литературы, о поисках новых возможностей включения литературоведения в широкий контекст общекультурной проблематики. Это предполагало вместе с тем и значительное расширение «жанрового диапазона» исследований.

Не надо забывать, что одновременно перед специалистами-балканологами стояла задача оперативной информации широких читательских кругов о достижениях балканских литератур, многие из которых развивались в условиях строительства социалистического общества. Для этого требовалось активное участие в выпуске учебных пособий, хрестоматий, антологий, в подготовке вступительных статей к изданиям переводов, рецензий, обзоров и т. д.

Конечно, такой обширный комплекс проблем возможно было решать лишь при наличии необходимых кадров специалистов. Были приняты меры по усилению подготовки литературоведов-балканистов на университетских кафедрах Москвы, Киева, Ленинграда, Львова, Кишинева, в научно-исследовательских учреждениях академий наук СССР, УССР, БССР, МССР, АзССР и др. Институт славяноведения АН СССР был преобразован в Институт славяноведения и балканстики и превратился в подлинный центр балканистических исследований.

Одновременно началась работа по значительному расширению базы научных исследований, по освоению фондов библиотек и архивов как в нашей стране, так и в странах балканского региона. Была развернута библиографическая работа, усилились связи и контакты с научно-исследовательскими учреждениями и учеными различных стран. Частыми стали в эти годы встречи специалистов, «круглые столы» и симпозиумы, издания совместных коллективных трудов и т. д.

Каковы же некоторые итоги этих двух десятилетий?

Начавшийся с конца 50-х годов новый этап изучения болгарской литературы отмечен ощущимой творческой «отдачей» специалистов, пришедших в литературоведение в послевоенный период. Появился ряд капитальных трудов, ставящих и решающих важные научные проблемы в истории болгарской литературы. Заметно окрепли в эти годы научные связи советских и болгарских исследователей, что позволило перейти к организации совместных симпозиумов, конференций, к изданию совместных коллективных трудов.

Научные усилия болгаристов сосредоточиваются в этот период на выявлении специфики литературного процесса и своеобразия творчества художников слова, на раскрытии сложных литературных явлений во всей их противоречивой сущности. Особое место в этом плане принадлежит коллективному обобщающему труду «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков¹», основными авторами которого были Д. Ф. Марков, Н. И. Кравцов, В. И. Злынцев, И. М. Шептунов.

В этой книге, впервые предлагающей марксистскую трактовку литературного процесса в Болгарии на протяжении ста с лишним лет, содержатся как обобщающие главы об отдельных этапах развития болгарской литературы, так и монографические разделы, посвященные творчеству наиболее значительных ее представителей.

Несомненным свидетельством роста теоретической и методологической мысли советских болгаристов является также создание коллективных исследований², представляющих серию трудов, посвященных важным теоретическим и историко-литературным проблемам. Наряду с упомянутыми выше специалистами авторами в этих изданиях выступили Е. В. Шпилевая, Г. Д. Гачев, В. Д. Андреев, Н. Н. Пономарева и другие исследователи.

Развитие советской болгаристики в эти годы было ознаменовано появлением ряда серьезных монографических исследований. Среди них прежде всего следует назвать работы Д. Ф. Маркова. В 1959 г. вышла его книга о болгарской поэзии первой четверти XX в.³, в которой давалась характеристика процесса развития болгарской поэзии и ее наиболее значимых представителей, таких, как Пенcho Славейков и Пейо Яворов, Христо Смирненский

¹ Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

² См.: Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке. М.: Наука, 1964; Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе. М.: Наука, 1966; Художественный опыт литературы социалистических стран. М.: Наука, 1967.

³ Марков Д. Ф. Болгарская поэзия первой четверти XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

и Гео Милев. Книга вводит читателя в сложный динамический процесс борьбы за реализм, трудного поиска революционными художниками путей к литературе социалистического реализма. В центре следующего труда Д. Ф. Маркова «О социалистическом реализме: История и современность»⁴ ставится проблема генезиса социалистического реализма. Она рассматривается в историческом аспекте (с 20-х до 60-х годов) с привлечением многих произведений современных болгарских авторов. В следующей работе Д. Ф. Маркова о генезисе социалистического реализма⁵ эта проблема находит решение на материале творчества писателей разных славянских литератур. Сравнительно-типологический принцип изучения творчества отдельных художников слова и характерных явлений позволяет прояснить своеобразие болгарской литературы и ее место в мировом литературном процессе.

С конца 50-х годов расширяется круг литературоведческих исследований, охватывающих разные историко-литературные периоды и использующих разные приемы анализа. В ряде новых работ наших видных ученых — Н. К. Гудзия («Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы» (1958), Д. С. Лихачева («Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (1958)⁶, «Древнеславянские литературы как система» (1968)⁷) — проблемы древнеболгарской литературы получили новое освещение в плане сопоставления с другими славянскими литературами и выявления их идеально-эстетической общности. Высоко оценены и в нашей стране, и в Болгарии работы Ю. К. Бегунова о «Беседе» Козьмы Пресвитера⁸. Определенный вклад в изучение раннего периода болгарского национального возрождения представляет работа А. Н. Робинсона о Паисии Хилендарском⁹. В соавторстве с П. М. Дылевским им же подготовлено «Жизнеописание» Софрония Врачанского в академической серии «Литературные памятники»¹⁰. Здесь, кроме оригинального текста и переводов, читатель найдет серьезную статью и подробные, тщательно подготовленные научные комментарии.

⁴ Марков Д. Ф. За социалистический реализм: История и современность. София: Български писател, 1964.

⁵ Марков Д. Ф. Генезис социалистического реализма. М.: Наука, 1970.

⁶ Обе работы опубликованы в кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁷ Опубликовано в кн.: Славянские литературы: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968.

⁸ Бегунов Ю. К. Козма Пресвiter в славянските литератури. София, 1973.

⁹ Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

¹⁰ Софроний Врачанский: Жизнеописание / Изд. подгот. П. М. Дылевский, А. Н. Робинсон. Л.: Наука, 1976.

Несомненные достижения имеются и в изучении болгарской литературы прошлого столетия. Здесь следует назвать монографии Л. В. Воробьева «Философские и социологические воззрения Л. Каравелова» (1962), «Л. Каравелов. Мировоззрение и творчество» (1963), специальные очерки и исследования Н. И. Кравцова (о П. Р. Славейкове), И. М. Шептунова (о Г. Раковском, Х. Ботеве, Л. Каравелове)¹¹, Г. Я. Ильиной (об А. Константинове)¹², В. И. Злыднева (о Вазове и его связях с русской литературой)¹³. Выявлению характерных тенденций в литературном процессе XIX в., исследованию процесса рождения художественного сознания в творчестве болгарских писателей первой половины XIX в. посвящен обобщающий труд Г. Д. Гачева¹⁴.

Большое внимание в эти годы уделяли наши исследователи болгарской литературе XX в., в особенности периоду после Октябрьской революции. В качестве опытов рассмотрения в более общем плане характерных тенденций современной болгарской литературы следует назвать книги Д. Ф. Маркова¹⁵ и Е. В. Шпилевой¹⁶. В очерке С. Савова «Героико-революционная драма в Болгарии»¹⁷ анализируются достижения крупнейших болгарских драматургов, главным образом 40—50-х годов, а в сборнике «Современные болгарские писатели»¹⁸ представлены литературные портреты наиболее значительных болгарских поэтов и прозаиков 20—60-х годов XX в. Общая картина состояния современной литературы Болгарии дополняется рядом статей и очерков В. Д. Андреева, Е. В. Шпилевой, В. А. Захаржевской, З. И. Карцевой о творчестве отдельных писателей и Н. Н. Пономаревой о современной болгарской драматургии.

К этим же годам относятся попытки систематического рассмотрения русско-болгарских литературных отношений. К числу таких работ следует отнести книгу Л. С. Ерихонова «Русское общество и болгарская литература»¹⁹. Интересны статьи по межславянским литературным отношениям в книге Н. И. Кравцова²⁰, а также монография и статьи В. И. Злыднева по литературным связям в XX в.²¹

¹¹ Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков.

¹² Литература славянских народов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 5.

¹³ Литература славянских народов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 6.

¹⁴ Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы: На материале болгарской литературы XIX в. М.: Наука, 1964.

¹⁵ Марков Д. Ф. Болгарская литература наших дней. М.: Наука, 1969.

¹⁶ Шпилевая Е. В. Героика и лирика. Киев: Наукова думка, 1968.

¹⁷ Савова С. Героико-революционная драма в Болгарии. М.: Наука, 1964.

¹⁸ Сучасні болгарські письменники: Літературні париси і портрети. Київ: Держлітвидав, 1962.

¹⁹ Ерихонов Л. С. Руското общество и българската литература: Очерци. София: Наука и изкуство, 1967.

²⁰ Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М.: Изд-во МГУ, 1973.

²¹ Злыднев В. И. Русско-болгарские литературные связи XX в. М.: Наука, 1964.

Знаменательно, что в этот период резко возрос интерес к болгарской литературе в национальных республиках Советского Союза. Появились работы не только на Украине и в Белоруссии, но и в Грузии, Армении, в Прибалтике и Средней Азии, причем немалое место уделено в этих трудах проблематике литературных связей (роль творчества Т. Шевченко в развитии болгарской литературы — работы Е. П. Кирилюка²², Е. В. Шпилевой²³, украинско-болгарские связи XX в.— статья В. А. Захаржевской; белорусско-болгарские отношения — в статьях В. И. Тимофеевой, Л. Е. Тимашковой, Н. С. Гилевича и других). Особое внимание уделяется современному литературному процессу в болгарской литературе, важным вопросам литературной жизни и творчества наших дней (работы В. А. Захаржевской о болгарской революционной поэзии, о традициях и новаторстве, образе коммуниста в болгарской прозе и др.²⁴). Историю болгарской поэтической ленинianы освещает в обзорной статье Т. В. Лапинская²⁵.

Молдавский историк К. А. Поглубко в книге «Христо Ботев и Россия»²⁶ выявил непосредственные связи мировоззрения Х. Ботева с русской общественно-политической мыслью. В результате поисков автору удалось по-новому осветить многие вопросы русско-болгарских революционных отношений в XIX в.

Опубликованные в 70-е годы труды дают основание утверждать, что исследования болгарской литературы получают все больший размах; свидетельство тому и более углубленная разработка кардинальных проблем с целью создания обобщающей картины литературного развития, и расширение диапазона «жанров» исследования. Прежде всего здесь следует назвать книгу Д. Ф. Маркова «Из истории болгарской литературы»²⁷, дающую широкое представление об особенностях болгарской литературы на протяжении целого века (с середины прошлого столетия и до наших дней). Вошедшие в книгу статьи с конца 40-х до начала 70-х годов свидетельствуют о многообразии интересов автора, о его внимании к различным аспектам литературного процесса в

²² Кирилюк С. П. Шевченко і слов'янські народи. Київ, 1958.

²³ Шпильова О. В. Т. Шевченко і болгарська література. Київ: Художня література, 1963.

²⁴ Захаржевська В. О. Болгарська революційна поезія 30-х—початку 40-х років ХХ с. Київ: Наукова думка, 1971; *Она же. Традиції і новаторство в сучасній болгарській поезії*.— Всесвіт, 1973, № 9; *Она же. Мужній характер сучасника* (образ комуніста в сучасній болгарській прозі).— Слов'янське літературознавство і фольклористика, Київ, 1975, вип. 10. Обзор українських изданий последних десяти лет содержится в Реферативном сборнике ИНИОН АН СССР «Художественная литература Болгарии в современных исследованиях болгарских и советских ученых» (М., 1977, с. 253—262).

²⁵ Лапинська Т. В. В. І. Лепін і болгарська література (1918—1970).— Українське слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 5.

²⁶ Поглубко К. А. Христо Ботев и Россия. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1976.

²⁷ Марков Д. Ф. Из истории болгарской литературы. М.: Наука, 1973.

Болгарии (периодизация литературы, реализм и романтизм в болгарской литературе конца XIX — начала XX в., генезис социалистического реализма, стилевые тенденции современного развития, вопросы марксистской эстетической мысли, проблемы литературных связей и др.). Именно такой многоаспектный подход позволил Д. Ф. Маркову раскрыть глубинные процессы формирования и развития литературы социалистического реализма и развить свое теоретическое положение о социалистическом реализме как исторически открытой системе художественных форм²⁸.

Углубленный анализ литературных явлений отличает в эти годы работы многих литературоведов. В этом отношении следует отметить книгу Н. Н. Пономаревой²⁹, в которой последовательно рассматривается судьба болгарской драматургии со времени сентябрьских событий 1944 г. до начала 70-х годов. Характеристика творчества болгарских поэтов содержится в книге А. Опульского³⁰, в которой на творчество отдельных поэтов прослеживаются как процессы развития лирической поэзии, так и некоторые явления лиро-эпических жанров. Не обойдены вниманием в эти годы и проблемы развития литературных течений. О путях становления литературы демократического единства и развитии реализма в болгарской литературе XX в. речь идет в монографии В. Д. Андреева³¹. Новым свидетельством внимания советских исследователей к проблемам литературных отношений стал двухтомный коллективный труд «Русско-болгарские фольклорные и литературные связи»³², подготовленный Институтом русской литературы АН СССР и Институтом литературы Болгарской академии наук. Приуроченный к национальному празднику болгарского народа — столетию освобождения Болгарии от османского ига, — труд этот представляет заметную веху на пути дальнейшего развития совместных советско-болгарских исследований в области литературных связей.

Проблемам болгарской литературы XX в. посвящены и многие статьи, опубликованные в научных сборниках и журналах. В них содержатся сведения о развитии марксистской литературной критики в Болгарии и процессах становления болгарской литературы Сопротивления (В. И. Злынцев³³), особенностях раз-

²⁸ Марков Д. Ф. Проблемы теории социалистического реализма. М.: Худож. лит., 1975.

²⁹ Пономарева Н. Н. Современная болгарская драматургия. М.: Наука, 1974.

³⁰ Опульский А. И. Современные поэты Болгарии. М.: Сов. писатель, 1975.

³¹ Андреев В. Д. Проблема реализма в болгарской литературе XX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.

³² Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: В 2-х томах. Т. I. Л.: Наука, 1976, Т. II. М.: Наука, 1977.

³³ В кн.: Формирование марксистско-ленинской критики в зарубежных славянских странах. М.: Наука, 1972; Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945. М.: Наука, 1972.

вития болгарского романа 60-х годов (З. И. Карцева³⁴), характеристика прозы 70-х годов (Н. Н. Пономарева³⁵).

Советские болгаристы создали ряд критико-биографических очерков о творчестве видных болгарских писателей. Следует отметить содергательную книгу В. Д. Андреева о выдающемся современном писателе³⁶ и очерк М. Я. Гольберга о классике болгарской литературы³⁷. Определенный научный интерес представляет сопоставительный анализ болгарской литературы и болгарской живописи XIX—XX вв. в статьях Б. А. Шайкевича³⁸. Несомненным достижением советских библиографов является издание ряда библиографических указателей, посвященных творчеству И. Вазова³⁹, Хр. Ботева⁴⁰, Елина Пелина⁴¹, Л. Стоянова⁴² (составителем этих работ является Л. П. Лихачева).

В 70-е годы было защищено девять диссертаций по различным проблемам болгарской литературы и болгаро-советских отношений. К этому надо добавить многочисленные рецензии на книги болгарских авторов, которые публикуются в периодической печати, а также работы более специального характера, выходящие в университетских изданиях. Для студентов неславянских отделений Д. М. Файнгелеринтом подготовлено учебное пособие⁴³, содержащее краткий очерк развития литературы межвоенного периода и послевоенного двадцатипятилетия.

Заметным событием советской литературной жизни стал специальный номер журнала «Вопросы литературы», посвященный болгарской литературе⁴⁴. Задуманный как своеобразная миниатюрная энциклопедия сегодняшней литературной жизни Болгарии, номер стал убедительным документом дружбы советской и болгарской литератур, тех тесных творческих связей, которые объединяют советских и болгарских писателей, критиков и литературоведов. Таким же убедительным свидетельством можно счи-

³⁴ В кн.: Роман в современных литературах южных и западных славян. М.: Изд-во МГУ, 1973.

³⁵ В кн.: Новые явления в литературе европейских социалистических стран. М.: Наука, 1976.

³⁶ Андреев В. Д. Георгий Караславов: Критико-биограф. очерк. Л.: Худож. лит., 1972.

³⁷ Гольберг М. Я. Іван Вазов: Життя і творчість. Київ: Дніпро, 1976.

³⁸ См.: Шайкевич Б. А. Литература и искусство болгарского Возрождения.— В кн.: Литература и образотворческое мастерство. Изд-во Кнїв. ун-та, 1971; Он же. Болгарская литература и живопись критического реализма конца XIX — начала XX века.— В кн.: Типологические соответствия литературы и изобразительного искусства. Київ — Одеса: Вища школа, 1975.

³⁹ Вазов И.: Библиографический указатель. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962.

⁴⁰ Ботев Х.: Библиографический указатель. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960.

⁴¹ Елин Пелин.: Библиографический указатель. М.; Книга, 1977.

⁴² Стоянов Л.: Библиографический указатель. М.: Книга, 1964.

⁴³ Файнгелеринг Д. М. Болгарская литература за 50 лет (1918—1968): Учеб. пос. для студ. 3—4 курсов филол. фак. Калинин, 1974.

⁴⁴ Вопросы литературы, 1971, № 12.

тать и выпущенный Институтом научной информации АН СССР и Центром научной информации Болгарской академии наук реферативный сборник «Художественная литература Болгарии в современных исследованиях болгарских и советских ученых»⁴⁵, в котором дан обзор важнейших страниц истории болгарской литературы, проблем современного художественного процесса и работ, посвященных литературным взаимосвязям двух народов.

Свидетельством растущего интереса советских критиков и литературоведов к достижениям культуры новой Болгарии являются, несомненно, и книги таких известных литературных критиков, как Б. Я. Брайнина⁴⁶ и В. Огнев⁴⁷. Представляя собой своеобразный сплав литературно-критических эссе и путевых заметок, написанных в свободном жанре размышлений и «раздумий в пути», книги эти дают возможность широкому кругу читателей ознакомиться с болгарскими историческими и культурными ценностями, с достижениями современных художников слова, с теми поисками, которыми означенован сегодня литературный процесс в дружественной Болгарии.

*

Одно из центральных направлений в изучении литератур народов Югославии в последнее двадцатилетие⁴⁸ связано с работой по созданию целостной характеристики исторического развития литературу югославских народов в XX в. Исследование было предпринято коллективом авторов Института славяноведения и балканстики АН СССР и составляло органическую часть работы литературоведов института в целом над обобщающими трудами по истории национальных литератур зарубежных славянских народов. В процессе работы над этим трудом авторскому коллективу пришлось решать ряд сложных проблем. Среди них — периодизация литературного процесса XX в. Общие принципы в этом вопросе, выработанные коллективом авторов, нашли отражение в ряде статей, в том числе в специально этому посвященной статье Г. Ильиной «Периодизация хорватской литературы XX века»⁴⁹. Развитие и соотношение отдельных направлений и литературных течений в югославских литературах конца XIX—XX в., место

⁴⁵ Художественная литература Болгарии в современных исследованиях болгарских и советских ученых: Реф. сб. М.: ИНИОН, 1977.

⁴⁶ Брайнина Б. Я. На старой Планине: Встречи с Болгарией. М.: Сов. писатель, 2-е изд., 1975.

⁴⁷ Огнев В. Пять тетрадей. М.: Худож. лит., 1975.

⁴⁸ Рамки статьи не позволяют углубляться в историю вопроса, в традиции и истоки, к которым восходит изучение литературу народов Югославии русской и советской славистикой более раннего периода. В этой связи см.: Злыднев В. И. Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917—1967).— ССЛ, 1967, № 5.

⁴⁹ Ilijina G. Periodizacija hrvatske književnosti XX stol.— Umetnost riječi, Zagreb, 1967, N 3.

ряда художников в национальной литературе и — шире — в рамках литератур данного региона — эти и многие другие вопросы привлекали внимание авторского коллектива. Результаты исследования в значительной степени отражены в статьях, опубликованных в ряде изданий, прежде всего в сборнике «Зарубежные славянские литературы. XX век» (1970).

Попытке создать целостную обобщающую характеристику югославских литератур в XX в. предшествовали и сопутствовали исследования отдельных узловых явлений литературного развития второй половины XIX—XX в., ведущих направлений этого периода, литературных родов и жанров, творчества крупных писателей. В связи с этим хотелось бы напомнить такие издания, как сборник статей «Из истории критического реализма в литературах народов Югославии» (1958), монография «Сербская сатирическая проза конца XIX — начала XX века» М. Богданова (1962), серия статей о сербской поэзии и прозе конца XIX — начала XX в. Р. Дорониной, о развитии сербской эстетической мысли во второй половине XIX — начале XX в. Ю. Беляевой, статьи о словенской поэзии Модерны и творчестве А. Ашкера М. Рыжовой, о хорватской драматургии того же периода А. Каллоши и др.⁵⁰ Следует упомянуть также книги А. Хватова⁵¹ и Д. Жукова⁵² о творчестве Бранислава Нушича.

Советских югославистов, как и советских литературоведов в целом, постоянно привлекали и продолжают привлекать революционные традиции в литературе. Эта тема отражена в статьях Е. Рябовой «К характеристике „социального реализма“ в словенской литературе (на материале прозы)»⁵³ и «Словенская революционная поэзия 20-х гг.»⁵⁴, Г. Ильиной «Революционная литература в Хорватии 20-х гг.»⁵⁵ и «Мирослав Крлежа и становление революционной литературы в Югославии»⁵⁶, Н. Яковлевой «Сражаяющаяся литература Югославии»⁵⁷ и «Антифашистский роман в хорватской литературе и других европейских литературах 30-х гг. в типологическом соотношении»⁵⁸, Н. Вагаповой «Начало югославского революционного театра (ранняя драматургия М. Крлежи)»⁵⁹, А. Каллош «Из истории хорватской

⁵⁰ См.: Литература славянских народов. М.: Изд-во АН СССР, 1960—1963, вып. 5—8. Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке; Критический реализм в литературах западных и южных славян. М.: Наука, 1965.

⁵¹ Хватов А. Бранислав Нушич. М.: Искусство, 1964.

⁵² Жуков Д. Бранислав Нушич. М.: Искусство, 1972.

⁵³ В кн.: Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян.

⁵⁴ См.: ССЛ, 1967, № 3.

⁵⁵ Жовтень і зарубіжні слов'янські літератури. Київ: Наукова думка, 1967.

⁵⁶ ССЛ, 1977, № 6.

⁵⁷ В кн.: Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945.

⁵⁸ Forum, 1972, № 3.

⁵⁹ ССЛ, 1974, № 4.

реалистической драмы 30-х гг.»⁶⁰, Ю. Беляевой о К. Рачине, М. Рыжовой о Жупанчице и Прежихове⁶¹, М. Бершадской о межвоенной словенской драматургии⁶² и в ряде других исследований. Под этим углом зрения рассматриваются и эстетика и критика межвоенного периода. Проблемам развития марксистской литературно-критической мысли в это время посвящены статьи Е. Рябовой «Становление марксистской критики в Словении в 20—30-х гг.» и М. Богданова «Развитие марксистской эстетической мысли в Сербии 30-х гг.»⁶³.

Опыт конкретно-исторических исследований по изучению югославских литературу создал объективные возможности для перехода к определенным типологическим сопоставлениям и характеристикам, к введению материала югославских литератур в работы сравнительно-исторического плана. Как одно из первых исследований подобного рода, можно привести доклад советских ученых на IV Международном съезде славистов в Москве о характере романтизма в славянских странах⁶⁴. Продолжая эту традицию, на VII съезде славистов в Варшаве сотрудниками Института славяноведения и балканстики АН СССР был предложен коллективный доклад о реализме в славянских литературах, в ряду которых нашли свое место и югославские⁶⁵. Материал югославских литературу включен в работу, выясняющую закономерности литературного развития и в более близкое нам время⁶⁶. Проблематика сравнительного изучения славянских литературу находится в центре литературоведческих исследований Н. И. Кравцова. Несомненный интерес для югославистики представляет его книга «Сравнительное изучение славянских литературу» (1973). Материал югославских литературу включен автором в главы, посвященные общим процессам и закономерностям исторического развития славянских литературу на разных, наиболее важных для них этапах (древняя литература, литература XVII и XVIII веков, эпоха романтизма и др.).

Обращение к типологическим исследованиям, к исследованиям сравнительного плана, призванным выявить общность в развитии того или иного явления на материале нескольких литератур и

⁶⁰ ССЛ, 1971, № 1.

⁶¹ В кн.: Зарубежные славянские литературы: XX век. М.: Наука, 1970.

⁶² Русская литература, 1959, № 4; Взаимосвязи славянских литературу. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.

⁶³ См.: Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М.: Наука, 1972.

⁶⁴ См.: Никольский С., Соколов А., Стажеев Б. Некоторые особенности романтизма в славянских литературах.— В кн.: IV Международный съезд славистов: Доклады. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

⁶⁵ Витт В., Ильина Г., Шерлаимова С. Реализм и его соотношение с другими течениями в западнославянских и южнославянских литературах конца XIX — начала XX в.— В кн.: VII Международный съезд славистов: Доклады. М.: Наука, 1973.

⁶⁶ Богданов Ю., Ильина Г., Хорев В. Общие тенденции развития антифашистской литературы.— ССЛ, 1975, № 3.

тем самым выделить его национальное своеобразие, сочетается в трудах последнего времени с дальнейшей все более тщательной разработкой конкретного историко-литературного материала. Одним из наглядных примеров может служить дальнейшее изучение советскими югославистами проблематики литературного развития конца XIX — начала XX в. как одного из наиболее ярких периодов в истории литератур народов Югославии. Среди работ этого плана следует назвать и подготовленную Институтом славяноведения и балканстики АН СССР книгу «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX в. Реализм и другие течения (1976)». Проблематика литературного развития конца XIX — начала XX в. ставится здесь на широком материале ряда славянских и балканских литератур. В эту книгу вошли три статьи по югославским литературам: «Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX — начала XX века» Е. Рябовой, «Хорватский роман в конце XIX — начале XX века» Г. Ильиной, «О некоторых разновидностях сербского реализма конца XIX — начала XX века» Р. Дорониной.

Книга, о которой идет речь, позволяет говорить об одной характерной особенности в изучении югославских литератур последнего времени: опыт этих литератур вышел за рамки чисто югославистских исследований и все чаще вовлекается в работы более широкого, нередко проблемно-теоретического плана, призванные осветить ту или иную сторону европейского литературного процесса. В этой связи следует напомнить один из первых трудов подобного рода — книгу Д. Ф. Маркова «Генезис социалистического реализма» (1970), в которой многие принципиально важные теоретические проблемы развития славянских литератур начала XX в. решаются на многообразном национальном, в том числе и югославском, материале.

Свидетельством серьезного интереса советских югославистов к другим, более ранним эпохам литературного развития стали работы Н. И. Кравцова, ленинградских ученых Г. И. Сафонова и К. А. Дмитриева, работы В. П. Зайцева, в частности его книга «Между львом и драконом. Дубровницкое Возрождение и эпическая поэма Гундулича «Осман»» (1969). Особенно следует выделить работы по дубровницко-далматинской литературе И. Н. Голенищева-Кутузова. Его книга «Итальянское Возрождение и славянские литературы⁶⁷ считается фундаментальным исследованием в этой области не только в советской, но и в зарубежной науке.

В последнее время заметно усилилось внимание исследователей к проблеме связей литератур югославских народов с русской литературой. Не имея возможности в рамках этой статьи даже перечислить все, что сделано в этом направлении, огра-

⁶⁷ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

ничимся как примером одной из последних работ — книгой, подготовленной совместными усилиями советских и югославских литературоведов «Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX века» (1975). Главный предмет исследования в этом труде составили многообразные связи между русской литературой и литературами народов Югославии в эпоху реализма. Являясь первым опытом совместной советско-югославской разработки этой проблематики, книга не могла охватить всего материала русско-югославских литературных связей по всем литературам народов Югославии. В ней рассмотрены лишь некоторые хотя и наиболее характерные явления обмена идеально-художественными ценностями между нашими народами. В ряде статей книги, принадлежащих советским ученым, анализируются вопросы восприятия литератур югославских народов в России. Эта проблематика продолжает интересовать советских исследователей. Одним из наиболее ярких тому свидетельств является фундаментальное исследование Ю. Беляевой «Литературы народов Югославии в России/последняя четверть XIX в. — начало XX в./» (1979).

Наконец, еще одно важное направление в исследованиях югославских литератур — изучение литературного процесса на современном этапе. В последнее десятилетие были опубликованы работы о классиках современной югославской литературы И. Андрич и М. Крлеже, о поэзии Десанки Максимович, о современной македонской прозе и современном сербском романе, о литературе периода народно-освободительной борьбы, о современном югославском театре и др.⁶⁸ В изучении современного литературного процесса, как и во всех иных случаях, заметно определяется сопоставительный аспект исследования. Одним из наиболее ярких примеров в этом отношении — работы Н. Яковлевой. В ее статьях «Социалистическая концепция личности и современный роман»⁶⁹, «Проблема личности в современном романе славянских

⁶⁸ См.: Яковлева Н. Человек и история в творчестве Иво Андрича. — В кн.: Критический реализм XX века и модернизм. М.: Наука, 1967; *Она же.* Стилевые черты современного исторического романа-эпопеи: Иво Андрич. — В кн.: Художественная форма в литературах социалистических стран. М.: Наука, 1969; *Она же.* М. Крлежа и возникновение революционно-пролетарской литературы в Хорватии. — В кн.: Пути реализма в литературах стран народной демократии. М.: Наука, 1965; Доронина Р. Поэзия Десанки Максимович. — В кн.: Зарубежные литературы и современность. М.: Худож. лит., 1970, вып. 1; Беляева Ю. Современная македонская проза. — В кн.: Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе; Яковлева Н. Людина в сучасному сербському романі (60—70 роки). — В кн.: Література правди и прогресу. Київ: Дніпро, 1974; Ваганова Н. В поисках героя — заметки о современной югославской драме. — В кн.: Зарубежные литературы и современность. М.: Худож. лит., 1973, вып. 2; *Она же.* Господа Глембай дома и в гостях. — Театр, 1976, № 8; *Она же.* «Голгофа» М. Крлежи. — Театр, 1977, № 11; Романенко А. Сверяя прошлое с будущим. — Литературное обозрение, 1975, № 11; и др.

⁶⁹ В кн.: Герой художественной прозы: Социалистические страны Европы. М.: Наука, 1973.

стран»⁷⁰, «Преемственность и обновление эпических принципов в современном историко-революционном романе»⁷¹ материал югославских литератур рассматривается в интернациональном контексте, что дает возможность определить общие закономерности современного литературного процесса, преломленные в национальной литературе.

Характерна в этом отношении и работа Г. Ильиной о развитии и обновлении в современной югославской литературе жанра «крупноформатного» романа-эпопеи⁷².

Естественно, что живые, развивающиеся литературные явления, творчество современных писателей находят освещение не только в собственно научных изданиях. О современной югославской литературе систематически публикуется разного рода информация — рецензии, обзоры, критические статьи в таких журналах, как «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», информационное издание «Современная литература за рубежом» и др. Среди постоянных авторов этих материалов югослависты и известные советские критики — А. Романенко, Н. Вагапова, Н. Яковleva, И. Радвolina, О. Кутасова, Е. Книпович, В. Огнев, Л. Аннинский. В последнее время на страницах наших журналов все чаще выступают по проблемам современного литературного развития и известные югославские литературоведы, критики, писатели (М. Лалич, Э. Кош, Р. Зогович, Ю. Мартинович, М. Бегич). Характерно в этом отношении такое издание, как сборник статей «Революционные традиции социалистической литературы», выпускаемый издательством «Художественная литература», в котором представлены и ученые социалистических стран.

Следует упомянуть и об участии югославистов в подготовке библиографических изданий⁷³.

Работа продолжается. Возникают новые проблемы и новые замыслы. Среди них и проблематика русско-югославских литературных связей, и — обращаясь к прошлому — исследования в области эпохи Просвещения и романтизма, и — обращаясь к нашим дням — осмысление опыта югославских литератур в рамках широкого задуманного исследования по литературам европейских социалистических стран после 1945 г.

⁷⁰ В кн.: Идейно-художественные особенности на современном литературен процесс. София, 1975.

⁷¹ См.: Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы. М.: Наука, 1977.

⁷² Ильина Г. Время романа: О романе-эпопее в югославской литературе.— В кн.: Новые явления в литературе европейских социалистических стран. М.: Наука, 1976.

⁷³ См.: Бранислав Нушич: Библиографический указатель / Сост. Л. П. Лихачева. / Вступит. статья Ю. Брагина. М.: Книга, 1965; Иво Андрич: Библиографический указатель / Сост. Л. П. Лихачева. Вступит. статья Р. Дорониной. М.: Книга, 1974.

Начало систематического изучения румынской литературы советскими литературоведами можно отнести к концу 50-х — началу 60-х годов, когда стали появляться исследования Ю. Кожевникова, М. Фридмана, Е. Двойченко-Марковой и других румыноведов. До этого сведения о румынской литературе встречались в основном во вступительных статьях к переводам румынской классики на русский язык и языки народов СССР или в рецензиях и обзорах, публиковавшихся в периодической печати. Позже статьи о румынской литературе стали публиковаться в журналах «Вопросы литературы», «Иностранная литература» и научных сборниках.

С конца 50-х годов вопросами румынской литературы XIX в. успешно занимается Ю. Кожевников. Интерес автора к румынскому романтизму, его генезису и особенностям нашел выражение в ряде статей и особенно в монографическом исследовании⁷⁴. Стремясь определить особенности румынского романтизма, место его в процессе литературного развития Юго-Восточной Европы, исследователь вводит в научный обиход понятие «романтизм национального возрождения». Слитность художественных форм классицизма, характерных для эпохи Просвещения, с эстетическими принципами романтизма, особое внимание к фольклору, насыщенность идеями национального освобождения и антифеодальной борьбы — таковы в концепции Кожевникова черты этого феномена. Проследивая судьбы румынского романтизма во второй половине XIX в., автор одновременно исследует вопросы, связанные с возникновением реализма в румынской литературе. Процессы эти, по мнению автора, происходят в 70—80-е годы, когда «романтизм национального возрождения», после революции 1848 г., переходит во вторую фазу своего развития, основным содержанием которой становится отрицание буржуазной действительности.

Утверждению литературы критического реализма в связи с процессом складывания румынской нации, значению крестьянской темы в литературе этого периода посвящена статья Ю. Кожевникова, опубликованная в 1974 г.⁷⁵ Попытку объяснить утверждение критического реализма особенностями ускоренного развития румынской культуры в XIX в. предпринял Ю. Заюнчковский⁷⁶.

⁷⁴ Кожевников Ю. Михаил Эминеску и проблемы романтизма. М.: Наука, 1968; Он же. Романтизм в румынской литературе 1830—1840 годов.— В кн.: Неизученные страницы европейского романтизма. М.: Наука, 1975.

⁷⁵ Кожевников Ю. Формирование румынской нации и становление реализма в румынской литературе.— В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М.: Наука, 1974.

⁷⁶ Заюнчковский Ю. Зарождение реализма в румынской литературе.— Вестн. МГУ. Сер. X. Филология, 1975, № 1.

Началу национальной драматургии, проблеме отбора и перевода пьес европейских авторов, первым театральным постановкам на родном языке в годы расцвета Филармонического общества в Бухаресте и Консерватории в Яссах, роли, которую сыграли в формировании национальной культуры традиции гражданского театра Аристии и исторические драмы Асаки, посвящена статья М. Фридмана⁷⁷.

Внимание ряда исследователей привлекло творчество И. Л. Караджале, замечательного драматурга, прозаика и очеркаста⁷⁸. Особенно следует отметить книгу И. Д. Константиновского, в которой сделана серьезная попытка раскрыть сущность караджалиевского юмора, реализма его крестьянских рассказов, особенностей его художественного мастерства⁷⁹.

В связи с изучением проблем развития румынской литературы XIX столетия необходимо отметить значение труда В. Н. Виноградова, посвященного общественной мысли в Румынии⁸⁰. В нем содержится принципиальная марксистско-ленинская оценка идеологических процессов, имевших самое непосредственное отношение к развитию литературы этих лет (идеологическая сущность таких течений, как «жунимизм», «семэнторизм», «попоранизм», роль критической концепции Т. Майореску и т. д.).

Среди ярких явлений литературы XX в. внимание советских исследователей привлекло прежде всего творчество Михаила Садовяну, художника, чьи произведения стали живым мостом между литературой критического реализма и литературой социалистической Румынии. Заметный вклад в раскрытие народности творчества писателя, значения крестьянской темы, связей Садовяну с «попоранизмом» внесла книга Ю. Кожевникова⁸¹. В работах М. Фридмана⁸² предложена новая концепция эволюции творчества румынского классика, позволяющая постичь закономерный характер перехода Садовяну на позиции социализма.

Роман межвоенного периода, несомненно, высшее достижение румынского критического реализма. В исследовании Е. Двойчен-

⁷⁷ Фридман М. В. Формирование репертуара в румынском театре 30-х годов XIX в.— В кн.: Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1976.

⁷⁸ См.: Чезза Л. Творчество Караджале. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1961; Садовник Ш. П. Гоголевские традиции в комедии И. Л. Караджале «Потерянное письмо».— Учен. зап. / Черновиц. ун-т. Сер. Филол. науки, 1961. Т. 43, вып. 12.

⁷⁹ Константиновский И. Д. Караджале. М.: Молодая гвардия, 1970.

⁸⁰ Виноградов В. Н. Очерки общественной мысли в Румынии (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1975.

⁸¹ Кожевников Ю. А. Михаил Садовяну. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁸² Фридман М. В. «Год Садовяну» и проблемы реализма в румынской литературе XX века.— В кн.: Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1976; Он же. Национальные и социальные мотивы в исторических произведениях Садовяну (1900—1944 гг.). БИ. М.: Наука, 1978. Вып. 3.

ко-Марковой⁸³, тщательно проанализировавшей произведения Л. Ребяну, М. Садовяну, Г. Пападат-Бенджеску, К. Петреску, Дж. Кэлинеску, Ч. Петреску и других румынских писателей, выявлена органическая обусловленность высоких достижений этого жанра тягой к социальному, пристальным вниманием авторов к проблемам общественного развития страны. Именно в этой особенности видит Е. Двойченко-Маркова основу перехода румынских писателей на позиции социалистического реализма.

Другой предпосылкой возникновения социалистического реализма в румынской литературе стало (как это показано в ряде исследований Ю. Кожевникова) творчество левых художников межвоенного периода — Александру Сахии, Иона Кэлугэрэу, Джоэ Богзы и других⁸⁴. Советский исследователь убедительно раскрыл ту роль, которую сыграла при этом прогрессивная эссеистика, художественная публицистика межвоенных лет, связанная прочными узами с эстетикой К. Доброджану-Гери и революционно-романтической поэзией конца XIX в. В работах Ю. Кожевникова нашла свое место и тема зарождения в румынской литературе межвоенного периода антифашистского протesta, отражения в произведениях ряда писателей антифашистских настроений.

Большое внимание советских ученых привлекали, естественно, проблемы становления литературы социалистической Румынии, особенностей ее развития, сущности ее наиболее ярких достижений. Одной из наиболее важных оказалась в этой связи проблема перехода виднейших представителей довоенной культуры Румынии на позиции социализма. Сложная эволюция таких художников слова, как М. Садовяну, К. Петреску, Т. Аргези, М. Бенюк и другие, была прослежена в исследованиях Е. Двойченко-Марковой, Ю. Кожевникова, М. Фридмана, И. Константиновского, Д. Файнгелеринта и других исследователей⁸⁵.

Что касается современных явлений литературы Румынии, то наряду с оперативными откликами на них, встречающимися на

⁸³ Двойченко-Маркова Е. Социальная тематика в румынском романе 30-х годов.— В кн.: Пути реализма в литературе стран народной демократии. М.: Наука, 1965.

⁸⁴ См.: Кожевников Ю. Становление социалистического реализма в румынской литературе и творчество Александру Сахии.— В кн.: Национальные традиции и генезис социалистического реализма. М.: Наука, 1965; *Он же*. Антифашистский протест в румынской литературе.— В кн.: Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945.

⁸⁵ См.: Двойченко-Маркова Е. Историческая тема и становление социалистического реализма в творчестве Камила Петреску.— В кн.: Национальные традиции и генезис социалистического реализма; Кожевников Ю. Два этапа освоении исторической темы (М. Садовяну — повесть «Соколы» и роман «Никоарэ Подкова»).— В кн.: Социалистический реализм в зарубежной литературе. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Фридман М. Прозрение истины.— ВЛ, 1977, № 12; Константиновский И. «Песнь человеку».— Новый мир, 1956, № 1; Файнгелеринт Д. Поэзия Михая Бенюка.— Учен. зап./ Калинин. гос. пед. ин-т, 1963, т. 36; Кожевников Ю. Современность и стихи Михая Бенюка.— В кн.: Художественная форма в литературах социалистических стран. М.: Наука, 1969.

страницах таких журналов, как «Иностранная литература», «Литературное обозрение», «Современная художественная литература за рубежом» и др., появилось в последнее время немало работ, в которых рассматриваются важные аспекты современного литературного процесса. Так, например, достижениям современной румынской поэзии посвятил ряд статей К. Ковальджи⁸⁶. Современный румынский роман рассматривался в статье И. Константиновского⁸⁷. О литературных дискуссиях 70-х годов и развитии прозы психологического реализма в румынской литературе писал М. Фридман⁸⁸.

Много и плодотворно трудится в области современной румынской драматургии Е. Азерникова, опубликовавшая ряд статей, посвященных проблеме развития драмы и комедии, их связей с лучшими традициями классики⁸⁹.

Важную главу науки о румынской культуре составляют, несомненно, исследования румыно-русских и румыно-советских связей. Вышедшие до сих пор работы свидетельствуют о наличии возможности для расширения этой области исследования и более глубокого выявления той исторической почвы, которая лежит в основе сегодняшних процессов сближения братских культур⁹⁰. Характеристики основных этапов развития румынской литературы второй половины XIX—XX в. даны в вузовских учебниках по истории зарубежной литературы⁹¹.

Заметным шагом в развитии этой все более расширяющейся исследовательской работы можно считать специальный номер журнала «Вопросы литературы», посвященный румынской литературе⁹². Здесь опубликованы интересные статьи советских исследователей о М. Садовяну (автор М. Фридман) и Т. Ардези (К. Ко-

⁸⁶ Ковальджи К. Румынская поэзия сегодня.— Современная художественная литература за рубежом, 1976, № 5; *Он же*. Годы и книги.— Новый мир, 1974, № 8.

⁸⁷ Константиновский И. Один год: Заметки о современном румынском романике.— ИЛ, 1969, № 8.

⁸⁸ Фридман М. Реализм, а не мифы.— В кн.: Новые явления в литературе европейских социалистических стран. М.: Наука, 1976.

⁸⁹ Азерникова Е. В полемике: Заметки о современной румынской драматургии.— В кн.: Вопросы театра. М., Изд-во ВТО, 1968; *Она же*. Плодотворное знакомство.— Театральная жизнь, 1973, № 12.

⁹⁰ См.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в. М.: Наука, 1965—1970. Т. 1—3; О румыно-русских и румыно-советских связях: Совместная сессия румынских и советских историков. Июнь, 1958. М.: Изд-во иностр. лит., 1960; Румыно-руssкие литературные связи второй половины XIX—начала XX в. М.: Изд-во АН СССР и Академии РНР, 1964; Двойченко-Маркова Е. М. Русско-румынские литературные связи в первой половине XX в. М.: Наука, 1966.

⁹¹ См.: Розенцвейг В. Румынская литература.— В кн.: История зарубежной литературы конца XIX—начала XX века. (1817—1917). М.: Изд-во МГУ, 1968; Фридман М. Общественная мысль и культура в 1918—1939 гг.— В кн.: История Румынии (1918—1970). М.: Наука, 1971; Фридман М. Румынская литература.— В кн.: История зарубежной литературы после Октябрьской революции. М.: Изд-во МГУ, 1978, ч. II.

⁹² См.: ВЛ, 1977, № 12.

вальджи), а также обширный обзор Л. Долгошевой о знакомстве советских читателей с произведениями румынской литературы. Весьма плодотворным оказался и «круглый стол» журнала, за которым румынские и советские специалисты обсуждали тему «Жизнь, творчество, реализм» преимущественно на материале современной румынской литературы.

*

В исследованиях советских авторов на сегодняшний день освещены лишь отдельные периоды развития албанской литературы. Краткий очерк состояния албанской литературы XV—XVI вв. написан Т. Ф. Серковой⁹³. В диссертации и других работах этого автора рассматривается поэзия итальянских арберешей (албанцев, проживающих на территории Италии) и проблемы албанского романтизма второй половины XIX в.⁹⁴ Исследование этих недостаточно изученных проблем Т. Ф. Серкова проводят на основе анализа творчества поэтов Иеронима де Рады, Гаврила Дары-Младшего, Зефа Серембы, Франческа Антона Сантори. Она освещает исторические основы возникновения романтизма в литературе итальянских арберешей, влияние на него поэтического опыта албанского фольклора, а также европейского прогрессивного романтизма, отражение в творчестве отдельных поэтов вследствие ускоренного развития литературы итальянских арберешей в XIX в. различных художественных форм — просветительско-классической, романтической, реалистической.

Проблемы развития литературы итальянских арберешей в XIX в. проанализированы А. В. Десницкой с точки зрения связей этой литературы с фольклором (итало-албанской по терминологии А. В. Десницкой)⁹⁵.

В работах советских албановедов содержится также общий обзор литературы и литературной критики в период национального возрождения в Албании (вторая половина XIX — первое десятилетие XX в.) и в 20—30-е годы XX в.⁹⁶,дается характеристика

⁹³ Серкова Т. Ф. Албанская литература.— В кн.: История всемирной литературы. М.: Наука, 1973, т. 3, вып. 7, с. 142—146.

⁹⁴ Серкова Т. Ф. Литература итальянских арберешей и проблемы албанского романсизма. 1836—1900: Автореф. канд. дис. М., 1971; Она же. Поэзия итальянских арберешей и проблемы албанского романсизма (1836—1900).— Первый конгресс балканских исследований: Сообщения советской делегации. М.: Наука, 1966.

⁹⁵ Десница А. В. Фольклоризм в итalo-албанской литературе XIX в.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1976, т. 35, № 1.

⁹⁶ Маньковская Г. Л. Издание и распространение переводов художественной литературы как один из факторов развития национальной культуры: На материале Албании, Болгарии, Югославии с середины XIX в. до 1944 г.: Автореф. канд. дис. М., 1970; Маньковская Г. Л. О национальной локализации в художественном переводе.— ССЛ, 1970, № 5; Маньковская Г. Л. К изучению вопроса о формировании албанской национальной культуры.— В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М.: Наука, 1974; Эйтней Г. И. Творчество Миддени. Изд-во ЛГУ, 1973.

ристика албанской партизанской поэзии периода антифашистского Сопротивления⁹⁷.

Большое место в исследованиях по албанской литературе занимает анализ творчества отдельных албанских писателей. Идейное содержание и художественные особенности творчества поэта-арбереша З. Серембе (1843—1901), направленного на пробуждение национального самосознания албанцев, характеризуются Т. Ф. Серковой⁹⁸. С точки зрения задач национального возрождения проанализированы Г. И. Эйнтрей пьеса родоначальника албанской национальной драматургии С. Фрашери «Беса» и Б. Соколовой переработка Яни Врето — видным деятелем албанской культуры поэмы Мухамеда Чамерийского «Эрвехея»⁹⁹. На основе рассмотрения художественных произведений и публицистических высказываний албанского писателя-демократа М. Грамено Г. И. Эйнтрей прослеживает эволюцию восприятия писателем ленинских идей о социализме, пролетарской революции, диктатуре пролетариата¹⁰⁰. Ряд работ Г. И. Эйнтрей посвящен творчеству классика албанской литературы, крупнейшего национального поэта, прозаика и публициста Мидьени¹⁰¹.

Внимание советских исследователей привлекла яркая личность Фана Ноли (1882—1965) — прогрессивного албанского политического и культурного деятеля, историка, писателя, драматурга, переводчика, литературного и музыкального критика. Н. Д. Смирнова — исследователь общественно-политической деятельности Ф. Ноли, специально обратилась также к анализу идеино-политического содержания его литературных произведений, используя собственные переводы стихотворений Ноли на русский язык¹⁰². В работах Г. Л. Маньковской на основе составленной ею библиографии литературных произведений Ф. Ноли и научных исследований о его творчестве предпринята попытка рассмотрения литературного творчества Ф. Ноли в многоаспектном плане — в тесной связи с его общественно-политическими и философскими

⁹⁷ Серкова Т. Ф. Партизанская поэзия в Албании.— В кн.: Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945. М.: Наука, 1972.

⁹⁸ Серкова Т. Ф. Лирическое начало и некоторые вопросы формы в поэзии З. Серембе.— Учен. зап. / Ленингр. ун-т, 1970, № 343. Сер. филол. наук, вып. 73.

⁹⁹ Эйнтрей Г. И. Национально-патриотическая драма С. Фрашери «Беса» как воплощение социально-этических идей Рилиндье конца XIX в.— Вестн. ЛГУ, 1977, № 14. Сер. ист., яз., лит., вып. 3: Соколова Б. Поэма Мухамеда Чамерийского «Эрвехея» в переработке Яни Врето.— Учен. зап. / Ленингр. ун-т, 1970, № 343. Сер. филол. наук, вып. 73.

¹⁰⁰ Эйнтрей Г. И. Албанский писатель-демократ М. Грамено и его восприятие идей В. И. Ленина.— Вестн. ЛГУ, 1970, № 8. Сер. ист., яз., лит., вып. 2.

¹⁰¹ Эйнтрей Г. И. О природе поэтических символов в творчестве Мидьени.— Учен. зап. / Ленингр. ун-т, 1970, № 343. Сер. филол. наук, вып. 73; Эйнтрей Г. И. О раннем творчестве Мидьени и некоторых тенденциях в албанском литературоведении последних лет.— Вестн. ЛГУ, 1964, № 14. Сер. ист., яз., лит., вып. 3; Эйнтрей Г. И. Творчество Мидьени...

¹⁰² Смирнова Н. Д. Албанский «красный епископ» Фан Ноли.— ННИ, 1973, № 3.

взглядами, с работами исторического и музыковедческого характера; особое внимание обращено на изучение спорных вопросов: отношение Ф. Ноли к философии Ницше, к религии, к буржуазному обществу, к поведению революционной власти после свержения тирании в отношении контрреволюции¹⁰³.

Предметом изучения советскими исследователями явились и русско-албанские литературные связи. В монографии П. М. Попова освещается отражение албанской тематики в русской и украинской литературах на малоизвестном материале XV—XX вв., в том числе архивном¹⁰⁴. Комплексный характер приобрело исследование советскими албановедами некоторых сложных, до сих пор не решенных проблем албанского фольклора.

В 1971 г. на русском языке было опубликовано второе исправленное издание сборника «Старинные албанские сказания», снабженное предисловием Д. С. Самойлова и примечаниями Ю. В. Ивановой¹⁰⁵. Изучение спорного вопроса о времени возникновения богатырского цикла, исторических событиях, нашедших в нем отражение, и его соотношении с боснийским эпическим циклом оказалось на стыке фольклористики, языкоznания, этнографии. А. В. Десницкая, анализируя сюжеты богатырского цикла и формы устной речи североалбанских горцев¹⁰⁶, и Ю. В. Иванова в историко-этнографическом исследовании брачно-правовых норм¹⁰⁷ приходят к одинаковым предположениям о времени и месте создания цикла и характере временных на пластований в нем.

Опубликованные в 60—70-е годы работы советских исследователей посвящены также общим вопросам албанского устного народного творчества¹⁰⁸, албанскому свадебному фольклору¹⁰⁹, языковедческим проблемам албанской волшебной сказки¹¹⁰.

¹⁰³ Маньковская Г. Л. Литературное творчество Фана Ноли: Критико-библиографическое исследование.— III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы: Доклады и сообщения советской делегации. М.: Наука, 1974; *Она же. Проблемы изучения литературного творчества Фана Ноли*.— *Etudes balkaniques*, Sofia, 1975, N 1.

¹⁰⁴ Попов П. М. Албанія в російській та українській літературах XV—XX ст.— В кн.: З історії міжнародних літературних зв'язків. Київ, 1969.

¹⁰⁵ Старинные албанские сказания / Пер. с алб. М.: Худож. лит., 1971.

¹⁰⁶ Десницкая А. В. Наддиалектические формы устной речи и их роль в истории языка. Л.: Наука, 1970; *Она же. О боснийско-албанских связях в области эпической поэзии: Вопрос о соотношении боснийского и албанского эпических циклов «Муйо и Халиль»*.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1973.

¹⁰⁷ Иванова Ю. В. Отображение свадебной обрядности в албанском эпосе.— В кн.: Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1974.

¹⁰⁸ Иванова Ю. В. Албанцы.— В кн.: Народы зарубежной Европы. М.: Наука, 1964, т. 1.

¹⁰⁹ Десницкая А. В. К изучению албанского свадебного фольклора.— В кн.: *Philologica: Исследования по языку и литературе*. Л.: Наука, 1973.

¹¹⁰ Цывьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке: На материале албанской сказки.— В кн.: Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975.

Систематическая работа по переводу и изучению современной греческой литературы в СССР ведется сравнительно недавно — с конца пятидесятых годов.

Первыми литературоведческими статьями, посвященными литературе новой Греции, явились предисловия к изданиям произведений современной греческой прозы и поэзии.

Интересный исторический очерк новой греческой литературы написал для Краткой литературной энциклопедии Д. Спатис¹¹¹. Отметив, что истоки новогреческой литературы стали оформляться в поздний период Византии, исследователь предложил аргументированную периодизацию литературного процесса: период турецкого ига (XV — начало XIX в.); период национально-освободительного движения (конец XVIII — начало XIX в.); литература после образования греческого государства (30—80 годы XIX в.); литература конца XIX — начала XX в.; литература между двумя мировыми войнами (1918—1939); литература Сопротивления и послевоенного времени. Автор успешно обобщил результаты исследований, предпринятых зарубежным и в первую очередь греческим литературоведением. Его трактовка ряда важных проблем изучения новогреческой литературы, например, проблемы становления реализма, отличается несомненной самостоятельностью и представляет научную ценность.

Обзор греческой литературы за минувшие полвека предпринят в монографии Я. Мочоса «Современная греческая литература»¹¹². Отдельные главы монографии посвящены выдающимся греческим поэтам XX века К. Кавафису, К. Варналису, Г. Сеферису и Я. Рицосу. Творчество лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Костаса Варналиса стало темой работы Я. Мочоса «Костас Варналис и литература греческого Сопротивления»¹¹³. Ему же принадлежит статья о поэзии греческого Сопротивления «Пусть тёмен горизонт, но близок час рассвета»¹¹⁴.

Этапы и проблемы развития литературы Сопротивления рассматриваются и в монографии С. Б. Ильинской «Поэзия Сопротивления в послевоенной Греции. Судьба одного поколения»¹¹⁵. Воссоздавая эволюцию послевоенной греческой поэзии, автор

¹¹¹ Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1964, т. 2, с. 350—360.

¹¹² М.: Наука, 1973.

¹¹³ М.: Высшая школа, 1968.

¹¹⁴ В кн.: Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945. М.: Наука, 1972.

¹¹⁵ М.: Наука, 1973.

стремится показать, как в меняющейся исторической обстановке традиции антифашистского Сопротивления остаются живым настоящим национальной литературной жизни, обогащаются новым нравственным и эстетическим опытом. В выразительной и характерной эволюции молодого поэтического поколения (Т. Ливадитис, М. Анагностакис, Т. Патрикиос, К. Киру и другие) автор видит воплощение послевоенной судьбы греческого Сопротивления.

Особую актуальность эта тема получила в период военной диктатуры в Греции (1967—1974). Она нашла отражение в статьях Мицоса Александрапулоса «Когда страною правит гибель», «Греция: фашизм и судьбы послевоенной культуры»¹¹⁶ и С. Ильинской «Поэзия Сопротивления. Тасос Ливадитис и послевоенная трагедия Греции», «...Поднять над Элладою солнце!» (Греческая литература Сопротивления), «Поэзия, отождествленная с надеждой», «Поэзия непрекращающегося Сопротивления», «Фермопилы современной греческой поэзии»¹¹⁷.

Все больший интерес исследователей привлекает к себе творчество выдающегося греческого поэта Янниса Рицоса, удостоенного в 1977 г. международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». В художественных свидетельствах его поэзии запечатлен путь поисков, страданий и борьбы греческого народа почти за полвека его новейшей истории, воплощены самые существенные черты этой бурной эпохи, ее психологический строй и нравственный опыт. В 70-е годы в СССР опубликован ряд статей, посвященных творческому пути Янниса Рицоса: Т. Чернышева «Тень горы над Элладой», С. Ильинская «Греция Янниса Рицоса», «Время в свидетельствах поэта», М. Александрапулос «Яннис Рицос сегодня»¹¹⁸, а также отдельным поэмам и циклам его стихотворений: В. Соколюк «Сборник Я. Рицоса «Макронисиотика» («Каменное время»), С. Ильинская «Я. Рицос. «Тиресий»» и «Я. Рицос. «У входа»»¹¹⁹.

Большой интерес предстаивает перспектива изучения греческой литературы в составе региона Центральной и Юго-Восточной Европы, что будет способствовать выявлению типологической общности в процессе развития этих литератур. Первый шаг в этом направлении сделал коллективный сборник Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященный судьбам реализма в зарубежных славянских и балканских странах «Лите-

¹¹⁶ См. соответс.: Литературная газета, 1967, 15 нояб.; ИЛ, 1968, № 6.

¹¹⁷ См. соответс.: ИЛ, 1969, № 7; 1970, № 2; Современная литература за рубежом. М.: Сов. писатель, 1971, вып. 3; Всеесвіт, 1971, № 1; ИЛ, 1972, № 2.

¹¹⁸ См. соответс.: Всеесвіт, 1972, № 7; Я. Рицос. Избранное. М.: Прогресс, 1973; Я. Рицос. Свидетельства. Рига: Лиесма, 1977 (на латв. яз.); ИЛ, 1975, № 10.

¹¹⁹ См. соответс. Вестн. Киев. ун-та, 1975, № 17; Современная художественная литература за рубежом. М.: 1976, № 5; 1977, № 5.

ратура славянских и балканских народов конца XIX — начала XX вв.»¹²⁰. В него вошла статья С. Б. Ильинской «Константиос Кавафис. К проблеме становления метода», исследующая формирование поэтической манеры выдающегося греческого поэта, становление в его творчестве реалистического метода.

*

И в заключение несколько выводов.

Представленный здесь далеко не полный обзор работы по исследованию литературного процесса в странах балканского региона дает основание утверждать, что два последних десятилетия явились важным этапом в изучении литератур балканских народов. Накоплен огромный фактический материал, сделаны важные выводы, намечены перспективные пути продолжения исследований.

Прежде всего следует подчеркнуть, что исследовательская работа проводилась в эти годы с учетом необходимости оптимального сочетания дифференцирующего и обобщающего подходов, углубленного изучения отдельных аспектов и проблем и комплексного охвата литературных явлений. Этому содействовало усиленное внимание ученых к закономерностям творческого процесса в его органической связи с общественным развитием. Учитывались не только авторская индивидуальность художника, не только процессы воплощения замысла в художественном произведении, но и особенности реализации его коммуникативных функций, единство субъективной нацеленности писателя и объективной ценности его творений. Достоинства такого подхода сказались и при комплексных исследованиях в рамках одной страны, позволивших глубже понять специфику литературных процессов во всем регионе (особая роль фольклора, национальных традиций, национального самосознания и т. д.), особенностей утверждения отдельных направлений, развития тех или иных видов жанров.

Положительным фактом является усиление внимания к проблеме культурных связей между странами региона и этих стран с Советским Союзом, как важнейшего средства выявления путей сближения литератур в прошлом и настоящем. Однако, в этой области предстоит сделать еще многое, дабы с научной убедительностью, во всеоружии фактов показать, каким образом возникли исторически сходные концепции литературного развития, своеобразные черты направлений, стилей, жанров. Только тогда предстанет в истинном свете тот богатейший и столь важный опыт, который предлагают балканские литературы с точки зрения закономерностей мирового литературного процесса.

¹²⁰ См.: Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века. М.: Наука, 1976.

Следует признать весьма оправданным сосредоточение усилий исследователей на таких узловых проблемах развития литературы региона, как «литература эпохи формирования нации и национальной культуры», «проблемы реализма», «формирование революционной, социалистической литературы» в той или иной стране региона и т. д.

Заметно обогащается и арсенал исследовательских средств тех ученых, которые все более решительно включают литературоведческий материал в общекультурную проблематику, с полным основанием рассматривая литературу как составную часть той сложной целостности, которую мы называем культурой. Стремясь понять и показать место литературы в том соотношении элементов целостности, которую представляет культура той или иной страны на определенном этапе ее развития, ученые раскрывают новые аспекты литературного процесса, более обоснованно аргументируют закономерности его развития. Приходится, однако, констатировать, что в этом смысле мы находимся пока еще в начале пути. Научно обоснованное раскрытие сущности литератур балканских народов как составной части их культур — задача ближайшего будущего.

При этом приходится помнить постоянно, что современное литературоведение — фронт острой идеологической борьбы. Выводы советских исследователей-балкановедов по тем или иным проблемам развития литературы разрабатываются в бескомпромиссной полемике с буржуазными концепциями, пытающимися подчеркнуть превосходство одной культуры над другой и направленными на разъединение народов. Показывая объективную несостоительность подобных концепций, наша наука служит делу борьбы за общечеловеческий прогресс, за умы и сердца людей, мечтающих о мире и подлинном расцвете духовной жизни.

Лингвистическая балканистика в СССР

(Современные балканские языки)

Т. В. ЦIVЬЯН

Вопрос о возникновении и развитии лингвистической балканистики в нашей стране сам по себе достаточно сложен — из-за трудности точного определения ее предмета. Строго говоря, к собственно балканистике следует относить проблематику, которая концентрируется по преимуществу вокруг введенного в 1931 г. Н. С. Трубецким понятия *Sprachbund'a*, давшего, прежде всего

для «балканского языкового союза» (БЯС), возможность выхода за пределы сравнительно-исторического метода и применения типологического подхода для описания системных контактов между родственными и неродственными языками. Теория языковых союзов, разрабатывавшаяся в Пражском лингвистическом кружке (прежде всего Р. Якобсоном, Б. Гавранком и другими), открыла новое поле для языковедческих исследований. Начало лингвистической балканстики как самостоятельной теоретической дисциплины датируется, таким образом, 30-ми годами. До этого времени речь может идти, скорее, о своего рода «предбалканстике». Лингвистическая балканстика остается едва ли не единственной в своем роде дисциплиной, где весьма жесткое определение задач (системные соответствия балканских языков) имплицирует не просто соприкосновение с другими областями, но необходимость использования их данных; поэтому в широком смысле к балканстике относятся анализ отдельных балканских языков и диалектов, соответственно славистика, романистика и вообще индоевропеистика, тюркология, не говоря об общей типологии, теории языковых контактов, лингвогеографии и т. д. В данной статье сочетено целесообразным рассматривать только собственно балканстические работы, т. е. такие, в которых либо проводится сопоставительный анализ нескольких балканских языков в аспекте БЯС, либо монографическое описание языка или диалекта ставится в соответствие с общебалканстическими процессами (при этом учитываются главным образом описания языков и диалектов на территории Балкан). Принятый подход определяет и хронологические рамки описания: оно начинается 50—60-ми годами, когда балканстика не только у нас, но и в зарубежном языкоизании после долгого затишья как бы пробудилась и получила новые перспективы для своего развития.

Возвращаясь к «предбалканстике» в первую очередь следует назвать имя А. М. Селищева¹, который в своих трудах по македонской диалектологии, по выявлению славянского слоя в албанском рассматривал языковый материал в аспекте иноязычных влияний, вызывающих инновации в его лексической и грамматической структуре (не говоря о широком историческом и этнографическом подходе). Исследование им вопросов славяно-албанского взаимодействия (см., в частности, составление диалектологической карты славянской топонимики Албании) явилось началом нашей албановедческой традиции, которая разрабатывалась

¹ Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918; *On же. Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques: un balkanisme ancien en bulgare.— Revue des études slaves*, 1925, V; *On же. Полог и его болгарское население. София, 1928; On же. Славянское население в Албании. София, 1931*. О Селищеве см.: *Бернштейн С. Б. Селищев — балкановед.— Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ, 1947, вып. 4*. См. также статью М. В. Никулиной.

Н. С. Державиным² и продолжается в настоящее время А. В. Деницкой, ее группой и другими балканистами.

Изучение славяно-романских контактов входило в круг интересов В. Ф. Шишмарева³ и М. В. Сергиевского⁴ (ему принадлежит также заслуга в изучении новогреческих говоров на территории СССР). Обращаясь к вопросам формирования литературных румынского и молдавского языков и, следовательно, к вопросам дивергенции близкородственных языков, к славяно-романскому взаимодействию и — шире — вообще к анализу романского элемента в контакте с нероманским, Шишмарев и Сергиевский внесли значительный вклад в изучение балкано-романских языков в аспекте многоязычных влияний, в частности славянских.

Славяно-туркским взаимодействиям был посвящен ряд работ Н. К. Дмитриева⁵, высказавшего ценные наблюдения относительно славянского влияния на грамматическую систему тюркских языков и диалектов на Балканах. Изучением славяно-туркского взаимодействия начались балканистические исследования С. Б. Бернштейна (1934 г., канд. дис. на тему «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII—XVIII веков»⁶, затем распространявшиеся на анализ славяно-романских (и шире — славяно-балканских) контактов, на вопросы ареальной типологии, в частности разработки лингвистического атласа БЯС, связанные с этим проблемы карпатистики и т. д.⁷

² Державин Н. С. Албановедение и албанцы. Л., 1928; Он же. Албанцы на Украине.— СЭ, 1948, № 3. См. также: Бернштейн С. Б. Академик Н. С. Державин.— Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ, 1948, вып. 6.

³ Шишмарев В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР.— В кн.: Вопросы молдавского языкоznания. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Он же. Научное наследие. Романские поселения на юге России. Л.: Наука, 1975; Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в архиве АН СССР / Сост. М. П. Бородина и Б. А. Малькевич. М.; Л.: Наука, 1965, № 6. Балканороманские языки.

⁴ Сергиевский М. В. К истории создания литературного языка в Румынии.— Учен. зап. / Ин-т русск. яз. и лит. М., 1928, т. III, Лингв. секц. Он же. Марпурольские греческие говоры.— Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1934, № 7; Он же. Молдавские этюды. М., 1936; Он же. Молдавские этюды.— Труды / Моск. ин-т ист., филос. и лит., 1939, т. V; Он же. Молдаво-славянские этюды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. См.: Бернштейн С. Б. Труды М. В. Сергиевского в области балкановедения.— В кн.: Сборник статей по языкоznанию [памяти М. В. Сергиевского]. М., 1961.

⁵ О работах Н. К. Дмитриева см. статью С. Б. Бернштейна в настоящем сборнике.

⁶ Бернштейн С. Б. Turco-Slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII веков.— Труды МИФЛИ, 1941, Т. 7, с. 24—40 [опубл. под псевдонимом С. Одинцов].— Недавно С. Б. Бернштейн вновь вернулся к этой проблематике. См. его доклад на I Международном балканистическом съезде (*Les langues turques de la péninsule des Balkans et l'union des langues balkaniques*.— In: *Actes du Premier congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes*. Sofia, 1968, v. VI, p. 73—79).

⁷ См., в частности: Бернштейн С. Б. Славянские элементы в молдавском языке.— Вопросы молдавского языкоznания; *Idem*. Cu privire la legăturile lingvistice slavo-române.— In: *Omagiu lui I. Iordan*. Bucureşti, 1958; Он же.

Обзор балканистических исследований целесообразно связывать с теми научными учреждениями, которые по существу приняли на себя роль координационных центров. Это прежде всего Институт славяноведения и балканстики АН СССР, где с самого его основания балканистические исследования велись в секторе славянского языкоznания (под руководством С. Б. Бернштейна), с 1960 г.— в секторе структурной типологии славянских языков (под руководством В. Н. Топорова, а с 1962 г.— Вяч. Вс. Иванова). При ленинградском отделении Института языкоznания АН СССР с начала 60-х годов работает балканистическая группа под руководством А. В. Десницкой, основное ее направление— албанистика; специалистов по балканстике готовят филологический факультет ЛГУ. Балканстические проблемы разрабатываются в Институте литературы и языка АН Молдавской ССР, в ряде языкоvedческих институтов Москвы, Киева, Минска, Львова и других городов страны.

С 1972 г. при Институте славяноведения и балканстики работает постоянный балканстический семинар, результаты деятельности которого периодически сообщаются на симпозиумах. Три симпозиума (1972, 1975, 1978 гг.) были посвящены античной балканстике, симпозиум 1974 г.— грамматической типологии современных балканских языков, симпозиум 1976 г.— структуре балканского текста.

Активизация балканстических исследований нашла отражение и в появлении целого ряда специальных публикаций (не говоря о балканстических работах, помещаемых в изданиях, так или иначе соприкасающихся с этой проблематикой)⁸. В 1975 г. была основана серия «Славянское и балканское языкоznание»⁹.

В настоящее время развитие лингвистической балканстики идет по разным направлениям. Основные из них: античная балканстика, включающая, помимо собственно «античности», вопросы палеобалканстики, т. е. языковые реликты на Балканах («малые» балканские языки древнейшего периода), и связанные с этим вопросы этногенеза и этнической истории народов Балканского полуострова в широкой перспективе (см. работы

Неславянские языки в Общеславянском лингвистическом атласе.— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. М.: Наука, 1965, а также фундаментальный труд «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии». (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948). Т. I. Язык валашских граммот XIV—XV веков.

⁸ См.: Балканская филология. Изд-во ЛГУ, 1970; Балканское языкоznание. М.: Наука, 1973; Грамматический строй балканских языков: Исследования по семантике грамматических форм. Л.: Наука, 1976; БЛС. М.: Наука, 1977.

⁹ См.: СБЯ. Проблемы интерференции и языковых контактов. М.: Наука, 1975 [Вып. 1]; СБЯ: Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М.: Наука, 1976 [Вып. 2]; СБЯ: Античная балканстика и сравнительная грамматика. М.: Наука, 1977 [Вып. 3]; СБЯ: Карпато-восточнославянские параллели и структура балканского текста. М.: Наука, 1977 [Вып. 4].

Л. А. Гиндина, И. М. Дьяконова, В. В. Иванова, В. П. Нерознака, В. Н. Топорова и других, о чем специально — в другой статье данного сборника); теория языковых контактов и проблемы интерференции, что так или иначе направлено к исследованию механизма образования и функционирования БЯС; грамматическая типология современных балканских языков, предусматривающая анализ структурных сходственных языков на разных уровнях (включая и диахронию); лингвистическая география и ареальная диалектология, в конце концов приводящие к проблеме составления лингвистического атласа БЯС, и некоторые другие. Примечательна наметившаяся в последние годы тенденция, как бы навязанная изнутри самой балканистикой. Она, как уже было сказано, создает свой предмет, черпая материал из смежных, а иногда и достаточно отдаленных областей, перерабатывая его и превращая в единое целое. Подобно этому разные ветви балканистики как бы сливаются, питая друг друга своими материалами и отдавая наиболее ценное тому, что может быть определено как некая общебалканская духовная общность, учитывающая своеобразие и неповторимость слагающих ее членов. Так открылась новая область — изучение структуры балканского текста. Она имеет в виду объединение собственно лингвистики текста с методами анализа, принятыми в ряде смежных наук. Начало этим исследованиям было положено работами В. В. Иванова и В. Н. Топорова, посвященными анализу славянских языковых моделирующих систем, славянских и балканских древностей. Представляется, что анализ структуры балканского текста, будь то чистая лингвистика или комплексное исследование, является плодотворным для описания разного рода явлений, существенных для БЯС в его конвергентных и дивергентных отношениях.

Определяя современное состояние балканистики как *work in progress*, тем не менее можно сказать, что развитие теории языковых контактов своим актуальным состоянием во многом обязано именно ей; это, например, отражено в монографии В. Ю. Розенцвейга, где основные теоретические положения относительно лингвистической интерференции и лингвистической конвергенции базируются в большей степени на основе данных структуры БЯС¹⁰; то же верно и для других работ, так или иначе затрагивающих теоретические вопросы языкового взаимодействия¹¹.

¹⁰ Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л.: Наука, 1972; *Он же*. «Влияние» или «механизм контактов?» — В кн.: Проблемы языкоизнания. М.: Наука, 1967; *Он же*. Основные вопросы теории языковых контактов. — В кн.: Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972, вып. VI; *Он же*. Методы описания лексико-семантических явлений языковых контактов. — В кн.: Методы билингвистических исследований. М.: Наука, 1976; Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М. Интерференция и грамматические категории. — В кн.: Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963; и др.

¹¹ См. в частности: Широков О. С. Взаимодействие контактирующих языков на уровне наблюдения и на уровне конструкта. — В кн.: Уровни языка

К разделу «Теория языковых контактов» в определенном смысле могут быть отнесены и работы так сказать «индуктивного характера», т. е. те, в которых рассматриваются конкретные результаты взаимодействия балканских языков и диалектов, а затем на этой основе делаются выводы относительно структуры БЯС и вообще языковых союзов. Кроме упомянутых работ С. Б. Бернштейна, сюда относятся работы А. В. Десницкой, посвященные вопросам славяно-албанского взаимодействия и формирования албанского языка в условиях многоязычия¹², а также других авторов, рассматривающих разные аспекты языковых контактов¹³. Анализ проницаемости лексического уровня при межъязыковых контактах и установление в связи с этим как лексических балканизмов, так и автохтонных элементов в данном языковом регионе¹⁴ приводит к проблемам лингвистической географии и

и их взаимодействие. М.: Наука, 1976; *Десницкая А. В. К теории языковых контактов.— Лингвистическая география, диалектология и история языка*. Ереван, 1976; и др.

¹² *Десницкая А. В. Славянские заимствования в албанском*. М.: Наука, 1963; *Она же. Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология.— В кн.: Славянское языкознание*. М.: Наука, 1968; *Она же. Роль устных койне в истории образования албанского литературного языка.— Доклады и сообщения советской делегации: III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы*. М., 1974; *Она же. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общебалканские лингвистические проблемы.— Actes..., VI; Она же. Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения: Из истории славяно-албанских языковых контактов.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. М.: Наука, 1976.

¹³ См., например: *Пиотровский Р. Г. Близкородственные языки или национальные варианты.— В кн.: Типологические сходства и различия близкородственных языков*. Кишинев: Штиница, 1976 (в работе рассматриваются системные дивергенции между румынским и молдавским языками); *Семчинський С. В. Семантична інтерференція мов: На матеріалі слов'янно-східнороманських мовних контактів*. Київ, 1974. Тема формування восточнороманских языков в связи с их славянскими контактами на Балканах рассматривается в кн.: *Корлєяну Н. Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками*. М.: Наука, 1974; *Ільяшенко Т. П. Языковые контакты: На материале славяно-молдавских отношений*. М.: Наука, 1970.

¹⁴ См.: *Габинский М. А. Автохтонные элементы в молдавском языке.— ВЯ, 1956, № 1; Она же. Обсерваций асуправа балканализелор лексикале але лимбий молдовенешть.— В кн.: Студий де лимбэ молдовеняскэ. Кишинэу, 1963; Стати В. Н. Славянские заимствования в молдавской текстильной терминологии*. Кишинев, 1974; *Эвангелопулос Ю. В. Лексические особенности новогреческого языка в Западной Македонии*. Ташкент: Фан, 1974; *Десницкая А. В. О стилистической функции турецкого в албанской поэзии.— В кн.: Вопросы теории и истории языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Она же. К вопросу о балканализмах в лексике восточнославянских языков.— В кн.: Славянское языкознание*. М.: Наука, 1978; *Семчинский С. В. Лексико-семантические интерференции славянского происхождения в дакороманском ареале.— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. Л.: Наука; *Калужская И. А. Проблема автохтонных элементов румынского языка.— СБЯ, 1977, [вып. 3]; см. также работы Н. И. Толстого, в частности о карпато-южнославянских параллелях, и Г. П. Клепиковой, описывающие различные тематические фрагменты*

ареальной диалектологии, т. е. к атласу БЯС. Вопрос об атласе БЯС поднимался в 1964 г. на симпозиуме «Проблемы лингво- и этнографии и ареальной диалектологии» (Москва)¹⁵. Там были высказаны мысли о необходимости рассмотрения структуры БЯС в лингвогеографическом плане, с учетом би- и поли-лингвистических контактов на Балканах, позволяющих определить степень лингвистического разнообразия, принцип выбора метаязыка в конкретной ситуации, что в итоге дало бы единственную в своем роде диалектологическую карту БЯС. При выработке вопросника предлагалось применять структурно-типологический подход, учитывающий специфическую роль коммуникации в процессе формирования БЯС. К сожалению, атлас БЯС продолжает оставаться в списке дезидерат балканистики. Говоря о лингвогеографическом подходе к описанию БЯС, нельзя обойти карпатистику, новую область исследования языковых контактов, соприкасающуюся с балканистикой и ареально, и типологически. Там методы картографирования применяются, как показывает опыт, весьма плодотворно.

Другое направление развития балканистики, получившее у нас, пожалуй, наибольшее распространение,— грамматическая типология балканских языков, предусматривающая и структурное исследование БЯС. В настоящее время вопросы субстрата, определение генезиса отдельных балканских языков и в связи с этим стремление «объяснить» формирование БЯС на основании приоритета какого-либо из балканских языков потеряли свою актуальность. Интересы исследователей направлены на возможно более полное и объективное описание балканских языков по некоторой общей схеме, соответствующей глубинной структуре БЯС. Совпадение конкретного языка со схемой, так же как и отклонение от нее, может свидетельствовать о ходе балканистических процессов и дает возможность проникновения в суть и механизм БЯС. Только такой подход обеспечит в дальнейшем слияние двух направлений — ареального и типологического, когда вопросник, соответствующий структуре БЯС, позволит установить важнейшие изоглоссы балканских языков. Тот же подход но «с обратным знаком» при-

карпатобалканской лексики; Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология: Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М.: Наука, 1974; Она же. Балканские элементы в карпатской терминологии горного пастушества.— Доклады и сообщения советской делегации: III Международный съезд...; Она же. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира.— СБЯ, 1977 [вып. 4].

¹⁵ Широков О. С. Принципы картографирования фонологических явлений (для балканских языков).— В кн.: Проблемы лингво- и этнографии и ареальной диалектологии: Тезисы докладов. М., 1964; Цивьян Т. В. К проблеме построения лингвистического атласа балканского языкового союза.— Там же. Широков О. С. Лингвистическая география и типология языков.— Проблемы языкоизнания; Десницкая А. В. К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики.— В кн.: Ареальные исследования в языкоизнании и этнографии.

ведет к установлению существенных дивергенций в системе БЯС.

Может быть, наиболее простой является задача представления фонологического уровня БЯС, благодаря тому, что в современном языкознании для этого выработана универсальная процедура. Однако полного описания фонологической системы БЯС до сих пор не сделано, хотя имеется достаточное количество работ как по конкретным балканским языкам и диалектам, так и по отдельным вопросам фонологии БЯС¹⁶. В последнее время глобальное описание фонологической системы БЯС и средиземноморского ареала предпринимается М. И. Лекомцевой¹⁷. Как бы то ни было, создание единой фонологической системы БЯС продолжает оставаться одной из насущных проблем балканистики.

Отсутствие единой процедуры исследования затрудняет паномерное и целенаправленное описание, и это проявляется при подходе к морфологическому и синтаксическому уровню БЯС. Специалисты единодушны в том, что грамматический анализ БЯС на современном этапе развития балканистики должен быть системным. Однако еще до выработки унифицированного описания возникает ряд принципиальных вопросов. Они касаются, в частности, выбора исходного материала: литературные языки или диалекты; одновременно все языки, входящие в БЯС,—группы языков, по принципу генетической близости (балканославянские, где, в свою очередь, можно говорить о дивергенции) или типологических схождений,—отдельные балканские языки и диалекты в проекции на общебалканскую модель и т. п. Следует добавить, что в грамматической системе балканских языков морфологический и синтаксический уровни в своих важнейших фраг-

¹⁶ См.: например: Пиогровский Р. Г. Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. М.; Л.: Наука, 1966; *Он же*. О палатализации балканороманских согласных.—Actes..., VI; Зимняя М. А., Пиогровский Р. Г., Гогкин Г. М. К проблеме конечного псевдо-*i*-в балканороманских языках.—В кн.: Исследования в области латинского и романского языкоznания. Кишинев: Штиинца, 1961; см. также исследования А. П. Евдошенко в области диахронической фонологии романских, в том числе балканороманских, языков; Широков О. С. О соотношении фонологической системы и «частотности фонем».—ВЯ, 1964, № 1; *Он же*. Развитие системы глухого консонантизма в новогреческих и албанских говорах. Минск, 1967, т. I—III; *Он же*. Фонологические схождения балканских языков: На материале глухого консонантизма греческих и албанских диалектов.—Actes..., VI; *Он же*. Полифонемы влахо-македонских диалектов.—В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев: Штиинца, 1973; *Он же*. Балканские межъязыковые схождения в вокализме.—Доклады и сообщения советской делегации: III Международный съезд... *Баскаков Н. А.* Протетические согласные в тюркских языках Юго-Восточной Европы и их происхождение.—Там же.

¹⁷ Лекомцева М. И. К типологии фонологических систем языков Балканского полуострова и Средиземноморья.—БЛС; *Она же*. Синтагматика фонологического уровня как средство типологического исследования генетических и ареальных связей.—СБЯ, 1977, [вып. 4].

ментах настолько переплетены (ср. хотя бы смазанность морфологических характеристик в оппозиции имя — глагол и в связи с этим конверсию как одно из частых средств формирования фразы и др.), что имеет смысл описывать их как некоторое динамическое единство. Эти и другие проблемы обуславливают вариантность подхода к описанию грамматического уровня БЯС. Так, А. В. Десницкая постулирует необходимость исторического подхода к описанию языка с учетом его диалектного разнообразия, что обеспечивает корректность анализа языка в его современном состоянии¹⁸. К. И. Логачев в ряде своих работ (преимущественно на материале новогреческого языка) говорит о необходимости исторического подхода к изучению языкового параллелизма в связи с генезисом БЯС; им же предложена классификация балканских языков с точки зрения структуры языковых вариантов и выдвинуты в качестве типологических критериев полипросопия, притяжательность, падежность и членность¹⁹. Т. В. Цивьян, предлагая структурно-типологическое описание грамматической системы БЯС, приходит к выводу о целесообразности установления грамматической модели языка-посредника в системе БЯС, аккумулирующей основные схождения балканских языков на уровне их литературных вариантов. В качестве процедуры для описания синтаксического уровня БЯС предлагается метод элементарных синтаксических конструкций, позволяющих провести унифицированные описания синтаксиса отдельных балканских языков, которые затем сводятся воедино²⁰. Г. А. Цыхун считает весьма существенным исследование дивергенции балканских языков в пределах грамматической структуры БЯС, учитывая при этом «центр» с наиболее системным проявлением как конвергентных, так и дивергентных характеристик, и «периферию», в пределах которой системность может уменьшаться; это существенно с точки зрения наблюдения за динамикой балкани-

¹⁸ Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968; *Она же. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка.* Л.: Наука, 1970.

¹⁹ Логачев К. И. Некоторые вопросы албано-греческого языкового параллелизма и общебалканистические проблемы.— Балканская филология; *Она же. Классификация балканских языков с точки зрения структуры речевых вариантов.*— В кн.: Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков: Предварительные материалы. М., 1973; *Она же. Типологические характеристики новогреческой морфологии.*— В кн.: Грамматический строй балканских языков; *Она же. О морфемном статусе некоторых «слов» и «словоформ» в новогреческом языке.*— СБЯ, 1976, [вып. 2] и др.

²⁰ Цивьян Т. В. Имя существительное в балканских языках: К структурно-типологической характеристике балканского языкового союза. М.: Наука, 1965; *Она же. К проблеме построения грамматической модели языка-посредника в системе БЯС.*— *Actes... VI. Она же. Предложения по сопоставительной грамматике балканских языков.*— В кн.: Симпозиум по грамматической типологии...; *Она же. О построении синтаксиса в грамматике балканского языкового союза.*— БЛС.

стических процессов, что, в свою очередь, приводит к проникновению в глубинную структуру БЯС²¹.

Более частные исследования грамматической системы балканских языков группируются в основном вокруг двух тем: имя и глагол, или более точно, группа имени и группа глагола (в морфологическом и синтаксическом плане). Специфика БЯС как бы подсказывает рассмотрение их в аспекте, существенном для структуры БЯС. Для группы имени различная проблематика (анализм, отношение падежей versus предлог, именная классификация, например, по согласовательным классам, связь грамматем род — число и т. д.)²² в конце концов приводят к анализу артиклей и артиклообразных элементов, местоименных клитик и других шифтеров такого рода. Эти неполнозначные, «слабые» формы пронизывают не только систему имени в БЯС, принимая на себя функции регулярного выражения грамматем рода, числа и падежа (независимо от наличия других материальных ресурсов), но, кроме того, связывают глагол с именем (своего рода субъектно-объектное спряжение), или субъект с предикатом, формируя синтаксическое построение балканской фразы, в частности порядок слов²³. Балканославянская модель местоименных клитик описана Г. А. Цыхуном²⁴. Выведенная им схема приложима и к неславянским членам БЯС, поскольку система местоименных клитик в балканских языках более или менее однотипна. Это

²¹ Цыхун Г. А. О системном статусе некоторых балканских языковых черт.— Македонски јазик, 1974, XXV.

²² См., например: Широков О. С. Новогреческие и албанские падежи.— В кн.: Симпозиум по грамматической типологии...; Воронина И. И. Грамматические средства согласования в современном албанском языке.— Там же, с. 26—27; Молошная Т. Н. Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в балканских языках.— Там же, с. 33—34; Горбачевский А. А. Об одной особенности балканских языков: На материале изучения супплетивных форм.— Учен. зап./Тадж. ун-т. Сер. филол. 1971, вып. 4; Шарапова Л. В. Грамматическая категория рода в румынском и албанском языках.— В кн.: Лингвистические исследования, 1972. М.: Наука, 1973, ч. 1; *Она же*. Согласовательные классы имен существительных в албанском языке.— Автореф. канд. дис. Изд-во ЛГУ, 1977; Гудков В. П. Славянские предлоги болг. *към*, *къде*, *код*, макед. *кон*, *каде*, *ка*, с.-хорв. *код*, *куде* и иноязычные балканские соответствия.— В кн.: Балканское языкознание; Цивьян Т. В. Аппозиция в связи с некоторыми тенденциями развития синтаксических структур новогреческого языка.— Там же; Габинский М. А. Алаутемия инклусивэ конфиксал- суффиксал э флексионэрый молдовенешт.— Лимба ши литература молдов., 1976, № 4; Сучин Г. А. Bemerkungen zum Bulgarischen Komparativ.— Zeitschrift für Slawistik, 1976, XXI, N 6; Демко Л. Я. Падежная система бессарабского наречия албанского языка.— В кн.: Минск. пед. ин-т. Материалы XIX науч.-теорет. конф. Языкознание, 1967; *Она же*. Особенности местоименной системы албанского говора села Каракурт.— В кн.: Романско и германское языкознание. Минск, 1974, вып. 4.

²³ См.: Свешникова Т. Н. Ранговая грамматика румынских клитик.— СБЯ, 1977, [вып. 4].

²⁴ Цыхун Г. А. Синктасис местоименных клитик в южнославянских языках: Балканославянская модель. Минск: Наука и техника, 1968.

подтверждается и наблюдениями Ю. А. Лопашова, описавшего механизм местоименной рецвизы в балканских языках²⁵.

Анализ местоименных клитик, так же как и анализ балканских артиклей в функции показателей именных граммем (см., в частности, работы И. И. Ворониной по исследованию системы албанских артиклей и их роли в образовании генитивных слово-сочетаний)²⁶, приводит к постановке проблемы артикла как в плане его происхождения²⁷, так и в плане его связи с категорией определенности-неопределенности, которая проявляется в балканских языках весьма сложным и на первый взгляд непоследовательным образом: артикль по этому признакунейтраллизуется и становится чисто грамматическим показателем (в ряде случаев его «артиклевый» статус подвергается сомнению, см., рум. *al* и *cel* и т. д.), в то время как местоименные клитики (при выражении притяжательности или при рецвизе и т. п.) несут на себе явные признаки определенности-неопределенности. К этому следует присоединить принципиальную вариативность, характеризующую общую структуру БЯС, что делает проблему определенности-неопределенности в балканских языках весьма сложной.

На симпозиуме по грамматической типологии современных балканских языков в 1974 г. И. И. Ревзин высказал идеи нового подхода к этой категории, предложив анкету по определенности-неопределенности, в большой степени основанную на балканских языках, хотя и не ограниченную ими²⁸. Анкета содержит широкий набор логико-грамматических критериев для описания системы артиклей в их связи с другими показателями определенности-неопределенности, в частности с местоимениями²⁹, и дает

²⁵ См.: Лопашов Ю. А. Местоименные повторы дополнений в балканских языках. Л.: Наука, 1979.

²⁶ Воронина И. И. О структурном своеобразии албанского генитивного слово-сочетания.—Вестн. ЛГУ, 1972, № 8, Сер. ист., яз. и лит., вып. 2; *Она же*. Система артиклей в ранненовоалбанском XVI в.—Доклады и сообщения советской делегации: III Международный съезд...; *Она же*. К вопросу о системе артиклей в албанском языке.—В кн.: Грамматический строй балканских языков.

²⁷ Пиотровский Р. Г. Формирование артикла в романских языках. М.; Л.: Наука, 1960; *Она же*. Еще раз о препозитивном употреблении определенного артикла в балканороманских языках и диалектах.—Изв. Молд. филиала АН, 1957, XII; *Она же*. О сравнительной хронологии постпозиции определенного артикла в так называемых балканских языках.—Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1959, вып. IV.

²⁸ Ревзин И. И. Анкета по категории определенности-неопределенности.—БЛС; *Она же*. Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках.—БЛС; Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Проявление в балканских языках универсалий о связи надежда с определенностью.—В кн.: Симпозиум по грамматической типологии....

²⁹ В применении к южнославянским языкам см.: Толстой Н. И. Опыт типологической характеристики славянского члена-артиклия.—В кн.: Всесоюзная конференция по славянской филологии. Л., 1962; *Она же*. Из наблюдений над членом-артиклием и указательным местоимением в южнославянских языках.—В кн.: Симпозиум по грамматической типологии....

возможность операционного подхода к категории определенности-неопределенности в балканских языках, предлагая набор различительных признаков для строго формальной классификации употреблений артикла (по дистрибуции с различными классами слов, по взаимодействию артиклей с другими морфосинтаксическими категориями и т. п.)³⁰. В дальнейшем формальная классификация позволяет прийти к существенным наблюдениям относительно семантики балканских артиклей. Таким образом, анализ системы имени в языках БЯС невольно оказывается направленным к «слабым» элементам, но те в дальнейшем обнаруживают тенденцию к «гиперсемантичности» или «гиперфункциональности», будучи связаны с основными семантическими и синтаксическими категориями системы БЯС.

Что касается глагола-предиката в системе БЯС, то здесь наряду с описаниями глагольных категорий в синхронном и историческом плане для отдельных балканских языков (см. работы А. А. Белецкого, К. И. Логачева, В. С. Мочос по новогреческому глаголу, А. В. Жутры, Г. И. Эйтней, А. П. Сытова по албанскому глаголу, многочисленные исследования по славянским и романским языкам Балкан), наряду с сопоставительным анализом глагола в разных языках БЯС³¹ и т. п. интересы исследователей направлены к проблеме балканского инфинитива в разных ее аспектах. Многочисленные исследования балканского инфинитива принадлежат М. А. Габинскому и отражены в его монографиях и статьях, описывающих состояние инфинитива в разных языках и диалектах Балкан³². Рассматривая вопросы типологии утраты инфинитива в балканских языках и характеризуя это явление в синхронном и историческом плане³³, М. А. Га-

³⁰ Попытка приложения авкты И. И. Ревзина к артиклю в новогреческом содержится в работе: Цивьян Т. В. Морфосинтаксические функции новогреческого артикла в аспекте грамматики балканского языкового союза.— СБЯ, 1976, [вып. 2].

³¹ См.: Жугра А. В. К вопросу об общих типах будущего времени в румынском и албанском языках.— В кн.: Лингвистические исследования. Л.: Наука, 1970; Она же. Албанские материалы для сопоставительной аспектологии.— В кн.: Симпозиум по грамматической типологии.; Она же. Балканский тип футурума в албанском языке; Проблема происхождения.— Доклады и сообщения советской делегации: III Международный съезд...; Сытов А. П. Видо-временные системы болгарского, новогреческого и албанского языков.— В кн.: Симпозиум по грамматической типологии...;

³² Габинский М. А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковый процесс. На материале албанского языка. Л.: Наука, 1967; Она же. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л.: Наука, 1970; Она же. Очерки по основаниям грамматики. Кишинев: Штиинца, 1972; Она же. Зачатки утраты инфинитива в сефардских говорах Македонии.— Македонски јазик, 1967, XVIII; Она же. К новой этиологии балканской утраты инфинитива.— В кн.: Балканская филология.

³³ Ср. другие работы по балканскому инфинитиву, не всегда совпадающие со взглядами М. А. Габинского: Розенцевайз В. Ю. Инфинитивные конструкции и балканские языковые контакты.— Slavia, 1969, № 2; Она же. О синтаксике глаголов и синтаксисе инфинитивных предложений.— В кн.:

бинский обращает особое внимание на «вторичную инфинитивность», т. е. на появление в языках БЯС разнообразных «нефинитных» конструкций, (передачу имени функций предикативности ср. супин, отлагольные имена, герундизация имени и т. п.)³⁴, существующих наряду с так называемым балканским конъюнктивом. Таким образом, и эта тема, формально относящаяся к морфологии, вернее, к исторической морфологии языка, выходит за ее пределы и затрагивает не только вопросы общебалканского синтаксиса, но и способы осуществления коммуникации, лежащие в основе БЯС. При такой степени динамичности балканской глагольной системы, где глагол «теряет» предикативность, подхватываемую другими, в том числе именными, конструкциями, делается особенно актуальным вопрос о трансформациях балканского конъюнктива — от замены его индикативом (стремление к паратаксису, характерное для синтаксической системы БЯС) до передачи его с помощью разного рода именных конструкций³⁵.

Работы по словообразованию в плане заимствования и усвоения иноязычных словообразовательных элементов также в основном касаются глагола. В этом случае речь идет об анализе функций, приобретаемых «чужим» формантом в составе заимствующего глагола — от лексических (с сохранением или изменением первоначального значения) до словообразовательных и словоизменительных³⁶.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что как в истории развития нашей балканистики, так и в ее теперешнем состоянии сохраняется определенная неравномерность. Возможно, это свя-

Симпозиум по грамматической типологии...; Черняк А. Б. К вопросу о реалиях первичного албанского инфинитива в тоскском.— Там же; Иванов В. В. К типологии инфинитива в балканских языках.— СБЯ, 1976, [вып. 2].

³⁴ См.: Габинский М. А. Особая пеличная форма албанского глагола.— ВЯ, 1962, № 3; *Он же*. Конструкции де типул де фэкут ши норма литература.— В кн.: Култиваря лимбий. Кишинэу, 1966, IV; *Он же*. Распространение дако-румынского вторичного инфинитива.— Български език, 1968, № 1; *Он же*. Вторичная инфинитивность в балканских языках.— Actes..., VI; *Он же*. Герундизация имени действия в македонском языке в связи с общебалканской традицией к вербализации имен действия.— Доклады и сообщения советской делегации: III Международный съезд...; *Он же*. Традиционные антиномии в определении инфинитива и их преодоление на балканороманском материале.— БЛС.

³⁵ См.: Свешникова Т. Н. Синтаксические трансформации с глаголом *a rittea* в румынском языке.— СБЯ, 1977, [вып. 3].

³⁶ Клепикова Г. П. Функции славянских глагольных приставок в истро-румынском.— Вопросы славянского языкоznания, 1959, IV; Менская Т. Б. Некоторые проблемы морфологической интерференции в условиях двуязычия: Автoref. канд. дис. М., 1974; *Она же*. Переразложение глагольных основ: На материале греческих глагольных заимствований в болгарском.— ССЛ, 1974, № 4; *Она же*. Некоторые аспекты лексической и морфологической адаптации греческих глагольных заимствований в болгарском языке.— СБЯ, 1976, (вып. 2); *Она же*. Об одном типе морфологического заимствования — болгарские суффиксы *-ос-*, *-ас-*, *-ис-*, и (дис / тис).— ССЛ, 1973, № 2.

зано с ее внутренними особенностями (см. выше о предмете балканстики и ее связи со смежными дисциплинами). В настоящее время наша балканстика «заняла» многие участки исследования: грамматический анализ, в том числе с плодотворным использованием структурно-типологического подхода, лексические обследования, лингвогеография и ареальная диалектология, общие вопросы интерференции и языковых контактов, структура балканского текста, предполагающая комплексный анализ компонентов текста на языковых и внеязыковых (исторических, этнокультурных и т. д.) уровнях и т. д. Тем не менее пока это, скорее, отдельные достижения, не связанные неким общим замыслом. Такой замысел преследовал бы общие цели, способствующие окончательной кристаллизации лингвистической балканстики.

Представляется, что «балкантические лакуны» состоят прежде всего в нехватке однородных описаний балканских языков и диалектов. Существование таких описаний (типологических грамматик отдельных балканских языков) обеспечило бы их последующее корректное сопоставление. В этом отношении, очевидно, нужна большая координация усилий и большая дисциплинированность, при которой в ряде случаев следует прибегать к типовым методам. Если до сих пор стоит вопрос о дополнении списка балканизмов, то это объясняется не только динамичностью БЯС, но и тем, что далеко не все они зафиксированы даже на уровне стандартных грамматических описаний. В этом смысле правомерно проводить различие между «балканской» и «небалканской» грамматиками балканских языков: первая должна учитывать положение описываемого языка в системе БЯС, в то время как вторая в этом отношении свободна.

Возможно, координация усилий наиболее достигима при лингвогеографическом подходе к описанию БЯС, т. е. при составлении атласа БЯС, но атласа нового типа, предполагающего выявление структуры БЯС на разных уровнях и проекцию этой структуры «на карту», чтобы показать таким образом направление и динамику балкантических процессов.

Применение к описанию системы БЯС картографирования (атлас нового типа), метода грамматики текста и выделение балканского текста как особой единицы открывает выходы в область своего рода комплексной балканстики, охватывающей разные стороны истории и формирования БЯС, при сохранении глубокой индивидуальности каждого из его членов — балканских языков.

Балканская тюркология в СССР

С. Б. БЕРНШТЕЙН

Среди различных областей лингвистической тюркологии существует так называемая балканская тюркология. Речь идет об изучении языков народов тюркского происхождения, живущих или живших на Балканском полуострове, об изучении взаимодействия тюркских языков Балкан с местными нетюркскими языками (славянскими, романскими, греческим, албанским), об изучении роли турецкого языка в формировании «балканского языкового союза». Косвенное отношение к балканской тюркологии имеет проблема булгарского наследия в балканских языках, в решении которой велика роль чувашского языка.

Дореволюционная русская тюркология достигла больших успехов в изучении языков тюркских народностей России. Этого нельзя сказать о турецком языке. В наследии таких выдающихся русских тюркологов, как В. В. Радлов, В. Д. Смирнов, П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш и другие, специальных исследований по истории турецкого языка, по современному литературному турецкому языку и его диалектам сравнительно мало¹.

В 20-х годах XX ст. интерес к турецкому языку значительно возрос. Однако и в то время, если иметь в виду только лингвистический аспект, основное внимание наших известных тюркологов было обращено на создание грамматических руководств по литературному языку для учебных целей (грамматики С. Церуниана, В. А. Гордлевского, А. Н. Самойловича, А. Н. Кононова и др.). Единственное исключение представляют лишь труды выдающегося тюрколога Н. К. Дмитриева, специально посвященные турецкому языку Балкан. С полным основанием этого ученого можно считать основоположником в нашей стране балканской тюркологии.

Проблемами общей и тюркской балканистики Н. К. Дмитриев заинтересовался под воздействием А. М. Селищева в середине 20-х годов. В 1918 г. в Казани выпшло из печати капитальное исследование А. М. Селищева «Очерки по македонской диалектологии». Основным источником для изучения македонских говоров послужил труд хаджи Даниила под названием «Дидаскалия». В издание «Дидаскалии» 1841 г. были включены тексты на турецком языке, переданные славянскими буквами. По совету Селищева Дмитриев изучил фонетику этих текстов. Так появилось в «Записках коллегии востоковедов» первое крупное исследование Дмитриева².

¹ См.: Кононов А. Н. Очерк истории изучения турецкого языка. Л.: Наука, 1976, с. 52—55.

² См.: Дмитриев Н. К. Материалы по османской диалектологии: Фонетика «карамалицкого» языка.— В кн.: Записки коллегии востоковедов. Л., 1928, т. III.

Данное исследование имело большое и принципиальное значение в тюркологии. Дело в том, что арабское письмо не дает возможности изучить историю фонетических особенностей турецкого языка. Сам Дмитриев об этом писал так: «Если для морфологии и синтаксиса литературного языка письменная традиция вполне достаточна, то пельзя сказать того же о фонетике. Схематический арабский шрифт с бессистемно отображавшимся на письме вокализмом явился, можно сказать, историческим могильщиком османской фонетики. Ее нюансы были завуалированы общемусульманским письмом так же, как и в остальной жизни османский быт был нивелирован культурой Ислама»³. В решении проблемы исторической фонетики могут существенно помочь транскрипционные тексты. Они дают возможность изучить вокализм и, как правило, датированы.

В работе речь идет о фонетических особенностях турецкого диалекта Южной Македонии, «в котором причудливо переплетаются отдельные черты анатолийских и балканских диалектов»⁴. Турецкая параллель «Дидаскалии» дала возможность Дмитриеву всесторонне описать вокализм и консонантизм говора. Перед нами одна из первых работ по турецкой диалектологии Балкан. Она сыграла болшую роль в истории балканской тюркологии.

Тесно связана по задачам и методике с «Фонетикой «карамалицкого» языка» другая работа Дмитриева — «Заметки по болгаро-турецким говорам»⁵. В них автор тщательно проанализировал материал, извлеченный из статьи Ст. Чилингирова «Турски пословици, поговорки и характерни изрази»⁶. Все тексты Чилингиров издал в болгарской транскрипции, что дало возможность Дмитриеву изучить фонетические особенности некоторых турецких говоров северной Болгарии (Свиштов, Русе, Тырново, Разград, Шумен) и Македонии.

Ценная информация содержится еще в одной статье Н. К. Дмитриева⁷, в которой автор знакомит русского читателя с трудами боснийской школы туркологов.

Существенным разделом балканской тюркологии является гагаузоведение. Речь идет об изучении небольшой балканской народности, которая сформировалась в северо-восточной части Болгарии в результате сложных этнолингвистических процессов. Есть основания полагать, что завершены эти процессы уже в сравнительно позднее время. Думаю, что С. Е. Малов имел все основания причислять гагаузский язык к новым тюркским язы-

³ Дмитриев Н. К. Материалы..., с. 419.

⁴ Дмитриев Н. К. Материалы..., с. 427.

⁵ Дмитриев Н. К. Заметки по болгаро-турецким говорам.— Доклады АН СССР, сер. В, 1927, № 10.

⁶ Чилингиров Ст. Турски пословици, поговорки и характерни изрази.— Известия на народния етнографски музей в София, 1922, II—IV; 1923, I—II.

⁷ Дмитриев Н. К. Проблемы и достижения боснийской тюркологии.— В кн.: Записки коллегии востоковедов. 1926, т. II.

кам⁸. О генетической основе гагаузов и их языка в тюркологии высказывались различные точки зрения. Нет полного единства и в настоящее время⁹.

По своим основным признакам гагаузский язык вместе с турецким, азербайджанским и туркменским языками входит в так называемую огузскую группу тюркских языков. Н. А. Баскаков причисляет гагаузский язык к огузо-булгарской подгруппе, тогда как турецкий относится к огузо-сельджукской подгруппе¹⁰. Иначе место гагаузского языка определял польский тюрколог Т. Ковальский¹¹.

В настоящее время значительная часть гагаузов проживает в Советском Союзе. На нашу территорию гагаузы переселились из Болгарии вместе с болгарами под общим наименованием «задунайских переселенцев» во время русско-турецких войн XVIII—XIX вв.¹² В Болгарии гагаузы живут преимущественно в северо-восточной части страны. Есть отдельные гагаузские поселения и в юго-восточной Болгарии.

В дореволюционное время в России гагаузами и их языком тюркологи интересовались мало. Даже в специальных исследованиях их, как правило, не отличали от болгар. Даже Н. С. Державин, сам уроженец приазовского болгарского села Преслав и отдавший изучению языка и быта русских болгар почти два десятилетия, в своем двухтомном труде «Болгарские колонии в России» всех гагаузов безоговорочно причислил к болгарам. В первом томе опубликован «Список болгарских колоний Бессарабской губернии с чисто болгарским населением». Среди указанных колоний находим села Татар-Капчак, Бешалма, Дезгиндже, Чадыр-Лунга, Кириет-Лунга, Вулконешти и ряд других, в которых живут только гагаузы¹³. В селах Кубей, Комрат, Кирсов и других живут вместе болгары и гагаузы. Каждая из этнических групп в этих селах занимает свою часть села.

⁸ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 7; Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки.—Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Т. XI, вып. 2, с. 140—142.

⁹ См.: Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов.—СЭ, 1937, № 1; Баев К. По вопросу за этигенеза на гагаузы.—Известия на археологическом обществе в гр. Варна, 1953, кн. IX; Зайончковский Вл. Состояние и ближайшие задачи изучения гагаузов.—Folia orientalia, 1960, II, 1—2; см. также статью Ю. В. Ивановой «Балканская этнография в СССР» в данном сборнике.

¹⁰ Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960, с. 131—141; Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков.—Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Т. XI, вып. 2, с. 126.

¹¹ Kowalski T. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est, Kraków, 1933.

¹² Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII—XIX ст. (в печати).

¹³ Державин Н. С. Болгарские колонии в России: Материалы по славянской этнографии.—В кн.: Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1914, кн. XXIX, с. 26—27.

Первым исследователем гагаузов в России был В. А. Мошков. Ему принадлежит этнографическое описание гагаузов, общая характеристика гагаузского языка в его основных наречиях. Он опубликовал много текстов на гагаузском языке¹⁴. Только после публикаций Мошкова материал о гагаузском языке начал проникать в общетюркологическую литературу. Однако начало систематического изучения этого тюркского языка на основе достижений тюркского языкознания вообще на широком общетюркологическом фоне связано с именем Н. К. Дмитриева.

Свою задачу по изучению гагаузского языка сам Дмитриев определил следующим образом: «Отделив чисто османские и собственно гагаузские формы от румынских, славянских и других форм, я сделал попытку систематически проанализировать весь строй гагаузского языка. Больше всего я обратил внимание на его описание и на фактический материал, ибо я глубоко убежден, что всякий систематический и детальный анализ стоит больше, чем преждевременный синтез»¹⁵. В полном виде поставленную задачу по изучению всего строя гагаузского языка ученый выполнить по разным причинам не успел. Основное внимание он уделил фонетике и синтаксису.

В 1932 г. в чешском журнале «Archiv Orientální» началась публикация серии статей Н. К. Дмитриева под общим названием «Gagausische Lautlehre»¹⁶. В этом исследовании автор впервые в тюркологии дает систематическое описание физиологии звуков гагаузского языка, исследует все позиционные их преобразования, характеризует все возможные сочетания. Звуки гагаузской речи последовательно сопоставляются с соответствующими звуками турецкого, а также в ряде случаев азербайджанского языка.

Одной из характерных особенностей гагаузской фонетики является наличие звука *ä*, которому в турецком соответствуют звуки *a* и *e*. Автор приводит большое число примеров. Позже эта фонетическая особенность гагаузского языка получила более детальную характеристику в «Грамматике гагаузского языка» Л. А. Покровской¹⁷. Она показала, что для звука *ä* характерна

¹⁴ Мошков В. А. Гагаузы Бендеровского уезда.— Этнографическое обозрение, 1900, т. XLIV, № 1; т. XLVIII, № 1; т. XLIX, № 2; т. LI, № 4; 1901, т. LIV, № 3; 1902, т. LV, № 4; Мошков В. А. Наречия бессарабских гагаузов.— В кн.: Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1904, т. X; Мошков В. А. Гагаузские тексты.— В кн.: Известия о-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1895—1896, т. XIII, вып. II; Мошков В. А. Турские племена на Балканском полуострове: Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г.— Изв. Рус. геогр. о-ва, 1904, т. XL.

¹⁵ Дмитриев Н. К. Фонетика гагаузского языка.— В кн.: Стой тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 205.

¹⁶ Dmitrijev N. K. Gagausische Lautlehre.— Archiv Orientální, 1932, v. IV. № 2; v. IV, № 3; v. V, № 1. В 1962 г. исследование было опубликовано в кн.: Стой тюркских языков, с. 202—250.

¹⁷ Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964.

определенная позиция: конец слова под ударением (*дерә* — «река», *хергелә* — «табун лошадей»), реже — конец слова без ударения (*пёнчәрә* — «окно»). Следует, однако, указать, что в случаях типа *пёнчәрә* ударение вторичное. Примечательно, что и в болгарских диалектах этот турцизм имеет ударение на начальном слоге (ср. еще болгарское *тёнджера* — «кастрия»). Покровская обнаружила, что звук *ä* характеризует чадыр-лунгский и комратский говоры, тогда как в вулканештском говоре гагаузского языка на месте *ä* обнаруживаем гласный *e*. Неясным остается фонологический статус *ä*. Покровская полагает, что *ä* нельзя считать самостоятельной фонемой, но нельзя рассматривать *ä* и как вариант фонемы *a* или фонемы *e*). Вопрос еще требует специального изучения.

Большое место в исследовании Н. К. Дмитриева уделено количеству (т. е. долготе гласных). В гагаузском языке представлены реликты древних (первичных) долгот, что роднит гагаузский язык с туркменским и якутским. Широко встречаются вторичные долготы, возникшие в результате стяжения двух гласных в один долгий гласный. Автор детально анализирует все случаи вторичных долгот. Читателю остался неясным лишь один пункт — долготы в заимствованных арабских и персидских словах. В турецком литературном языке эти долготы поддерживались длительной традицией в среде образованных людей. Каким образом долгота могла сохраняться в народной речи гагаузов? Скорее всего долгота в заимствованных словах (*raat*<*rahat* — «покой», *маала*<*mahalla* — «квартал») возникла на местной почве в результате утраты интервокального *h*. Примечательно, что долгота могла возникать не только в результате стяжения двух гласных после утраты консонантной преграды, но и в позиции гласного перед согласным (ср. *заамет*<*zahmet* — «забота», *маасус*<*mahsus* — «особый», *маамурлук*<*mahmurluk* — «пахмелье»), а также в конце слова (*падишаа*<*padişah*, *гунай*<*<günah* — «грех»).

Подробно рассматриваются в работе многочисленные дифтонги. Особое внимание автор обратил на одну необычную для тюркских языков особенность гагаузского языка: во всех словах, которые начинаются гласным звуком (кроме *a* и *o*), в начале слова всегда представлен *j*. «Так как этот закон совершенно чужд чисто тюркским языкам, то мы вправе искать его объяснение в соседних языках. Простой формой перехода, очевидно, является *e>j(i)e*, что подтверждается фонетическими особенностями румынского и русского языков; остальные категории звуковых изменений могут рассматриваться как образования по аналогии»¹⁸.

Автор характеризует всесторонне фонетический облик гагаузского языка. Кроме указанных уже особенностей, в статье рассматриваются такие типичные для гагаузского языка черты, как

¹⁸ Дмитриев Н. К. Фонетика гагаузского языка, с. 227.

палатализация согласных перед гласными переднего ряда, отпадение конечных согласных и др. Не будучи фонологом, Дмитриев не дает функциональной характеристики звуков гагаузской речи. Вообще, всесторонний функциональный анализ звуков гагаузского языка — актуальная задача современной тюркологии.

В 1939 г. Н. К. Дмитриев публикует статью «Гагаузские этюды», которая является продолжением «*Gagauzische Lautlehre*»¹⁹. В статье дана краткая характеристика морфологии и весьма обстоятельное и детальное описание синтаксиса гагаузского языка.

Морфология представляет мало специфических черт, которые бы существенно обособляли гагаузский язык от других тюркских языков. Наиболее близка гагаузской морфологии турецкая морфология, хотя есть некоторые черты, сближающие гагаузский язык с туркменским. Очень своеобразен синтаксис, который испытал сильное влияние соседних нетюркских языков. В этом отношении весьма показателен порядок слов в предложении, который далеко отошел от тюркской модели, испытав сильнейшее влияние славянского порядка слов.

Анализ фонетики, морфологии и особенно синтаксиса приводит Н. К. Дмитриева к следующему заключению: «Гагаузский язык, в основном принадлежащий к языкам тюркской системы, испытал, однако, столь значительное влияние славянских и румынского языков, что к моменту наблюдения Мошкова не только фонетика и словарь, но и особенно синтаксис довольно далеко отошли от обычного строя тюркских языков с их обусловленным порядком слов, специфической структурой сложного предложения и т. д. Эти принципиальные сдвиги, в результате которых гагаузский язык занял совершенно особое место среди тюркских языков, не позволяют нам согласиться с точкой зрения тех, кто пытается объединить гагаузский язык вместе с турецкими говорами Дели-Ормана с другими турецкими говорами Болгарии в одно общее понятие „дунайско-турецкого языка“»²⁰. В данном случае Дмитриев имел в виду польского тюрколога Т. Ковальского.

Гагаузские исследования Н. К. Дмитриева завершаются статьей «К вопросу о словарном составе гагаузского языка», которая при жизни автора не была опубликована. Впервые она была отпечатана посмертно в указанном выше сборнике «Строй тюркских языков» в 1962 г. Публикуемый текст был написан в конце 1951 г. Сам автор считал эту работу незавершенной. По его просьбе автор данной статьи проверял его наблюдения летом 1951 г. в гагаузском селе Татар-Капчак.

После Великой Отечественной войны возникли впервые практические аспекты гагаузоведения. Дело в том, что во всех га-

¹⁹ См.: Дмитриев Н. К. Гагаузские этюды.— Учен. зап. / Ленингр. ун-т. Сер. филол. наук, 1939, вып. 1, № 20.

²⁰ Дмитриев Н. К. Гагаузские этюды, с. 251.

гаузских селах Молдавской ССР и Украинской ССР преподавание в школах на гагаузском языке не велось. Дети же знали только родной гагаузский язык, в некоторых селах понимали болгарскую речь. Организация преподавания на родном языке сталкивалась с большими трудностями, так как родной язык функционировал только в сфере устных общений. В связи с этим был поставлен вопрос о необходимости создания гагаузского литературного языка. Инициаторами были И. И. Мещерюк и братья Н. П. и В. П. Арабаджи, уроженцы гагаузского села Кириет-Лунга. В результате длительных усилий проект графики и орфографии был наконец подготовлен и Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 30 июля 1957 г. утвержден. Перед утверждением проекта он еще был доработан в Кишиневе Д. Н. Тана-соглу. Так было положено начало новому тюркскому литературному языку.

Новый период в изучении гагаузского языка в нашей стране связан с именем Л. А. Покровской. Она является автором первой грамматики гагаузского языка, материалом для которой послужили не только устная народная речь гагаузов, язык их народной словесности, но собственно литературные тексты. Предлагаемая грамматика является первым опытом систематического описания фонетики и морфологии современного гагаузского языка. В качестве иллюстративного материала в ней частично были использованы гагаузские учебники для начальной школы и издававшаяся гагаузская газета, а также первый фольклорно-литературный сборник на гагаузском языке «Буджакские голоса». В книге дано подробное описание фонетики (без фонологии), словообразования и морфологии. Вторым значительным трудом по гагаузоведению явился «Гагаузско-русско-молдавский словарь» (составители Г. А. Гайдаржи, Е. К. Колца, Л. А. Покровская, Б. П. Тукан) ²¹ с «Кратким очерком грамматики гагаузского языка» (Л. А. Покровской).

В области гагаузоведения в нашей стране работают Б. Г. Гафаров, Т. Г. Калякина-Каледина, Ф. А. Ангели, Б. П. Тукан, Д. Н. Тана-соглу, М. Н. Губогло, Е. К. Колца, Г. А. Гайдаржи, В. А. Сычева.

Большое место в балканской тюркологии занимает изучение контактов тюркских языков Балканского полуострова с местными славянскими языками (болгарским и сербохорватским). И в этой области определяющими явились труды Н. К. Дмитриева.

В середине 20-х годов Н. К. Дмитриев завершил исследование «Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию». В полном виде оно не было опубликовано. В «Докладах Академии наук СССР» за 1928 и 1929 гг. из него были напечатаны четыре статьи. Исследование было выполнено «на основе фольклорных изданий знаменитого сербского ученого и культурного

²¹ Гагаузско-русско-молдавский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1973.

деяния Вука Караджича²². Дмитриев всесторонне проанализировал турцизмы в текстах Караджича: морфологию, синтаксис, словообразование, семантику и фонетику.

Исследования в области *Turgo — Slavica* имеют длительную традицию. Как правило, изучались тюркские заимствования в различных славянских языках. Труд Н. К. Дмитриева во всех отношениях является новаторским трудом. В нем речь идет о славяно-турецкой языковой интерференции на Балканах. Автор одновременно выступает и как тюрколог, и как сербист. Он исследует преобразования турцизмов на сербской почве и одновременно использует эти турцизмы для выявления характерных особенностей турецких диалектов Сербии.

Турецко-сербские языковые взаимодействия были настолько интенсивными и глубокими, что нередко в сербских говорах создавались на турецком языковом материале новообразования, чуждые самому турецкому языку. Это хорошо показано автором на материале прилагательных.

В центре исследований Дмитриева находится фонетика. Автор на большом материале показывает, к каким результатам приводит взаимодействие турецкой и сербской фонетических систем, как преобразуются не свойственные сербскому языку звуки турецкой речи. Очень важно, что автор не исходит в своих сопоставлениях из данных турецкого литературного языка, а опирается на материал местных турецких диалектов. Это дает ему возможность четко разграничить заимствования из турецкого от преобразованного на местной сербской почве. Это хорошо показано на случаях нарушения лабиальной и палатальной аттракции (сингармонизма) и др.

В начале 30-х годов под непосредственным руководством А. М. Селищева и Н. К. Дмитриева к изучению болгаро-турецких языковых контактов приступил С. Б. Бернштейн. В 1934 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII—XVIII вв.». Позже, в 1941 г., из диссертации была опубликована статья «*Turgo-Slavica*. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII веков» в седьмом томе «Трудов Московского Института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского». На основе сравнительного изучения тожественных текстов XVII—XVIII вв. был показан сам процесс проникновения турцизмов, замена своих старых привычных слов заимствованиями из турецкого языка. Особенно интенсивным этот процесс был в сфере ремесленной терминологии, но он захватил и другие области (даже церковную).

Турецкий язык оказал глубокое влияние на все языки Балканского полуострова. Это обнаруживается прежде всего в сло-

²² Дмитриев Н. К. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию.— Доклады АН СССР, 1928, сер. В.

варном составе южнославянских языков, в новогреческом, албанском, в местных романских языках²³. В меньшей степени это влияние отражено в словообразовании и в синтаксисе. В болгарском на собственном материале под влиянием турецкого языка сформировалось так называемое пересказывательное наклонение, дающее чисто языковыми средствами возможность разграничить наблюдаемое и ненаблюдаемое действие²⁴. Турецкие элементы во многом сближают балканские языки, так как в большинстве случаев турецкие в этих языках тождественны. Вот почему они являются предметом изучения балканистов²⁵.

Проблема турецкий язык и «балканский языковый союз» была предметом всестороннего рассмотрения на первом международном конгрессе балканистов в Софии в 1966 г. С докладом «Les langues turques de la péninsule des Balkans et l'union des langues balkaniques» выступил С. Б. Бернштейн. Основные положения доклада сводились к следующему: 1) «Балканский языковый союз» сформировался вне тюркского языкового мира; 2) Тюркские языки не входят в «балканский языковый союз»; 3) Все языки «балканского языкового союза» испытывали в разной степени сильное влияние со стороны тюркских языков. В области лексики и фразеологии балканские языки содержат многочисленные общие элементы тюркского (турецкого) происхождения. Они являются важнейшими признаками «балканского языкового союза»²⁶. Эти положения доклада не вызвали возражения участников конгресса.

С широкой программой дальнейших исследований в области балканской тюркологии на конгрессе выступил Н. А. Баскаков. Он наметил два основных направления: первое — историко-диалектологические исследования различных балканских тюркоязычных этнических групп: гагаузов, караманлийцев, балканских татар и турок, гаджалов, тозлуков, герловцев, юруков-коняров, кызылбашей; второе — изучение тюрканизмов в балканских языках, «причем тюрканизмов в широком значении этого термина, а именно тюрканизмов лексических, фразеологических, стилистических, а также тюрканизмов в области мифологии, эпоса и других форм фольклора»²⁷. Осуществить эту широкую программу исследований необходимо коллективными усилиями балканистов и тюркологов разных стран.

Несколько особняком в проблематике тюркско-балканских языковых контактов стоят вопросы булгарского наследия в бол-

²³ См.: Sandfeld Kr. Linguistique balkanique. Paris, 1930, с. 89—93.

²⁴ См.: Денима Е. И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

²⁵ Sandfeld Kr. Linguistique..., р. 159—162.

²⁶ Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes: VI. Linguistique. Sofia, 1968, p. 89.

²⁷ Actes..., VI, p. 84.

гарском языке. Речь идет об языке аспаруховых булгар, которые позже вошли в состав болгарской народности. Аспаруховыми булгарами в прошлом серьезно занимались историки и археологи. Что касается лингвистических аспектов данной большой проблемы, то в довоенный период сделано было очень мало (статьи С. Младенова, Ив. Манолова и др.). В последние десятилетия этими вопросами стали заниматься более профессионально как в Болгарии, так и в Советском Союзе. В нашей стране различные стороны этой проблемы освещались в публикациях А. С. Львова, О. Н. Трубачева и И. Г. Добродомова. Исследования ведутся на широком общеславянском фоне. Немаловажное значение они имеют и для выяснения многих вопросов из исторической лексикологии русского языка.

Античная балканистика в СССР

Л. А. ГИНДИН

Античная лингвистическая балканистика со своим методом, диктуемым своеобразием фактической базы, и предметом исследования выделилась и сформировалась в самостоятельную дисциплину внутри классической филологии лишь в послевоенные годы. В силу этого обзора подлежат работы, появившиеся у нас в 50—70-е годы.

Античная лингвистическая балканистика изучает древние реалистические языки Балканского полуострова, а именно: догреческий («пеласгский» и др.), фракийский с дакийским, фригийский, иллирийский с мессапским и другие более мелкие. Являясь неотъемлемой частью классической филологии, античная балканистика вынуждена постоянно углубляться в проблематику чистой классической филологии, поскольку весь фактический материал в процессе письменной фиксации претерпел всестороннюю греческую и латинскую адаптацию, а сами туземные языки испытали огромное влияние греческого и латинского языков вплоть до полного поглощения.

Термины «палеобалканистика» и тем более «палеобалканские языки» и даже «палеобалканализм», встречающиеся в литературе, несмотря на компактность, придающую им известное удобство, могут быть употреблены с большими оговорками. Существенным следует считать тот момент, что греческий язык, будучи единственным полно засвидетельствованным языком древнебалканского ареала, в чьей передаче главным образом сохранились реликты всех прочих туземных языков Балкан, ставится термином «палеобалканские языки» в позицию языка заведомо менее древнего по

сравнению, скажем, с языком древних македонцев, выделившимся, видимо, позднее первой волны греческих переселенцев в Элладу. В результате при употреблении термина «палеобалканские языки» искомое — хронология появления или образования упомянутых языков — принимается за доказанное и может служить точкой отсчета относительной лингвохронологии древних языков Балканского полуострова с определенным намеком на автохтонность северобалканских языков. Помимо того, термины «палеобалканские языки», «палеобалканский ареал» вольно или невольно создают обманчивое впечатление единства реликтовых языков Балкан, либо неполно сохранившихся, например, таких, как фракийский и иллирийский (о них определенно известно, что это генетически неблизкие языки), либо практически утерянных (мидонский, пеонский, дарданский, бригийский), о которых вообще приходится воздерживаться от каких-либо умозаключений, кроме исследования небольшого числа конкретных ономастических лексем. В плане же ареальных признаков, требующих многих уточнений, все эти языки входят в более обширный балкано-балтийский ареал или по другим параметрам в центральную зону индоевропейских диалектов (ср. работы Бонфанте, который включал в эту зону и хеттский язык). Поэтому нам представляется более предпочтительным употребление общепринятых описательных терминов «древние негреческие, реликтовые, континентальные и т. п. языки Балкан» при наименовании всей отрасли языкоznания «античная балканистика», так как она по необходимости из-за специфиности исходного материала и источников, о чем уже говорилось, включает в себя определенные аспекты классической (греко-римской) филологии и истории¹.

Античная балканистика оформилась в период методологической зрелости сравнительно-исторического индоевропейского языкоznания с его хорошо отработанными рабочими принципами внешней и внутренней реконструкции различной глубины, методикой пространственного анализа, включая ареально-этимологический и т. п.; все это на фоне обилия накопленных фактов, сведенных в этимологические словари и грамматические компендиумы, дало возможность античной балканистике быстро достичь весьма ощутимых результатов.

Исследование древнебалканских реликтовых языков ведется по следующим основным направлениям, причем по каждому из языков с различной равномерностью:

1) пополнение и коррекция фактической базы на уровне источников, селекция ономастикона по отдельным языкам;

2) реконструкция корневого и лексического фонда, фонетики, морфемно-суффиксального состава в рамках имеющихся возможностей в каждом из языков;

¹ О термине «античная балканистика», месте последней внутри классической филологии, предмете и методе см.: Гиндин Л. А. Проблемы античной балканистики: Лингвистический аспект.— ВЯ, 1973, № 1.

3) определение ареального и генетического статуса отдельных реликтовых языков Балкан по отношению к полно засвидетельствованным индоевропейским языкам и между собой;

4) уточнение результатов и расширение материальной базы за счет современных языков Балкан (ретроспективный подход), выявление древнебалканского фонда этих языков;

5) включение старых и вновь выявленных языковых фактов, в том числе реконструированных, в широкий культурно-исторический контекст Юго-Восточной Европы и Средиземноморья, особенно восточного, с конкретизацией лингвистического, культурного и этнического взаимодействия и взаимовлияния в древний период;

6) изучение этногенеза современных балканских народов на фоне лингвистических данных реликтовых языков Балкан и сообщений античных и византийских письменных памятников, филологически обработанных; субстратная подснова этногенетических явлений на Балканах в рамках более широких разысканий в области этнолингвистической интерференции;

7) интерпретация надписей (фригийских, мессапских, туземных фракийских) с последующей реконструкцией их языка².

Следует специально оговорить, что во всех перечисленных разделах, кроме 1, никакая серьезная работа немыслима без скрупулезной проверки привлекаемых лексико-ономастических и морфологических фактов посредством этимологического анализа, предлагающего целый ряд лингвистических операций, по возможности выполняемых в совокупности.

Необходимость этимологического анализа, различной глубины и широты охвата вовлекаемых в обследование единиц, вызывается еще и тем обстоятельством, что в таких ущербно сохранившихся языках, как древнебалканские негреческие языки, фиксированные по существу только ономастикой, мы практически оперируем фактами не на уровне реального текста и словаря, а имеем дело с лексемной реконструкцией различной полноты и лишь в редких случаях с реконструкцией минимальных отрезков текста, например, в теонимах — композитах и сложных теофорных именах.

Переходя к обзору отечественных исследований, отметим, что в отличие от зарубежных работ, наша античная балканстика, начавшая сравнительно интенсивно развиваться в 50-е годы, на первых порах сосредоточила свое внимание на теоретических вопросах влияния древнего балканского субстрата на структурные сходства современных балканских языков, образующих «балканский языковой союз». Специфичность воздействия субстрата на язык-воспреемник отметил С. Б. Бернштейн в 1956 г. на особой

² Более детальную разработку проблематики и методики античной балканстики см.: Гиндин Л. А. Проблемы..., с. 76—78.

сессии, посвященной проблемам субстрата³, высказал мысль, что падение склонения в болгарском, предполагая влияние фракийского субстрата, отнюдь не обусловливает отсутствия падежной системы в последнем. В своем очерке сравнительной грамматики славянских языков С. Б. Бернштейн усматривает причину возникновения известных черт современных балканских языков в воздействии «общего для них древнего субстрата»⁴. Этот же теоретический постулат, нуждающийся в значительных уточнениях; так как единого этнолингвистического субстрата на Балканах и в сопредельных районах к северу никогда не было, С. Б. Бернштейн распространил на происхождение общих черт языков карпатского ареала, справедливо полагая, что сам карпатский ареал является северной периферией «балканского языкового союза»⁵. Попутно отметим интересную мысль С. Б. Бернштейна относительно роли кельтского субстрата в формировании восточнороманской речи, которая из Трансильвании распространилась по всей Дакии и в смежных с ней областях, т. е. в Закарпатье⁶.

Разрабатывая глубже теоретические основы карпатского языкознания, С. Б. Бернштейн в своем докладе на III Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы, проходившем в Бухаресте в 1974 г., склонен в противовес ортодоксальной теории субстрата объяснить общие явления в карпато-балканском ареале более емким понятием языковой интерференции, охватывающим как субстратно-суперстратные, так и адстратные отношения, в результате чего механизм и последствия языковых контактов на различных хронологических срезах получают более всестороннее описание⁷.

В отличие от С. Б. Бернштейна, интересующегося античной балканской главным образом в аспекте балкано-славистических проблем и вопросов современной балканистики (resp. карпатистики), А. В. Десницкая, индоевропеист и албановед, отмечая важность для всей индоевропейской диалектографии «запол-

³ Доклады и сообщения Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1956, т. IX, с. 130 и след.

⁴ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 13.

⁵ Бернштейн С. Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии.— В кн.: Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 31; *Он же*. Проблемы карпатского языкознания.— В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М.: Наука, 1972, с. 7, 13; *Он же*. Вопросы интерференции языков карпато-дунайского ареала.— В кн.: Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.): Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1973, с. 6.

⁶ Бернштейн С. Б. Проблемы интерференции..., с. 31 и след.; ср.: *Он же*. Очерк..., с. 14.

⁷ Бернштейн С. Б. Интерференция языков карпатского ареала.— БИ. Проблемы истории и культуры, 1976 [вып. 2], с. 202 и след.

нения белого пятна», образованного в центре индоевропейской языковой зоны древними реликтовыми языками⁸, стремится на значительном конкретном материале представить ареальные и генетические отношения древних и современных балканских языков преимущественно через призму албанского языка, единственного на Балканах более непосредственного представителя древнего балканского субстрата, склоняясь при этом к иллирийской гипотезе происхождения албанского. Не будучи приверженцем упомянутой гипотезы, я бы выделил три работы А. В. Десницкой, касающихся проблем античной балканистики: «Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики»⁹, весьма своевременно акцентирующую внимание на связях албанского с индоевропейскими языками, окружающими балканский ареал с севера; «Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общебалканские лингвистические проблемы»¹⁰, содержащую поучительную попытку реконструкцииprotoалбанского состояния методом сравнительно-исторической ретроспекции; и статью «О некоторых вопросах балканистики в связи с изучением карпатского лингвистического ареала»¹¹, толкующую некоторые карпатские лексемы, включая отдельные албано-восточнороманские соответствия, как непосредственные проникновения из албанского, что, впрочем, в ряде позиций не может не вызвать известных возражений (ср., например, относительно румынского *brinză* «сыр» из албанского *brenza-t* «внутренности»; на мой взгляд, отсутствие родственной лексемы для *брынзы* в албанском, а также промежуточных значений в румынском (*желудок*→*сычуг*→*сыр*) значительно снижает достоверность данной этимологии).

На близкую тему написана работа Л. А. Гиндина и И. А. Калужской¹², содержащая список карпатских лексем, подлежащих проверке на возможность субстратного дакийского и, шире, древнебалканского происхождения¹³.

Проблемы соотношения субстрата и адстрата и соответственно пропорций их изучения в пользу адстратных исследований в рамках общей теории интерференции трактуются в статье Гиндина

⁸ Десницкая А. В. Предисловие к кн.: Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс, 1964, с. 12 и след.

⁹ См.: ВЯ, 1965, № 6.

¹⁰ In: Actes du 1-er Congrès international des études Sud-Est Européennes: VI-Linguistique. Sofia, 1968.

¹¹ См.: ВЯ, 1976, № 3; см. также: Десницкая А. В. К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков.— В кн.: Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов.

¹² К вопросу о лексических карпатизмах субстратного происхождения.— ССЛ, 1976, № 6.

¹³ См. также специальный обзор литературы о субстратных элементах в румынском языке: Калужская И. А. Проблема автохтонных элементов в румынском языке в современной литературе.— СБЯ, 1977.

о древнем балканском субстрате и адстрате¹⁴. Большая часть статьи посвящена принципам реконструкции фракийского в плане адстратных взаимоотношений с ранне- и позднехеттскими языками (resp. этносами), иллюстрируемым конкретными разработками: *Кооб-хаур, -кабир/Каб(ε)ир, Перкунис/Перкоус*; там же помещен список квазидогреческих слов-заимствований из хетто-ливийских и семитских языков и ряд фрако-троянских (гомеровских) соответствий.

Методологический уровень и объем этимологической практики как обычной, так и ономастической лексики, характеризующие нашу науку с 50-х годов, определили несомненные успехи и масштабы ареально-этимологического анализа фракийского и, менее, иллирийского языка, во-первых, в уяснении места этих языков в кругу других индоевропейских, при дальнейшей конкретизации этнолингвистических связей, и, во-вторых, в реконструкции их словарного состава и фонетико-морфологического облика. Базируясь на сплошном этимологическом обследовании определенного ономастикона под углом зрения какого-либо одного ареально близкого языка, данный подход с известной результативностью проявил себя в работах ряда ученых.

В статье В. Н. Топорова¹⁵ содержится насколько возможно полное, построенное по типу словаря (от А до Я) собрание фрако-балтийских соответствий, в ряде случаев сопровождаемых тонкими этимологическими наблюдениями с обширной библиографией. При отдельных недочетах, главный из которых значительные лакуны в привлечении ономастического материала по другим индоевропейским языкам, лишающие фрако-балтийские соответствия статуса эксклюзивности вопреки впечатлению,ющему возникнуть у читателя, упомянутая работа В. Н. Топорова наряду с одновременно выполненной монографией болгарского лингвиста И. Дуриданова¹⁶ является важным этапом в современной фракологии. Те же идеи специфической ареальной близости фракийского и балтийского в определенный период вытекают из особого раздела «О возможности интерпретации некоторых дакийских названий растений», содержащего несколько убедительных этимологий (*usazila, τεύδιλα, amolusta*), статьи В. Н. Топорова¹⁷. В аналогичном ключе выполнена и более ранняя работа Топорова¹⁸,

¹⁴ Гиндин Л. А. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976.

¹⁵ Топоров В. Н. К фракийско-балтийским параллелям.— В кн.: Балканское исследование. М.: Наука, 1973; БЛС. М.: Наука, 1977.

¹⁶ Duridanov I. Thrakisch-Dakische Studien. I. Die thrakisch- und dakisch-baltilischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969.— Linguistique balkanique, XIII, 2.

¹⁷ Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры.— В кн.: I симпозиум по балканскому языкознанию: Античная балканстика. Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации). М.: Наука, 1972, с. 28—30.

¹⁸ Топоров В. Н. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области

рассматривающая около 50 иллиро-балтийских параллелей. По мере надобности собранный в упомянутых статьях древнебалканский материал включается Топоровым в его интереснейший по замыслу и выполнению словарь прусского языка¹⁹.

Ареально-этимологический принцип лежит в основе нескольких работ Л. А. Гиндина, в частности в его монографиях²⁰, а также в ряде статей, где высказываются дополнительные аргументы в пользу гипотезы, постулирующей преданатолийский ареал хетто-ливийских племен на территориях, примыкающих к Балканскому полуострову с северо-востока²¹, содержащаяся совокупный этимологический анализ фрако-тroyянских (гомеровских) ономастических тождеств, включая рассмотрение гомеровских *Troia* и *Τροίας* обусловивший предположение о превалирующем фракийском компоненте в составе населения гомеровской Трои²², и две статьи относительно генетической и ареальной близости «пеласгского» догреческого слоя, который выявляется за вычетом анатолийского, к фракийскому, с попыткой пространственного и хронологического приурочивания предполагаемой общности²³.

Обширный материал со значительной долей собственно догреческого суммируется в статье Ю. В. Откупщика о балкано-малоазийских топономических изоглоссах²⁴. В результате только словообразовательных выкладок в сфере догреческой ономастики при полном отрицании возможностей этимологического анализа

тонономастики.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М.: Наука, 1964.

¹⁹ Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь А — Д. М.: Наука, 1975. То же. Е — Н. М.: Наука, 1979.

²⁰ Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. М.: Наука, 1967; *Он же*. Древнейшая ономастика Восточных Балкан: Фрако-хетто-ливийские и фрако-малоазийские изоглоссы. София: Изд-во БАН (в печати). Основные результаты и методологические установки данной монографии изложены: Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан: Фрако-хетто-ливийские и фрако-малоазийские изоглоссы: Автореф. докт. дис. М.: 1974; об ареально-этимологической методике см.: Гиндин Л. А. К реконструкции фракийского.— В кн.: I симпозиум по балканскому языкознанию...

²¹ Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского II: К балкано-хетто-ливийским изоглоссам в преданатолийский период.— Этимология 1972, 1974; *Он же*. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского догреческого» слоя.— ВЯ, 1971, № 1, с. 49 и след.

²² Gindin L. A. Thrace et Troie d'après les données linguistiques. Linguistique balkanique. Sofia, 1978, XXI, 1; Gindin L. A. Les rapports linguistiques de la Thrace ancienne avec la Trois homérique.— In: IIe Congrès international de thracologie. Bucarest, 4—10 septembre 1976; Résumés des rapports et communications. Bucarest, 1976.

²³ Gindin L. A. Le pélasgique et le thrace.— In: L'ethnogenèse des peuples balkaniques: Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 23—28 avril 1969. Sofia, 1971; *Он же*. К проблеме...

²⁴ Откупщиков Ю. В. Балкано-малоазийские топономические изоглоссы. М., 1974. В сжатом виде и с большей категоричностью конечных выводов повторено в докладе на III Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы.— БИ, Проблемы истории и культуры...

(с. 17) автор приходит к выводу о значительном карийском вкладе в догреческий субстрат, что само по себе не лишено вероятности (ср. высказывания на этот счет древних и современных ученых), однако в данном случае под карийцами понимаются выходцы из центральных и северных областей Балканского полуострова (с. 26), а не конкретно засвидетельствованный в Малой Азии народ, известный, по всей вероятности, еще хеттам (ср. идентификацию греко-малоазийского *Karīa* с хеттским *Karkija/Karkišša*) и чья ономастика бесспорно входит в лексико-ономастическую и словообразовательную систему позднехеттских языков²⁵. В том же можно убедиться проверив по Сундвалю, с учетом некоторых правил реконструкции, карийские топонимы из списка балкано-малоазийских изоглосс, помещенного в рассматриваемой статье. Вместе с тем в пользу континентального ареала распространения карийцев наука не располагает никакими объективными данными, кроме словообразовательных ономастических цепочек, могущих в немалой части своей оказаться плодом позднейшей греческой колонизации, не говоря уже об их возможной обратной (т. е. из Малой Азии на Балканский полуостров) направленности (ср. в указанном докладе Ю. В. Откупщикова: *Κιλιξ*, -*ικος* → **Κιλιχ-ια* > *Κιλισσα* без палатализации *Κιλιχια*), но если учесть раннехеттскую форму *Hilakkai* ≈, обычно отождествляемую с *Κιλιξες*, то следует постулировать противоположно направленный процесс: *Hilakkai* ≈ греческий адаптационный эквивалент *Κιλιξες* «киликийцы» → результат переразложения nom. sing. *Κιλιξ*, gen. *Κιλιχος* «киликиец» → **Κιλιχια* > *Κιλισσα*, собственно «киликийская», обычно γαῖα; таким образом, *Κιλιξ* и *Κιλισσα* — чисто греческие, но не догреческие образования. Поскольку от карийского языка сохранилась только ономастика, явно малоазийская (resp. позднехеттская), и несколько гlossen (ради объективности оставляем в стороне результаты различных дешифровок карийских надписей), то вызывает сомнения и другой вывод упомянутого доклада (с. 11), что «„карыйский язык“ и по своему лексическому составу и по словообразовательным моделям из всех известных нам индоевропейских языков наиболее близок к языку греческому».

Достоверное этимологическое истолкование при дальнейшей этнолингвистической интерпретации и новых чисто этнологических выводах касательно присутствия иллирийцев в верхнем Поднепровье с примыкающими частями Припятского бассейна, а также фракийцев и дакийцев в районе Южного Буга и среднего Поднепровья приобретают древнебалканские гидро- и реже топонимические факты в книге О. Н. Трубачева, посвященной названиям рек Правобережной Украины²⁶. Это исследование построено на сплош-

²⁵ См. специально об этом: Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Praha, 1964, s. 560.

²⁶ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968.

ном этимологическом обследовании данной территории и смежных областей (Бескиды < иллирийское **bizkit-* < **buz-* < **bhūg-* «бук» + **kit*- «лес», ср. Кéтион ѿрос «Венский лес» — Птолемей и пр.²⁷; Дукля — название перевала в северной части Карпат из иллир. **dōkl-*, ср. иллирийский город в районе Черногории Δόχλεα — Птолемей; Днепр (др.-русск. *Дънѣпръ*) и Днестр (др.-русск. *Дънѣстръ*) в качестве заимствования через дакийское посредство из **dýn-ipr-* и **dýn-istr-* и многое другое²⁸. Широким включением древнебалканских реликтов и бережным воспроизведением научных мнений и литературы, относящихся к ним, отличается этимологический словарь славянских языков, издаваемый под редакцией и с авторским текстом О. Н. Трубачева²⁹.

В известном смысле работы О. Н. Трубачева по реконструкции «припонтийского индоарийского диалекта синдо-меотов»³⁰ весьма тесно смыкаются с проблемами античной балканистики, во всяком случае в отношении актуальной темы — фракийцы в Причерноморье³¹.

Указанные труды О. Н. Трубачева в определенной мере продолжают традиционную линию в славянской этимологии А. И. Соболевского и особенно М. Фасмера с его стойким интересом к дославянскому населению юга России³².

Важной темы касается В. П. Нерознак в статье «Палеобалканские и кельтские ономастические параллели»³³. Однако, делая выборку из компендия Д. Дечева³⁴, автор не отнесся достаточно критически к устаревшим уже утверждениям болгарского ученого. Так, например, в статье В. П. Нерознака вслед за Дечевым фракийское местное название *’Idη* (город в фракийском Херсонесе)

²⁷ Ср.: *Десницкая А. В. О некоторых вопросах...,* с. 42; укр. *Бескид* и пр. на основе апеллатива, представленного в албанском *bjeshkë*, -а «летнее пастбище в горах; гора, на которой пасут скот», молдавское *бескид* — «гора, скала».

²⁸ См. также: *Трубачев О. Н. Из опыта исследования гидронимов Украины*. — *Baltistica*, 1968, IV (I).

²⁹ Этимологический словарь славянских языков: Правславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974—1978. Вып. 1—5. См., например, s.v.v. **bara* и **bolto* в указ. соч. и в аналогичном по замыслу словаре: *Słownik prasłowiański*. / Под ред. Ф. Славского. *Wrocław* — *Warszawa* — *Kraków*, 1974—1976. Т. I—II.

³⁰ *Трубачев О. Н. О синдах и их языке.* — ВЯ, 1976, № 4.

³¹ См., например: *Трубачев О. Н. Temarundam «matrem maris»*. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. — Античная балканистика, 2. Предварительные материалы. М.: Наука, 1975. О возможном происхождении этонима *Киферия* из фрак. **kir(s)-mar-io* «черноморские» ср. анатолийскую этимологию: *Heinbeck A.* — *Hermes*, 1963, 91, 4, с. 490 и след.

³² См., в частности: *Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland*, Leipzig, 1923 (с широким привлечением фракийских данных из работ В. Томашека).

³³ В кн.: Кельты и кельтские языки. М.: Наука, 1974.

³⁴ *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957.

сополагается с кельтским *Idicum castrum*, *Idiense territorium* и пр., несмотря на то, что давно установлена адекватность фракийского топонима с критским и троянским ⁷Ιδη/α-догреч. ⁷ιδη/α, в надписях фиксированном как Βίδαν, от чего в кельтском ожидалось бы форма с *ц*- в анлауте, где оно неизменно сохранялось, за исключением факультативных случаев в позиции перед огубленным гласным; и действительно возможные соответствия в кельтском догреческому индоевропейскому ⁷ιδη < **uiduā*, давно уже отмеченные в литературе, имеют начальное *ц*- (см. др.-ирл. *fid* «дерево, лес, дрова», кимрское *gwŷdd* «то же» и т. д.); кстати в разбираемой статье при (фракийском) ⁷Ιδη указано только троянское и критское местоположение (?). Без необходимых оговорок приводится якобы кельтское *Aeliana Pincensia* в сопоставлении с фракийским (мизийским) энтонимом *Picenses* и пр., со ссылкой на Д. Дечева, который в данном месте как раз считает его фракийским и специально помечает, что Хольдер неверно квалифицирует *Pincus resp. Aeliana Pincensia* как кельтское; к тому же в кельтском, как известно, этимологическое *p* (ср. умбридское *Pixtuoī*, *Picentes*, иллирийское *Picentinum*, цитируемые Нерознаком там же) в анлауте исчезало *.

Перу известного востоковеда И. М. Дьяконова принадлежит несколько работ, в деталях рассматривающих важный для всей индоевропейской пространственной лингвистики вопрос о месте фригийского в кругу индоевропейских языков; по многим параметрам автор выступает в защиту старого тезиса (еще Геродота и Эвдокса Книдского) о специфической близости фригийского к армянскому с признанием в свою очередь весьма вероятного особого тесного родства между фригийским и фракийским ³⁵. Последний тезис может вызвать ряд возражений. Близость армянского языка к реликтовым языкам Балканского полуострова: дофригийскому Хааса, собственно фригийскому и древнемакедонскому — пыта-

* Подобный же информативный характер носит книга В. П. Нерознака «Палеобалканские языки» (М.: Наука, 1978), опубликованная, когда настоящий обзор уже находился в печати. Определенный интерес представляют помещенные в этой книге два списка албано-румынских лексических соответствий, почти целиком воспринятых из специальной работы Ч. Потирка (см.: *Poghirc C. Influența autohtonă*. — In: *Istoria limbii române*, București, vol. II, 1969, p. 327—335; 335—356. Что же касается главы IV «Словарь Гесихия как источник для изучения палеобалканских языков» (текст полностью идентичен статье в ВЯ, 1978, № 4), то ей свойственны те же просчеты, как и ниже рассмотренной статье В. П. Нерознака на ту же тему).

³⁵ Дьяконов И. М. Хетты, фригийцы и армяне: Проблема армянского языка.— В кн.: Переднеазиатский сборник: Вопросы хеттологии и хурритологии. М.: Изд-во вост. лит., 1961; *Он же*. Предыстория армянского народа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968; *Он же*. Место фригийского языка среди индоевропейских языков.— В кн.: I симпозиум по балканскому языкоизанию...; Нерознак В. П. К изучению фригийского языка: Проблемы и результаты.— Древний Восток. 1976, № 2; ср.: Гиндин Л. А. К проблеме..., с. 47.

ся выявить Г. Б. Джакян в монографии, исследующей место армянского в кругу древних индоевропейских языков³⁶.

Опыт ареальной лингвистики, эффективно применяющий методику изоглоссного анализа в решении проблем членения индоевропейского диалектного пространства на различных хронологических срезах, не мог не стимулировать попыток осмыслиния достаточно богатого, как и столь же зыбкого, материала (главным образом ономастического) древних негреческих языков Балкан под углом зрения некоторых важных изоглосс (судьба индоевропейских палатальных и. т. п.), разделяющих «запад» и «восток», «центр» и «периферию»³⁷. Начало конкретным разработкам данного направления исследований положено В. В. Ивановым в его статье «Проблема языков centum и satem»³⁸, постулировавшим в аспекте традиционного членения по рефлексам индоевропейских палатальных балкано-балтийскую переходную зону, южным продолжением которой, по его мнению, являются анатолийские языки. Дальнейшее развитие эта идея с добавлением еще двух критериев (степень проявления тенденции к передвижению согласных, переход *o* в *a*) получила в работах Л. А. Гиндина³⁹. С некоторыми нюансами и привлечением материала не собственно балканских языков, мессапского и фригийского, ту же мысль трактует в обобщающей статье В. П. Нерознак⁴⁰.

Большое значение имеют исследования, в которых по данным языка реконструируются элементы древней культуры. В этом направлении много и плодотворно работает В. Н. Топоров, пришедший постепенно к важному выводу, что континентальные области Балкан служили связующим и в определенном смысле передаточным звеном в цепи взаимоотношений культур Передней Азии и обширного региона, опоясывающего Балканский полуостров с севера. Труды В. Н. Топорова, которые в известной мере условно могут быть отнесены к этой рубрике, отличает фундаментальность и оправданная смелость этимологической мысли в совокупности с широкой филологической базой анализа, проводимого на уровне текста. Имеются в виду следующие работы: «К древнебалканским связям в области языка и мифологии»⁴¹ (иллирийское *Noreia*,

³⁶ Джакян Г. Б. Армянский и древние индоевропейские языки. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970 [на арм. яз.]

³⁷ См.: Надэль Б. Н. К вопросу о фракийском языке.— Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т, 1955, т. III, пункт 2; Гиндин Л. А. Проблемы..., с. 76, 77, пункт 8.

³⁸ См. Иванов В. В. Проблема языков centum и satem.— ВЯ, 1958, № 4; Он же. Хеттский язык. М.: Наука, 1964.

³⁹ Гиндин Л. А. К проблеме..., с. 48 и след.; Gindin L. A. Le pélasgique..., р. 240; Он же. Древнейшая ономастика..., с. 7 и след.

⁴⁰ Нерознак В. П. Палеобалканские языки: Ареальные и генетические отношения.— БИ: Проблемы истории и культуры; Он же. Фракийский язык как проблема палеобалканистики.— In: Thracia. Primus congressus studiosorum thraciorum, II. Serdicae, 1974.

⁴¹ См.: БЛС, 1977.

* *Per(k)yn-* в современных и древних языках Балкан, наряду с отождествлением фракийского *Нрως* — хеттское *Pirqa*, и вслед за Л. А. Гиндиным эпитета Хэроса *Перквнъс* — литовское *Perkūnas* и пр.); «Хеттское *purullija*, латинское *Parilia*, *Palilia* и их балканские истоки»⁴² (эпицентр возникновения данных форм, а также болгарского *пълелия*, обозначающих в реконструкции новогодний праздник огня, усматривается во фракийском, где сохранились имена типа *Пурулас*, *Purula* и т. д.); «Мо̄зай „Музы“: Сопротивление об имени и предыстории образа (К оценке фракийского вклада)»⁴³ (при глубокой разработке надлингвистических (мифологических) и ономастических данных вплоть до *Moesia*, *Mosia* и т. д., отождествление с индоевропейским словом, отраженным греческим μός «мышь», наталкивается на трудно преодолимые фонетические препятствия); «Заметки о растительном коде основного мифа (перец, петрушка и т. п.)»⁴⁴.

В контексте восточносредиземноморских языков и культуры в целом, особенно анатолийской, включает в аналогичной методологической манере факты древних северобалканских языков В. В. Иванов. Его работам свойственно богатство фактов как генетического, так и типологического характера и чрезвычайная полнота научной литературы. Более непосредственно нашей темы касаются: «Иллирийское *Кау-даю*⁴⁵ как отражение древнебалканского и общеиндоевропейского текста мифа о герое-убийце Пса-Волка»⁴⁶; «К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям»⁴⁷ (квазифракийская гlosса ζέμφρος и ее корреляты, языковые и ритуально-мифологические представления, связанные с культом волка в указанном ареале); «Микенское и греческое *wa-na-ka* и его индоевропейские соответствия»⁴⁸ (возможность исконного происхождения старофригийского *vanaktei* и его принадлежности к тохаро-греко-фригийской изоглоссной области).

Значительный древнебалканский языковой материал в мифоритуальном обрамлении используется В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым для реконструкции и осмыслиения индоевропейского мифа о поединке на славянской почве в их книге «Исследования в области славянских древностей»⁴⁹. Существенные фольклорно-ритуальные данные по указанной схеме из более поздних балканских тра-

⁴² См.: БЛС.

⁴³ См.: СБЯ, 1977.

⁴⁴ См.: БЛС.

⁴⁵ Не исключена фракийская атрибуция данного эпитета Ареса у крестонян (ср.: *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*, S. 225).

⁴⁶ См.: Симпозиум по структуре балканского текста: Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1976; Иванов В. В. Хеттский язык, с. 92 и след.; Он же. Проблема языков *centum* и *satem*, с. 21.

⁴⁷ См.: БЛС.

⁴⁸ См.: БЛС.

⁴⁹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста. М.: Наука, 1974.

диций, включая современную, можно найти в статье Т. В. Цивьян «Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце»⁵⁰.

Более скромны успехи нашей науки в области восстановления самих реликтовых балканских языков как таковых и в коррекции и пополнении источников для этой реконструкции. В данной связи можно сослаться на уже упоминавшиеся монографии Л. А. Гиндина по додревескому и фракийскому и ряд более мелких этюдов, посвященных восстановлению отдельных конкретных лексем⁵¹, на работы по фригийскому И. М. Дьяконова, публикующего их в соавторстве с В. П. Нерознаком⁵².

Здесь же можно упомянуть пространную рецензию В. В. Иванова на известную книгу В. Мерлингена по додревескому языку⁵³.

Небольшая заметка О. Н. Трубачева «*Euboedunum — Singidunum*»⁵⁴ посвящена диахронической идентификации указанных субстратных, по мысли автора, кельтских топонимов в современном чешском *Brno* и венгерском *Szeged* (последнее впервые).

В двух статьях: «Фракийские реликты в балканских языках» и «Палеобалканские элементы в словаре Гесихия»⁵⁵ В. П. Нерознак ставит перед собой задачу, как мы понимаем, ретроспективного выделения лексических элементов реликтовых балканских языков в современных балканских языках, прида в итоге к выводу об иллирийской принадлежности албанского языка⁵⁶. К сожалению, обе статьи, особенно вторая, выполнены при недостаточном внимании к основному требованию, которое предъявляется к подобного рода работам,— производить всякое сравнение древних форм с современными на уровне реконструкции. Так, в первой статье болгарское *зян* «вред», «убыток», «пагуба» непосредственно произ-

⁵⁰ См.: БЛС.

⁵¹ См.: Гиндин Л. А. К реконструкции...; *Он же*. Рефлексы и.-е. *d(e)iēu- в фракийских языковых реликтах.— Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря 1972): Предварительные материалы. М.: Наука, 1972; *Он же*. «Анатолийские» лексико-ономастические основы в ономастике Древней Фракии.— In: *Thracia. Primus congressus studiorum thracicorum*, II, Serdicae, 1974; *Он же*. Фрако-анатолийская теонимическая основа *Hepta.— В кн.: Этимология, 1973. М.: Наука, 1975; *Он же*. *(“Нρως)Περκωνις resp. Περκονις: К возможностям реконструкции фракийского языка на материале греко-римских надписей.— ВДИ, 1978, № 3.

⁵² См.: Дьяконов И. М., Нерознак В. П. Основные черты фригийской морфологии.— В кн.: Античная балканистика 2; *Они же*. Очерк фригийской морфологии.— *Baltistica*, 1977, II, priedas. Статья базируется на ревизии всего фригийского корпуса, включая словоцеления и т. п.

⁵³ Иванов В. В. [Рец. на кн.] Merlingen W. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen.— ВДИ, 1955, № 6.

⁵⁴ См.: В кн.: Изучение географических названий.— Вопросы географии. 1966.

⁵⁵ См.: Балканская филология.— Учен. зап. / Ленингр. ун-т, 1970, № 343. Сер. филол. наук, вып. 73.

⁵⁶ Нерознак В. П. Албанский — иллирийский — мессапский.— В кн.: Античная балканистика, 2.

ведено от фракийского ζήνα χώνειον «цикута» (глосса Диоскорида), хотя общизвестно, что болгарское слово, как и сербское *zijan* «то же», является балканским турцизмом персидского происхождения: через турецк. *ziyan* от персидского *ziyān* и пр.⁵⁷; произведенное наряду с болгарским *зян* сближение дакийского ζήνα с албанского *xanë* «дрок» также невозможно, поскольку в албанском *ă* и ё долгие перешли в *o* (ср. албанское *motër* «сестра» < и.-е. * *māter* и *mot* «год» < и.-е. * *mēt-*)⁵⁸.

Недопустимое сближение имеется во второй статье, где с албанским *kikel*, *kike* «вершина, верхушка» отождествлена фригийская глосса κίκληντὴν ἄρχον τὸ ἀστρον· Φρόγες, разумеется, не «созвездие, звезда», как переводит автор, а буквально «созвездие (Большая) медведицы», которое греки называли также ἄμαξα буквально «четырехколесная повозка», аналогично хеттам и германцам; трактовка данной глоссы как рефлекса и.-е. * *k^uek^ulo-*, ср. греч. κύκλος «колесо», тохарское *A kukāl* «колесо» и т. п. давно уже стало общим местом всех этимологических словарей и специальных работ⁵⁹. В албанском же и.-е. *k^u-* перед светлым гласным давало регулярно *s*; и, действительно, от нередуплицированного и.-е. корня * *k^uel-* имеется албанское *sjell* «drehe um, wende bringen»⁶⁰.

В этом разделе следует указать интересную работу Б. Н. Надэля⁶¹, соотносящую ряд фонетических особенностей албанского и восточнороманских языков с фонетическими явлениями фракийского и иллирийского, в также содержательную рецензию В. И. Абаева на книгу Д. Дечева⁶².

Поскольку прогресс в любой отрасли научного знания в значительной степени зависит от притока новых сил и своевременного обмена информацией, уместно отметить, что в Институте славяноведения и балканистики АН СССР с весны 1972 г. регулярно проводит конференции постоянно действующий Межинститутский семинар по балканскому языкознанию, античному и современному, выпускающий каждый раз пространные предварительные материалы⁶³; статьи по различным вопросам античной

⁵⁷ См.: Георгиев Вл. и др. Български етимологичен речник. София, 1971, св. VIII, с. 671; Skok P. Etimologiski gječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1973, kn. III, s. 654.

⁵⁸ Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I. Bern — München. 1959, resp. S. 700, 703.

⁵⁹ Gusmani R.—Rendiconti dell'Istituto Lombardo di Scienze e Lettere, 1958, 92.

⁶⁰ Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I, S. 639.

⁶¹ Надэль Б. Н. Фонетические явления фракийского и иллирийского языков.—ВЯ, 1956, № 4.

⁶² Абаев В. И. [Рец. на кн.:] Дечев Д. Характеристика на тракийския език.—1964, № 2.

⁶³ См.: I Симпозиум по балканскому языкознанию: Античная балканстика...; Античная балканстика, 2; Античная балканстика, 3: Языковые

балканистики публикуются в сборниках того же института (ежегодник «Славянское и балканское языкознание», «Балканский лингвистический сборник», «Балканские исследования»). При Институте славяноведения и балканистики функционирует также с участием студентов МГУ семинар «Античная балканистика».

Резюмируя изложенное, думается, правомерно заключить, что в отечественной науке античная (лингвистическая) балканистика если и не во всех направлениях одинаково далеко продвинутая область, то в любом случае интенсивно развивающаяся.

данные и этнокультурный контекст Средиземноморья: Предварительные материалы. М.: Наука, 1978; (подробную информацию об этой конференции см.: ВДИ, 1979 — в печати); Симпозиум по структуре балканского текста: Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1976.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАЛКАНСКИХ СТРАН В РОССИИ И СССР

Об изучении новоболгарской письменности в отечественной филологии

Е. И. ДЕМИНА

В истории словесности балканских народов и истории их литературных языков особое место занимает период конца XVI — начала XVIII в., для которого характерны глубокие типологические сходства многих историко-культурных и общественных процессов и тенденций развития, обусловленные сходством исторических и экономических условий жизни порабощенных балканских народов. Этот период по праву можно считать переломным, открывающим собой предысторию современных балканских литературных языков, поскольку у всех балканских народов он связан с отказом от традиционного литературного языка (книжнославянского в Болгарии, Валахии, Трансильвании и Молдове, классического языка византийской эпохи в Греции, латинского, арабского, отчасти — книжнославянского в Албании) и с созданием новых книжных языков, претендующих на роль литературных.

Важнейшей типологической тенденцией в структуре этого процесса является то, что у всех балканских народов в этот период новые типы книжного языка формировались на основе живой современной народной речи (обычно — народно-разговорных койне городского населения) с целью создания письменности, понятной простому народу. Последнее, в свою очередь, было неразрывно связано с общей демократизацией письменности и литературы в этот предвзрожденческий период.

Отсутствие единого политического, экономического и культурного центра и соответственно направленной языковой политики государства, исповедание у некоторых балканских народов (главным образом, в Албании) различных религий при конфессиональном в целом содержании литературы, сильная диалектная раздробленность языкового континуума, упадок образования и ряд более частных причин способствовали возникновению центробежной тенденции к дивергентному развитию, к осуществлению все новых и новых опытов демократизации языка письменности.

Этим обусловлено сосуществование в это время у всех балканских народов целого ряда книжных языков на народной основе, каждый из которых обладал своей, внутренне присущей ему нормой и отличался от других главным образом выбором диалектной основы и отношением к литературной традиции. Эти новые книжные языки конкурировали с еще отчасти сохранившим свои позиции традиционным литературным языком. Поэтому языковая ситуация этого периода у балканских народов характеризовалась тенденцией к литературному двуязычию и многоязычию гомогенного и гетерогенного происхождения¹.

В южнославянских (болгарских) землях этот период ознаменован появлением распространявшихся в рукописных списках дамаскинов — компилиативных сборников произведений религиозно-дидактического содержания, в состав которых в значительной части входили переводы из «Сокровища» греческого писателя XVI в. Дамаскина Студита и других памятников письменности. Это были главным образом сборники смешанного содержания, выделяющиеся живым, народным в своей основе языком.

Создатели старших дамаскинов обратились к традиционному литературному языку — книжнославянскому болгаро-сербской редакции, языку синтетического грамматического строя, уже не соответствующему живой народной болгарской речи, спорадически отражавшему лишь отдельные, оторванные от общей системы ее структурные особенности. И хотя, как это подчеркнул П. А. Лавров, «перевод статей автора, писавшего новогреческим языком, дал, по-видимому, сильный толчок оживлению бесцветного литературного языка южнославянского, как его справедливо иногда называют болгаро-сербским, внесением в него живой народной струи»², сами по себе старшие переводы не могли бы претендовать на роль значительного, этапного явления в культурной жизни страны. Однако им суждено было стать начальным звеном в цепи событий, оставивших яркий свет в истории болгарской письменности и болгарского литературного языка, в истории общественной мысли в Болгарии и формировании болгарского национального самосознания. Как известно, в начале XVII в. текст одного из переводов Дамаскина Студита на книжнославянский язык — «среднегорского перевода» — наряду с произведениями других авторов, взятыми из различных славянских источников, был переведен на живой болгарский язык того времени во всем своеобразии его аналитического грамматического строя и народного словаря. Создатели новоболгарского перевода, возникшего, как мы полагаем на основании языковых и палео-

¹ См. подробнее: Демина Е. И. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков. М.: 1974. Сокращенный текст этой работы см.: БИ, Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, с. 284—291.

² Лавров П. А. Дамаскин Студит и сборники его имени «дамаскины» в южнославянской письменности. Одесса, 1899, с. 40.

графических данных, в районе одного из болгарских говоров в переходной диалектной зоне около так называемой границы по ъ (видимо, в границах бывшей Ловечской епархии), взяв за основу книжного языка живую народную речь, умело воспользовались системой письма и словарным запасом традиционного литературного языка. Составленный ими сборник, подобно древним славянским гомилиарам, содержал жития, сказания о праздниках, апокрифы, проповеди на отдельные дни сентябрьской половины года, расположенные в календарной последовательности (с начала индикта 1 сентября, далее по дням и неделям Великого Поста) и предназначался для чтения в церквах простому народу³.

Создание письменности на доступном широким массам родном языке явилось важным патриотическим делом, выражением сопротивления политике насилиственной ассимиляции болгарского народа.

На протяжении XVII в. в различных центрах письменности северо-восточной Болгарии появляются новые, иногда повторные переводы на народный болгарский язык ряда произведений различных церковных авторов, в том числе Дамаскина Студита. Их создатели нередко обращаются не только к архаичной славянской традиции и более ранним новоболгарским переводам, но и непосредственно к греческому первоисточнику. Язык этих переводов содержит ряд иных диалектных особенностей, чем в первоначальной принятой в новоболгарских текстах системе, однако никогда полностью с нею не порывает.

В XVIII в. возникает целый ряд новых сборников-дамаскинов, которые со старшими дамаскинами отчасти связывает включение в их состав отдельных произведений Дамаскина Студита, в том числе в новых переводах. Их создатели обращаются ко многим источникам, сокращают, дополняют и обрабатывают исходный текст. Поэтому сборники XVIII в. существенно отличаются между собой не только по особенностям своего языка, но и по составу статей и редакциям текста.

Таким образом, дошедшие до нас «дамаскины» отличаются большим разнообразием. Одни из них генетически взаимосвязаны и действительно составляют определенные группы сборников с относительно устойчивым составом статей и содержанием. Между другими, особенно самыми младшими, связь или весьма опосредствована, или вообще отсутствует.

Вот уже более столетия проблематика новоболгарской письменности привлекает внимание ученых. Первые шаги в этой области были сделаны русскими исследователями. В настоящей работе и будет рассмотрена история изучения в отечественной

³ См.: Демина Е. И. Тихонправовский дамаскин: Болгарский памятник XVII в.: Исследование и текст. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София: Изд-во БАН, 1968; Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература. София: Изд-во БАН, 1965.

филологии рукописного наследства XVI—XVIII вв., которое выдающийся болгарский палеославиスト Б. Цонев удачно назвал «новоболгарской письменностью до Паисия»⁴.

Первое знакомство с памятниками новоболгарской письменности связано с самыми истоками изучения в России болгарского языка, культуры и словесности — с деятельностью Ю. И. Венелина. Этот факт долгое время оставался неизвестным, поскольку подтверждающие его материалы не были опубликованы. Они хранятся в архиве Венелина в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и в других архивах Москвы и Ленинграда, где нам и удалось с ними познакомиться.

Как известно, в 1830 г. Российской академии наук командировала молодого ученого Юрия Венелина на Балканы, в поработенную турками Болгарию для ознакомления с этим мало тогда известным краем, а также для приобретения древних славянских и болгарских рукописей. В письмах Венелина, связанных с этим путешествием, и находим первые краткие сведения о новоболгарской письменности. Так, рассказывая о своих попытках приобрести во время путешествия новоболгарские рукописи и о возникших в связи с этим затруднениях, Венелин пишет в 1837 г. видному деятелю болгарского возрождения Василию Априлову: «Кроме исторических книг, болгаре прятают и простые свои рукописные проповедные книги, писанные на простом болгарском наречии»⁵. В письме от 1832 г. к управляющему болгарскими колониями в Бессарабии генералу Илизову Венелин настаивает на необходимости выявления и приобретения подобных рукописей, привезенных болгарскими колонистами, особенно духовными лицами⁶. В письме к секретарю Российской академии наук П. И. Соколову, в ответ на требование последнего представить в Академию приобретенные во время путешествия материалы, Венелин приводит список из шести привезенных им книг, в том числе рукописных, где упоминаются «разные поучения праздничные на македонском наречии, в лист, 342 л., или 684 страницы, писано мелким уставом». Венелин просит Академию оставить у него это «небольшое собрание из скучной нынешней болгарской письменности, достаточное однако для подробного наблюдения и изучения языка, т. е. для составления болгарской грамматики и небольшого словаря»⁷. О каком сборнике праздничных поучений идет речь в списке? Ответ на этот вопрос удалось найти, ознакомившись с хрестоматией, приложенной к оставшейся в рукописи «Грамматике нынешнего болгарского наречия» Венелина (1835)⁸. Текстологическое сличение с возможными источниками

⁴ Цонев Б. Новобългарска писменост преди Паисия.— Български преглед. София, 1894, год I, кн. VIII.

⁵ Архив ГБЛ, ф. 203, д. 197, № 5.

⁶ Архив ГБЛ, д. 197, № 8.

⁷ Архив ГБЛ, ф. 49, карт. V, д. 148, л. 14—16.

⁸ Архив ГБЛ, ф. 49, карт. I, д. 1, л. 355—387.

публикации, сообщенные в указанном выше списке приметы одной из рукописных книг, которыми располагал Венелин, позволили нам установить, что приведенный им в хрестоматии новоболгарский текст представляет собой Житие Петки Тырновской по Тихонравовскому дамаскину — одному из ценнейших памятников новоболгарской письменности XVII в.⁹

С новоболгарскими рукописями удалось ознакомиться и профессору Казанского университета В. И. Григоровичу во время его путешествия по Европейской Турции (1844—1847). В 1848 г. в своем «Очерке путешествия по Европейской Турции» Григорович пишет: «Упомяну, наконец, что мне случилось также находить новоболгарские рукописи, именно в селах: Вакарелл, Эгри, Шипке и г. Рущуке. Древнейшая из них восходит до половины XVIII столетия»¹⁰. Четыре приобретенных во время этой поездки дамаскины Григорович позднее принес в дар Новороссийскому университету¹¹. Об оценке Григоровичем значения памятников новоболгарской письменности свидетельствуют сделанная его рукой запись в рукописном дамаскине XVII в., хранившемся в собрании Конитара в Любляне, в которой эта рукопись оценивается как примечательнейшая (*inter memorabiliores referendum*)¹², его письма русским славистам И. И. Срезневскому¹³, Ф. И. Буслаеву, в которых содержатся сведения о памятниках этой письменности. Так, Григорович сообщил Буслаеву об одном из приобретенных им дамаскинов, переписанном с извода болгарского книжника XVIII в. Иосифа Брадатого. В своей работе «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» при описании некоторых народных суеверий Буслаев использовал материал этого сборника¹⁴. Сам Григорович в свой «Обзор славянских литератур» включил краткую характеристику деятельности Иосифа Брадатого¹⁵.

С еще одним дамаскином Иосифа Брадатого познакомился в Белграде во время своего путешествия по славянским землям (1854 г.) А. Ф. Гильфердинг. Он опубликовал текст жития Иоанна Рыльского по этой рукописи, а также запись, сделанную ее писцом иеромонахом Романом в 1756 г.¹⁶

⁹ Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.: Исследование и текст. Ч. II. Палеографическое описание и текст. София, 1971.

¹⁰ Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. М., 1877, с. 161.

¹¹ См.: Мочульский В. Описание рукописей В. И. Григоровича. Одесса, 1890, № 36(62), 37(63), 38(64), 39(65).

¹² Ламанский В. И. Непорешенный вопрос.— ЖМНП, 1869, ч. 143, с. 350—351.

¹³ Срезневский В. И. Переписка И. И. Срезневского с В. И. Григоровичем.— Списление на БАН, 1937, кн. IV, клон ист.-филол. и философ.-обществен., 26.

¹⁴ Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. I.

¹⁵ Григорович В. И. Обзор славянских литератур. Воронеж, 1880.

¹⁶ Гильфердинг А. Собр. соч. СПб., 1868. Т. I.

Этот первый этап ознакомления с новоболгарской письменностью (возможно, в силу того, что большинство данных о ней было отражено лишь в переписке русских филологов) не получил освещения в науке. Поэтому «открытие» дамаскинов обычно приписывают акад. В. И. Ламанскому. В 1868 г. проездом из Загреба в Венецию он остановился в Любляне, ознакомился там с Люблянским дамаскином, над которым работал и Григорович, и вскоре выступил с обстоятельной работой «Болгарское наречие и письменность в XVI—XVII вв.», показавшей большое значение этого памятника для истории болгарского языка и сравнительной грамматики славянских языков¹⁷. В ней Ламанский описывает состав рукописи, дает обзор фонетических, грамматических и словарных особенностей ее языка и публикует несколько отрывков. Ламанский сразу понял, какое неоценимое значение имеет этот замечательный памятник «для возбуждения вновь вопроса о происхождении древнеславянского языка и для точнейшего ознакомления с генетическим развитием болгарского наречия»¹⁸, ибо, по его словам, «язык этой болгарской рукописи (в Любляне) совершенно так же народен и столь же мало похож на язык древнеславянский, как народна по языку любая Московская грамота XVI—XVII века или как далек от языка Остромирова Евангелия язык Кохановского и Скарги или Коменского и Павла Скалы, или Марка Марулича и Гундулича»¹⁹. Статья Ламанского положила начало углубленному изучению новоболгарской письменности.

Важным шагом в изучении новоболгарской письменности явились наблюдения академика И. И. Срезневского над Люблянским и Ханджарским дамаскинами, сделанные им в связи с разбором одного из филологических сочинений²⁰. Срезневский показывает, что слово о втором пришествии, представленное в Люблянском дамаскине, является переводом соответствующей статьи из «Сокровища» Дамаскина Студита и что, следовательно, предположение Ламанского об оригинальном характере болгарского текста является ошибочным. Очень важным явилось сообщение о Ханджарском дамаскине, подаренном Срезневскому одним из болгарских «возрожденцев» — С. Н. Палаузовым²¹. Знакомство с этим памятником позволило Срезневскому прийти к выводу, что в

¹⁷ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос: Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI—XVII вв. Венеция, 1868.— ЖМНП, ч. 143, июнь 1869.

¹⁸ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос...— ЖМНП, ч. 143, с. 353.

¹⁹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос...— Там же, с. 351.

²⁰ Срезневский И. И. Разбор сочинения К. Невоструева «Слово св. Ипполита об антихристе» в славянском переводе по списку XIII века с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же с примечаниями и приложениями.— В кн.: Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1872 г. СПб., 1874.

²¹ В настоящее время рукопись хранится в собрании И. И. Срезневского в Библиотеке Академии наук в Ленинграде под № 24.4.32.

Болгарии было сделано два перевода произведения Дамаскина Студита — «на язык церковнославянский и на язык простой болгарский»²². Таким образом, Срезневский первый отметил наличие дамаскинов на традиционном литературном языке и поставил вопрос о двух переводах из «Сокровища». Ему же принадлежат первые наблюдения над славянским и болгарским текстами и их сличение с греческим оригиналом, первые заметки о редакциях болгарских дамаскинов, а также публикации «Слова о втором пришествии» по Люблянской и Ханджарской рукописям и по Хлудовской рукописи XVIII в., содержащей перевод «Сокровища» с греческого на «церковно-русский» язык.

В последующие годы в отечественной и болгарской филологии продолжалось накопление первичных данных о новоболгарской письменности, выявление и описание рукописей, публикация отрывков из них. Например, в 1873 г. в русской печати появилось сообщение В. Певницкого о рукописи № 33 из библиотеки Киевской духовной академии, содержащей 16 слов из «Сокровища» Дамаскина Студита, было дано описание состава рукописи, анализ правописания и языка памятника и обзор его литературных особенностей²³. Выявление этой рукописи имело важное значение, поскольку в ней, как показал впоследствии П. А. Лавров, содержался еще один, ранее неизвестный перевод из «Сокровища» Дамаскина Студита на книжнославянский язык, выполненный в Македонии епископом пелагонийским и прилепским Григорием. Работа В. Певницкого вошла в основной фонд литературы о дамаскинах и потому, что в ней впервые в отечественной литературе были даны подробные сведения о самом Дамаскине Студите и его литературной деятельности.

Ценные сведения об одном из первых переводчиков Дамаскина Студита на славянском юге — епископе Григории — содержались и в сообщении А. Е. Викторова о рукописях собрания П. И. Севастьянова²⁴.

В 1877 г. В. Ягич опубликовал апокриф об апостоле Павле по новоболгарскому дамаскину первой половины XVII в. из собрания В. И. Григоровича и дал подробное описание фонетических и морфологических особенностей его языка²⁵. Отрывки из двух дамаскинов XVII—XVIII вв. на народном наречии опубликовал в вводной части к своему сборнику западноболгарских песен известный собиратель болгарского фольклора В. Качанов-

²² Срезневский И. И. Раабор сочинения К. Невоструева..., с. 164.

²³ Певницкий В. Рукописный сборник проповедей Дамаскина Студита.— Труды Киевской духовной Академии, 1873, октябрь. В настоящее время дамаскин хранится в рукописном отделе библиотеки АН УССР в г. Киеве. См. о нем: Петров Н. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1877. Вып. II.

²⁴ Викторов А. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881.

²⁵ Jagić V. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovinskih rukopisa. XV. Kako se pisalo bugarski prije dvjesti godina.— Slarine, u Zagrebu, 1877, knj. IX.

ский²⁶. Новоболгарский дамаскин конца XVII — начала XVIII в. был найден в 1878 г. в г. Рущуке русским филологом П. Сырку во время его путешествия по Болгарии. Сырку опубликовал из него полный текст Жития Петки Тырновской²⁷. В отчете командированного за границу приват-доцента Московского университета В. Истрина за вторую половину 1894 г. находим описание рукописи из Белградской библиотеки, ныне известной под названием Сопотский дамаскин, и отрывок текста из нее²⁸. Описание дамаскинов собрания В. И. Григоровича было выполнено В. Н. Мочульским²⁹. Он также опубликовал восемь произведений, относящихся к переводу Иосифа Брадатого, по одному из этих дамаскинов — № 38 (64)³⁰.

Ценным явилось сообщение П. А. Лаврова о двух дамаскинах из собрания Н. С. Тихонравова, одним из которых, как мы уже говорили, занимался Ю. И. Вепелин. Дав описание состава статей обоих дамаскинов, Лавров использовал материал из них для своих выводов по истории болгарского языка и в приложенном к книге словаре, а также опубликовал «Слово об Алексее человеке божьем» и апокриф о видении апостола Павла по дамаскину XVII в., рассказ о св. Андрее по дамаскину XVIII в.³¹ Несколько позже, в 1899 г., П. А. Лавров издал восемь апокрифических текстов из этих дамаскинов³².

А. И. Яцимирский в 1898 г. сообщил об одной из славянских рукописей Нямецкого монастыря в Румынии³³, которая, как показывают современные исследования³⁴, содержит еще один, третий перевод на книжнославянский язык ресавской редакции 27 статей из «Сокровища» Дамаскина Студита. Позднее он исследовал памятник и опубликовал из него отрывки текста из «Сло-

²⁶ Качановский В. Памятники болгарского народного творчества. Вып. I. Сборник западно-болгарских песен со словарем.— Отделение русского языка и словесности, СПб., 1882, т. XXX, № 1.

²⁷ Сырку П. Несколько заметок о двух произведениях тырновского патриарха Евфимия.— В кн.: Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.

²⁸ Истрин В. Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 г.— ЖМНП, 1896, июнь.

²⁹ Мочульский В. Н. Описание рукописей В. И. Григоровича.

³⁰ Мочульский В. Н. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов: К бытовой истории болгар. Одесса, 1903.

³¹ Лавров П. А. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.

³² Лавров П. А. Апокрифические тексты.— Отделение русского языка и словесности, СПб., 1899, т. XVII, № 3.

³³ Яцимирский А. И. Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии. М., 1898.

³⁴ Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература; Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин..., ч. I. В настоящее время памятник хранится в собрании А. И. Яцимирского в Румынской академии в Бухаресте (*Panaiteșcu P. R. Manuscrisele slave din biblioteca Academiei RPR. București*, 1959, vol. 1).

ва на благовещение» из «Притчи о блудном сыне», а также текст записи в рукописи³⁵.

В эти же годы ряд сообщений о вновь найденных памятниках новоболгарской письменности появляется и в болгарской печати. Из накопленных буквально по крупицам знаний постепенно начинает вырисовываться общая картина. Этот необходимый в развитии любого направления научных исследований этап создал предпосылки для появления в конце XIX в. обобщающих работ. Возникла необходимость определить место дамаскинов в истории болгарской литературы и их значение в истории болгарского литературного языка, дать классификацию этих разнородных и разновременных памятников, определить место первоначального их создания и их дальнейшую судьбу. Эти задачи вслед за болгарским филологом Б. Цоневым, выступившим в 1894 г. с важной статьей «Новоболгарская письменность до Паисия», поставил перед собой выдающийся русский славист П. А. Лавров. Труд Лаврова «Дамаскин Студит и сборники его имени „дамаскины“ в югославянской письменности» (Одесса, 1899) оставил глубокий след в изучении названной проблематики. В нем был обобщен результат большой текстологической работы автора по изучению дамаскинов на книжнославянском и новоболгарском языках и их соотношения с греческим оригиналом. Лавров располагал сведениями о 28 дамаскинах. Сообщения о ряде из них, например о Нежинском дамаскине на книжнославянском языке, впервые были даны в труде Лаврова.

Изучение болгарских дамаскинов Лавров неразрывно связывает с изучением вопроса о судьбе «Сокровища» Дамаскина Студита на славянском юге. Этой общей направленностью определяется основной круг вопросов, затронутых в работе. Это сведения о самом Дамаскине Студите и его сборнике «Сокровище», об известных Лаврову болгарских дамаскинах, содержащих переводы из «Сокровища», вопрос о количестве переводов с греческого и о самих переводчиках. Рассматривается вопрос о месте, где был осуществлен первый перевод, об истории возникновения и распространения следующих переводов, вопрос о языке отдельных переводов, о качестве этих переводов, о составе дамаскинов различных редакций в его сопоставлении с составом сборника Дамаскина Студита, в частности, вопрос о том, существовал ли полный перевод «Сокровища». Лаврову удалось сделать и обосновать принципиально важный вывод о существовании двух первоначальных переводов с греческого на книжнославянский язык и о наличии нескольких болгарских переводов.

Труд П. А. Лаврова сыграл важнейшую роль в истории науки. Он не только подвел итог достигнутого в XIX в. в области изучения новоболгарской письменности, но постановкой и разра-

³⁵ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек: V. Рукописи Нямецкого монастыря, № 79(6).—ОРЯС, СПб., 1905, LXIV.

боткой важнейших вопросов на многие годы вперед определил направление исследования дамаскинов.

После работы П. А. Лаврова в данной области отечественной филологии наступил длительный перерыв. Центр изучения письменности дамаскинов переместился в Болгарию, где на протяжении первой половины XX в. проводились текстологические, лингвистические, литературоведческие наблюдения над новоболгарской письменностью до Паисия и было осуществлено издание трех важнейших дамаскинов: Люблянского Ст. Аргировым, Коприштенского и Свиштовского Л. Милетичем. В области изучения новоболгарской письменности активно работали видные болгарские ученые Б. Цонев, Д. Маринов, П. Орешков, М. Москов, Ст. Н. Шишков, Ив. Гошев, П. Иванов, Б. Пенев, П. Динеков и другие исследователи³⁶.

У нас в начале века появилось еще несколько сообщений о вновь найденных рукописях, которые могут быть отнесены к дамаскинам. Так, А. И. Яцимирскому принадлежит описание одной из рукописей (13.5.18) из собрания П. А. Сырку³⁷, которая известна ныне под названием Котленский дамаскин³⁸. Этот дамаскин был переписан в 1765 г. Софонием Врачанским. О дамаскине № 271 из библиотеки Барятинского Московского Государственного Исторического музея сообщил С. Г. Вилинский в своем сравнительном исследовании болгарских текстов «Эпистолии о неделе» по трем новоболгарским спискам. Установив, что в Болгарии была создана новая редакция греческого оригинала этого произведения, отражающая черты болгарского быта, Вилинский публикует текст Эпистолии по одному из дамаскинов собрания Григоровича — 37 (63) — с подведением разнотений по списку собрания Барятинского³⁹.

Большой интерес к письменности дамаскинов проявлял выдающийся русский славист А. М. Селищев. Во время поездки за границу в летнее вакационное время 1914 г. ему удалось познакомиться с некоторыми поздними памятниками этой письменности. Отрывки из них опубликованы Селищевым в отчете об этом

³⁶ Данные о трудах упомянутых болгарских исследователей и изданиях текстов отдельных дамаскинов см.: Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин..., ч. I, с. 230—233.

³⁷ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературе.— Известия /Отделение русского языка и словесности. Пг., 1916, т. XXI, кн. 2. Дамаскин вошел также и в несколько ранее составленное описание рукописного собрания. См.: Срезневский В. И., Покровский Ф. И. Описание рукописного отделения библиотеки императорской Академии наук. Пг., 1915. Т. II.

³⁸ Ср.: Иванов П. Котленски дамаскин, преписан от Стойко иерей на 1765 г. (Принос към изучаването на нашите дамаскини): Български дамаскини в библиотеката на Академия на науките в Петроград.— В кн.: Известия на семинара по славянска филология, София, 1921, кн. 4.

³⁹ Вилинский С. Г. Болгарские тексты «Эпистолии о неделе».— Летопись Историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. Одесса, 1902, т. X.

путешествии⁴⁰. В дамаскинах Селищев видел истоки литературы раннего болгарского возрождения⁴¹.

Более углубленно дамаскинами занялся ученик проф. А. М. Селищева С. Б. Бернштейн. Изучению турецких элементов в лексике дамаскинов была посвящена его кандидатская диссертация, результаты которой были опубликованы в 1941 г.⁴² Помимо исследования собственно лексикологического материала, здесь рассматривались важные историко-литературные и текстологические вопросы, был дан краткий очерк истории изучения дамаскинов, высказывались соображения о локализации центров новоболгарской письменности, определялись представляющие эти центры списки дамаскинов. Более подробно данная сторона вопроса рассмотрена в опубликованной в 1957 г. работе Бернштейна «К изучению редакций болгарских списков „Сокровища“ Дамаскина Студита»⁴³. По убеждению автора, без разрешения вопроса о редакциях сохранившихся списков невозможно представить историю новоболгарской письменности и изучить язык дамаскинов, «так как лишь установление определенной взаимосвязи между списками дает возможность проследить эволюцию книжного болгарского языка с XVI по XVIII ст.»⁴⁴.

С. Б. Бернштейн явился инициатором развертывания работы по изучению дамаскинов в Институте славяноведения АН СССР. В частности, он направил усилия автора настоящей статьи на разработку проблематики значения и употребления времен глагола в новоболгарской письменности XVII—XVIII веков⁴⁵, а позднее — на исследование и издание одного из самых значи-

⁴⁰ Селищев А. М. Отчет о занятиях за границею в летнее вакационное время 1914 года. Казань, 1915.

⁴¹ См.: Селищев А. М. Кирилл Пейчинович.— В кн.: Сборник в честь на проф. Васил Н. Златарски по случаи 30-годишната му научна и професорска дейност. София, 1925; *Он же*. Хаджи Йоаким и язык его книг.— Македонски Преглед, 1934—1935, год. IX, кн. 3 и 4; год. X, кн. 1 и 2.

⁴² Одинцов С. (С. Б. Бернштейн) *Turco — slavica: К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII вв.*— Труды / Моск. Ин-т. ист., филос. и лит. им. Чернышевского. Филол. фак. 1941, Т. VII.

⁴³ Бернштейн С. Б. К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита.— В кн.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов, София: Изд-во БАН, 1957.

⁴⁴ Бернштейн С. Б. К изучению редакций..., с. 215.

⁴⁵ Демина Е. И. Значение и употребление прошедших времен в памятниках болгарской письменности XVII—XVIII вв.— Краткие сообщения Института славяноведения, 1956, вып. 18; *Она же*. Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII—XVIII веков.— Учен. зап. / Ин-т славяновед., 1960, т. XIX. Глагольной проблематике на материале дамаскинов посвящены также статьи Э. М. Дурыгиной и Г. К. Венедиктова. См.: *Дурыгина Э. М. Формы будущего времени в Котленском дамаскине.*— Учен. зап. / Ленингр. ун-т, 1958, № 250. Сер. филол. наук, вып. 44; *Венедиктов Г. К. О бесприставочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв.*— Краткие сообщения Института славяноведения, 1960, № 28.

тельных памятников этой письменности — Тихонравовского дамаскина XVII в., приобретенного в свое время Ю. И. Венелиным.

Возникла необходимость подробного ознакомления с самой письменностью XVII—XVIII вв., с ее эволюцией на протяжении данного периода, исследования взаимоотношений дамаскинов между собой по редакциям текста, определения места этих памятников в процессе постепенного формирования современного болгарского литературного языка. Первые результаты нашей работы в данной области были опубликованы в статьях «Классификации болгарских дамаскинов по редакциям „Чуда о ковре“»⁴⁶ (1962) и «Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка» (1966)⁴⁷. В одной из них содержалась попытка выявить взаимоотношения между 23 списками Жития Николая Мирликийского на книжнославянском и новоболгарском языках, распределить их по редакциям рассмотренного в сравнительно-текстологическом аспекте рассказа. Это, в свою очередь, позволило автору аргументировать мысль о том, что новоболгарские дамаскины XVII в. содержат переводы со старшего славянского оригинала, а не непосредственно с греческого текста «Сокровища»⁴⁸. Во второй работе автор показывает, что новоболгарские дамаскины открывают собой период предыстории современного болгарского литературного языка. Эта мысль позднее была обоснована с учетом более широкого исторического фона⁴⁹. Особенности периода предыстории в процессе становления современных литературных языков балканских народов, в том числе болгарского языка, были рассмотрены также в сравнительно-типологическом аспекте⁵⁰.

В середине 1960-х годов изучение истории болгарского литературного языка и памятников его письменности было включено в план научного сотрудничества между Академией наук СССР и Болгарской академией наук. Вкладом автора настоящей статьи в это сотрудничество явилась двухтомная монография «Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.: Исследование и текст»⁵¹, которая подвела итог его многолетней работы по изучению болгарского рукописного наследства XVI—XVIII столе-

⁴⁶ Демина Е. И. Классификация болгарских дамаскинов по редакциям «Чуда о ковре». — Учен. зап. / Ин-т славяновед., 1962, т. XXIII.

⁴⁷ Демина Е. И. Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка. — ССЛ, 1966, № 4.

⁴⁸ См. также: Демина Е. И. О характере влияния «Сокровища» Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVI—XVII вв. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М.: Наука, 1971.

⁴⁹ Демина Е. И. «Начало» современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии. — ВЯ, 1969, № 6.

⁵⁰ Демина Е. И. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков.

⁵¹ См.: Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.: Исследование и текст: В двух томах: Ч. I. Филологическое вве-

тий. Первая часть монографии содержит сравнительное текстологическое исследование состава и структуры дамаскинов на книжнославянском и новоболгарском языках, восходящих к первооригиналам XVI—XVII вв., и текста входящих в них произведений. В итоге анализа сформулированы текстологические критерии выделения круга памятников новоболгарской письменности, за которыми может быть закреплено название «дамаскин», смоделированы типы характерного для них устойчивого состава статей, установлен характер взаимоотношений между типами дамаскинов и внутри типов, изучены редакции текста, реконструированы основные этапы в движении состава и текста дамаскинов новоболгарских типов, выявлены источники вошедших в них произведений, определены генетические истоки новоболгарского текста и его соотношение с книжнославянским, предложены формальная (по моделям устойчивого состава родственных по тексту статей) и генеалогическая (по данным истории текста) классификации дамаскинов.

Сама задача сравнительного текстологического исследования памятников новоболгарской письменности всталась перед автором в связи с необходимостью восстановить историю формирования состава и текста подготовленного к публикации Тихонравовского дамаскина, определить место этого сборника по отношению к генетически взаимосвязанным с ним сборникам, что является необходимым предварительным условием изучения языка рукописи, доносящей до нас один из многих списков данного текста, к тому же представляющей собой сборник сложного компилитивного состава⁵². Осуществленное в исследовании определение состава списков разных редакций, прошедших независимый путь развития от общих первооригиналов, позволило предложить критерий реконструкции особенностей первоначального болгарского перевода и тем самым наметить наиболее целесообразный путь изучения языка новоболгарских дамаскинов, в том числе и Тихонравовского.

Вторая часть монографии содержит археографические сведения о памятнике, палеографическое исследование рукописи и текст Тихонравовского дамаскина с примечаниями.

Своеобразным развитием круга текстологических, палеографических и эдиционных проблем, которым посвящена монография о Тихонравовском дамаскине, является наша статья, посвященная Троянскому дамаскину⁵³. Написан также текстологиче-

дение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968; Ч. II. Палеографическое описание и текст. София. 1971.

⁵² Демина Е. И. Лингвистические проблемы издания славянских памятников.— В кн.: Текстология славянских литератур. Л.: Наука, 1973.

⁵³ Демина Е. И. Ценный памятник новоболгарской письменности: Заметки о Троянском дамаскине и его издании.— В кн.: Балканское языкознание. М.: Наука, 1973.

ский комментарий ко вновь открытому в Троянском монастыре дамаскину XVII в.⁵⁴

Исследованию отдельных сторон грамматического строя языка болгарской письменности XVII в. были посвящены наши монографические статьи «К истории модальных категорий болгарского глагола», в которой исследуется значение и употребление пересказывательных, конклюзивных и адмиративных форм в языке дамаскинов⁵⁵, и «Из болгарского исторического синтаксиса. Сложные предложения с союзным словом *който* в языке дамаскинов XVII в.»⁵⁶ В обеих статьях собственно лингвистический анализ основывается на данных ранее проведенного текстологического исследования изучаемых памятников, что соответствует нашему представлению о типе исследований языка древней письменности. Поставленные в этих исследованиях проблемы решаются как проблемы исторической болгарской диалектологии, с одной стороны, и как проблемы истории литературного языка в Болгарии — с другой.

Установление генетической связи новоболгарских дамаскинов со старшими славянскими источниками позволило нам, в частности, обратиться к неисследованной проблеме Евфимиевского наследства в новоболгарской письменности, которая подверглась рассмотрению в текстологическом и стилистическом аспектах⁵⁷.

Таковы основные итоги пути, пройденного отечественной филологией в исследовании проблематики «новоболгарской письменности до Паисия». Вместе с исследованиями болгарских ученых, внесших значительный вклад в изучение данной проблемы, они составляют прочный фундамент для более углубленного исследования языка, литературы и истории культуры периода болгарского предвозрождения.

⁵⁴ Демина Е. И. Текстологический комментарий к одной из рукописей Троянского монастыря в Болгарии.— В кн.: Славянское и балканское языкоизнание: История литературных языков и письменность. М.: Наука, 1979.

⁵⁵ Дъюмина Е. Към историята на модалните категории на българския глагол.— Български език, 1970, год. XX, кн. 5.

⁵⁶ Демина Е. И. Из болгарского исторического синтаксиса: Сложные предложения с союзным словом *който* в языке дамаскинов XVII в.— В кн.: Славянское и балканское языкоизнание: Проблемы интерференции и языковых контактов. М.: Наука, 1975.

⁵⁷ Дъюмина Е. Към проблемата на Евтимиевото наследство в новобългарската писменост.— Език и литература, 1976, № 6.

Изучение новогреческого песенного фольклора в нашей стране

Н. Л. РУЧКИНА

В начале XIX в. в Греции приняла широкий размах борьба за национальное освобождение от турецкого господства. События в Греции привлекли внимание всех передовых людей Европы. Особую поддержку получила борьба греков в России, что было обусловлено многовековыми историческими связями наших стран, а также повышением политической активности русского общества в первой четверти XIX в. Именно в России в 1814 г. было основано тайное революционное греческое общество «Филики Этерия», имевшее целью подготовку и осуществление антитурецкого восстания. И когда в 1821 г. это восстание началось, многие русские офицеры приняли в нем непосредственное участие¹.

Характеризуя широту распространения филэллинистических тенденций в России, исследователь истории русской фольклористики М. К. Азадовский писал, что они охватили в 20-х годах самые разнообразные круги русского общества².

Внимание, с которым русское общество следило за развитием пародной войны, пробудило интерес к самым различным сторонам жизни греков. В частности, к песенному творчеству греческого народа, в котором с необыкновенной яркостью и художественной силой были отражены перипетии многовековой борьбы греков с иноземными завоевателями. Душой этой борьбы были клефты — наиболее активная часть греческого крестьянства, уходившая в горы, чтобы с оружием в руках бороться вначале лишь против ига Османской империи, а впоследствии и за социальную справедливость. Песни клефтов, воспевающие подвиги прославившихся воинов, а также знакомящие с обстоятельствами их походной жизни, представляют собой яркое явление в духовной жизни греческого народа. В них был создан глубоко самобытный, исторически правдивый и высокохудожественный образ народного героя — клефта.

Вот почему именно песни клефтов выбрал для своего сборника поэт Гнедич, который первым познакомил русского читателя с новогреческим фольклором³. Книга Гнедича вышла сразу же

¹ См. об этом: *Ариш Г. Л.* Этеристское движение в России. М.: Наука, 1970; *Он же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1922 гг.* М.: Наука, 1976; *Тодоров Н. Филики Этерия и българите. София*, 1965.

² *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958, т. 1, с. 27.

³ *Гнедич Н. И.* Простонародные песни нынешних греков с подлинником: Изданые и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения

после появления в свет двухтомного труда французского филолога К. Фориэля, который считается пионером научных исследований новогреческого фольклора⁴. Из двухтомника Фориэля и взял Гнедич песни для русского издания, дополнив их в некоторых местах вариантами, переданными ему греческим филологом К. Экономосом.

Сборник Гнедича был небольшим. Он состоял из введения и 12 песен с комментариями. Во введении Гнедич кратко излагает историю собирания и изучения новогреческих песен. Далее в общих чертах характеризует некоторые жанры новогреческого фольклора⁵, а затем знакомит русского читателя с историей возникновения клефского движения. При этом Гнедич высказывает интересную мысль о том, что начало истории клефтов можно проследить задолго до турецкого завоевания. Он ссылается на свидетельства Геродота и Фукидида о древнем обычье греков носить оружие, а также на их сообщение о многочисленных разбойничьих племенах именно в тех местностях, которые много веков спустя станут основными местами обитания клефтов.

В разделе введения, посвященном посителям народных песен, Гнедич описывает слепых нищих, удивительно напоминающих рапсодов Древней Греции. Он сравнивает греческих и русских народных певцов и замечает много общего в их манере создания и распространения фольклорных произведений⁶.

Наиболее интересна та часть введения, где Гнедич проводит сравнительный анализ новогреческих и славянских (в основном русских и украинских) песен и приходит к выводу об их определенной близости.

В результате проведенных сопоставлений греческих и славянских народных песен Гнедич впервые в истории исследования новогреческого фольклора приходит к убеждению о несомненном славянском, а не восточном, как это пытался представить Клод Фориэль, влиянии на народное творчество новых греков. Причину этого Гнедич усматривает в миграции древних славянских племен на юг и ассимиляции части из них в Греции во времена Византии и позже, вплоть до турецкого завоевания. Он приводит в доказательство славянские названия городов, деревень, гор и рек на старых картах греческих районов Этолии, Акарнании и

их с простонародными песнями русскими и примечаниями Н. Гнедичем. СПб., 1825.

⁴ Fauriel C. Chants populaires de la Grèce Moderne. Paris, 1824—1825. T. 1—2. Собрание Фориэля вызвало широкий резонанс в европейских странах. Помимо того, что оно впервые открывало перед читающей публикой сокровища современной народной поэзии греков, оно также было в высшей степени насыщено свободолюбивыми патриотическими идеями, которые нашли горячий отклик у прогрессивных европейских кругов.

⁵ Нужно отметить, что и в оценке фольклорного материала Гнедич в основном исходит из взглядов Фориэля, дополняя их в ряде случаев своими наблюдениями.

⁶ См.: Гнедич Н. И. Простонародные песни..., с. XXX—XXXI.

Аграфы, т. е. именно тех, где был особенно распространен клефтический фольклор⁷.

Очевидно, этот процесс проходил не так односторонне, как это представлялось Гнедичу. Одновременно с ассимиляцией с греческим населением славяне, безусловно, могли наложить отпечаток на новогреческий фольклор, однако, речь должна идти, скорее всего, о взаимопроникновении сюжетных мотивов и элементов поэтики, которому способствовали сходные исторические условия.

Говоря о достоинствах труда Гнедича, нельзя не упомянуть о его прогрессивной позиции в выборе направления изысканий в области новогреческого фольклора⁸.

Во времена Гнедича господствовало мнение о том, что современный греческий фольклор проникнут духом и образами древнегреческой мифологии. Поэтому в песнях, сказках и преданиях современных греков видели лишь отголоски античных мифов. Гнедич же считал роль древнего начала в народном творчестве греков сильно преувеличенной. Этой же позиции придерживался и современник Гнедича поэт Николай Щербина.

Оценивая переводы Гнедича, следует отметить их близость к оригиналу (стихи написаны в духе греческих народных песен — перифрованным пятнадцатисложником), а также простоту и лаконичность языка.

Сборник Н. Гнедича явился значительным событием в русской литературной жизни и вызвал живой отклик современников. Об этом свидетельствует и письмо Пушкина к Гнедичу, датированное 23 февраля 1825 г., в котором есть такие строки: «Песни греческие прелест и tour de force. Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов явно — по причине??!!»⁹. Труд Гнедича в значительной мере способствовал усилинию интереса к новогреческому фольклору в среде литераторов, что вскоре привело к выходу в свет многочисленных переводов песен греческого народа.

Несомненно, лучшими из них были переводы А. Майкова, который с 1832 по 1862 г. опубликовал более тридцати стихотворений. В полном собрании сочинений поэта они выделены в цикл «Новогреческие песни»¹⁰. Здесь представлены восемь клефтических, семь песен о Хароне, четыре двустишия, три песни о чужбине, историческая, колыбельная, плач и обрядовая песня весеннего цикла¹¹. Правда, для исследователя фольклора эти переводы

⁷ См.: Гнедич Н. И. Простонародные песни..., с. XXXVIII. Примечательно, что Гнедич высказал эту догадку за несколько лет до того, как в ученом мире стал предметом всеобщего внимания вопрос о славянах в Греции.

⁸ См.: Гнедич Н. И. Простонародные песни..., с. VII.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1951, т. X, с. 125.

¹⁰ Майков Ап. Полн. собр. соч. СПб., 1893, т. II.

¹¹ При характеристике содержания сборника мы придерживаемся деления на жанры, примененного в кн.: Нейштадт В. Греческие народные песни. М.: Изд-во худож. лит., 1957.

принесут мало пользы — греческие песни в интерпретации Майкова утратили свой размер и обросли рифмами, поэтому их нельзя назвать точными. Но стихи Майкова — динамичные, яркие, образные — превосходно передают внутреннее напряжение и героический дух греческих песен.

Описывая историю изучения новогреческого фольклора в России в хронологической последовательности, следует назвать далее переводы Н. Протопопова. Это — одна клефтская песня и пять баллад, переведенные с большой тщательностью и соблюдением размера, хотя и немного тяжеловесно¹².

Интересно, что на эти переводы впервые откликнулась русская критика. Существуют два высказывания Белинского об этой работе Протопопова. В письме к В. П. Боткину от 1 марта 1840 г. он отмечает: «Новогреческие песни» я заметил — они превосходны, и перевод хороши¹³. В рецензии на «Одесский Альманах» Белинский отмечает, что в нем среди прочих стихов выделяются шесть новогреческих песен, «дышащих наивною поэзией народной фантазии и прекрасно переведенных г. Протопоповым»¹⁴.

В 1843 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник с пышным называнием «Амарантос, или Розы возрожденной Эллады», произведения народной поэзии нынешних греков, переведенные и изданные с подлинником, предисловием, филологическими и историческими замечаниями Георгием Эвлампиосом». Это был первый сборник новогреческого фольклора, составленный греком. В нем представлена 31 народная песня и сказка. Все песни помещены с оригиналами. Это — девять плачей, пять клефских, одна акритская, две баллады, три лирические, две хороводные, пять свадебных, историческая, песня о чужбине, майская и новогодняя песня. По утверждению составителя, эти песни до него не издавались.

В предисловии автор кратко сообщает о предшествующих публикациях Гнедича и Фориэля. Труд французского ученого, который был высоко оценен современниками, Эвлампиос бездоказательно раскритиковал, назвав «странной смесью, украшенной пышным заглавием и представляющей собой безобразное здание, в котором некоторые мраморные украшения закрыты под кучей необтесанных камней».

Предисловие «Амарантоса» разбито на несколько разделов, каждый из которых посвящен тому или иному песенному жанру, представленному в сборнике.

Сборник «Амарантос», как и переводы в «Одесском Альманахе», также попал в поле зрения Белинского. Но в этом случае

¹² Одесский Альманах на 1840 год. Одесса, 1839, с. 227—285.

¹³ Белинский В. Г. Избранные письма. М.: Изд-во худож. лит., 1955, т. 2, с. 41.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 4, с. 119—125.

рецензия была резко отрицательной¹⁵. Такую оценку книге Белинский дал скорее всего из-за очень низкого качества переводов Эвлампиоса, по которым нельзя получить достаточно ясного представления о подлинном содержании и характере новогреческой народной поэзии. Тем не менее сборник Эвлампиоса представляет интерес, так как содержит описания некоторых обрядов, а также греческие тексты песен.

Н. Ф. Щербина — популярный поэт XIX в.— в письме к А. Н. Майкову так объяснял свою любовь к Греции: «Я... взрос, слыша ежедневно звуки новогреческого языка... Родная (по матери) бабка моя была чистая гречанка из Мисты... и я дитей воспитывался под преданиями и песнями ее родины. В нашем доме все служанки говорили по-гречески и пели греческие песни»¹⁶.

Греческая тема прошла через все творчество Щербины. Им написаны стихотворения и поэмы, навеянные античными образами и героикой национально-освободительной борьбы греков. Он не только переводил народные песни, но и сам создавал стихотворения в духе новогреческого фольклора («Клефты», «Сила песни», «Девушка у Харона»). Заключенные в этих стихах мысли и чувства не что иное, как поэтическое переосмысление тем и образов народных песен, которые так увлекали Щербину.

Горячий интерес поэта к культурной, исторической и национальной жизни греческого народа побудил его к более глубокому изучению греческого фольклора. В результате этого в 1843 г. им была написана статья «Новогреческие песни»¹⁷. В ней Щербина стремился познакомить русского читателя с разнообразными жанрами новогреческого фольклора. В качестве материала Щербина использовал несколько сборников песен, в основном изданные в 1837 г. в Навплии «Песни разных поэтов, героические, klefтические, любовные и вакхические с антивакхическими». Он был также знаком со сборниками Фориэля и Гнедича. Всего в статье Щербины разобраны 44 народные песни, но классификация их по жанрам не всегда строго выдержанна.

Для исследователя фольклора статья Щербины обладает тем преимуществом, что почти все песни переведены прозой, хорошим языком, близко к оригиналу.

Спустя десять лет после выхода в свет исследования Щербины появилась еще одна книга, содержащая переводы греческих народных песен. Это сборник Н. Берга¹⁸, в который вошли 19 песен с примечаниями и текстами на греческом языке (в основном klefтические, а также песни о чужбине, историческая, плач,

¹⁵ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955, т. 8, с. 142—146.

¹⁶ Щербина Н. Ф. Избранные произведения. 2-е изд., Л.: Сов. писатель, 1970, с. 6—7.

¹⁷ Щербина Н. Ф. Избранные произведения, с. 453—489.

¹⁸ Берг Н. Песни разных народов. М., 1854.

веснянка и две колыбельные). Переводы были сделаны недостаточно профессионально, хотя и выдержаны в размере оригиналов.

Сборник Берга открывается обширными примечаниями, в основном пересказывающими Фориэля или Гнедича.

Беспомощность Берга-исследователя блестяще доказал Чернышевский в двух рецензиях на его книгу¹⁹.

Рецензии Чернышевского явились тем именно диалектическим исследованием природы возникновения и развития фольклора, места и роли фольклора в народной жизни, а также взаимосвязи формы и содержания фольклорного произведения, которого не хватало во всех упомянутых выше изданиях, где были помещены новогреческие песни и сделана попытка их анализа.

Интереснейший материал о новогреческом фольклоре можно найти в труде академика А. Н. Веселовского «Разыскания в области русских духовных стихов»²⁰, особенно в VII части, посвященной сопоставлению румынских, славянских и греческих коляд. Здесь на обильном историческом материале в сравнительном аспекте представлен этот жанр обрядовой поэзии. В результате исследования Веселовский пришел, в частности, к убеждению, что «было бы крайне желательно собрать из новогреческих обычаем и песен побольше материала, касающегося празднования Нового года, потому что то немногое, что нам стало известно из греческих «каланд», представляет замечательные параллели к румынским и малорусским»²¹.

Особо следует выделить отзыв Веселовского на сборник Икономидиса «Народные песни с Олимпа»²². Среди всего написанного в области изучения новогреческого фольклора эта рецензия отличается наибольшим разнообразием затронутых проблем, в особенности в вопросе поэтики народного стиха.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1949, т. 2, с. 291—318, 362—368.

²⁰ Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов.— Сб. Отд. рус. яз. и словес. СПб., 1879, ч. I, т. XX, № 6; 1881, ч. II—V, т. XXVIII, № 2; ч. VI—X, т. XXXII, № 4.

²¹ Такая работа проводится сейчас московским Институтом этнографии АН СССР, который организовал выпуск нескольких книг, рассказывающих о календарных обычаях и обрядах в европейских странах конца XIX—начала XX в. См.: Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. М.: Наука, 1973; Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М.: Наука, 1977; Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978.

В каждом из вышедших сборников помещена глава Ю. В. Ивановой о Греции с подробным описанием обычаем и обряда современных греков и с примерами исполняемых при этом народных песен.

²² Τραγούδια τοῦ Ὀλύμπου, συλλεγέντα ὑπὸ Ἀθανασίου Κ. Οἰκονομίδου. Ἐν Ἀθηναῖς 1881. Рец. А. Н. Веселовского на сборник Икономидиса см.: Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП), СПб., 1883, ч. CCXXX, декабрь.

В анализируемом сборнике ученый выделяет песни, в которых отражены современные ему события и которые, тем не менее, созданы «в стиле старых клефских напевов».

Веселовский анализирует употребление в клефской песне общих мест, использование приемов троичности, отрицательного сравнения, приводит ряд поэтических образов, служащих постоянной характеристикой военного быта клефтов, а также используемых для передачи в песне различных настроений.

В одной из работ Веселовский нарисовал убедительную картину состояния изучения новогреческого фольклора в русской науке. Он писал: «Гавриил Дестунис чуть не единственный из нас ученый, посвящающий свои досуги византийской литературе и народной греческой поэзии. Тем больше ему спасибо за поддержание священного огня, еще не возженного на университетской кафедре»²³.

Действительно, Гавриил Спиридонович Дестунис сделал немало в области изучения и популяризации новогреческого фольклора в России. Его «Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода»²⁴ содержат переводы с оригиналами 23 героических песен с подробными объяснениями и богатой библиографией по каждой из них. Особо хочется отметить мастерство Дестуниса-переводчика.

В том же 1883 г. Дестунис написал отзыв на выпущенные в Афинах два тома «Записок греческого исторического и этнографического общества»²⁵. В отзыве подробно говорится о бюллетенях этого общества, которое занималось собиранием и изданием исторических и этнографических материалов Греции периода средневековья и нового времени. Ученый касается и фольклора: анализирует статьи, посвященные сказкам, песням, преданиям. Дестунис пересказывает в своем обзоре некоторые критские поверия, песни, двустишия. Такое подробное описание ценно тем, что позволяет судить о состоянии изучения этнографии и фольклора в Греции.

В конце XIX — начале XX в. публикует свои исследования по славянскому фольклору в сравнении с западноевропейским и новогреческим профессор Варшавского университета И. П. Созонович. В обширном труде «Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче»²⁶ Созонович попытался привести к общей

²³ Рец. А. Н. Веселовского на труд Г. Дестуниса «Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода» см.: ЖМНП, 1884, ч. CCXXXIV, июль.

²⁴ Дестунис Г. С. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода: Опыт переводного и объяснительного сборника Гавриила Дестуниса. СПб., 1883. В этот сборник были включены и ранее вышедшие исследования Дестуниса.

²⁵ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς Εταιρίας τῆς Ἑλλάδος, τ. 1—2, Ἀθῆναι, 1883. Отзыв см.: ЖМНП, 1884, ч. CCXXXIV, июль.

²⁶ Созонович И. П. Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. Варшава, 1886.

формуле разнообразные фольклорные варианты так называемого странствующего мотива о девушке-воине, последовательно восстанавливая историю развития этого сюжета. Автор приходит к заключению о «несомненном происхождении разнообразных греческих песен (этого типа) от болгарских». В этой и других работах Созонович явно преувеличивает воздействие славянских элементов на новогреческий фольклор. Несомненное взаимодействие в сходных исторических условиях новогреческого и славянского фольклоров, а также родственных народно-освободительных движений в форме движения клефтов и гайдучества Созонович подменяет тезисом о якобы славянском происхождении значительной части клефтических отрядов и, вследствие этого, многих сюжетов клефтического фольклора. Именно к такому выводу можно прийти, ознакомившись, например, с трудом Созоновича «Славяне в Морее»²⁷. Эта статья была написана в связи с дискуссией по вопросу о присутствии славян в Греции. Несмотря на недостаточную обоснованность многих положений Созоновича, данные, приведенные им о славянских поселениях на Пелопоннесе и в материковой Греции и о явных славянизмах в обычаях и фольклоре современных греков, тем не менее представляют большой интерес и заслуживают нового осмысливания.

Значительное по объему исследование Созоновича «К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию»²⁸ состоит из двух крупных глав: «Поэтический мотив о женихе-мертвеце и о брате-мертвеце» и «Поэтический мотив о внезапном возвращении мужа». Первая глава начинается анализом работ Вольнера, Психариса, Политиса, Беселовского, Дестуниса и других в связи с дискуссией о генеалогических отношениях греческих, сербских, болгарских, албанских, немецких и южнорусских вариантов сюжета о брате- или женихе-мертвеце. В разделе, посвященном новогреческим вариантам этого сюжета, Созонович подробно разбирает 17 греческих песен. Во второй главе, в разделе «Песни албанские, новогреческие и русские», автор анализирует, помимо других, шесть греческих вариантов сюжета о внезапном возвращении мужа.

Для каждого, кто интересуется новогреческим фольклором, представит интерес обзор Созоновича «Изучения новогреческой народной поэзии»²⁹. В нем Созонович кратко знакомит с основными сборниками (всего 20 названий) песен современных греков, вышедших в период с 1825 по 1886 г., а также приводит названия греческих периодических изданий, в которых печатались народные песни. В предисловии к обзору Созонович сооб-

²⁷ Созонович И. П. Славяне в Морее.— Варшавские университетские известия, 1887, № 1/2.

²⁸ Созонович И. П. К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию. Варшава, 1898.

²⁹ Созонович И. П. Изучения новогреческой народной поэзии. Варшава, 1888.

щает о первых фольклористических обществах Греции и их периодических изданиях, а также дает характеристику новогреческой народной поэзии в целом.

Со времени выхода в свет работ Веселовского, Дестуниса и Созоновича прошло не одно десятилетие, но изучение новогреческого народного поэтического творчества продвигалось медленно³⁰.

В 1957 г. в Москве вышел сборник переводов В. Нейштадта «Греческие народные песни» с обширными комментариями составителя и его же послесловием «Греческая народная песня в русских переводах». Предисловие к сборнику написал Ян尼斯 Ставридис. Это — небольшой очерк о роли, которую играла народная героическая песня в период Сопротивления фашизму в Греции. В нем также дано не совсем полное, но в основном верное жанровое деление греческого песенного фольклора. Большая заслуга В. Нейштадта состоит в том, что он впервые издал на русском языке такое значительное количество греческих народных песен, познакомив советского читателя со всем жанровым разнообразием поэтического творчества греков (в сборник включены 7 акритских, 16 исторических, 49 kleftских, 18 баллад, 20 лирических песен, а также обрядовые песни зимнего и весеннего циклов, колыбельные, свадебные, плачи, песни о чужбине и песни периода Сопротивления 1941—1945 гг.). Переводы выполнены в размере подлинников, но, к сожалению, не всегда точно соответствуют оригиналам.

Ознакомившись с трудами по новогреческому фольклору, опубликованными в нашей стране, можно сделать вывод о настоятельной необходимости систематического изучения советскими учеными устного народного творчества новой Греции. Новогреческий фольклор в целом, а новогреческая песня в частности могут дать много интересного материала для сопоставительных изучений фольклорных систем разных народов.

³⁰ Этого нельзя сказать об изучении народной культуры средневековой Греции. См., например: Гацак В. М. Из ранней истории эпоса Юго-Восточной Европы.— В кн.: Фолклористикэ ши фолклор. Кишинэу: АПР РССМ, 1970. п. 118—127; а также: Попова Т. В. Византийский народный и книжный эпос.— В кн.: Византийская литература. М.: Наука, 1974, с. 77—121.

К проблеме балканализмов в работах А. М. Селищева

М. В. НИКУЛИНА

Имя замечательного советского филолога, профессора Московского университета А. М. Селищева хорошо известно не только ученым, занимающимся славистикой, но и балканистам.

Уже в первой своей работе, посвященной характеристики говоров Македонии («Очерки по македонской диалектологии»)¹, он затронул как частные, так и общие проблемы балканистики. Принципиально важным и новым для решения проблем македонской диалектологии было привлечение Селищевым материала соседних неславянских языков и диалектов: албанского, новогреческого, румынского (аромунского), в некоторых случаях — турецкого. Исследуя общие тенденции развития македонских говоров (к ним он относит общий характер изменений *Q, судьбу вторичного ъ перед конечным -T, особенности падежной системы и др.), он останавливается на общих чертах как славянских, так и неславянских языков восточнобалканского ареала. Такие черты Селищев отмечает и в фонетике, и в грамматическом строе. Так, процесс образования *m̄, n̄, r̄, l̄* при утрате гласного, находившегося при согласных *m, n, r, l*, а затем развития вторичных гласных при слоговых *m, n, r, l* известен и греческому, и албанскому языкам². Судьба *ch* в македонских говорах в результате изменения артикуляции в зависимости от различного положения в слове (в начале, середине или конце), а также от предшествующих или последующих звуков (гласных или согласных) тождественна судьбе глухого фрикативного *h* в албанских говорах: «В начале слова, между гласными и в конце слова *h* совсем утрачено многим говорами, преимущественно тосков и южных гегов. В конце слова и перед согласным *h'* — заменилось посредством *f*, в особенности после *o, u*; но эта замена не проведена последовательно: *šof* (*šoh*) — «вижу», *n'of* (*n'oh*) — «знаю»; но только *krah* — «рука», *kra'e* — тоск. мн., *vlah* ← *vle* ← *vlee* ← *vlé'e* ← *vlehe*. *i lefte* вместо *i lehte* — «легкий»³. Этот процесс шел и в аромунских говорах. Развитие аффрикат *dz* вместо *z*, *c* вместо *s*, *č* вместо *š* также известно не только македонским, но и албанским говорам (преимущественно говорам тосков): *dzverk* (*zverk*) — «затылок», *pelcás* (*pělsás*) — «трескаюсь», *kurcim* (*kursim*) — «бережливость», *čragój* (*spagoj*) — «заплатить», *hapča* (*hapša*) — оптатив от *hap* — «открываю». Утрата согласных между гласными (в македонских *d, t* в некоторых корневых сочетаниях типа *klad-, glēd-, vad-, jad-* (*ěd-), chod-, dad-, id-*) произошла и в албанском языке, где она захватила все звонкие взрывные: —

¹ Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918. Т. 1.

² Селищев А. М. Очерки..., с. 63.

³ Селищев А. М. Очерки..., с. 125—126.

бē ← * bēda (ср. слав. bēda), dra ← * draga; в греческом произошла утрата согласных γ, γ между гласными, в романских — утрата g⁴.

Судьбу l — эпентетикум неначальных слогов в македонских говорах (замена l — er. сочетанием губного + ie) подтверждают данные албанского языка, где l' перешел в j и только в немногих говорах тосков он сохранил свое образование плавного: l'erur — «заяц». В говорах гегов l произносился с участием губной артикуляции. Плавный l (при l и l') известен некоторым аромунским говорам, граничащим с албанскими. Влиянию последних и обязано появление l (или l') у этих аромун. В работе Селищева имеется указание и на восточнобалканскую тенденцию изменения *tj, *dj → k, g → k', g'⁵.

Отмечая такие особенности грамматических систем восточно-балканских языков, как общие черты в характере склонения (утрата ряда падежных форм, распространение формы в. п. за счет других форм косвенных падежей, в особенности в сочетаниях с предлогом, омонимия р. п. и д. п. и др.), Селищев называет факторы фонетические, морфологические, даже психологические, которые могли бы содействовать этому явлению.

Большое число общих черт свойственно и системе местоимений. Например, распространенной грамматической чертой (новообразованием) является замена притяжательного местоимения краткой (конъюнктной) формой д. п.—р. п. личного местоимения в македонских говорах, греческом, румынском, албанском языках⁶. Постпозитивные членные формы имен и местоимений (в македонских говорах -ot, -ta, -to, -te, -ta) известны и в албанском, и в румынском языках. Селищев указывает на процесс «переразложения», состоявший в отнесении формальных принадлежностей членной формы (постпозитивной) к форме имени (или местоимения), в растворении этой принадлежности в форме имени (или местоимения) с утратой значения, свойственного этой принадлежности в романских языках, а также македонских, албанских и греческих диалектах (например, албанское tjater[ε], tjetrë — «другой», вместо te — játerë, te — jetrë)⁷.

Важной чертой, характерной для балканских языков, является утрата инфинитива и замена его описательной конъюнктивной конструкцией (в македон. говорах — да или за да + форма настоящего времени)⁸. В объяснении причин или источника этого явления Селищев не приходит к окончательному выводу. При отсутствии необходимых материалов, обстоятельных исторических грамматик

⁴ Селищев А. М. Очерки..., с. 160, 166—167.

⁵ Селищев А. М. Очерки..., с. 157, 143—146. Ср.: Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968, с. 187—209, 255—259.

⁶ Селищев А. М. Очерки..., с. 201—203.

⁷ Селищев А. М. Очерки..., с. 206—210.

⁸ Селищев А. М. Очерки..., с. 234—237.

албанского и румынского языков, исчерпывающих диалектологических исследований, пишет Селищев, нельзя говорить о «сравнительной древности аналогичных явлений в греч., алб. и румын. говорах» и указывать на «примат того или иного языка в этом отношении. Если и не вскрыта до сих пор основная причина, вызвавшая утрату формы инфинитива и сходную замену ее в восточно-балканских языках, то все же замечательный параллелизм в судьбе инфинитива в этих языках заставляет предполагать, что этот параллелизм находился в зависимости от какой-то одной или одинаковой для всех восточно-балканских языков причины»⁹. Селищев отмечает балканские параллели в употреблении двойных форм для *в. п.* — *д. п.* прилагольного дополнения, употреблении и образовании союзов, наречий, предлогов (например, он приводит восемь категорий употребления предлога *от* + форма имени в македонских говорах: исходный пункт действия, времени, удаление, происхождение и т. п.). Для шести категорий в новогреческом, румынском, албанском, аромунском языках (диалектах) имеются параллели¹⁰. Такое количество негенетически общих элементов грамматического строя сравниваемых языков привело Селищева к выводу о существовании специфической ареально-лингвистической балканской общности. «Длинный ряд параллелей... распространяющихся иногда и на детали того или иного языкового явления, — писал он, — наталкивает на мысль о связи между восточно-балканскими языками в переживавшихся явлениях (— не определяем времени и вида этой связи)»¹¹. Такой параллелизм должен иметь «общую причину своего происхождения», которую Селищев видит во взаимовлиянии и взаимодействии языков¹².

Обобщением результатов исследования общих особенностей восточно-балканских языков, проделанного Селищевым в «Очерках», явилась статья «Общие черты в балканских языках: об одном древнем балканизме в болгарском» (1925)¹³. Коротко охарактеризовав условия исторического развития балканских народов в первые века н. э. (роль греческой и римской цивилизаций), Селищев указывает на разнообразие и интенсивность взаимоотношений славян, утвердившихся в VI—VII вв. на Балканском полуострове, с потомками иллирийцев, фракийцев, романцев. Эти отношения (в сфере быта, религии, политической организации) приводили к определенному взаимовлиянию, в ряде случаев ассимиляции или растворению одной этнической группы в другой, способствовали

⁹ Селищев А. М. Очерки..., с. 235.

¹⁰ Селищев А. М. Очерки..., с. 244—259.

¹¹ Селищев А. М. Очерки..., с. 181—182.

¹² Селищев А. М. Очерки..., с. 280. Ср.: *Бернштейн С. Б. А. М. Селищев — балкановед*.— Доклады и сообщения филологического фак-та. Вып. 4. МГУ, 1947, с. 17.

¹³ Seliščev A. Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques: un balkanisme ancien en Bulgare.— Revue des Etudes slaves, t. V, N 1/2, p. 38—57.

тесному контактированию языков и создавали условия для возникновения общих черт в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике. Селищев отмечает также специфику турецкого воздействия на балканские языки (в связи с турецкими завоеваниями на Балканах в XIV—XV вв.), выразившуюся в том, что в этих языках в условиях билингвизма появился пласт идентичных заимствований из турецкого не только в лексике (бытовой, административной, политической), но и в словообразовании — суфф. *dži*, *-lek* (*-lъk*, *-lik*, *-lok*, *-luk*), *-li* стали продуктивными в системах балканских языков¹⁴.

Под влиянием славянских языков возник также ряд общих изменений в языке албанцев, греков, восточных романцев. В качестве примера Селищев приводит славянский суффикс *-ica*, ставший продуктивным в этих языках. В то же время суффикс греческого аориста *-s* утвердился в болгарском, албанском, румынском языках¹⁵.

Переходя к собственно балканским, Селищев, используя материал болгарского, македонского, греческого, албанского, аромунского языков (диалектов), подразделяет их на три группы: 1) семантические, 2) синтаксические и морфологические, 3) фонетические.

Для первой группы он дает лишь несколько примеров семантических параллелей в этих языках: *vek* «век», «мир», «свет»; *книга* «книга, письмо, буква»; *петь книгу* «читать книгу». Более многочисленна группа синтаксических и морфологических балканализмов: 1) удвоение прилагательного дополнения (*в. п. и д. п.*); 2) именные повторы — удвоение существительного, обычно в *в. п.* для выражения расчлененного множества (группы, последовательности). Этот балканализм Селищев рассматривает наиболее подробно, привлекая параллели из армянского языка и санскрита. Появление его он относит к XI—XII вв.; 3) употребление одного слова для значений «где» и «куда»; 4) широкое употребление сослагательного наклонения; 5) утрата инфинитива, замена его союзом и личной формой глагола; 6) широкое употребление предлога *для* при сослагательном наклонении для обозначения цели, намерения, желания; 7) употребление постпозиционного артикля (обозначение категории определенности — неопределенности); 8) утрата ряда падежных форм в одних и тех же условиях (расширение функции *в. п.*, омонимия *р. п.—д. п.*); 9) утрата форм футурума и замена их формами настоящего времени действительного залога глагола *хотеть* во вспомогательной функции и инфинитива данного глагола, инфинитив заменяется конъюнктивом (с потерей союза *да*), а глагол *хотеть* — неизменяемой глагольной частицей; 10) употребление кратких энклитических

¹⁴ Seliščev A. Des traits..., p. 40—41.

¹⁵ Seliščev A. Des traits..., p. 41—42.

ских форм личных местоимений (*д.п.—р.п.*) в значении притяжательных после существительных.

Из фонетических балканализмов Селищев называет уже упоминавшиеся в «Очерках» закономерности (в судьбах *l*-эпентетикум; *ch>h>c*; в процессе развития вторичных гласных при слоговых *m*, *n*, *r*, *l* и др.)¹⁶. Таким образом, занимаясь вопросами языкового смешения в Македонии, Селищев закономерно пришел к проблеме балканализмов, общих языковых особенностей, не только лексических, но и структурных, появившихся в результате взаимодействия языков, смежных по территории. Не занимаясь специально вопросами происхождения балканализмов, Селищев лишь намечает перспективы их изучения.

Труды Селищева, посвященные изучению языка населения Македонии, Албании, Болгарии, явились ценным вкладом в балканистику, в то время еще молодую науку, и получили высокую оценку специалистов (Ст. Младенова, Х. Вакарельского, М. Попруженко, Л. Милетича, Л. Болье и др.). В работах Селищева современного исследователя привлекают фундаментальность, многообразие материала, его систематизация и обобщение.

Большой методологический интерес представляет подход Селищева к проблеме балканализмов. «Лингвист,— пишет Селищев,— как и историк культуры, должен отдавать себе отчет в отнопениях, которые установились между соседними народами для того, чтобы дать объяснение фактов культуры и языка»¹⁷. Вследствие «тесных культурных и лингвистических связей, которые существовали между различными балканскими народами,— указывает он далее,— стало возможным существование многочисленных общих «феноменов» (т. е. балканализмов, по терминологии Селищева.— *M. H.*), относящихся к культуре и языку и вошедших в традицию каждой группы славянского, албанского, румынского и греческого населения»¹⁸. В своих работах Селищев стремился как можно глубже показать эти связи и взаимодействие славянских языков и носителей этих языков с другими этническими группами балканского ареала, т. е. рассматривал языковые процессы в их исторической перспективе и конкретной культурно-общественной обстановке.

Предложенный Селищевым метод всестороннего комплексного изучения языковой ситуации, сложившейся в каком-то определенном регионе, с учетом всех результатов социально-исторических и этнических отношений различных групп населения в этом районе на протяжении длительного времени, дает возможность системного исследования балканализмов в их конкретном функционировании, а также истории их образования и развития.

¹⁶ *Seliščev A. Des traits..., p. 49—50.*

¹⁷ *Seliščev A. Des traits..., p. 39.*

¹⁸ *Seliščev A. Des traits..., p. 43.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ
«ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И СЛАВЯНСКИЙ МИР»
И ЗАСЕДАНИЕ БЮРО МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

24—29 января 1978 г. в Москве и Киеве под эгидой Ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, Ассоциации по изучению и распространению славянских культур и балканской секции Национального комитета историков СССР проходил международный коллоквиум «Византийская культура и славянский мир». В нем приняли участие представители СССР, Болгарии, Румынии, Югославии, ГДР, Чехословакии, Греции, Франции, Италии и ФРГ.

Коллоквиум был открыт председателем Ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы профессором Н. Тодоровым (Болгария). Во вступительном слове академик Б. А. Рыбаков затронул историю славяно-византийских культурных связей (V—XV вв.). Византия, подчеркнул он, была университетом для славянских народов. Ее культура, особенно на раннем этапе, несла великие традиции античности и эллинизма. Освоив их, славяне, однако, творили собственную самобытную культуру. Византийская и славянская культуры находились в постоянном взаимодействии, и славяне сумели внести в культуру византийского ареала большой вклад.

Первым с докладом выступил известный историк византийского искусства, председатель комиссии по истории искусства Ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы профессор М. Хаджидакис (Греция). Доклад он посвятил художественным связям Греции и России в XVII в. Особое внимание профессор Хаджидакис уделил вопросу о греческих образцах, использовавшихся русскими живописцами. Исключительное внимание привлек к себе доклад чл.-кор. АН СССР В. Л. Янина «Художественная мастерская византийского живописца в Новгороде конца XII в.» Остатки этой мастерской и несколько берестяных грамот были обнаружены в ходе археологических раскопок в 1973—1977 гг. Из берестяных грамот мы узнаем о заказах, которые получал владелец мастерской Алексей Гречин. Такие документы являются уникальными в истории древнерусского искусства и вместе с тем проливают свет на развитие русско-византийских художественных связей в XII в.

Профессор В. М. Полевой (СССР) посвятил свой доклад поздневизантийской, греческой и балканской художественной культуре. В нем он главным образом на архитектурном материале затронул очень важный и все еще малоисследованный вопрос о соотношении собственно греческого и византий-

ского искусства и об особенностях архитектуры балканского региона по сравнению с западноевропейской.

Профессор В. Тыпкова-Заимова (Болгария) рассмотрела в своем докладе проблемы иконографии Дмитрия Солунского в связи с византийскими и славянскими историческими и литературными памятниками, раскрыла интересные в методическом отношении аспекты использования иконографического материала как исторического источника.

Проблемам изучения монументальной живописи было посвящено вечернее заседание первого дня работы коллоквиума. Профессор Л. Вранусис (Греция) предложил внимание участников симпозиума вопрос о влиянии апокрифической литературы на иконографию в поствизантийском искусстве.

А. И. Рогов (СССР) в своем докладе «Балканские традиции в монументальной живописи восточных славян XIV—XVI вв.» сосредоточил свое внимание на проблеме творческого усвоения этих традиций, а также на региональных особенностях их претворения (Москва в сравнении с Новгородом и Псковом и т. п.). В докладе были использованы не только русские памятники, но и малоизвестные украинские и белорусские фрески.

Византийская традиция в сербском искусстве XVIII в. была рассмотрена в докладе профессора С. Петковича (Югославия). Особенный интерес в связи с этим вызвала поставленная проблема соотношения византийского искусства и эстетических идеалов барокко на примере сербских памятников.

Ктиторским портретам было посвящено два доклада: Р. Теодореску (Румыния) и К. Паскалевой (Болгария). В них было прослежено нарастание светских элементов в средневековой живописи Молдавского княжества и Болгарии.

Второй день коллоквиума был посвящен более широкой историко-культурной проблематике. С. С. Аверинцев (СССР) проанализировал основные поэтические принципы ранневизантийской литературы. Их отражение в литературе славян стало основной мыслью доклада Эры Вранусис (Греция). В центре ее внимания было слово Никифора Фоки и несколько параллельных текстов. В историко-культурном аспекте были построены и два доклада, посвященные памятникам архитектуры. Профессор К. Онаш (ГДР) проанализировал эстетические основы строительной программы Софии Охридской и Софии Киевской, а профессор П. Милонас (Греция) рассмотрел памятники афонской архитектуры (греческих и славянских монастырей) в связи со сведениями о них Григоровича-Барского.

Доклад В. Гроховой (Чехословакия) был посвящен византийским традициям в культуре славянских народов. В. Д. Лихачева (СССР) говорила в своем докладе о византийской миниатюре XIV в. Несколько выделялся по тематике доклад профессора Е. Арвайер (Франция) «Понятие императора и империи в поствизантийском мире», но и он был связан с проблемой рецепции византийской культуры, в данном случае правовых и государственных идей, в славянском мире.

В целом коллоквиум можно считать важным этапом в изучении истории культуры Юго-Восточной Европы, в особенности в плане культурного взаимодействия народов этого региона. Во время проведения коллоквиума состоялось несколько заседаний бюро Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы. Главным предметом обсуждения явилась подготовка к IV конгрессу Ассоциации (Турция, 1979 г.).

А. И. Рогов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИ — Балканские исследования
БИС — Балканский исторический сборник. Кишинев
БЛС — Балканский лингвистический сборник
ВВ — Византийский временник
ВВИ — Вопросы всеобщей истории. Красноярск
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИС — Вопросы истории славян. Воронеж
ВЛ — Вопросы литературы
ВМУ — Вестник Московского университета
ВЯ — Вопросы языкоznания
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ — Исторические записки
.ИЛ — Иностранная литература
ИС — История СССР
КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ННИ — Новая и новейшая история
СА — Славянский архив
СБЯ — Славянское и балканское языкоznание
Сл. сб.— Славянский сборник. Воронеж
ССЛ — Советское славяноведение
СЭ — Советская этнография
УЗИС — Ученые записки Института славяноведения

SUMMARIES

Ye. P. Naumov. The Balkan Middle Ages

The author assesses researches by Soviet historians devoted to the Middle Ages in the Balkan states (Bulgaria, Serbia, Wallachia, Albania, Bosnia, Croatia, Moldavia etc.). Reviewing the elucidation of the problem in Soviet historiography and noting considerable achievements made in the study of certain questions, the author maps out concrete tasks and ways of further research into the Balkan Middle Ages.

K. L. Strukova. The National-Liberation Movement of the Balkan Peoples

The article reviews Soviet historiography of the post-war period dealing, either directly or indirectly, with the national-liberation movement of the Balkan peoples and the formation of national states in the Balkans. The author singles out the main directions of research: the general and the particular in the social and economic development of the Balkan lands in the late 18th through the early 20th centuries, the process of the formation of classes in the new bourgeois society, national ideology, political programmes and ways of attaining national independence. Problems encountered in the study of individual countries and periods are noted.

S. I. Bochkareva, Ye. K. Vyazemskaya. Russia and the Balkans in the 18th — early 20th Centuries (Historiographic Survey)

The article reviews Soviet post-war historiography on the problem of Russia and the Balkans, involving the questions of the policy of tsarist Russia to the Ottoman Empire, the positions of various circles of Russian society to the events in the Balkans, and public, revolutionary, cultural and scientific relations between Russia and the Balkan countries. Covering the period between 1774 and 1917, the authors show the study of Russia's Balkan policy and Russian — Balkan relations by Soviet historiography and the degree to which individual aspects of this major problem have been explored.

M. D. Yeresshchenko. The Workers' and Communist Movement in the Balkans in the Period Between the Two World Wars

The review provides an analysis of Soviet historiographic works of the 1970s devoted to the revolutionary-liberation movement in the Balkan countries. Major historiographic problems in this context are: the importance of the Great October Socialist Revolution for the workers' movement, the revolution's impact on the revolutionary upsurge, and the creation of the Communist Parties in the Balkans. The next stage of the workers' and communist movement is associated with the struggle for setting up an anti-fascist popular front in South-East Europe in the 1930s.

A. V. Antosyak, O. N. Reshetnikova, V. Ye. Romanov, G. M. Slavin. The Anti-Fascist Liberation Struggle of the Balkan Peoples

The article reviews Soviet works of the past twenty years dealing with the liberation struggle of the peoples in the Balkan countries (Yugoslavia, Romania, Bulgaria, Albania and Greece) against Nazism in World War II, and considers the Soviet Union's all-round support of the Balkan nations in their struggle for freedom and independence.

S. V. Vasilyev, I. S. Pimonenko, T. A. Pokivaylova, O. N. Reshetnikova. Some Problems of the Social and Political Development of Bulgaria, Romania, Yugoslavia and Albania in the Post-War Period

The article provides an analysis of Soviet works on the post-war social and political development of Bulgaria, Romania, Yugoslavia and Albania, and considers the study of concrete historic and general problems of the advancement of the European socialist countries. The authors reveal the degree to which Soviet historiography has explored the basic problems of the popular democratic revolutions and socialist construction. The article shows that in the context of the post-war development of the Balkan countries Soviet historiography has advanced from the study of individual countries to a comparative historic study.

Yu. A. Petrosyan. The Study of Turkish History and History of Culture in the USSR (1960 s – 1970 s)

Describing the last two decades as the period of the most fruitful study by Soviet scholars of the Turkish history and history of culture, the author reviews general and specific researches and considers the basic aspects of the works of Soviet specialists on Turkey: ethnogenesis of the Turkish nation, refor-

matory and national-liberation movements, history of economics, international relations of the Ottoman Empire and Soviet-Turkish relations, history of the social and political thought, culture and education in the modern and contemporary periods, etc.

Ye. P. Lvova. Some Aspects of the Cultural Development of the Balkan Peoples in XVIII—XIXth Centuries in Soviet Research

The article shows ways used by Soviet scholars to study the history of culture of the Balkan peoples. The author dwells on a comprehensive study of various types and forms of culture of the Balkan peoples in the epoch when nations were formed, the degree to which various types of culture have been studied, and the successes scored by literary and art critics and historians in the field of education and theatre. The article imposes a number of problems characteristic of the culture of the 18th — 19th centuries and methods of its study.

Yu. V. Ivanova. Ethnographic Balkan Studies in the USSR

The article reviews Soviet ethnographic activity since the late 1940s till nowadays. The author describes general and specific researches into the ethnography of the Balkan peoples, pays much attention to the ethnographic study of the present-day life, notes the contribution of Soviet scholars to comparative and typological studies (experience of typologization of the rural abode and study of the traditions of the Balkan peoples), and considers the results of researches into the ethno-genetic processes in South-East Europe, family and communal traditions of the peoples of that region, etc.

T. G. Bitkova, R. F. Doronina, V. I. Zlydnev, S. B. Ilyinskaya, G. L. Mankovskaya, M. V. Fridman. The Study of the Literatures of the Balkan Countries in the Soviet Union

The review is an attempt to pool the results of literary researches in the Soviet Union concerning Romania, Bulgaria, Yugoslavia, Albania and Greece in the last two decades. The researches were carried out taking into account the importance of an in-depth description of individual aspects of the literary process with its comprehensive study. This made it possible to define better the specificity of each country's development and the peculiarities and typologies common for the entire region. Soviet scholars concentrate in the main on the key problems of the development of the region's literature. The review shows a considerable variety of research methods used by the scholars.

T. V. Tsivyan. Linguistic Balkan Studies in the USSR (Modern Balkan Languages)

The article traces the linguistic Balkan studies in the Soviet Union from their origin till nowadays and maps out the basic theoretical aspects and tendencies of their development. The author enumerates the centres of Balkan studies and their publications and provides a general description of numerous works in different fields of present-day Balkan linguistics.

S. B. Bernstein. Turkic Studies on the Balkans in the USSR

The author determines the place of Turkic studies on the Balkans in Turkic linguistic studies in general. Particular mention is paid to the works by N. K. Dmitriyev, one of the first national researchers in the area. The article gives special attention to Gagauzy studies (their scientific-theoretical and practical aspects), and considers the contribution of Soviet linguists to the study of pressing problems: contacts of the Turkic languages on the Balkan peninsula with the local Slav languages, the Turkish language and the «Balkan linguistic alliance», the Bulgar heritage in the Turkic — Balkan languages.

L. A. Gindin. Antique Balkan Studies in the USSR

The article reviews the national literature on antique Balkan studies. Having analyzed about 100 works, the author divides them into groups by directions of research: (1) replenishment and correction of the factual basis represented by sources; (2) restructuring of the root and lexical fund, phonetics, morpheme-suffix composition, etc., by languages; (3) determination of the areal and genetic status of individual relic Balkan languages; (4) specification of results and expansion of the material base by using the contemporary Balkan languages (retrospective approach); and, (5) entogenesis of the present-day Balkan peoples in the light of linguistic data of relic Balkan languages and information carried by antique and Byzantine written monuments, etc. The author concludes that the new branch of classical philology is in the stage of intensive and rather efficient development in this country.

Ye I. Demina. From the History of the Study of the New-Bulgarian Written Language in National Philology

The article considers the national tradition of studying the monuments of the New-Bulgarian written language, which reflect the democratization of literature and creation of the folk-based literary language, and traces the study of the problem, from the first data on the New-Bulgarian written language (Yu. I. Ve-

nelin, V. I. Grigorovich, V. I. Lamansky and I. I. Sreznevsky) to the works by Soviet philologists.

N. L. Ruchkina. The Study of New-Greek Folk Songs in Our Country

The article considers the study of New-Greek folk songs from the 1820s (N. I. Gnedich) to nowadays. The author analyzes Greek songs published in Russia and commentaries to them. Particular mention is made of N. G. Chernyshevsky's assessment of Greek songs from the revolutionary-democratic positions. The author dwells on the works by A. N. Veselovsky, G. S. Destunis and I. P. Sozonovich, and deals with the present-day study of the problem and its prospects.

M. V. Nikulina. To the problem of Balkanisms in the Works by A. M. Selishchev.

The article is devoted to the scientific heritage of A. M. Selishchev (1886—1942), a well-known Soviet philologist who gave much attention to Balkan problems: contacts between the Slav and non-Slav languages of the East-Balkan areal, common trends in the development of these languages, common non-genetic elements (Balkanisms) of their grammatic systems.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Г. Л. Арш)	3
БАЛКАНИСТИКА В СССР	
<i>Е. П. Наумов.</i> Балканское средневековье	6
<i>К. Л. Струкова.</i> Проблема национально-освободительного движения балканских народов	21
<i>С. И. Бочкарёва, Е. К. Вяземская.</i> Россия и Балканы в XVIII — начале XX вв.	41
<i>М. Д. Ерешенко.</i> История рабочего и коммунистического движения на Балканах в межвоенный период	79
<i>А. В. Антосяк, О. Н. Решетникова, В. Е. Романов, Г. М. Славин.</i> Освободительная борьба народов балканских стран против фашизма	92
<i>С. В. Васильев, И. С. Пимоненко, Т. А. Покивайлова, О. Н. Решетникова.</i> Некоторые проблемы социально-политического развития Болгарии, Румынии, Югославии и Албании в послевоенный период	120
<i>Ю. А. Петросян.</i> Изучение истории и истории культуры Турции (60—70-е годы)	142
<i>Е. П. Львова.</i> Некоторые вопросы культуры балканских народов XVIII—XIX вв. в трудах советских ученых	153
<i>Ю. В. Иванова.</i> Балканская этнография в СССР	164
<i>Т. Г. Биткова, Р. Ф. Доронина, В. И. Злыднев, С. Б. Ильинская, Г. Л. Маньковская, М. В. Фридман.</i> Исследование литератур балканских стран в Советском Союзе	184
<i>Т. В. Цивьян.</i> Лингвистическая балканистика в СССР (Современные балканские языки)	208
<i>С. Б. Бернштейн.</i> Балканская тюркология в СССР	222
<i>Л. А. Гиндин.</i> Античная балканистика в СССР	231
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАЛКАНСКИХ СТРАН В РОССИИ И СССР	
<i>Е. И. Демина.</i> Об изучении новоболгарской письменности в отечественной филологии	246
<i>Н. Л. Ручкина.</i> Изучение новогреческого песенного фольклора в нашей стране	260
<i>М. В. Никулина.</i> К проблеме балканлизмов в работах А. М. Селищева	269
ХРОНИКА	
<i>Международный коллоквиум «Византийская культура и славянский мир» и заседание бюро Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (А. И. Рогов)</i>	274
<i>Список сокращений</i>	276
<i>Summaries</i>	277

CONTENTS

Foreword (by G. L. Arsh)	3
------------------------------------	---

BALKAN STUDIES IN THE USSR

<i>Ye. P. Naumov.</i> The Balkan Middle Ages	6
<i>K. L. Strukova.</i> The National-Liberation Movement of the Balkan Peoples	21
<i>S. I. Bochkareva, Ye. K. Vyazemskaya.</i> Russia and the Balkans in the 18th — early 20th Centuries	41
<i>M. D. Yereshchenko.</i> The Workers' and Communist Movement in the Balkans in the Period Between the Two World Wars	79
<i>A. V. Antosyak, O. N. Reshetnikova, V. Ye. Romanov, G. M. Slavin.</i> The Anti-Fascist Liberation Struggle of the Balkan Peoples	92
<i>S. V. Vasilyev, I. S. Pimonenko, T. A. Pokivaylova, O. N. Reshetnikova.</i> Some Problems of the Social and Political Development of Bulgaria, Romania, Yugoslavia and Albania in the Post-War Period	120
<i>Yu. A. Petrosyan.</i> The Study of Turkish History and History of Culture in the USSR (1960 s — 1970 s)	142
<i>Ye. P. Lvova.</i> Some aspects of the cultural development of the Balkan Peoples in XVIII—XIXth centuries in Soviet Research	153
<i>Yu. V. Ivanova.</i> Ethnographic Balkan Studies in the USSR	164
<i>T. G. Bitkova, R. F. Doronina, V. I. Zlydnev, S. V. Ilyinskaya, G. L. Mankovskaya, M. V. Fridman.</i> The Study of the Literatures of the Balkan Countries in the Soviet Union	184
<i>T. V. Tsivyan.</i> Linguistic Balkan Studies in the USSR (Modern Balkan Languages)	208
<i>S. B. Bernstein.</i> Turkic Studies on the Balkans in the USSR	222
<i>L. A. Gindin.</i> Antique Balkan Studies in the USSR	231

ON THE HISTORY OF BALKAN STUDIES IN RUSSIA AND IN THE USSR

<i>Ve. I. Demina.</i> From the History of the Study of the New-Bulgarian Written Language in National Philology	246
<i>N. L. Ruchkina.</i> The Study of New-Greek Folk Songs in Our Country	260
<i>M. V. Nikulina.</i> To the Problem of Balkanism in the Works by A. M. Selishchev	269

CHRONICLE

<i>International Symposium «The Byzantine Culture and the Slav World» (A. I. Rogov)</i>	274
<i>List of Abbreviations</i>	276
<i>Summaries</i>	277

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, Вып. 5

**Основные проблемы
балканистики в СССР**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства Г. В. Шелудько
Художественный редактор И. В. Рагина
Технический редактор С. Г. Тихомирова
Корректор Л. А. Султанова

ИБ № 15293

Сдано в набор 24.04.79.
Подписано к печати 12.06.79.
Т-08656. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 21,2
Тираж 1150 экз. Тип. зал. 1810
Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

2-504

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ